Игорь Бунич

Золото партии.

Историческая хроника

Часть 1. Нашествие

Владимир Ильич Ленин в своих страстных мечтах о мировой революции сознавал, что первым шагом к осуществлению этой мечты должен стать вооруженный захват какого-либо государства с его ресурсами, экономическим потенциалом и, естественно, с золотым запасом. Надо сказать, что при этом он вовсе не имел в виду Россию с ее вечным экономическим дефицитом, огромным государственным долгом и пустой казной. Ленин присматривался к Швейцарии, считая эту маленькую страну идеальной для осуществления своих планов мирового господства. Расположенная в центре Европы, многоязычная (готовый Интернационал!), опутавшая своими золотыми щупальцами весь мир через международную систему банков, именно Швейцария, по замыслу вождя, должна была стать той базой, откуда революция начнет победный марш по всей Европе, пробивая себе дорогу, как тараном, тысячами тонн швейцарского золота.

Специалисты считают, что «цюрихские» мечты Ленина были вызваны собственным безденежьем, поскольку после смерти матери денежные переводы из России перестали поступать, а зарабатывать себе на жизнь он не умел — что и вызвало у него обострение шизофрении со сладкими видениями, принимавшими вид бронированных сейфов швейцарских банков. Однако в лапы вождя пролетариата попала не Швейцария, а, к сожалению, Россия, быстро и эффективно превращенная в плацдарм для всемирной революции. Политика Ленина была простой, как и все гениальное. В основу ее, о чем Ильич не уставал повторять в своих бесчисленных речах, статьях, тезисах и записках, была положена провозглашенная в «Коммунистическом манифесте» К. Марксом основная идея

социализма, заключающаяся в том, что «рабочие не имеют отечества» а потому социалисты никогда и ни при каких обстоятельствах не должны защищать интересы государства. Подобная постановка вопроса мгновенно дала блестящие результаты. Сегодня мы, отбросив шелуху бредовых идеологических теорий и заклинаний, глядя на события с семидесятипятилетнего расстояния, возможно, впервые попытаемся простым и доступным языком объяснить, что произошло в России в октябре 1917 года. И тогда гораздо понятнее станет то, что произошло три четверти века спустя — в августе 1991…

А произошло тогда следующее. Воспользовавшись демократическим хаосом после свержения монархии, власть в стране захватила международная террористическая организация, финансируемая во имя собственного спасения Германией. Такого в истории человечества еще не было. И то, что это удалось, явилось для мира полной неожиданностью, не меньшей, впрочем, чем и для самих его участников — кучки разноплеменных авантюристов, собравшихся вокруг своего полубезумного лидера. Менее всего в свой успех верили именно они, а потому и вели себя соответственно. Держа наготове заграничные паспорта, готовые в любую минуту исчезнуть из России так же неожиданно, как они в ней и появились, большевики начали грабеж национального достояния страны, растаскивая его по темным углам и переправляя за границу Вначале это делалось торопливо и неумело. Никто не знал, удастся ли завтра продолжить разбой, а потому все, что можно, нужно было взять сегодня. Параллельно необходимо было избавиться от конкуренции со стороны уголовных элементов, не желавших делиться добычей с новой властью, чей лозунг «Грабь награбленное!» — нашел немедленный отклик у многомиллионной российской черни. Однако этот лозунг призывал к грабежам вовсе не их, в чем они быстро сумели убедиться, так как безжалостно расстреливались без суда и следствия на месте.

Новая власть, будучи лучше организованной и вооруженной бандой, совершенно не желала терять драгоценное время на какое-либо юридическое обоснование своих действий. Тем не менее, идеологическое обоснование было необходимо, и оно, родившись в безумно-гениальной больной голове вождя, своей беспредельной утопичностью ужаснула даже его ближайших сообщников. Все ценности, награбленные царизмом и эксплуататорами у парода, отбираются большевиками с единственной целью — распределить впоследствии их поровну среди всех трудящихся, освобожденных отныне от каких-либо видов эксплуатации. «Боже мой! — восклицал трусливо-наивный Бухарин, — неужели в это можно поверить?» — «Поверят, пся крев!» — успокаивал его Дзержинский, и его глаза наркотически блестели, как бриллианты, конфискованные для «диктатуры пролетариата».

Действительно, поверили! Возможно, потому, что вера в сказки, где добрый Иван-дурак, став царем, раздает всю свою казну и казну казненных бояр всему народу поровну, устраивая по этому случаю трехнедельный пир-горой, слишком глубоко жила в душе доброго, наивного и вечно обманываемого народа.

Тех же, кто в эту «сказку-липу» не поверил, расстреливали, топили в баржах, сжигали в церквях, травили газами в подвалах без суда и следствия. «Будьте образцово беспощадны! — учил Ильич. — Расстреливать, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты!». Массовые убийства, впервые в мире новаторски примененные большевиками против собственного народа, конечно, сыграли свою роль, дав возможность банде ублюдков удержать власть, и это поразило весь мир, легкомысленно предсказывавший неминуемое и скорое крушение кровавого режима. Мир просто не знал этих новых «большевистских» методов, а если и знал, то никогда бы не поверил, что подобные методы можно применить на практике в XX веке, да еще в стране, совсем недавно считавшей себя европейской.

Но страшнее чекистских пуль оказалась выпущенная большевиками бацилла всеобщего равенства. Именно она повлекла под знамена международных террористов многомиллионные российские массы, именно во имя всеобщего равенства осуществлялись бесчисленные экспроприации, конфискации, национализации, именно на ее алтарь приносились

неисчислимые жертвы, именно она позволила большевикам удержаться у власти, и именно из-за нее потерпели поражение их противники, пытавшиеся силой логики и разума остановить охватившее страну массовое безумие. Безумие большевизма — это болезнь что-то вроде бешенства нации; этот диагноз, к сожалению, социологи поставят слишком поздно, считая, что дальше должны уже работать психиатры. «Социализм — это идеология зависти», — еще в 1918 году определил Бердяев, но его, к счастью, никто не услышал, иначе бы уничтожили на месте. Бацилла бешенства или идеология зависти, или то и другое. Пусть ученые будущего разберутся, как на такую грубую приманку удалось поймать народы огромной страны, поверившие в возможность построения Царства Божьего на крови и разбое. Пока же народ, истекая кровью и кровавым потом, ждал, когда же его новые вожди начнут, наконец, раздавать захваченные богатства так, чтобы нарком и прачка получили свои одинаково равные доли, события развивались, как говорится, совсем по другому сценарию.

Мало кто понимает сегодня, что «созданное» в октябре 1918 года Лениным первое в мире Социалистическое государство рабочих и крестьян, было по сути своей германским протекторатом до самого крушения Германии, то есть до ноября 1918 года. Немцы, благодарные Ленину за развал Восточного фронта, а равно и за последующий развал Российской империи, обеспечивали новорожденному первенцу всех режимов военную и моральную поддержку. Немцы не только помогали миллионными субсидиями немецкого генштаба заговору большевиков против юной и наивной российской демократии, они приняли и непосредственное участие в октябрьском перевороте, обеспечив отрядами своих «военнопленных» оборону Петрограда от казаков генерала Краснова и руководя бомбардировкой и взятием московского Кремля.

Отблагодарив благодетелей Брестским миром, отдавшим под немецкую оккупацию чуть ли не половину европейской части бывшей Российской империи, Ленин получил взамен полную свободу рук на контролируемой его бандой территории. Однако они понятия не имели, сколько на этот контроль отпущено времени. Немцы постепенно начинали понимать, что за компанию они привели к власти в России, с ужасом взирая на методы большевиков по внедрению обещанного счастья попавшему под их гнет населению, и стали подумывать, а не заменить ли этот страшный режим каким-нибудь другим, поприличнее. В принципе, это сделать было очень легко: от 48 до 72 часов требовалось немецким войскам для оккупации Петрограда и Москвы. Однако, получив неслыханный подарок в виде Брестского договора, который им не снился даже в самом прекрасном сне, ведя переговоры с представителями различных политических группировок добольшевистской России, с уцелевшими членами императорского дома, Временного правительства и генералитета и предлагая свою помощь в свержении большевиков, немцы ставили единственное условие: подтверждение статей Брестского договора! Все с ужасом открещивались от этого условия, а немцы ни на какие уступки не шли. Одних губила жадность, других — честность.

Ленин знал о немецких интригах за своей спиной и нервничал, со страхом ожидая ежедневно, что немецкие штыки сбросят его со всероссийского трона так же быстро, как и возвели. Обстановка не позволяла терять времени, и надо отдать должное Ленину как «пахану» с железными нервами, который не дал сразу разбежаться умирающим от страха и впадающим в панику сообщникам из своего ближайшего окружения.

Позднее в искреннем частном письме Николай Бухарин с восторгом вспоминал: «Кто, как не Ленин, обокрав сначала эсеров, а потом и меньшевиков, стукнул им всем по голове, взял в руки дубинку и даже с нами разговаривал лишь после того, как он сам все решит. И мы молчали и подчинялись, и все, вопреки теории и программе, получалось великолепно!

Деникин под Тулой, мы укладывали чемоданы, в карманах уже лежали фальшивые паспорта и „пети-мети", причем я, большой любитель птиц, серьезно собирался в Аргентину

ловить попугаев. Но кто, как не Ленин, был совершенно спокоен и сказал, и предсказал: „Положение — хуже не бывало. Но нам всегда везло и будет везти!"»

Что же это за «пети-мети», которые большевики готовили к вывозу из страны, прокладывая маршруты аж до Аргентины?

Едва обосновавшись в Петрограде после переворота, когда немецкие «интернационалисты» еще окапывались на Пулковских высотах, а линейный корабль «Заря Свободы» (бывший «Император Александр II») стерег своими двенадцатидюймовками подступы к Петербургу с юга, Ленин, еще не зная, как обернется дело, с присущим ему цинизмом уже объявил «атаку красногвардейцев на капитал». Были разграблены дворцы, включая Зимний,[1] захвачены банки, ювелирные магазины, кассы крупных торговых предприятий, частные кассы взаимопомощи, банковские филиалы на заводах.

Не все поначалу получалось так гладко, как хотелось. Где-то еще отстреливалась вооруженная охрана, где-то оказывали сопротивление частные лица, где-то невозможно было найти сами хранилища золота и драгоценностей или ключи от сейфов, где-то, не думая о последствиях, отважно сопротивлялись безоружные банковские служащие и чиновники министерства финансов — люди, как правило, пожилые, ибо всю молодежь съела война. Но это было только вначале.

Отдышавшись, оглядевшись и поняв, что им никто всерьез не помешает и не окажет организованного сопротивления, большевики стали действовать более методично, но не менее целеустремленно. 13 ноября 1917 года Ленин отдает следующий приказ: «Служащие Государственного банка, отказавшиеся признать Правительство рабочих и крестьян — Совет Народных Комиссаров — и сдать дела по банку, должны быть арестованы. (Подписали) Председатель Совета Народных Комиссаров: Вл. Ульянов (Ленин); Секретарь Совета Народных Комиссаров: Н. Горбунов».

Сутью конфликта были два обстоятельства. Во-первых, нежелание банка открыть место своего хранилища золота, а во-вторых, невыполнение предписания Ленина немедленно открыть для него лицевой счет и перевести на него из активов банка пять миллионов золотых рублей с последующим востребованием на этот счет любых сумм без какого-либо права отказа. Деньги с этого счета мог снимать только сам Ленин или Горбунов. Вместе со служащими Государственного банка были схвачены сотрудники всех коммерческих и частных банков столицы.

Надо отдать должное мужеству простых русских финансовых служащих, чьи имена, по большей части, остались безвестными. Находясь под арестом и подвергаясь пыткам и издевательствам, они до конца боролись за создаваемую десятилетиями русскую финансовую систему, но ни один финансист в мире не может лично противостоять вооруженному разбою, организованному на самом высоком государственном уровне.

Полная безнаказанность и глобальная безответственность позволили расширить размах грабежа. В декабре объявляется о «национализации» Государственного банка России, а также об экспроприации всех частных и коммерческих банков. Дополнительным указом от 23 декабря 1917 года прекращаются платежи дивидендов по акциям и паям частных предприятий, а также все сделки с ценными бумагами. Все российские банки ликвидируются, банковское дело объявляется монополией партии в лице единого так называемого «народного банка». Представителям исполнительной власти на контролируемой большевиками территории «предоставляется право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения и государственного финансирования».

С ноября 1917 года началась конфискация «в пользу парода» промышленных предприятий. Она началась с конфискации Ликинской мануфактуры. 9 декабря 1917 года на заседании Совета Народных Комиссаров под председательством Ленина принято решение о

конфискации имущества Симского Акционерного общества горных заводов, 27 декабря принят указ о конфискации имущества акционерных обществ Сергинско-Уфалейского и Каштынского горных округов, аэропланного завода Антара и о переходе Путиловского завода в собственность «народа». Разграбление национального достояния страны шло быстро, с возрастающей эффективностью и не ограничивалось уровнем крупных банков и акционерных обществ с мировой известностью. В азарте охотника, стремящегося не упустить добычу, пусть даже мелкую, Ленин предписывает Дзержинскому срочно взять на учет всех лиц, у кого потенциально могут иметься какие-либо фамильные ценности и сбережения.

К таким относились:

«1. Лица, принадлежавшие к богатым классам, то есть имеющие доход в 500 руб. в месяц и выше; владельцы городских недвижимостей, акций и денежных сумм свыше 1000 руб., а равно служащие в банках, акционерных предприятиях, государственных и общественных учреждениях, обязаны в течение 24 часов (Ленину не терпелось, хотя даже шеф только что созданной политической полиции вынужден был заменить этот срок на трехдневный) представить в домовые комитеты в трех экземплярах заявления за своей подписью и с указанием адреса о своих доходах, службе и занятиях.

2. Домовые комитеты скрепляют эти заявления своей подписью, сохраняя один экземпляр у себя и представляя два остальных экземпляра в Городскую управу и в Народный Комиссариат внутренних дел (НКВД).

3. Лица, виновные в неисполнении настоящего закона (в непредставлении заявлений или в подаче ложных сведений)… наказываются денежным штрафом до 5000 руб.[2] за каждое уклонение, тюрьмой до одного года или отправкой на фронт, смотря по степени вины.

4. Лица, указанные в п. 1, обязаны постоянно иметь при себе копии с вышеуказанных заявлений, снабженные удостоверением домовых комитетов, а равно начальства или выборных учреждений.

5. Эти лица обязаны в недельный срок со дня издания настоящего закона обзавестись потребительскими рабочими карточками (образец прилагается) для ведения еженедельных записей приходов и расходов и для внесения в книжки удостоверений от комитетов и учреждений…».

Как и все ленинские документы, этот составлен в полном соответствии с поставленной задачей. Доход от 500 рублей в месяц и выше бьет по купечеству, начиная от очень среднего, и по интеллигенции, особенно по ее творческой части — адвокатуре, журналистам, издателям. А вот недвижимость в 1000 рублей сразу охватывает всю мелкоту — владельцев крошечных лавок, охтинских огородов, домов на Выборгской. Этот документ по духу и содержанию напоминает приказы немецких оккупационных властей по регистрации евреев.[3] От него веет бесспорным доказательством того, что страна была оккупирована бесстыдными и беспощадными завоевателями, хотя мало кто тогда мог это понять. Но на этом ленинский порыв не закончился. А как же быть с теми, у кого доход меньше, а недвижимости не на 1000 рублей, а, скажем, на 25? И вождь заканчивает свое знаменитое послание товарищу Дзержинскому знаменитым пунктом 7, с обычным блеском подтвердив свою легендарную гениальность:

«7. Лица, не подходящие под условия п. 1, представляют в домовые комитеты в одном экземпляре заявления о своем доходе и месте работы, обязуясь иметь при себе копию этого заявления, удостоверенную домовым комитетом».

Что там разбираться! Грабить — так всех поголовно. К тем, кто имел глупость зарегистрироваться, а не бежать среди ночи по льду Финского залива или на юг, что было совсем непросто, сразу же вламывались с обысками. Эти обыски иногда продолжались месяцами как, например, у ювелира Николаева или инженера Куравского. Взламывались

стены, поднимались полы, потрошилась мебель, хозяев избивали, пытали, насиловали на их глазах дочерей и жен, истязали детей. А если что-нибудь в итоге и находили, хотя бы золотую медаль за отличное окончание гимназии, то главу семьи увозили в тюрьму (часто навсегда), а семью выкидывали на улицу…

В России, как и во всех других странах, сотни тысяч людей привыкли держать свои сбережения в банках, пользуясь индивидуальными сейфами или, как их тогда называли, стальными ящиками. В эти ящики перечислялись гонорары, дивиденды с акций, проценты с капитала и т. п. Поскольку тайна вкладов — основа банковского дела, фамилии владельцев стальных ящиков часто не были известны служащим банков. Номер шифра и номер ключа — вот все, что было известно. При захвате банков, большевики, конечно, могли бы все эти ящики взломать и вычистить, но это было примитивно. Куда интереснее было выловить и всех владельцев индивидуальных сейфов, поскольку естественно было предположить, что там хранятся далеко не все деньги их владельцев. В результате, 14 декабря 1917 года Ленин утвердил решение ВЦИК «О ревизии стальных ящиков», где говорилось:

«1. Все деньги, хранящиеся в банковских стальных ящиках, должны быть внесены на текущий счет клиента в Государственном банке.

Примечание. Золото в монетах и слитках конфискуется и передается в общегосударственный золотой фонд.

2. Все владельцы стальных ящиков обязаны немедленно по вызову явиться в банк с ключами для присутствия при производстве ревизии стальных ящиков.

3. Все владельцы, не явившиеся в трехдневный срок, считаются злонамеренно уклонившимися от ревизии.

4. Ящики, принадлежавшие злонамеренно уклонившимся лицам, подлежат вскрытию следственными комиссиями, назначенными комиссарами Государственного банка, и все содержащееся в них имущество конфискуется Государственным банком в собственность народа».

Явившихся на ревизию немедленно арестовывали и выбивали из них оставшееся состояние вместе с душой.

Параллельно с ограблением страны принимались меры, чтобы никто этому процессу не мог помешать. Разумеется, основную тревогу вызывали офицеры, которых в одном Петрограде насчитывалось до 50 тысяч. После развала армии и подоспевшего указа о ее роспуске они жили по домам, мечтая только пересидеть это страшное время и не думая в подавляющем большинстве о какой-либо активной деятельности. Четырех лет мировой войны было для них вполне достаточно. Но не тут-то было. Вышел указ, предлагавший под страхом расстрела на месте всем офицерам пройти регистрацию. Явившиеся на регистрацию были погружены в баржи, которые вывели в залив, и там все утоплены. Именно тогда и родилось знаменитое понятие «гидра контрреволюции».

Создавалась «гидра» таким образом. Трех или четырех офицеров ставили спиной друг к другу, связывали веревками, затем бросали в воду. Но это, конечно, были исключительные случаи, когда чекистам очень хотелось повеселиться.

Обычно просто топили или расстреливали, как классово опасных особ, ни на минуту не отвлекаясь от главной задачи — ободрать Россию до костей.

Перепуганные жители северных и центральных губерний России тысячами ринулись в бегство на юг, стремясь прорваться на Украину, чья самостоятельность была гарантирована Брестским договором и обеспечивалась немецкими войсками, стоявшими кордоном вдоль границы с РСФСР от Украины до Прибалтики, охраняя, с одной стороны, большевиков от вторжения извне и не давая им самим расширить границы собственной территории. Беженцев не пропускали, заворачивали назад, прорвавшихся выдавали, а уже действовал ленинский декрет «о незаконном переходе границы», предусматривавший, как и водится,

расстрел. Родственники и друзья многих людей, оставшихся на оккупированной большевиками территории, в отчаянии бомбардировали петициями гетманское правительство Украины, умоляя вмешаться и помочь их родным вырваться из коммунистического «рая».

Правительство Украины с просьбой о помощи обратилось к немцам. Те прозондировали почву в Москве через своего посла Мирбаха. К удивлению немцев, Ленин воспринял это предложение чуть ли не с восторгом. Если гетманское правительство так заботится о «паразитирующих классах», то советское правительство ничего не имеет против того, чтобы выслать на Украину сколько угодно человек, но… не бесплатно. Пусть в Киеве составят списки с указанием фамилий и адресов и перешлют их в Москву. За каждого беженца необходимо будет уплатить 2000 фунтов стерлингов или золотом.

Впрочем, махнул рукой Ленин, можно и зерном, черт с вами. Только поспешите, время уходит. В последних словах вождя содержался столь прозрачный намек, что очень скоро на север с Украины потянулись эшелоны с хлебом, известные тогда всей России как «гетманские эшелоны». Они несли свободу и жизнь многим обреченным. На юг двинулись поезда, набитые беженцами, у которых были родные и друзья на Украине. На пограничных станциях беженцев обыскивали, обирая до нитки. Поезда стояли сутками. Никаких гарантий не было. Кого угодно могли неожиданно арестовать, а то и расстрелять прямо на перроне.

Но это, как говорится, были еще цветочки. Очень богатых людей в России было не так уж много и все они были на виду. Людей среднего достатка, о которых с таким вожделением писал Ленин Дзержинскому, было побольше, но и они составляли весьма малый процент от общего числа населения. Поэтому их ограбить и уничтожить было легко, да и надо признаться, что они не имели почти никакой общественной поддержки, ибо идеология зависти делала свое дело.

Но существовали десятки миллионов мелких собственников-тружеников: шорники, овчинники, кожевники, сапожники, воскобои, плотники, столяры, краснодеревщики, чеканщики, стеклодувы, кровельщики, печники, офени, пильщики, переплетчики, златошвейки, кружевницы, фотографы, иконописцы — короче говоря, все самодеятельное население страны. Огромным трудолюбием и для наших дней совершенно невероятным мастерством (возьмите хотя бы старинные переплеты или кружева) в условиях жесткой конкуренции им удалось за долгие годы скопить кое-какие деньги. Все они вполне справедливо считали себя трудящимися, от лица и во имя которых вещала большевистская банда. В отличие от заводских рабочих, имеющих пусть длинный, но фиксированный рабочий день, они трудились дни и ночи напролет, позволяя себе выходные разве что на Рождество и на Пасху. Кто же были трудящиеся, если не они? Они так считали и, как выяснилось, совершенно напрасно. Большевики не могли чувствовать себя удовлетворенными, не обобрав их. Слишком много было трудящихся на Руси, и все вместе они могли добавить в партийную казну почти половину того, что удалось вытрясти из крупной буржуазии и интеллигенции.

Интересно, что именно эти мелкие собственники-труженики вызывали почему-то у Ленина гораздо большую ненависть, чем крупные капиталисты. Это происходило потому, что «вождь мирового пролетариата», будучи умнее и хитрее всех своих сообщников вместе взятых, смотрел несколько дальше своего окружения. Если те, выполняя возложенную на них задачу разграбить Россию до нитки и быть в постоянной готовности немедленно исчезнуть со своей фантастической добычей, именно этому и посвящали свою энергию и «революционный задор», то Ленин, внимательно отслеживавший положение в стране и мире, увидел уже теоретическую возможность удержаться у власти.

Вступление в войну Соединенных Штатов с каждым днем делало положение кайзеровской Германии, несмотря на отсутствие восточного фронта, все более отчаянным, приближая ее к экономической и военной катастрофе, а следовательно — к капитуляции. Это, в свою очередь, означало аннулирование Брестского договора и превращение «Республики Советов» из немецкого протектората в нечто совершенно самостоятельное и

непредсказуемое. К этому дню нужно было придти соответственно подготовленным, для чего было совершенно недостаточно ликвидировать только буржуазию и интеллигенцию. Это было легко и просто. Теперь задача была посложнее, но, как известно, нет таких задач, которые были бы не по плечу большевикам.

«Главным врагом социализма, — изрек Ленин, — является мелкобуржуазная стихия», — и продолжал, — «Мелкие буржуи имеют запас деньжонок в несколько тысяч, накопленных „правдами" и, особенно, „неправдами"… Деньги — это свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный слой мелких собственников крепко держит это свидетельство, пряча его от государства, ни в какой социализм и коммунизм не веря. Мелкий буржуа, хранящий тысчонки, враг, и эти тысчонки он желает реализовать непременно на себя». Нет, не дают Ленину покоя деньжонки в чужих карманах! И дело тут было не только в деньгах, хотя деньги, безусловно, необходимо было отобрать в первую очередь. Ведь мелкие собственники (включая и земледельцев) — это все самодеятельное население огромной страны. Самодеятельное, а потому и самостоятельное. А дальняя задача вождя «мирового пролетариата» состояла не только в том, чтобы их обобрать, но и полностью лишить самостоятельности, превратив в рабов, в послушный механизм выполнения его воли. Ленин, не стесняясь, поучал своих сообщников, как воплотить в жизнь свои грандиозные планы.

«Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность является в руках пролетарского государства, в руках полновластных советов самым могучим средством учета и контроля. Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление. НАМ ЭТОГО МАЛО.

Нам надо не только запугать капиталистов в том смысле, чтобы чувствовали всесилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и пассивное, несомненно, еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломать какое-либо сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационных государственных рамках. И мы имеем средство для этого… Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность».

Яснее не скажешь. Если удастся удержаться у власти (и для того, чтобы удержаться), необходимо сосредоточить в руках все богатства страны (что уже и делалось), весь хлеб, все продукты, все жилье, в общем, все, от чего зависит просто выживание, а затем распределять это так, чтобы всего только за хлебную карточку изголодавшийся и униженный голодом человек пошел бы работать и вообще делать все, что прикажут. Гениально и просто. Хотя еще не совсем ясно, на кого все-таки этот блестящий принцип распространяется? Слово «капиталист», «буржуй», «кулак» — понятия какие-то неопределенные, да и сам Ленин, запутавшись в ярлыках, никак не мог эти понятия четко обозначить с точки зрения дохода, жалования, общего состояния, опустив нижнюю границу определения «богатые классы» до дохода в 100 рублей в месяц. И чтобы ни у кого не оставалось сомнения, кто же все-таки является главным объектом грабежа и насилия, Ленин, без всяких недомолвок, разъясняет: «От трудовой повинности в применении к богатым власть должна перейти, а вернее, одновременно должна поставить на очередь применение соответствующих принципов (хлебная карточка, трудовая повинность и принуждение) к большинству трудящихся рабочих и крестьян… Следует добиваться подчинения, и притом беспрекословного единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выбранных или назначенных, снабженных диктаторскими полномочиями…»

У членов ЦК от страха белели губы. Это уже не классовая борьба, это — война, объявленная всему народу. Во-первых, это опасно, а во-вторых… «Но что же останется от России? — в ужасе лепечет верный Бонч-Бруевич. — Ведь это означает полное уничтожение России в том виде, в каком она существовала 1000 лет…»

Резким движением Ленин засовывает большие пальцы рук за проймы жилетки, пиджак распахивается, щелочки глаз колюче и недобро смотрят на Управляющего делами СНК. Остальные молчат «Запомните, батенька, — говорит Ленин, обращаясь к Бонч-Бруевичу, но так, чтобы слышали все, — запомните НА РОССИЮ МНЕ НАПЛЕВАТЬ, ИБО Я — БОЛЬШЕВИК!» Это любимое выражение Ленина стало девизом его сообщников, которые любили повторять его и к месту, и не к месту, пока Иосиф Виссарионович не заткнул им глотки пулями, поскольку эта страшная фраза Ленина никак не стыковалась со сталинской «еретической» теорией о возможности «построения социализма в одной стране». Итак, война была объявлена. Одним мигом была порушена вся, складывавшаяся десятилетиями, инфраструктура городов, замерли все виды торговли, прекратила существовать сфера обслуживания. Домовладельцы и хозяева гостиниц, кому не удалось бежать, были либо убиты, либо арестованы, либо, в лучшем случае, выброшены на улицу. Разбитыми или забитыми фанерой витринами смотрели на пустынные заснеженные улицы некогда известные всей Европе магазины и рестораны, первоклассные отели, гостиницы и клубы. Но не только они. Магазинчики, лавки, постоялые дворы, мастерские и ателье, меблированные комнаты и пансионаты — все прекратило свое существование. Естественно, что из продажи мгновенно исчезло все, и прежде всего — хлеб.

«Что такое подавление буржуазии? — разъяснял Ленин. — Помещика можно подавить и уничтожить тем, что уничтожено помещичье землевладение и земля передана крестьянам. Но можно ли буржуазию подавить и уничтожить тем, что уничтожен крупный капитал? Всякий, кто учился азбуке марксизма, знает, что так подавить буржуазию нельзя, что буржуазия рождается из товарного производства; в этих условиях товарного производства крестьянин, который имеет сотни пудов хлеба лишних, которые он не сдает государству, и спекулирует — это что? Это не буржуазия?.. Вот что страшно, вот где опасность для социальной революции» И, конечно, уничтожив всю систему торговли в стране, любую продажу продовольствия немедленно объявили спекуляцией (прекрасное слово, которое победным маршем шло к коммунизму все 74 года существования режима, пережив сам режим и, кажется, обеспечив себе бессмертие в пашей стране).

Уже 10 ноября 1917 года спекулянты объявляются врагами народа, а через три месяца в декрете, подписанном Лениным, дается ясное указание: «спекулянты… расстреливаются на месте преступления»

И на домах, на заборах, на фонарных столбах — повсюду забелели приказы: «Конфискация всего имущества и расстрел ждет тех, кто вздумает обойти существующие и изданные советской властью законы об обмене, продаже и купле…»

Блестящее перо Зинаиды Гиппиус донесло до нас кошмарную реальность той страшной эпохи: «… в силу бесчисленных (иногда противоречивых и спутанных, но всегда угрожающих) декретов, все было „национализировано‟ — „большевизировано‟. Все считалось принадлежащим „государству‟ (большевикам).

Не говоря об еще оставшихся фабриках и заводах, — но и все лавки, все магазины, все предприятия и учреждения, все дома, все недвижимости, почти все движимости (крупные) — все это, по идее, переходило в веденье и собственность государства. Декреты и направлялись в сторону воплощения этой идеи. Нельзя сказать, чтобы воплощение шло стройно. В конце концов, это просто было желание прибрать все к своим рукам. И большею частью кончалось разрушением и уничтожением того, что объявлялось „национализированным‟.

Захваченные магазины, предприятия и заводы закрывались, захват частной торговли привел к прекращению вообще всякой торговли, к закрытию всех магазинов и к страшному развитию торговли нелегальной, спекулятивной, воровской. На нее большевикам поневоле приходилось смотреть сквозь пальцы и лишь периодически громить и хватать покупающих-продающих на улицах, в частных помещениях, на рынках; рынки, единственный источник

питания решительно для всех, тоже были нелегальщиной. Террористические налеты на рынки, со стрельбой и смертоубийствами, кончались просто разграблением продовольствия в пользу отряда, который совершал налет. Продовольствие — прежде всего, но так как нет вещи, которой нельзя встретить на рынке, то забиралось и остальное: ручки от дверей, бронзовые подсвечники, древнее бархатное евангелие, обивка мебели… Мебель тоже считалась собственностью государства, а так как под полой диван тащить нельзя, то люди сдирали обивку и норовили сбыть ее хоть за полфунта соломенного хлеба… Надо было видеть, как с визгами, воплями и стонами кидались торгующие врассыпную при слухе, что близки красноармейцы! Всякий хватал свою рухлядь… бежали, толкались, лезли в пустые подвалы, в разбитые окна. Туда же спешили и покупатели — ведь покупать в Совдепии не менее преступно, чем продавать, хотя сам Зиновьев отлично знает, что без этого преступления Совдепия кончилась бы, за неимением подданных, дней через 10.

Россией сейчас распоряжается ничтожная кучка людей, к которой вся остальная часть населения, в громадном большинстве, относится отрицательно и даже враждебно. Получается истинная картина чужеземного завоевания.

Латышские, немецкие, австрийские, венгерские и китайские полки дорисовывают эту картину. Из латышей и монголов составлена личная охрана большевиков.

Китайцы расстреливают арестованных, захваченных. (Чуть не написала „осужденных‟, но осужденных нет, ибо нет суда над захваченными. Их просто так расстреливают)… Чем не монгольское иго?».

Так обстояли дела в оккупированных городах. Но Россия — страна аграрная, и подавляющее большинство ее населения, ее кормильцы — многомиллионная армия крестьян — не могли быть не ограблены и не раздавлены, ибо помимо золотых монет в кубышках, что, как помнится, постоянно вызывало раздражение Ильича и не давало ему покоя, владели и мощным эквивалентом золота — хлебом. А без хлебной монополии вождь мирового пролетариата просто не знал, что ему делать дальше, «если большевикам удастся удержать власть» И хотя в этот период возможность удержания власти выглядела весьма сомнительной, оставлять неограбленным столь большой процент захваченного населения было совершенно невозможно.

Энергия массового безумия, излучаемая Лениным, подсказала оптимальные решения. «Наша важнейшая задача, — декларировал вождь, — это задача натравить сначала крестьян на помещиков, а затем, и даже не затем, а в то же самое время натравить рабочих на крестьян!».

Но надо было не просто натравить друг на друга разные категории населения, что на языке большевиков называлось классовой борьбой, а под шумок этой борьбы обчистить до нитки все участвующие в этой «борьбе» стороны. Потому что вопрос, как ни крути, ставился вполне откровенно: следовало лишить крестьянина права продавать свое зерно и просто захватить его от имени государства, не заплатив, естественно, ни копейки. Сделать это можно было только одним путем — силой, ибо никто и не предполагал, что крестьяне так просто — даром, отдадут свой хлеб. Поэтому быстро начали формировать продовольственные реквизиционные отряды для конфискации хлеба (а равно и других ценностей) у сельского населения. Но в сельской местности дело не пошло так гладко, как в городах. Крестьяне немедленно начали оказывать яростное сопротивление. 245 крупных крестьянских восстаний вспыхнуло в 1918 году только в 20 районах центральной России. В селах и деревнях разыгрывались настоящие сражения. Суть ленинского плана заключалась в обеспечении любой ценой «хлебной монополии», так как без нее невозможно было превратить в рабов двухсотмиллионное население огромной страны.

«Ни один пуд хлеба, — указывал вождь, — не должен оставаться в руках держателей… Объявить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты, врагами

парода, предавать их революционному суду с тем, чтобы виновные приговаривались к тюремному заключению на срок не менее 10 лет, изгонялись навсегда из общины, а все их имущество подвергалось конфискации…». Но «не менее 10 лет» с конфискацией всего имущества — это было только началом. Спустя некоторое время, в ярости от сопротивления повальным грабежам, Ленин будет отдавать направо и налево приказы следующего содержания: «…Прекрасный план. Доработайте его с т. Дзержинским.

Замаскируйтесь под „зеленых" (а позднее мы на них это и свалим!), проскачите 10–20 верст и перевешайте всех кулаков, священников и помещиков. Премия 100000 рублей (видимо, с собственного лицевого счета — И. Б.) за каждого повешенного».

Разбой в деревнях был пострашнее, чем в городах. Крестьянские дома подвергались обыскам. Вместе с хлебом конфисковывались любые ценности, которые удавалось обнаружить в нехитрой обстановке деревенских изб. Не говоря уже о деньгах, отбирались даже дешевые женские украшения из «дутого» золота, оклады икон, разная мелочь, купленная в свое время на уездных ярмарках. Хлеб, как правило, никуда не шел дальше уездного центра, где ссыпался как попало и в большинстве своем пропадал и гнил. Озверевшие крестьяне с дубьем и вилами шли на пулеметы.

«Несмотря на горы трупов, — докладывал в Москву один из исполнителей, — их ярость не поддается описанию». Многие продовольственные отряды истреблялись еще на пути в деревню. Вслед за этим в деревню направлялась карательная экспедиция, которая, публично расстреляв десятка два крестьян, арестовывала и угоняла в город остальных. Прибывал новый отряд, но его снова истребляли в день прибытия. Следовала новая карательная экспедиция, и все начиналось сначала, постепенно принимая формы страшной народной войны.

Летом 1918 года Ленин предложил брать по деревням заложников, главным образом, женщин и детей, чтобы подавить крестьянское сопротивление. «Взять 25–30 заложников из числа богатых крестьян, — с пылом инструктировал свою банду Ильич, — которые отвечали бы жизнью за сбор и отгрузку зерна». А ведь «красный террор» еще не был объявлен. Но русские крестьяне не чувствовали себя столь беспомощными, как буржуазия и интеллигенция городов. Деревню такими методами было не сломать. Первой и совершенно естественной реакцией крестьян было прекращение посевов. Наивные русские крестьяне и не подозревали, что такой поворот событий только на руку правящей банде.

Создать в стране искусственный голод, свалить вину на крестьян, а затем за это истребить десяток-другой миллионов непослушных.

Под защитным кордоном немецких штыков Ленину была предоставлена свобода действий на захваченной территории с четкой установкой: за это время большевистское правительство (а немцы в своем вековом самомнении считали, что время нахождения большевиков у власти определено ими и закончится, когда они этого пожелают) должно провести ряд мероприятий, после осуществления которых Россия, подвергнутая небывалому разграблению и кровопусканию, раз и навсегда прекратит свое существование как великая империя, представляющая угрозу для Германского рейха. Немцы играли свою игру, большевики — свою. Но играли, постоянно взаимодействуя.

После подавления первого крупного восстания крестьян Ярославской губернии, чудом уцелевшие от бойни сдались немцам, имевшим свои комендатуры во всех губерниях «Советской России». Эти комендатуры назывались Германскими Комиссиями, и были созданы в рамках секретных протоколов к Брестскому договору Председатель Германской Комиссии в Ярославской губернии немецкий лейтенант Балк приказом от 21 июля 1918 года (№ 4) объявил гражданскому населению города Ярославля, что отряд Северной добровольческой крестьянской армии сдался Германской Комиссии. Сдавшиеся были выданы большевистской власти. Все выданные — 428 человек — были немедленно расстреляны на глазах у немцев.

Лейтенант Балк с чисто немецкой педантичностью вел картотеку лиц, проходивших через его комендатуру, выдаваемых большевикам и немедленно расстреливаемых. На основании картотеки он докладывал своему командованию, что большевики свято выполняют все обязательства перед Германией. К моменту эвакуации Комиссии (комендатуры) из Ярославской губернии у лейтенанта Балка имелась картотека на 50247 расстрелянных с марта по ноябрь 1918 года. Причем именно тех, кто имел глупость искать защиты у германского командования!

Но война продолжала разгораться, диктуя свою тактику Реквизиционные отряды, базируясь в уездных городах и опираясь на интернациональные гарнизоны, начали совершать неприкрытые бандитские рейды на села, грабя и убивая крестьян по собственному усмотрению. Пылали хлеба, выгорали деревни, уничтожались люди. В ответ крестьяне организовали комитеты обороны, истребляя реквизиционные отряды, часто захватывая уездные города, грабя их, в свою очередь, и уничтожая всех представителей ненавистной власти с жестокостью пугачевских и разинских времен. Обе стороны применяли средневековые методы казни — сжигали заживо, сажали на кол, разрывали деревьями. Разгоралась милая сердцу Ленина гражданская война, а Россия стремительно дичала. Что, впрочем, было обещано при проезде Ульянова в марте 1917 года через Германию «Пролетарская» пресса с упоением вела прямые репортажи из отбитых у восставших крестьян уездных городков. Корреспондент «Правды» передал сообщение о разгроме крестьянского восстания в Ливнах: «Город пострадал сравнительно мало. Сейчас на улицах города убирают убитых и раненых. Среди прибывших позднее подкреплений потерь сравнительно мало. Только доблестные интернационалисты понесли жестокие потери. Зато буквально накрошили горы кулацких трупов, усеяв ими все улицы».

Кто же эти «доблестные интернационалисты», которые огнем и мечом прошлись по внутренним губерниям России, куда даже во время татарского нашествия не ступала нога захватчика, превратив в пепел и безжизненную пустыню богатейшие русские житницы? История их создания такова. Еще в марте 1917 года, когда решался вопрос о пропуске Ленина и его сообщников в Россию и оговаривались предварительные условия будущего Брестского договора, германское командование, наряду с выделением большевикам необходимых для их подрывной деятельности денежных средств, приняло решение и об оказании им немедленной военной помощи в случае захвата власти. Для этой цели в апреле 1917 года с фальшивым шведским паспортом в Петроград прибыл полковник германского генерального штаба Генрих фон Рупперт, доставивший секретные приказы немецким и австрийским военнопленным оказать вооруженную поддержку большевикам, которые, в свою очередь, должны были обеспечить их оружием. Эти приказы, подписанные начальниками генеральных штабов Германии и Австро-Венгрии, были обнаружены американцами в немецких архивах после второй мировой войны, но наверняка их можно обнаружить и в архивах ЦК КПСС.

Под Петроградом находилось несколько лагерей с германскими и австрийскими военнопленными, в том числе из весьма элитных частей. В частности, вблизи села Колтуши, фактически рядом с Большой Охтой, почти в полном составе сидел в лагере 3-й Кирасирский императора Вильгельма полк, захваченный в свое время в плен казаками генерала Ренненкампфа. Неподалеку коротал время 142-й Бранденбургский полк. Нет смысла перечислять немецкие и австро-венгерские воинские части, находившиеся в лагере военнопленных, хотя сделать это не так уж сложно. Благодаря демократическому беспределу Временного правительства военнопленных удалось ознакомить с предстоящей задачей и достаточно тщательно к ней подготовить.

Все было продумано до мелочей, даже то, что немцы плохо знакомы с русскими трехлинейными винтовками, наганами и прочим оружием. В связи с этим «большевистский» сторожевой корабль «Ястреб» специально ходил в Фридрихсхафен, откуда доставил 12000

немецких винтовок и миллионы патронов прямо к 25 октября, за что и попал навеки в список «кораблей Великого Октября». Кроме того, «Ястреб» привел за собой на буксире судно раза в два больше его самого. Самые честные советские историки признаются, что им так и не удалось выяснить, что же было на этом судне. Другие просто о нем молчат, а третьи уверяют, что там был «десант революционных матросов». Откуда они взялись в Фридрихсхафене, никто не уточняет, хотя никакой особой тайны здесь нет. «Ястреб», помимо винтовок, доставил в Петроград и немецкие полевые орудия. Если кто-нибудь еще остается наивным до такой степени, что полагает возможность взятия под контроль такого огромного города, как Петроград, двумя тысячами матросов, прибывших на «Амуре» из Кронштадта, или совершенно необученными рабочими дружинами, которые, как ныне выясняется, встретили переворот враждебно, то даже не будем с ними спорить.

Да, теоретически, при полном развале гарнизона и органов правопорядка, это представляется возможным. Но при этом власть большевиков не просуществовала бы и суток, поскольку буквально на следующий день к городу уже подходила конница генерал Краснова. Рассеяв двумя неприцельными шрапнельными залпами «красногвардейцев» в Павловске и Царском Селе, казаки Краснова начали продвигаться к столице со стороны Пулковских высот.

Выдвинутая вперед сотня уральских казаков пыталась сходу овладеть высотами, но вынуждена была отступить под великолепно координируемым и управляемым огнем. Казачьи офицеры, прошедшие через годы войны, быстро поняли по «почерку», кто занял оборону на высотах. Немцы! Не поверивший им генерал Краснов сам выехал в сторожевое охранение. Сомнений не было. Немецкая пехота и артиллерия преградили путь к «революционному» Петрограду.

Немецкие и австрийские солдаты с большим удовольствием и без особого труда подавили восстание военных училищ в Петрограде, истерзав картечью и переколов штыками несчастных русских мальчишек, чей благородно-самоубийственный порыв против черной тирании в обстановке общего развала и апатии никем не был поддержан.

Ленин 29 октября решил провести смотр немецких батальонов. По замыслу вождя мирового пролетариата, «интернационалисты» должны были пройти парадным маршем мимо стоящего на ступеньках Смольного Ленина и членов «рабоче-крестьянского» правительства. Поравнявшись с ними, вчерашние военнопленные должны были хором прокричать: «Да здравствует мировая революция!». По-немецки, конечно, который и сам вождь, и его окружение знали отлично, порой гораздо лучше русского. Но получился конфуз. Блеснув старой выправкой, держа равнение и печатая шаг, как это умеют делать только немцы, солдаты, проходя мимо революционных вождей, хором проорали: «Да здравствует кайзер Вильгельм!» — тем самым великолепно продемонстрировав глубоко оскорбленному Ленину свое совершенно правильное понимание происходящего.

Заключенный вскоре Брестский договор предусматривал репатриацию военнопленных, однако за ним последовал секретный приказ генерала фон Людендорфа, предписавший немецким и австрийским[4] военнопленным сформировать отряды для поддержки большевистского правительства. Приказ был составлен таким образом, что предполагалось как бы добровольное желание солдат и офицеров вступать в подобные отряды, но зная порядки в немецкой армии и методы комплектования «добровольческих» частей, можно не сомневаться, что в данном случае действовал, по меньше, мере на начальном периоде, просто приказ.

Члены германской миссии по перемирию и заключению мира — генерал Гофман и знакомый уже нам полковник Рупперт — посетили несколько лагерей военнопленных, разъясняя им задачу. Возможность послужить фатерлянду, а заодно пограбить на чужой территории вдохновила многих, и буквально, как по мановению волшебной палочки,

большевики, при полном развале прочих воинских структур, ощетинились прекрасно обученной и организованной армией, насчитывавшей более трехсот тысяч человек.

Что-либо противопоставить такой военной силе в те дни не мог никто.[5] В те годы никто из этого особых тайн не делал. Немецкие солдаты и офицеры, свободные от службы, разгуливали по Петрограду и Москве, работали казино для немецких офицеров, издавались газеты. И чтобы ни у кого не было никаких сомнений, немецкий генерал Кирхбах, давая во Пскове интервью корреспонденту еще не запрещенной газеты «Речь», на вопрос: «Возможно ли занятие немецкими войсками Петрограда и Москвы?», — с «нордической» прямотой ответил: «Да, если возникнет угроза большевистскому режиму».

Итак, триста тысяч «воинов-интернационалистов», обрастая по ходу дела подонками из местного населения, эффективно обеспечивали уничтожение русского государства. Численно они даже превосходили немецкие оккупационные силы, которые смогло выделить германское командование для контроля над уступленными по Брестскому договору территориями. Эти силы составляли примерно 280 тысяч человек, сведенные в 43 пехотных и семь кавалерийских дивизий с артиллерийским парком в 108 тяжелых и 1614 полевых орудий. Около 2000 моряков должны были взять под контроль бывший русский флот, основная часть которого по договору передавалась немцам. Адмирал Щастный увел флот из Гельсингфорса в Кронштадт, поставив Ленина в совершенно идиотское положение перед своими хозяевами, за что и был расстрелян.

Одессу и прилегающие к ней районы заняла 2-я восточная австро-венгерская армия под командованием генерала Бем-Эрмолит. Три корпуса этой армии развернули оккупационные штабы в Одессе, Херсоне и Каменец-Подольске. Немецкая группа армий «Киев» под командованием сначала генерала Линзингена, а потом генерал-фельдмаршала Эйхгорна, взявшего затем общее командование над всеми оккупационными силами, заняла огромную территорию, охватывающую всю Украину, Крым, область Войска Донского, южную часть Белоруссии и прибрежные районы Грузии. Шесть корпусов группы армий «Киев» развернули оккупационные штабы в Гомеле, Новоград-Волынске, Киеве, Харькове, Таганроге и Симферополе. К северу от Полесья оккупацию осуществляли 10-я армия, армейская группа «Д» и 8-я армия со штабами в Минске, Двинске, Риге, Ревеле и Выборге. Командовал немецкими войсками на северо-западном направлении знаменитый генерал фон дер Гольц, в прошлом командир дивизии «железных гренадер» 25 мая 1918 года немцы высадили трехтысячный десант в Поти, а 10 июня германские войска вошли в Тифлис.

Через несколько дней 58-й Берлинский пехотный полк форсировал Керченский пролив, захватил Тамань. Уже существовали планы захвата Сибирской железной дороги и «целесообразной организации в германских интересах» Хивы, Бухары, Туркестана и Мерва.

Немецким войскам открывался прямой путь в Индию. От перспектив захватывало дух. Казалось бы, исполнялись самые необузданные мечты, налицо была новая всемирная империя, которая не спилась даже Наполеону, а к тому же с центром не в Париже, а в Берлине. Но не хватало сил, чтобы освоить все отданные большевиками районы бывшей Российской Империи. Мясорубка Западного фронта полностью истощила резервы, а имеющихся в наличии 280 тысяч военнослужащих явно было недостаточно. В штабе фельдмаршала Эйхорна часто возникал искус отозвать с контролируемой большевиками территории сотни тысяч своих солдат, сменивших кайзеровские каски на нечто, похожее по стилю на «буденовки». Они тем более были нужны, что поднаторели в грабежах и конфискациях. Но искус приходилось подавлять. Ленинскими методами немцы действовать не решались, да и кайзеровская Ставка не давала разрешения на использование «интернационалистов».

Не решаясь действовать по-большевистски, немцы тем не менее действовали собственными методами, которые хотя и были не столь «разбойными», но достаточно настойчивыми, последовательными и безоговорочными. Только до 31 июля 1918 года немцы

вывезли из оккупированных областей 60 миллионов пудов зерна и продуктов его переработки, фуража и семян масличных культур, 500 миллионов штук яиц, 2 миллиона 750 тысяч пудов рогатого скота живым весом, полтора миллиона пудов картофеля и овощей. Кроме этого, в задыхающийся от английской блокады рейх было отправлено 3, 5 миллионов пудов железной руды, 42 миллиона пудов марганцевой руды и ежемесячно по 300 вагонов специальных сортов леса. Вывозились даже тряпье и металлолом. Вывозить было что. Бомбардировка Севастополя немецким линейным крейсером «Гебен», втянувшего тем самым Турцию в войну против России на стороне Германии, почти наглухо отрезала Россию от союзников, так как следствием стало закрытие проливов. Русской внешней торговле был нанесен страшный удар: русский экспорт упал на 98 %, импорт — на 95 %, что явилось одной из главных причин военного перенапряжения России и ее конечного крушения в крови и хаосе.

Продукция, предназначенная для вывоза, в течение трех лет оседала на складах, и была теперь захвачена немцами и большевиками. «Еще никогда с момента изобретения корабельного компаса, — вспоминал Черчилль, — действия одного боевого корабля не приводили к столь грандиозным и страшным последствиям, как действия немецкого крейсера „Гебен" в августе-октябре 1914 года». Доблестный «Гебен» все годы войны, не имея дока и даже причала, держал в напряжении русский Черноморский флот и, как бы демонстрируя свой триумф, пришел летом 1918 года в захваченный немецкими войсками Севастополь, где и прошел впервые за всю войну доковый ремонт, ибо немцам было передано все оборудование базы в целости и сохранности. Кто бы мог это представить хотя бы в 1917 году?!

С территории, захваченной большевиками, таким же потоком шли в Германию эшелоны. К причалам Петроградского порта подходили немецкие торговые суда, таинственные шведские и норвежские пароходы, какие-то непонятные транспорты под флагами частных владельцев из Дании, США и Аргентины, «липовые» госпитальные суда под флагами Красного Креста Швейцарии. Район порта был наглухо оцеплен ЧОНом. За излишнее любопытство полагался расстрел на месте.

Загнанный в Северном море на свои базы и не решавшийся высунуться оттуда в страхе перед англичанами, немецкий флот господствовал на Балтике, обеспечивая перевозки, хотя кишащее минами море (обе стороны за годы войны выставили на Балтике более 120 тысяч мин) было очень опасно, и только весьма веские причины могли заставить судовладельцев посылать свои транспорты в полумертвый порт Петрограда.

Зато бесперебойно действовали железные дороги, связывая республику «Советов и пролетарской диктатуры» с Германией через захваченные немецкими войсками территории Польши, Белоруссии и Прибалтики. Действовала и северная железнодорожная ветка до Гельсингфорса и далее на Скандинавские страны.

Чтобы обеспечить бесперебойное действие железных дорог, немцы вынуждены были поставить большевикам 50 тысяч тонн угля. Вечером 18 апреля 1918 года на «пограничной» станции Орша встретились два поезда: один двигался в Москву с персоналом германского посольства во главе с графом Мирбахом, другой вез в Берлин сотрудников «полпредства рабоче-крестьянского правительства». Состав «полпредства» был очень интересным. Возглавлял его А. А. Иоффе — личность, мягко говоря, весьма любопытная. Родившись в 1883 году, он в начале 1900-х годов попал под гипнотическое обаяние знаменитого Парвуса и, пройдя школу своего великого учителя, отлично понял весьма простую истину, что, прежде чем совершить мировую революцию, нужно сначала собрать достаточно денег на ее проведение. Вместе с Троцким, Урицким, Володарским и Ганецким. Иоффе представлял «гвардию» Парвуса при Ленине, осуществляя до октября 1917 года прямую связь с немцами, а затем фактически возглавляя «советскую» делегацию на мирных переговорах в Брест-

Литовске. И, естественно, именно он был послан в Берлин, где помимо всего прочего, его ждала встреча с любимым учителем — Парвусом.

Вместе с ним в составе «полпредства» ехал Я. С. Ганецкий — правая рука Ленина в годы прозябания «вождя» в Кракове, где его, как известно, арестовали в первые дни войны как русского шпиона. Именно Ганецкий, бросившись в Берлин, поднял на ноги «социал-демократов» в германской столице и Вене, добившись не только освобождения Ленина, но и его переброски в Цюрих экстренным поездом.[6] В 1915 году Ганецкий был вызван Парвусом в Стокгольм, откуда направлялась вся подрывная деятельность немецкой разведки против России. В марте 1917 года по договоренности Ленина с Парвусом Ганецкий временно остается в Стокгольме в составе так называемого «заграничного бюро ЦК», в чью задачу входил бесперебойный перевод денежных средств от немцев в Россию — большевикам. С помощью Парвуса Ганецкий завязывал многочисленные контакты с иностранными банками. После октябрьского переворота он был назначен главным комиссаром банков и членом коллегии Народного комиссариата финансов, то есть входил в руководство учреждений, которые командовали грабежами и принимали награбленное, ведя его учет на контролируемой территории. («Социализм — это учет»).

Третьим в состав полпредства входил знаменитый Красин, которого, казалось бы, не надо представлять, если бы о нем за последние 75 лет было написано хоть одно слово правды. Одаренный инженер, он имел душу и навыки профессионального преступника, а потому чутьем и интуицией тянулся к большевикам. Во время революции 1905 года совместно с людьми Парвуса он участвовал в ограблении Петербургского отделения Волжско-Камского банка, присвоив значительную сумму денег, что вызвало неудовольствие Парвуса. Однако Парвусу вскоре пришлось срочно бежать за границу, а Красин остался в России, развив между двумя революциями кипучую деятельность.

Диапазон его увлечений мог бы составить несколько томов уголовного дела: от организации налетов на банковские фургоны и подготовки к выводу из строя всей столичной кабельной электрической сети до изготовления фальшивых денег и тривиального убийства полицейских. Дерзкий и решительный авантюрист, любивший рискованные действия, Красин разочаровался в Ленине, открыто издеваясь над приходящими из Цюриха его статейками, призывавшими к революции в Швейцарии. Когда в Петроград прибыл известный Георгий Соломон с целью собрать средства для бедствующего в эмиграции вождя мирового пролетариата (Парвус специально ограничивал Ленина в средствах, чтобы злее был в нужный момент), Красин, выслушав Соломона, вынул бумажник и протянул тому две пятирублевых бумажки. Соломон с возмущением отказался, заявив Красину, что обойдутся и без него. «Как хотите, — пожал плечами Красин, пряча банкноты обратно в бумажник, дружелюбно при этом заметив Соломону. — Не сердитесь, Георгий, Ленин не заслуживает помощи. Он охвачен манией разрушения и непредсказуем. Никто не знает, какая мысль родится завтра в его татарской башке. Шел бы он к черту. Давайте лучше пообедаем».

Однако Ленин после переворота, уничтожив всю торговлю в стране, Наркомом торговли почему-то назначил именно Красина. В наркомат Красина стекались конфискованные деньги и товары как из крупных купеческих фирм с миллионными оборотами, так и из мелких лавок и мастерских, успевших наторговать всего рублей на 300. Деньги и ценности передавались в Народный банк и основанный при нем «золотой фонд», а товары — на склады, переполненные до крыш из-за вызванного войной застоя во внешней торговле.

Красин был одним из соавторов системы «закрытых складов», которая заключалась в том, что даже когда, казалось бы, в стране есть все необходимое, ничего не продавалось, а только распределялось. Эта система жива и в наши дни, действуя с той же эффективностью. Разница только в том, что в те годы доведенные голодом и нуждой до отчаянья люди решались на штурм складов, во время которого их безжалостно расстреливали из пулеметов, после чего расстрел каждого в отдельности оформлялся как приговор ревтрибунала.

Правда, склады были не безразмерны. Время от времени испортившиеся продукты приходилось под покровом ночи и под строгой охраной вывозить на свалку, где их заливали известью, чтобы, не дай Бог, кто-нибудь ими не воспользовался.

По дороге кое-что, конечно, разворовывалось и появлялось на черном рынке. От гнилых продуктов вспыхивали эпидемии, в которых, естественно, обвиняли спекулянтов.

Впрочем, склады надеялись вскоре разгрузить, для чего Красин и направлялся в Германию.

Самой замечательной личностью из всех, направляемых в Берлин, был четвертый сотрудник «полпредства» — Вячеслав Менжинский. По личному указанию Ленина он должен был занять пост генерального консула РСФСР в немецкой столице. Вячеслав Менжинский — наиболее зловещая фигура в большевистской верхушке. Первый заместитель «железного Феликса», один из наиболее кровожадных вампиров из коллегии ВЧК, он вместе с тем занимал пост Наркома финансов и был одним из главных комиссаров «народного банка». Интересное сочетание должностей, не правда ли? Одной рукой грабим и убиваем, второй — оприходуем и прячем. И важными, видимо, были причины, заставившие Менжинского бросить в России свои многотрудные и прибыльные дела и отправиться в Берлин.[7] На Силезском вокзале Берлина делегацию вместе какими-то мелкими клерками из Германского МИДа встречал сам великий Парвус.

Значение этого человека в судьбе России столь велико, а знают о нем настолько мало, что это даже обидно, поскольку именно Парвус был учителем и наставником Ленина, первым гениально угадавший в Ильиче именно того человека, чья безумная энергия сокрушения позволит осуществить его, Парвуса, глобальные планы фантастического обогащения. Ибо, надо честно признать, черной работы Парвус не любил, хотя ему и пришлось ею как-то заниматься в 1905 году. Считается, что настоящая фамилия Парвуса — Гельфанд, хотя последние данные заставляют в этом усомниться. У международных авантюристов такого масштаба очень трудно докопаться до настоящей фамилии. Он был на три года старше Ленина, родился в 1867 году в городе Березино Минской губернии.

Детство свое провел в Одессе, где в 1885 году окончил гимназию, а затем уехал в Германию для продолжения образования. В 1891 году Парвус закончил Базельский университет по курсу экономики и финансов, после чего несколько лет проработал в различных банках Германии и Швейцарии. Увлекся Марксом.

Видимо, первым понял возможность использования марксистской и псевдомарксистской фразеологии для прикрытия каких угодно политических и военных преступлений. С упоением изучал историю России, состояние ее хозяйства и финансов. Обратил внимание на глубокий антагонизм, раздирающий все слои русского общества и предвидел полную беспомощность и беззащитность этого общества, если оно лишится очень тонкого образованного слоя, состоящего из дворянства и интеллигенции; он произвел огромное впечатление на Ленина.

Парвус был единственным человеком в «социал-демократической» среде, с которым Ленин не решался полемизировать, хотя на всех прочих налетал боевым петухом, если они осмеливались как-то иначе, чем он, трактовать марксизм, никогда не стесняясь при этом в выражениях. «Холуй, лакей, наймит, подонок, проститутка, предатель» — вот основной набор ленинских литературно-полемических приемов в спорах с правыми, и с виноватыми.

Однако Парвуса, которого вождь ненавидел, пожалуй, больше всех других, вместе взятых, он не осмеливался задеть никогда ни устно, ни в печати.

Напротив, внимательно прислушиваясь, часто восклицал: «Вздор! Архиреакционно! Но если посмотреть диалектически, то это и есть практический марксизм!». Практический марксизм по Парвусу сводился к следующему: достижение мирового господства, называемого на марксистском жаргоне «мировой революцией», возможно только одним способом: взятием под контроль мировой финансовой системы. Он считал, что для этого совсем не обязательно

ломать старую, то есть существующую финансовую систему, а достаточно только, внедрившись в нее, взять ее постепенно под собственный контроль и обратить на осуществление своих целей. Это возможно только при условии захвата какой-нибудь более-менее богатой страны и, обратив в деньги все ее богатства, все движимое и недвижимое имущество, навязать ее народу чистый платоновский социализм (то есть худший вид рабства), а полученные таким образом средства вложить в мировую финансовую систему. И если сумма будет достаточно большой, с ее помощью навязать миру и соответствующую идеологию.

(«Архиреакционно!»). Естественно, будет необходим массовый и беспощадный террор, но широчайший простор для его маскировки дает умелое использование таких выражений, как «пролетарская диктатура», «классовая борьба», «отживающие классы», «всеобщее равенство», «полная свобода» и продуманная тактика действий по простой схеме: «достижение успеха, закрепление успеха, развитие успеха». В своих рядах необходима строжайшая дисциплина, ни малейшей тени раскола, абсолютная тайна жизни руководящего звена и его постепенное обожествление. («Архиреакционно! Но если посмотреть диалектически…»).

Это еще не были постановления и директивы, указы и декреты, секретные и совершенно секретные инструкции с угрозами смертной казни в случае разглашения. Это были разговоры в уютных кафе или на вечеринках, где высшим героизмом считалось сыграть на фортепьяно «Варшавянку» или декларировать общие фразы типа «Долой самодержавие!». Но «сценарий» уже наговаривался.

Расхождения возникли сразу. Если Парвус считал, что лучшей страны для первоначального осуществления плана, чем Россия, даже придумать невозможно, то Ленин был категорически против. Ленин считал, что в России ничего невозможно, а Парвус, напротив, был убежден, что в России возможно все, даже невозможное. И когда тысячелетний русский дуб закачался, подрубленный жестокими и унизительными поражениями русско-японской войны, Парвус сразу же оценил обстановку, народ, веками воспитываемый имперскими лозунгами блистательных побед и легкомысленной воинственности, не простит режиму столь постыдного военного разгрома, полностью поглотившего гордость империи — ее огромный флот, половина которого попала в плен и красовалась под японскими флагами. Тут не нужно было быть марксистом. Достаточно было помнить слова Герцена: «Благословенны поражения в войнах, а не победы в них… Ибо самые крепкие цепи для народа куются из победных мечей».

Получив от японцев первые два миллиона фунтов стерлингов, Парвус, не теряя времени, стал духовным вождем и руководителем революции 1905 года. (Из японских денег и Ленину кое-что досталось: на организацию 3-го съезда РСДРП и газету «Вперед»). Но Ленин, не веря в Россию, наблюдал из-за границы за действиями Парвуса, ругая его вслух и восхищаясь в душе.

Методика Парвуса была четкой: революция в стране — это революция в столице. Окраины детонируют. Он создал «Советы», взяв на себя пост Председателя Петербургского совета. Чего стоит один его финансовый манифест!

А лозунги, разжигающие антивоенные и пораженческие настроения! А авария «Орла», задержавшая выход 2-й Тихоокеанской эскадры! А организация шествия 9 января 1905 года, когда парвусовские боевики с деревьев Александровского парка начали стрелять по солдатам из оцепления Зимнего дворца и привели к знаменитому Кровавому воскресенью! Налеты на банки! Кронштадт, Севастополь, Свеаборг! «Потемкин» и «Очаков»! Все было сделано замечательно, кроме одного. Не начали сразу массовый террор и все проиграли в итоге. Ленин, хотя сам ни в чем не участвовал, внимательно следил, подмечая ошибки. И еще раз убедился: в России можно организовать бунт, беспорядки, погромы и стачки, но построить то, что им задумано — никогда. Не та страна. Нужно начинать с Западной Европы.

Арестованный и приговоренный к каторге Парвус сбежал с Сибирского этапа и объявился… в Турции, став экономическим и финансовым советником правительства младотурок. Заработав на этом поприще не один миллион, завязав отношения со всемирным клубом международных банков и картелей, Парвус ни на минуту не забывал и своего главного плана — сокрушения России. Не забывал, но и не отвлекался от бурной экономической деятельности. Его финансовый гений, по меткому выражению Троцкого, превратился из топора, подрубающего русский дуб, в лопату садовника, подпитывающего турецкий кипарис, спасая разваливающуюся Оттоманскую империю от экономического краха. При этом Парвус не забывал и себя. Он основывал банки и торговые предприятия, ворочал гигантскими суммами, когда Ленин и кучка верных ему сторонников в буквальном смысле слова прозябали в эмиграции. Ленин жил то на «экспроприированные» деньги (пока не посадили Камо и Кобу), то на мамины переводы (пока она была жива), то на пожертвования друзей (пока всем не надоел), то на иждивении добрых швейцарских социалистов, постепенно впадая в полную прострацию.

Но Парвус никогда его не забывал, ибо понимал, что никто не сможет осуществить его план лучше Ленина.

Сараевский выстрел прозвучал для Парвуса зовущим набатом. Он мгновенно увидел и вычислил, чем кончится для России вступление Турции в войну на стороне Германии. С пылом страстного оратора он убеждал решительного, но недалекого Энвера-Пашу и его «младотурков», что только воюя на стороне Германии, Турция снова сможет возродиться как великая империя, смыв с себя позор бесконечных поражений и капитуляций, грубых унижений и оскорблений последних двадцати лет ее истории. За кофе и сигарами он беседует с германским послом в Турции фон Вангенгеймом, и из далекого Константинополя летит радиограмма, заставившая адмирала Сушона, планировавшего самоубийственный прорыв из Средиземного моря в Северное, развернуть «Гебен» и полным ходом спешить в Дарданеллы. Он нажимает на свои тайные кнопки — и в Турцию идут поставки зерна, проката, станков и боеприпасов, часть груза по дороге сгружается в Болгарии. Гений Парвуса уже сделал невозможное: против России выступают два кровных вековых врага — Болгария и Турция, — круша все идеи панславизма и панисламизма. Недаром друг Парвуса, Энвер-Паша — военный министр и глава военного кабинета Турции — в итоге сбреет свои усы «а ля кайзер», вступит в Коминтерн и сложит свою буйную голову на советско-афганской границе в 1922 году во время какой-то очередной из бесчисленных и бессмысленных операций ОГПУ во имя мировой революции.

Но это было только начало. Обеспечив блокаду России на юге, Парвус снова неожиданно появляется среди «социал-демократии», ослепляя блеском брильянтовых запонок и золотых перстней нищую русскую эмиграцию.

Его знаменитая брошюра «За демократию! Против царизма!» уже успела наделать шума, поскольку долго молчавший Парвус осмелился вновь появиться на ниве партийной публицистики с совершенно новой трактовкой очередных задач «социалистического» движения, которая заставила онеметь от ужаса подавляющее большинство его бывших товарищей по партии. Суть новой «теории» заключалась в следующем: не надо ставить вопрос о виновниках войны и выискивать «кто напал первым». Это неважно. Кто-то должен был напасть, поскольку мировой империализм десятилетия готовил мировую бойню. Не следует терять время на поиски никому не нужных причин, надо учиться мыслить социалистически: как нам, мировому пролетариату, использовать войну и определить, на чьей стороне сражаться? Всем известно, что самая мощная в мире социал-демократия — это социал-демократия Германии. Если социализм будет разбит в Германии — он будет разбит везде. Путь к победе мирового социализма — это всесторонняя поддержка военных усилий Германии. А то, что русский царизм дерется на стороне Антанты, яснее ясного показывает

нам, — кто истинный враг социализма. Итак, рабочие всего мира должны воевать против русского царизма.

Задача мирового пролетариата — уничтожающий разгром России и революция в ней! Если Россия не будет децентрализована и демократизирована — опасность грозит всему миру. А поскольку Германия несет главную тяжесть борьбы против московского империализма, то легко сделать единственна верный вывод: ПОБЕДА ГЕРМАНИИ — ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА!

Как говорил Ленин, «Архиреакционно, но если посмотреть диалектически…».

Да, как бы ни относился Ленин к Парвусу, он вынужден был признать, что это — прекрасное, стройное и диалектическое развитие его собственной теории «пораженчества».

Чего всегда не хватало Ленину — это широты парвусовского размаха, поскольку Ленин не был экономистом. А Парвус, быстро перейдя от слов к делу, прибыл в Берлин и выложил немцам план уничтожения России «путем прихода к власти крайне левых экстремистов». План был по-военному четким. На первом этапе необходимо свергнуть царя. Антицарская кампания уже ведется, но с помощью денег буквально с завтрашнего дня к ней можно подключить не только социалистическую прессу всего мира, но и всю либеральную, которая вовлечет в водоворот событий и разнофланговую либеральную оппозицию в России.

Схема простая. Царь — виновник войны, миллионных жертв, военных неудач.

Императрица — немка, а, значит шпионка. Немного примитивно, конечно, но в России сработает. Наследник неизлечимо болен, а, значит, династия обречена.

Государственная дума, состоявшая почти поголовно из буржуазных либералов, с радостью проглотит крючок с такой наживкой. И как только будет свергнут царь, централизованная Россия рухнет. Рухнет навсегда. Потому что эта империя не сможет существовать в условиях демократии, как не может существовать рыба на суше. Слишком остры противоречия сословные, межнациональные, общинные. И главное — перенапряжена экономика, и ее можно вообще добить стачечной войной. На втором этапе действовать будет гораздо легче. Такой простой лозунг, как: «Землю — крестьянам!» — приведет к тому, что крестьяне начнут силой отбирать землю у помещиков, а солдаты, перестреляв офицеров, толпами побегут из окопов, чтобы принять участие в разделе земли. Армия будет парализована, промышленность — разрушена, сельское хозяйство — приведено в хаос. И в этот момент левые экстремисты захватывают власть, заключают с Германией мир и законодательными актами закрепляют развал империи. При этом они, естественно, рассчитывают на помощь германского оружия, чтобы избежать разных неожиданностей, которые сейчас предусмотреть невозможно.

Конечно, немцам была показана лишь та часть плана, которая касалась их.

Очень многого немцам было знать не положено, но и от того, что сообщил Парвус, захватывало дух. Вскормленная Клаузевицем и Фридрихом Великим стратегия Мольтке-старшего и Мольтке-младшего; выверенный до минут великолепный план А. Шлиффена, предлагавший закончить европейскую войну за 2 месяца (30 суток на Францию, 30 — на Россию); лучшие в мире дредноуты и линейные крейсеры, выросшие, как грибы, на лозунге: «Боже, покарай Англию!»; непревзойденная четкость штабов и стальная дисциплина армии — все это уже оказалось фикцией и не работало. Мясорубка на западном и восточном фронтах, все туже затягивающаяся удавка английской морской блокады, быстрое истощение резервов и ресурсов, ожидание со дня на день вступления в войну Соединенных Штатов отчетливо демонстрировали немцам их весьма жуткое будущее. Узким прусским лбам не дано было постичь всего размаха замысла, но они увидели в нем то, что их занимала более всею — возможность выбить из войны и из Антанты своего самого мощного и грозного противника. И план этот предлагал не какой-то заезжий мошенник, а хорошо известный им человек Парвус — Отец Первой Русской Революции, умевший организовывать и стачки, и уличные

шествия, и кровавые беспорядки. Немцы еще хорошо помнили, как за мизерную оплату он организовал знаменитую Обуховскую стачку, когда удалось надолго вывести из строя всю технологическую линию производства новых 14-дюймовых орудий для вооружения русских, линейных крейсеров. А потому с готовностью ухватились за план Парвуса, спросив, сколько это все будет стоить? 50 миллионов — ответил уже давно все подсчитавший Парвус, надеясь положить по меньше мере половину в собственный карман. Торговаться было неуместно. Да что такое 50 миллионов золотых марок? Один недостроенный линкор. Смешно! (Одна только взорванная в Севастополе «Императрица Мария» с лихвой окупила все расходы до 1919 года включительно!).

Немцев беспокоило другое — не собирается ли сам Парвус вскарабкаться на всероссийский престол, когда тот, как и предусмотрено планом, станет вакантным? Вопросы задавались в исключительно вежливой форме, но из глаз спрашивающих струился холодный немецкий антисемитизм. Вряд ли общественное мнение России, как бы революционизировано оно ни было, смирится, что высший пост в стране занимает человек, как бы это помягче сказать, «неправославного вероисповедания». О, Парвус был выше этого! Во-первых, у него было собственное мнение о русском обществе, во-вторых, та часть плана, в которую немцы не были посвящены, предусматривала быструю и решительную ликвидацию какого-либо общественного мнения в стране, а в-третьих, и это было самым главным, Парвус вовсе не собирался возвращаться в Россию, а тем более — становиться русским царем, даже если бы весь народ стал с плачем и стенаньем звать его на престол, как Бориса Годунова.

За эти годы он стал слишком богатым и респектабельным (дом в Берлине, особняк в Берне, особняк в Стокгольме, вилла в Швейцарских Альпах, четыре собственных банка и акционерное участие в шести других, импортно-экспортная контора в Копенгагене, контрольные пакеты акций железных дорог и судоходных компаний), чтобы брать на себя такую черную и неблагодарную работу, как сидение на престоле. Для этого у него был другой кандидат, с которого он все эти годы не спускал глаз. Давно ушло в прошлое их былое сотрудничество, годами не виделись они, но ни на секунду не забывал Парвус этого единственного в своей неповторимости «социалиста», охваченного манией власти и мирового господства, совершенно непредвзятого, полностью свободного от предрассудков, от «чистоплюйства», готового на самые чудовищные средства ради достижения цели и способного оправдать любую, самую низменную цель потоками демагогии, заклинаний, лжи и полулжи, которыми так богата марксистская и псевдомарксистская риторика. В то время его огромная, поистине вулканическая энергия расходовалась попусту на дробление, отмежевание, мелкое газетное склочничество, на бессильную ярость из-за осознавания своей полной незначимости для Европы и непонимания места, где должен наноситься главный удар. Но его выдающиеся качества гибкого реалиста, беспринципного и жестокого, наряду с потрясающей работоспособностью и маниакальной гипнотической силой притяжения к себе самых кровожадных подонков, безумная жажда власти и чисто азиатские диктаторские замашки — все это, по мнению Парвуса, делало Ленина просто незаменимым для действий именно в России и только в России. Для мирового масштаба он был слишком мелок, но если так уж нравилось ему считаться «вождем мирового пролетариата», то уж кто-кто, а Парвус возражать не будет. Главное — чтобы сделал дело.[8] Кто же, кроме Ленина, мог лучше оценить блестящий замысел! Они сидели на замызганной кухне бедной ленинской квартиры в Цюрихе, почти касаясь гигантскими лбами Друг друга, два великих и страшных гения, неизвестно, какими силами посланные на землю, чтобы навсегда погубить Россию и чуть не погубить всю человеческую цивилизацию. Появившись с разницей в три года (1867 и 1870 году), они покинули землю одновременно в 1924 году, зловещие и непонятые…

Однако, если Ленин лучше любого другого мог оценить замысел Парвуса, то он вовсе не пришел в восторг от предложения принять в нем личное участие.

Что Россия? Россия — говно! Надо начинать не с России! Так ведь никто и не ставит задачу строить в России социализм по Марксу. Россия просто даст средства для организации всего дела в мировом масштабе. Вздор! Россия бедна и вся в долгах! Вас что, кто-нибудь будет заставлять платить царские долги?

А насчет бедности… Если вывернуть все карманы, то не так уж мало и получится. А немцы? Что вам немцы? Вы думаете, мне их деньги нужны? Я бы эти деньги и без немцев достал. Даже больше достал бы и быстрее. Я этими деньгами немцев к плану пристегнул, потому что без немцев не обойтись. Армию развалим, а сами с чем останемся? Нужна армия, но не русская армия. Иначе стихия нас сметет. Понимаете? Под прикрытием немцев мы сделаем свое дело, и под их прикрытием и уйдем. А потом? А потом с деньгами, которые мы возьмем в России, мы просто купим всю Европу. Вот вам и мировая революция! Если без шуток, то все можно будет сделать двумя простыми лозунгами: мир и земля…

У Ленина, как правильно понимал Парвус, стратегической широты действительно не хватало. Был он сжат тисками собственных предрассудков, аксиом и безумных идей, но надо отдать ему должное, тактик он был отличный и увидел в замысле Парвуса даже больше, чем сам Парвус. Встреча на Силезском вокзале была радостная, но без особых эмоций. Вежливо приподнятые шляпы, крепкие рукопожатия, короткие, гортанные фразы на немецком языке. Только светились глаза: план удался и выполняется. Пока, — тьфу, тьфу, тьфу, — все идет гладко. На широкой, обсаженной с двух сторон липами, центральной улице Берлина Унтер ден Линден вновь ожило построенное с имперской солидностью еще в конце XIX века здание бывшего русского посольства, пустовавшее с 1914 года. Это произошло 20 апреля 1918 года (в день рождения Гитлера, который будущий фюрер отмечал в траншеях западного фронта).

В огромном пустом здании, за глухими шторами кабинета бывшего посла, обставленного в стиле «модерн», началась работа. Дымились сигары в мраморных пепельницах, стыл кофе в чашках саксонского фарфора, играл богемский хрусталь красно-зелеными искрами дорогих ликеров. При всей своей требовательности и жесткости в делах, Парвус не мог не восхититься той огромной и трудоемкой работой, проделанной Наркоматом финансов и Народным банком всего за шесть месяцев, прошедших после октябрьского переворота.

Вереницы ведомостей и цифр, описей и инвентарных списков, счетов, накладных, закладных, сертификатов на займы. Все сведено в итоговые таблицы и систематизировано. В 1897 году (год начала чеканки золотых монет) Государственным казначейством выпущено: золотых монет 15-рублевого достоинства — 11 миллионов 900 тысяч штук, на общую сумму 178 миллионов 500 тысяч рублей. На 10 апреля 1918 года захвачено и оприходовано 9 миллионов 500 тысяч монет на общую сумму 142 миллиона 500 тысяч рублей.

Золотых монет достоинством 7 рублей 50 копеек отчеканено 16 миллионов 829 тысяч штук на общую сумму 126 миллионов 217 тысяч 500 рублей. На 10 апреля 1918 года захвачено 14 миллионов 850 тысяч монет на общую сумму 111 миллионов 375 тысяч рублей.

Золотых монет достоинством 5 рублей отчеканено 5 миллионов 372 тысячи штук на общую сумму 26 миллионов 860 тысяч рублей. На Ю апреля 1918 года захвачено 2 миллиона 100 тысяч монет на общую сумму 10 миллионов 500 тысяч рублей.

1898 год… 1899 год… Мелькают годы, а вместе с ними и миллионы золотых монет, золотой поток, золотая речка, переходящая в море. Золотые французские франки пяти-, десяти-, двадцати-, пятидесяти- и стофранкового достоинства, золотые швейцарские франки, золотые гинеи и полусоверены с изображением королевы Виктории, Эдуарда VII и Георга V. Ассигнации фунтов, франков, марок, североамериканских долларов. Ценные бумаги, обязательства по займам, облигации. Данные о наличии, перемещениях, золотые активы иностранных государств, хранящиеся в русских банках, русское золото обеспечения иностранных займов, золотые перстни, содранные с рук расстрелянных, золотые серый, вырванные из ушей гимназисток, золотые браслетки, найденные за иконами крестьянских

изб. Серебряные монеты, серебро в слитках, изделия из драгоценных металлов, произведения искусства из серебра и бронзы (в тысячах пудов). Коллекции музеев, частных собраний, государственных хранилищ пока не оприходовались. Не было времени. Но в ближайшем будущем это будет сделано…

Всего 2, 5 миллиарда золотых рублей по курсу 1913 года. Из них: на личные счета, на «общее дело», немцам по пунктам: а) за финансирование; б) за оказание военной помощи; в) за содержание армии; г) арестованные немецкие депозиты; д) конфискованные товары; е) убытки частных лиц и собственности в результате сорванных контрактов, антинемецких погромов и прочих причин.

Итого: в банки Германии, в банки Швейцарии, в банки Скандинавии и в прочие банки…; транспортные расходы; процент потерь из-за корысти исполнителей. Итого… На личные лицевые счета… Шифры… Ключи… В акции немецкой промышленности и промышленности нейтральных стран. Итого…

Шевеля толстыми губами, Парвус своими водянистыми глазами пробегает колонки цифр, мрачнея на глазах. Мало!

Было недостаточно времени. Это, конечно, еще не все. Вот данные по запасам пушнины, зерна, леса, руды, цветных металлов. После удовлетворения всех немецких претензий… мы бы хотели начать с них и получать. Да, мы понимаем, что немцы сейчас могут взять все сами — силой. Но вот собственноручное письмо Ленина, которое он просил довести до сведения немецких коллег: «…войной с нас ничего не возьмешь, все сожжем!». Ленин есть Ленин. Экстремист в каждом проявлении. Можно было даже удивиться, если бы в конце послания не стояла его суть: «Сырье немцам дать сможем».

Не надо ссориться. Все уладим как цивилизованные люди. Мало, просто потому что мало. Должно быть раз в пять больше. Это минимум. Все потому, что экспроприация идет на эмоциях и бессистемно. Слишком много прилипает к рукам исполнителей. Надо действовать более жестко, обеспечивать контроль.

Настоящий контроль. Создание ВЧК — идея превосходная, но слишком много там ворья. Понятно, что времени у вас было мало, но сколько его осталось — тоже никто не может сказать. Начните действовать еще круче и жестче.

Поучая, Парвус продолжал изучать документы, с необыкновенной легкостью оперируя девятизначными цифрами. Неожиданно из уст великого финансиста вырвалось междометие — некая смесь недоумения, сбывшегося неприятного ожидания и возмущения. Недостача!

Цифры не сходятся. Не может быть! Не может быть? Извольте взглянуть.

Хорошенькое дело! Семьдесят пять… нет, простите… семьдесят восемь миллионов золотом. Следствие началось немедленно. Полетели шифрограммы.

Дзержинский — в Москве (с выездами в Швейцарию), Менжинский — в Берлине.

Результаты оказались сенсационными. Воруют в Петрограде, посылая «груз» куда-то налево через частные банки Скандинавии. Быстро нашли и виновных: Урицкий, Володарский и председатель Кронштадтского ЧК Андронников.[9]

Парвусу ничего не оставалось, как тяжело вздохнуть. Урицкий и Володарский — его любимые ученики, казалось бы, более других проникнутые великой идеей происходящего, специально приставленные к Ленину (в числе многих других), чтобы тот не преподнес каких-либо непрогнозируемых сюрпризов. Обещали разобраться. И действительно, разобрались достаточно быстро. Буквально через месяц ликвидировали Володарского.

Переговоры в Берлине проходили гладко. Ганецкий не зря учился финансовому делу в Берлинском, Гейдельбергском и Цюрихском университетах. Он знал как, где и на каких условиях нужно размещать огромные суммы в твердой валюте. В своих восхищенных воспоминаниях о Ленине (еще бы, на счету самого Ганецкого только в одном из швейцарских

банков ГПУ в 1932 году обнаружило 60 миллионов франков) Ганецкий с удовольствием вспоминает эти дни. «Хотя перспектива встретиться за зеленым столом с немецкими тузами-банковиками Мендельсоном, Глазенапом и другими не особенно радовала меня, делегация наша не так уж плохо вела переговоры. Их результатом было подписание дополнительных соглашений к Брест-Литовскому договору, которые точно определяли размер выплаты по финансовым претензиям Германии, но, в то же время, обеспечивали полную независимость Советской России в области внутренней экономической политики». Чувствительные немецкие банкиры и их швейцарские коллеги пытались что-то бурчать о методах добычи денег. «Но мы им прямо сказали — не лезьте в наши дела, господа хорошие!». (Одно удовольствие цитировать воспоминания «старых большевиков»).

Пока Ганецкий обрабатывал банкиров, Красин занимался промышленниками.

Знаменитый Сименс, потерявший так много собственности в России и жаждавший компенсации, пригласил на встречу с Красиным, по его же собственным словам, «целый полк» магнатов германской индустрии. Магнаты — люди серьезные и весьма оберегающие свою международную репутацию (в отличие от менее щепетильных банкиров) — держались настороженно. Они не поленились ознакомиться с досье новоявленного наркома торговли, и его слишком явное уголовное прошлое их отнюдь не вдохновило.

Но выбирать не приходилось. Зажатая сухопутными фронтами с суши и английской блокадой с моря, Германия агонизировала, несмотря на то, что ее войска занимали добрую половину Франции на западе и маршировали по Тифлису на востоке. Морская торговля прекратилась еще в 1914 году, а гордость Германии и предмет особого обожания Кайзера — флот открытого моря — сделал за всю войну всего лишь одну робкую попытку сбросить со страны английскую удавку. Необходимо было возрождение промышленности. А Красин предлагает сырье, причем в количествах, о которых и мечтать уже немцы не смели.

Количество предложенного сырья они сверяют с агентурными сводками о наличии запасов стратегического сырья у России на начало 1917 года. О, Боже! Им предлагают вымести под метелку все, что с трудом накапливала русская промышленность в годы великой войны. Можно ли воспринимать это серьезно? Что же это за люди, которые пришли там к власти? Нет ли здесь какого-либо мошенничества? Может ли кто-нибудь подтвердить эти предложения? Пожалуйста!

«По всем вопросам, касающимся покупок и продажи товаров Германии, обращаться непосредственно в Генеральное консульство к господину Менжинскому В. Р.», человеку, как говорил Ленин, безупречной репутации… А в это же время Иоффе и Менжинский, не покладая рук, занимались приемом многочисленных грузов, идущих сухопутным и морским путем в адрес полпредства и генерального консульства. Некоторые ящики и контейнеры с ходу переправлялись в Швейцарию.

Парвус мог быть довольным, если бы знал все, Но знал он далеко не все.

Выскочивший из-под его опеки Ленин вовсе не собирался делиться всеми своими планами с бывшим наставником. Некоторые ящики, увешанные дипломатическими пломбами, содержали вовсе не золото в монетах, слитках, ювелирных украшениях и произведениях искусства, не платину и драгоценные камни, вывозимые большевиками за границу, а неряшливо отпечатанные на немецком языке брошюры и листовки, призывающие рабочих и крестьян Германии привести свою страну в состояние того же кровавого хаоса, в которое уже была приведена Россия. А в некоторых уже были и винтовки. Страшная бацилла разрасталась, пытаясь распространить эпидемию на весь мир. «Если представиться возможность так же поступить с Германией, как и с Россией, то мы от этого никак не откажемся», — говаривал циник Радек.

А чем же занимался Менжинский, и что вынудило его шефа — Дзержинского, — бросив дела на Лубянке, неожиданно появиться в Швейцарии? Дело не в том, а вернее, не только в

том, что проворовались Урицкий и Володарский, а как позднее выяснилось, и Зиновьев. Дело было в том, что Ленина начал тяготить Парвус. Не то, чтобы он претендовал на роль вождя мирового пролетариата или осмеливался теоретически полемизировать с Ильичей в печати (Парвус, естественно, и думать давно забыл о таком маразме, как «партийная публицистика»), но Ленин никогда не забывал, чем он обязан Парвусу, а равно и о том, какие обязательства он взял, пересекая воюющую Германию в запломбированном вагоне, и не без основания считал Парвуса весьма опасным свидетелем. Кроме того, автором ПЛАНА был Парвус, а поскольку ПЛАН удался, его автором хотелось стать самому Ленину.

Но и эта причина была не самой главной. Главное заключалось в том, что Парвус своей жирной тушей перекрывал все «интимные» контакты с разветвленной системой западных банков, ведя при этом какую-то свою игру, и неизвестно сколько отстегивал в собственный карман. В подвалах Лубянки накопилось достаточное количество старых и опытных финансистов с международным опытом, которые под пыткой (а чаще даже и без пыток) выдали множество глобальных финансовых секретов и связей, позволявших вести дело в обход Германии с гораздо большим размахом, чем предусматривалось Парвусом. Но это было будущее, а в настоящем Парвус был еще необходим. Поэтому вопрос о его ликвидации хотя и был поднят, но признан несвоевременным и отложен. Чтобы быть совершенно объективным, надо признать, что на том совещании в Кремле 19 июля 1918 года, когда весь мир облетели первые сведения о расстреле Николая II и его семьи, если часто и произносилась фамилия Парвуса, то вовсе не в связи с его ликвидацией, а скорее, с его знаменитой репликой: «Мало!», — и совершенно справедливыми замечаниями о бессистемной и бесконтрольной экспроприации (или национализации), так как сам Ленин, выкинув свой знаменитый лозунг: «Грабь награбленное», — признал неуместным в таких призывах применение нерусских слов. Слушали… Постановили… А затем грянул КРАСНЫЙ ТЕРРОР.

Приказав ликвидировать Урицкого (было за что!) и инсценировав покушение на самого себя[10] Ленин впервые в истории человечества санкционирует массовое истребление целых групп населения, определив социальное положение обреченных туманным ярлыком «буржуй».[11] Списки потенциальных жертв стали составляться сразу же после переворота, когда по личному приказу Ленина была проведена регистрация по месту жительства лиц, принадлежавших к «богатым классам», охватывающая практически все без исключения население страны. Крылатая фраза Ленина: «Пусть 90 % русского народа погибнет, лишь бы 10 % дожило до мировой революции» — фраза, приводившая в восторг его сообщников, считавших, правда, ее гиперболой, стала осуществляться с невиданным размахом. К этому времени уже вся контролируемая большевиками территория была покрыта такой густой сетью разных уездных, губернских и волостных ЧК, что даже газета «Правда», отдавая должное проделанной работе, с восхищением отмечала фактическую замену «власти советов» «властью „чрезвычаек“». Именно в эту зловещую паутину; опутавшую страну, полетели из Москвы инструкции, разъясняющие смысл объявленного террора: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ БУРЖУАЗИЮ КАК КЛАСС. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность „красного террора“.

Но смысл был гораздо глубже, нежели это было возможно вместить в казенный текст официальной инструкции. „Для расстрела нам не нужно ни доказательств, ни допросов, ни подозрений. Мы находим нужным и расстреливаем, вот и все“, — учил своих подчиненных Дзержинский, явно давая понять, что мероприятие надо рассматривать гораздо шире, чем простое уничтожение „богатых классов“. Речь шла о всем народе вообще. Параллельно с объявлением „красного террора“ издается знаменитый Приказ о заложниках, гласящий: „…из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При

малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел‟. Террор сразу же принял формы разнузданной и кровавой бойни. В стране на долгие годы закладывался тот страшный и многогранный беспредел, плоды которого мы пожинаем сегодня.

Но если посмотреть еще глубже, то „красный террор‟ был просто очередным финансовым мероприятием большевиков, изнывавших от того, что на руках у населения остались кое-какие деньги, еще не оприходованные народным банком и наркомфином.

Ночью во все квартиры, населенные лицами, имевшими несчастье до революции числиться дворянами, купцами, почетными гражданами, адвокатами, офицерами, а в данное время — „буржуями‟, врывались вооруженные с ног до головы большевики, производили тщательный обыск, отбирая деньги и ценные вещи, вытаскивали в одном посильном платье жильцов, не разбирая ни пола, ни возраста, ни даже состояния здоровья, иногда даже умирающих тифозных сажали под конвоем в приготовленные подводы и вывозили за город. Часть, в основном молодых и здоровых мужчин, расстреливали на месте, остальных распихивали по тюрьмам и концлагерям, молодых женщин насиловали и часто затем убивали.

Имущество „буржуев‟ конфисковывалось якобы „для раздачи рабочим‟. Но что получили рабочие тогда, когда массовые расстрелы бастующих уже бушевали по всей стране, и что они получили позднее, говорить не приходится. Золото и драгоценности сдавались (к рукам исполнителей прилипало в среднем не больше 15 %), книги, рукописи, талантливые проекты, бесценные архивы — просто выбрасывались, а остальное — частично присваивалось, частично перепродавалось спекулянтам, которых после реализации ловили и также расстреливали, зачастую вместе с покупателями. Все это с теми или иными вариациями происходило по всей стране.

Но это был нижний уровень. Уровнем выше дело шло на более „солидной‟ основе. Человеку, у которого предполагались хорошие деньги, иногда спрятанные в заграничном банке, говорилось совершенно открыто, что поскольку он подлежит ликвидации в силу своего происхождения, воспитания или профессии и деваться ему некуда, то гуманная власть, наступая на горло собственной песне, все-таки предлагает ему жизнь и свободу с выездом за границу в обмен на ничтожную сумму в 400 тысяч рублей золотом или в их эквиваленте в любой другой валюте. Тех, кто сразу соглашался и указывал место хранения денег и ценностей, расстреливали за их укрывательство, тех, кто упирался, подвергали средневековым пыткам, пытали на его глазах и членов семьи, а затем — независимо от результата — расстреливали со всей семьей. Тех же, кто сдавался постепенно, держали в тюрьмах вплоть до 1934 года, потихоньку выжимая из них миллионы.

Но, будем объективны, некоторых и отпускали, ибо суммы были фантастическими, а коррупция уже настолько охватила „рыцарей революции‟, что они часто были не в силах побороть искус. Особенно отличался в этом отношении Петроградская ЧК и ее революционный Кронштадтский филиал, возглавляемый уже знакомым нам князем Андронниковым. После ликвидации Урицкого в „колыбели революции‟ орудовал Глеб Бокий. Любимец Дзержинского, он, после мастерски организованного покушения на своего бывшего шефа Урицкого, стал быстро продвигаться по служебной лестнице. Его умение выкачивать деньги из заложников вызывали зависть и восхищение в Москве.

Именно ему принадлежит блестящая идея кормить зверей в столичном зоопарке мясом расстрелянных. Экзотические звери стоили дорого, и их еще надеялись кому-нибудь напоследок продать.

Но главное, конечно, было не в этом. Главное было в том, что из Петрограда за деньги начали отпускать заложников. В Москве узнали об этом из секретного донесения знаменитой Яковлевой — одной из заместительниц Бокия.

Выяснилось, что в бывшей столице империи проводятся тайные операции.

Заложников арестовывают тайно, содержат где-то на конспиративных квартирах, договариваются об астрономических суммах выкупа, а затем тайно переправляют через финскую границу. Полученные деньги никуда не поступают и не оприходуются. Таким образом, удалось спастись ряду лиц, которых никак нельзя было выпускать за пределы страны. В настоящее время, доносила Яковлева, ведутся секретные переговоры с содержащимися в Петропавловской крепости бывшими великими князьями Николаем Михайловичем, Григорием Михайловичем, Дмитрием Константиновичем и Павлом Александровичем, которым за огромный выкуп обещана свобода и выезд за границу. Уже получена значительная сумма, в счет которой за рубеж переправлена семья бывшего великого князя Александра Михайловича с женой Ксенией Александровной (сестрой бывшего царя) и шестью детьми. Братья определили, что как многодетный, он должен спастись первым.[12] Из доноса следовало: в Петрограде реализуется контрреволюционный сговор с целью личной наживы.

Разразился страшный скандал. Всех великих князей быстро расстреляли от греха подальше. Следствие, быстро проведенное по прямому указанию Ленина, установило причастность к „тайной операции‟ верхушки ЧК во главе с Дзержинским. Дзержинский, Бокий и еще ряд лиц были временно отстранены от занимаемых должностей. Ленин орал на Дзержинского и грозил разогнать ЧК.

Дзержинский криво улыбался. Он понимал шутки. Все удалось свалить на „стрелочников‟. В Петрограде с шумом и гамом был арестован начальник одного из райотделов ЧК, некто Козырев. Арестован в тот момент, когда на конспиративной квартире обменивал у каких-то иностранцев ювелирные изделия на фунты стерлингов. Судили революционным судом публично. В обвинительном заключении перечислялись многочисленные преступления Козырева. Оказывается, „товарищ Козырев опустился настолько, что позволял себе воровать золотые тарелки, ложки и вилки из столовой ЧК‟. Как в столовую ЧК попали „золотые тарелки, ложки и вилки‟, никто в обвинительном заключении, конечно, не уточнял, и никто не осмеливался задать этот вопрос.

Поток ценностей в столицу Германии продолжался. Выкачиваемые из страны вместе с кровью богатства шли на запад, в разветвленную паутину международных банков. Кровь, только кровь оставалась в России. А главное национальное богатство страны — ее инициативный, предприимчивый, талантливый и трудолюбивый народ сбрасывался десятками тысяч в братские могилы. Пусть кто-нибудь попробует возразить, что у преступной банды, захватившей страну, были какие-либо другие намерения, кроме как ограбить и уничтожить эту страну. Педантичные немцы точно учитывали весь вывоз из „совдепии‟ до самого своего крушения в ноябре 1918 года: 2 миллиона пудов сахара, 9132 вагона хлеба, 841 вагон лесоматериалов, 2 миллиона пудов льноволокна, 1218 вагонов мяса, 294 вагона пушнины и т. д.

В благодарность немцы открыли дорогу интернациональной армии на Дон.

Обеспеченная на флангах немцами, армия интернационалистов вторглась в область Войска Донского, имея четкую, подписанную Лениным и Свердловым инструкцию: „Решить проблему казачества… путем поголовного их истребления… Провести массовый террор против богатых (опять! — И. Б.) казаков, истребив их поголовно… Расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие (у казаков оружие было в каждом доме. — И. Б.)… Все деньги и ценные вещи конфисковать, оприходовать и сдавать…‟. А ведь бедняга Гитлер еще валялся тогда в госпитале, приходя в себя от газовой атаки англичан…

В ноябре 1918 года рухнула и капитулировала Германия. Еще до этого советский посол Иоффе попался на распространении листовок и был выслан.

Вскоре он, правда, вернулся, но раздавал уже не листовки, а винтовки прямо во дворе советского посольства. Условия капитуляции, жестко продиктованные западными союзниками, требовали быстрого отвода немецких войск со всех захваченных территорий в Германию. Глубокой ночью 3 ноября 1918 года германский консул в Петрограде нанес прощальный визит Зиновьеву. Они вдвоем неплохо потрудились в течение прошедшего года. Только вмешательство Ленина, не желавшего „международного" скандала, так как Зиновьев был председателем Коминтерна, — помогло тому выпутаться из петроградских афер с Андронниковым, Урицким и Володарским, в которых Зиновьев завяз по уши.

Прощание носило несколько нервный характер. Завершалась глобальная, великолепно скоординированная операция, принесшая обеим сторонам фантастические барыши. Еще существовала линия связи через Прибалтику, удерживаемая „железными гренадерами" фон дер Гольца, но иллюзий уже ни у кого не было. Даже фон дер Гольц в таких условиях не мог удержаться.

Будущее Германии и се судьба виделись в тусклом, но весьма мрачном свете. Еще более неопределенной выглядела судьба большевиков, Что они смогут сделать, лишенные немецкой поддержки? Немцы проделали гигантскую работу, срывая все попытки организованного выступления против большевиков каких-либо сил ошеломленного русского общества, эффективно разрушив, в частности, зарождающийся мощный союз Донского и Кубанского казачества с Добровольческой армией.

Немцы, однако, намеревались терпеть эту банду в Кремле только до окончания воины, которую они все-таки надеялись завершить если не победой, то вполне приемлемым миром. С другой стороны, в Кремле уже имели гарантии от Либкнехта и Люксембург, что Германия не сегодня-завтра будет сброшена в ту же пропасть, что и Россия. Поэтому план бегства в Германию (а там, мол, посмотрим!) оставался почти неизменным. Отработанный еще в 1917 году, он предполагал почти мистически быстрое исчезновение и уже дважды чуть не был приведен в действие. Первый раз, когда после убийства немецкого посла Мирбаха ожидался захват немцами Москвы, поскольку совершенно справедливо считалось, что терпению немцев пришел конец. Второй когда стало известно о высадке англичан в Архангельске, так как никаких сил для противодействия им не было. Но англичане, не ведая, какую панику они вызвали в Кремле, наступать никуда не собирались. Их задачей было взять под контроль горы оружия, накопившиеся за годы войны в Архангельском порту, из-за опасения, что большевики передадут это оружие немцам. Теперь, в третий раз, был объявлен „предупредительный период", поскольку обстановка после ухода немцев была непрогнозируемой.

Немецкий консул, как и положено дипломату, перед отъездом выразил Зиновьеву сожаление, что наступил конец столь плодотворному сотрудничеству, каковое имело место между правительствами Германии и РСФСР за истекший год.

Нахальный Зиновьев, не считая нужным держаться в рамках дипломатического этикета, которого он и не знал, ответил консулу на языке херсонских лавочников, некогда давших главе Коминтерна начальное революционное образование: „Чего там сожалеть! Вы столько нахапали по Брестскому миру, что могли бы быть и довольны!".

Старая школа кайзеровской дипломатии более всего ценила в своих представителях железную выдержку. Консул сдержался, но все-таки не мог не выйти за рамки протокола, ответив Зиновьеву: „Еще неизвестно, кому этот Брестский мир больше пошел на пользу, вам или нам". На том и расстались.

Уход немцев воодушевил национальные силы антибольшевистского сопротивления. Слабые и разобщенные, практически невооруженные, сдерживаемые немецкими штыками и непониманием союзников, они все-таки предприняли отчаянную попытку сбросить с России это страшное, неизвестно откуда взявшееся иго. Смело маневрируя своими малочисленными

войсками, горстка старших офицеров бывшей императорской армии начала стремительное наступление на захваченные центральные и восточные районы России.

К сожалению, бацилла большевизма разложила уже и тылы белой армии и в, большей степени — саму армию. Эта бацилла, так точно выраженная ленинскими словами: — „На Россию мне наплевать, ибо я — большевик‟, — в сочетании с заклинаниями о всеобщем равенстве, охватила и те слои русского общества, которые уже были объявлены ленинскими декретами „враждебными классами‟ и беспощадно уничтожались.

Генерал Деникин с горечью вспоминает: „Спекуляция достигла размеров необычайных, захватывая в свой порочный круг людей самых разнообразных кругов, партии и профессий…‟. Несомненно, что не в людях, а в общих явлениях народной жизни и хозяйства коренились причины бездействия — дороговизна и неразрывно связанная с ней спекуляция. Их вызывало общее расстройство денежного обращения и товарообмена, сильное падение труда и множество других материальных и моральных факторов, привнесенных войной и революцией… Казнокрадство, хищения и взяточничество стали явлениями обычными, целые корпорации страдали этим недугом. Ничтожность содержания и задержка в его получении были одной из причин этих явлений. Так, железнодорожный транспорт стал буквально оброчной статьей персонала.

Проехать и отправить груз нормальным путем зачастую стало невозможным. В злоупотреблении проездными „литерами‟ принимали участие весьма широкие слои населения. В нем, например, изобличены были в свое время и состав редакции столь демократической „Родной Земли‟ Шрейдера, и одна большая благотворительная организация, которая распродавала купцам предоставленные для ее нужд „литеры‟ по договору, обусловливавшему ее участие в 25-процентной чистой прибыли.

Донское правительство, отчаявшись в получении хлеба с Кубани (на Дону не стало хлеба за неполные полгода большевистской оккупации. На Дону, который кормил полмира! — И. Б.), поручило закупку его крупному дельцу Молдавскому. Хлеб, действительно, стал поступать массами, хотя и обошелся донской казне чрезвычайно дорого. При этом вся Кубань и все железные дороги края были покрыты контрагентами Молдавского, которые по таксе и по чину совершенно открыто платили попудную дань всей администрации от станичного писаря и смазчика до… пределов не знаю. В Кубанской Раде был даже поднят вопрос о том, что Молдавский развратил всю администрацию. Мне кажется, однако, что сетования Рады были не совсем основательны: лиходатели и лихоимцы только дополняли друг друга на общем фоне безвременья. Традиция беззакония пронизывала народную жизнь, вызывая появление множества авантюристов, самозванцев — крупных и мелких… В Городах шел разврат, разгул, пьянство и кутежи, в которые, очертя голову, бросалось и офицерство, приезжавшее с фронта. „Жизни — грош цена. Хоть день, да мой!..‟. Шел пир во время чумы».

Но даже в таких условиях талантливейший русский полководец начала века стремительно вел свои войска на Москву. Армия генерала Деникина даже на пике своего могущества никогда не превышала 150 тысяч человек, но в течение нескольких месяцев она очистила от большевиков огромную территорию, освободив Харьков, Полтаву, Киев (которые немцы любезно отдали Ленину при отходе), овладев Воронежем и Орлом. Остановившись, чтобы перегруппировать силы, Деникин бросил в рейд на Москву конный корпус казачьего генерала Мамонтова численностью в 7000 сабель. В приказе Мамонтову была четко поставлена задача: «Вам надлежит, пополняя силы за счет антибольшевистски настроенных слоев населения, развить наступление на Москву, опустошая тылы противника и контролируя основные пути сообщения в направлении на Москву в целях обеспечения общего удара армии в указанном направлении».

Без труда прорвав фронт красных интернационалистов, конница Мамонтова устремилась к древней столице России. Но ее наступательный порыв сразу же иссяк. В каждом городке, в любом населенном пункте подвалы местных чрезвычаек и ревкомов открывались перед

казаками сказочными пещерами Али-Бабы. Золото, драгоценные камни, ювелирные украшения, монеты, слитки, произведения искусства. Казаков охватила золотая лихорадка. Все военные задачи были немедленно забыты. Вместо похода на Москву Мамонтов, почти не встречая организованного сопротивления, чистил подвалы ЧК и РВК.

На 60 верст, по свидетельству очевидцев, растянулся мамонтовский обоз, когда отягощенные добычей казаки повернули назад, но не на соединение с армией Деникина, а домой — на Дон. Казалось, что вернулись славные времена тихого Дона, времена XVI и XVII веков, когда донская вольница совершала лихие набеги и с богатой добычей возвращалась к родным куреням. Обнажая фланг армии, корпус Мамонтова вступил в родную область Всевеликого войска Донского, Казаки разбегались по родным станицам и хуторам. В Новочеркасске радостно гудели колокола кафедрального собора, встречая корпус Мамонтова после набегов. 2000 казаков привел с собой лихой генерал, пять тысяч разбежалось по дороге. Радость стояла неописуемая. Генерал Мамонтов только из личной доли добычи пожертвовал на купола и кресты Новочеркасских соборов и церквей 90 пудов золота! (Ох, отзовется это золото станичникам! До 1941 года чрезвычайная следственная комиссия ГПУ и НКВД будет выдавливать из бывших мамонтовцев это золото вместе с кишками. Все они будут взяты на учет.

Многих достанут даже за границей. Мамонтову здорово повезло, что он вскоре умер, так и не осознав, что он погубил Белое дело, подняв руку на Золото партии!).

В Казани около 8 месяцев свирепствовал красный террор, пополняя партийную казну. Но бежать из Казани пришлось столь стремительно, что ничего, конечно, вывезти не успели. Едва хватило времени, чтобы перестрелять арестованных заложников. Золото складировалось в обширных подвалах местного банка, так как подвалы чрезвычайки были забиты трупами. Почти четыре часа после того, как большевики уже ушли, а белые еще не вошли, лихая толпа громила банк. Ломая двери и кости друг другу, визжа, крича, давясь и убивая всех, попадавшихся на узкой винтовой лестнице, ведущей в хранилище банка, озверелая толпа накинулась на груды золота и драгоценных камней. Золотые монеты и драгоценности тащили в ведрах, в котелках, в сапогах, в узлах из рубашек, в пригоршнях. Но стихийный грабеж тем и отличается от того систематического ленинского, что много таким образом не утащишь.

Белые войска, разогнав выстрелами толпу, взяли под охрану здание банка, золотой запас которого составил основу печально-знаменитого колчаковского золота, следы которого не могут найти до сих пор. В тех немногих городах, которые заняла армия Колчака, адмирал собрал 8878 пудов, то есть 142 тонны золота. Часть его была истрачена на закупки оружия, а часть, жертвуя собою, Колчак вывез за границу, где его попросту украли.

В Москве царила паника, но не меньшая паника царила и в Петрограде, к которому с юга приближался с крохотной армией, наполовину составленной из гимназистов, генерал Юденич. В спешке расстреливались те, кого еще не успели расстрелять. Расстреливались и семьи. «Пусть надолго нас запомнят, если победят». Зиновьев умирал от страха. Ленин слал ему бодрящие телеграммы: вооружать рабочих и бросить на Юденича, поставив сзади пулеметы «интернационалистов», чтобы не думали об отступлении. У мобилизованных офицеров взять в заложники семьи, предупредив их, что все семьи будут расстреляны, если Юденич не будет остановлен. Расстреливать всех. Особенно всех бывших крупных военных и чиновников, невзирая на возраст. Денег у них пет, а потенциальная опасность есть. В вихре массовых убийств погибли замечательные русские флотоводцы, ученые: адмирал Скрыдлов, Иессен, Штакельберг, Бахирев и Развозов. Но перспектива крушения не могла быть компенсирована только массовыми убийствами. Принимались и другие меры.

Сначала все делалось, как обычно, по-дилетантски. К богатому когда-то заложнику, дрожавшему в ожидании расстрела, приходили с предложением о продаже недвижимости другому лицу, как правило, иностранному подданному.

Оформлялись соответствующие документы, скрепленные подписями сторон и личными печатями. То, что эта недвижимость (заводы, магазины, пароходы, железные дороги, издательства и пр.) уже национализирована, никто не вспоминал, а заложник-смертник, естественно, никаких лишних вопросов не задавал, если ему обещали жизнь за продажу уже национализированного имущества. Затем заложника расстреливали, все документы о нем изымались, и он как бы пропадал без вести. А все права на его имущество переходили к другому лицу.

Таким образом большевики планировали, говоря современным языком, войти в рынок путем приватизации чужого имущества. Если, скажем, белым удалось победить, то они в первую очередь были бы заинтересованы в быстрейшем налаживании хозяйственной жизни. Какой-нибудь завод, находящийся в частном владении, ими бы только приветствовался. Владельцем завода оказывался никому ранее не известный господин Н. Но все помнили, что этот завод принадлежал купцу Парамонову. Господин Н. показывал купчую, согласно которой купец Парамонов продал ему завод еще в 1916 году. Почему об этом никто не знал?

Коммерческая тайна. Дело в том, что бывший владелец попал в очень трудное финансовое положение и не хотел огласки. А где он сейчас? Неизвестно.

Господин Н. заявляет, что после заключения сделки он уехал из России и не видел г. Парамонова с 16-го года. Известно, какое время было. Куда всех раскидало. «Есть, однако, данные, что Парамонов был схвачен и убит большевиками со всей семьей». — «Боже мой! Какие изверги! Какой был прекрасный человек!»…

Конечно, тут неизбежно могли быть проколы, частные разоблачения.

Возможно, что пронырливые журналисты выдвинули бы смелую версию о проведении подобной операции, находили бы свидетелей, выдвигали бы предположения, что вся экономика страны находится в руках большевистских агентов. Но доказательств в большинстве случаев найти не удалось бы. Да и не разрушать же из-за этого собственную экономику! Все работает, и прекрасно. А политические убеждения владельцев — это дело второстепенное.

Чуть позднее, когда в ЧК появился отдел графологов и фальшивомонетчиков, заложников уже не беспокоили предложениями, а просто расстреливали, оформляя все нужные документы самостоятельно и на высоком уровне. Было изготовлено огромное количество фальшивых банковских книг, векселей, заемных писем, купчих с пометками, начиная с 1912 года, с подписями известнейших лиц, часть из которых уже успела умереть своей смертью, а часть была уничтожена. Причем часто такие люди уничтожались не только со всей семьей, но и с ближайшими сотрудниками, если таковых удавалось схватить.

Все это предусматривалось на случай бегства из страны и крушения режима, а поскольку большевики никогда за все время своего 74-летнего правления не были уверены в завтрашнем дне, удивляясь больше всех, что их еще не скинули, то план, естественно модернизируясь и корректируясь, существовал всегда и дожил до наших дней. Однако, к сожалению, режим не рухнул. «Почитай, нет в России ни одного дома, у которого мы прямо или косвенно не убили мать, отца, брата, дочь, сына или вообще близкого человека, — удивлялся Бухарин.. — И все-таки Феликс спокойно, почти без всякой охраны, пешком разгуливает (даже по ночам…) по Москве; а когда мы ему запрещаем подобные променады, он только смеется презрительно и заявляет: „Что? Не посмеют, пся крев!‟. И он прав: не посмеют…». Удивительная страна! И вещи в ней происходили поистине удивительные! Из-за границы в Москву приходили шифровки следующего содержания: «Удалось расшифровать счет в банке Кройза и Функа (Берн) за номером В — латинское, С — латинское, триста сорок восемь пятнадцать девяносто шесть ноль ноль семнадцать, Зет — латинское, Т. Счет в 1 миллион 800 тысяч швейцарских франков принадлежит Парфенову Никодиму Пантелеевичу — акционеру общества „Кавказ и Меркурий‟. Девиз счета выяснить не удалось. Керд».

Не зря Дзержинский ездил в Швейцарию, не зря старался и Парвус. Банки не только принимали не отмытое от крови золото, но и наводили на своих клиентов ЧК, поскольку подобную шифровку мог прислать только банковский служащий. К шифровке подколота справка: «Парфенов Никодим Пантелеевич, инженер-мостовик и промышленник, акционер Волго-Каспийских компаний речного судоходства. В настоящее время находится в Киеве у белых». Ничего, подождем. Никуда ты, голубчик, не денешься. Сам нам скажешь и девиз, и все остальное, необходимое для снятия денег. И за границей тебя достанем, если надо.

Естественно, что уже все, кто хоть как-то контактировал с главарями новой власти, ходили с карманами, набитыми валютой и золотыми монетами.

Почему-то в те времена было еще не совсем ясно, кому это можно, а кому нет.

С иностранной валютой попался даже знаменитый машинист «легендарного» паровоза № 293 Финляндской железной дороги Ялава, доставивший Ленина в Петроград накануне переворота. За хранение иностранной валюты и золота многочисленные, дублирующие друг друга декреты и указы предусматривали расстрел без суда и следствия. Если же очень повезет, то конфискацию. Спасать машиниста пришлось лично Ленину. В записке известному чекисту-палачу Уншлихту вождь мирового пролетариата пишет: «Лично зная тов. Ялаву с 1917 года, я подтверждаю его несомненную честность и прошу распорядиться о немедленной выдаче ему отобранных у него денег. Прошу прислать мне копию распоряжения Вашего с указанием имени ответственного за исполнение лица. Второе: прошу затребовать все документы об обыске у тов. Ялавы и прислать их мне. Прилагаемое прошу вернуть. С ком. приветом Ленин».

«Товарищу Ленину, — срочно телеграфирует Уншлихт. — По существующим положениям иностранная валюта подлежит конфискации, что, вероятно, и сделала Петгубчека. Время и место ареста Ялавы не указано, что влияет на срочность исполнения Вашего распоряжения. С коммунистическим приветом Уншлихт».

На телеграмме Ленин пишет резолюцию: «Т. Н. Горбунов!., скажите мне итог. 1) Возвращены ли деньги? 2) Какое наказание отбыл Ялава и когда окончил? 11/VI. Ленин». На запрос управделами ВЧК ответила, что Ялаве возвращено «все, кроме золотой, серебряной и иностранной валюты».

Таким образом, «золотой курьер» Ялава, вывозивший золото в Скандинавские банки, попался, так как, конечно, кое-что у него «прилипло к карманам». И, естественно, было обнаружено и изъято.

Но не все, имевшие старые заслуги, отделывались так легко, то есть простой конфискацией. «Сгорел» и председатель Кронштадтского ЧК легендарный князь Андронников. Воровал князь крупно, но и. работу делал гигантскую.

Помимо отправки грузов в Германию и Скандинавию и дальше — в Соединенные Штаты через Кронштадт, — он еще и обрабатывал заключенных в знаменитых кронштадтских тюрьмах, куда направляли особо упорных, не желавших пи под каким видом отдавать свои состояния, подписывать купчие и называть шифры своих счетов. Бывший князь с каждым работал индивидуально, выжимал из них все, но далеко не все докладывал начальству, составляя собственную шифрованную картотеку. Дважды выкручивался он и от дела Урицкого, и от дела Бокия, ловко перекидывал деньги на собственные секретные счета в двух банках в Швейцарии и Швеции, да не знал по наивности, что из банков идет секретная информация в Кремль. «Архиважные» и «конспиративные» задания выполнял князь-чекист как до переворота, так и после него. Назначенный в ЧК Кронштадта по рекомендации Ленина и Дзержинского, Андронников прекрасно знал, куда и с каким грузом уходят от кронштадтских причалов в туманную мглу Балтики таинственные пароходы под непонятными флагами, а то и вовсе без флага. А потому, после крушения Германии настал и его час. Но

такого человека, как князь Андронников, убрать было не так легко. Слишком высок был его авторитет в ЧК. И действовать надо было «архиделикатно».

На такой случай Ленин имел при себе небольшую команду исполнителей, числившихся при Управлении СНК и не имевших к ЧК никакого отношения.

Занималась команда внутрипартийными разборками, когда дело касалось большевиков с большим дореволюционным стажем. Нечто вроде комиссии партконтроля, но с гораздо большими полномочиями. И все дело князя шло не по чекистской, а именно по партийной линии, для чего Ленин направил секретное письмо Зиновьеву в Петроград следующего содержания: «Тов. Зиновьев. Прошу назначить исключительно партийных, опытных, абсолютно надежных товарищей для расследования поведения… бывшего князя Андронникова (друга Распутина, Дубровина и так далее), служащего в ЧК в Кронштадте. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)».

Все припомнили бывшему князю: и дружбу с Распутиным и Дубровиным, и службу в Синоде, и дела с царским двором, но расстреляли за шпионаж в пользу Германии. Занятно!

1 марта 1919 года в Москве открылся международный съезд «левых социал-демократических партий», который 4 марта объявил себя Первым конгрессом Коминтерна. Раздираемые завистью и восхищением, авантюристы всего мира ринулись в Москву в надежде урвать для себя какую-то долю от небывалого в человеческой истории разбоя и получить методику для подобного же уничтожения собственных стран. Ленин никогда не скрывал своих планов мирового господства и был в ударе: «Мы никогда не скрывали, что наша революция — только начало, что она приведет к победоносному концу только тогда, когда мы весь свет зажжем таким огнем революции… Осуществив советскую власть, мы нащупали международную всемирную форму диктатуры пролетариата… Наше дело — есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики… Борьба международного пролетариата против буржуазии носит, и должна носить характер бешеной, отчаянно-жестокой классовой борьбы… Не понять даже теперь (в 1919 году), что в России идет (и во всем мире начинается и зреет) гражданская война пролетариата с буржуазией, мог лишь круглый идиот, ибо в гражданской войне угнетаемый класс направляет усилия к тому, чтобы уничтожить угнетающий класс до конца, уничтожить экономические условия существования этого класса!». Ну как было не слететься в Москву на подобные призывы к мировому разбою?

5 марта 1919 года в Большом Кремлевском Дворце состоялся прием в честь делегатов конгресса. Яркий электрический свет заливал старинную лепку дворцовых стен — творение архитектора Тона. Столы ломились от яств. Резные блюда с икрой, целиком сваренные осетры, огромная белуга, занимавшая треть стола, молочные поросята, ананасы и виноград, старинные вина, еще сохранившие на этикетках штампы частных коллекций (включая и царскую). Ленин лично подписал разнарядку, указав Горбунову доставить к столу из запасов Совета Народных Комиссаров «икру — 110 пудов, поросят молочных — 800, рыбы красной — 200 пудов». Элегантные костюмы делегатов и обнаженные плечи женщин, одетых по последней европейской моде, хотя и контрастировали со строгими френчами «народных» комиссаров, но создавали дополнительную экзотику, давая понять всем присутствующим, что мировая революция — не такое уж плохое дело, и за нее стоит пойти на известный риск, коль уже это проверено на России.

В обескровленной и разграбленной стране свирепствовал голод, начиналось людоедство, шли массовые убийства без суда и следствия, в Бутырскую тюрьму свозились дети «богатых классов» для поголовного истребления, свирепствовали эпидемии сыпного и брюшного тифа, заживо гнили заложники, черными громадами торчали из заснеженных улиц мертвые дома без отопления и электричества, а здесь уже было создано то самое знаменитое «Зазеркалье» — маленькое государство с уже построенным коммунизмом посреди

уничтоженной России, засекреченное и охраняемое более тщательно, чем все государственные и военные тайны, вместе взятые.

И чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений, что борьба за счастье рабочего класса, а равно и всех прочих угнетенных классов, приносит свои плоды, гостей сводили в Гохран. Эта организация, созданная Лениным еще 1917 году, была тем центральным складом, куда свозились и откуда направлялись куда-то в опломбированных ящиках награбленные ценности, создавая неиссякаемый золотой и бриллиантовый поток. Никакая фантазия Шахерезады не могла представить себе ничего более впечатляющего, чем это хранилище, где сконцентрировались все ценности, накопленные страной и ее жителями за несколько веков. Жалким выглядит Иван Грозный, который хвастался своими несметными, как ему казалось, сокровищами перед английским послом, присланным в Москву королевой Елизаветой. Увидел бы он, чем владел Ленин!

Делегатам становилось плохо. С одним из коминтерновцев произошла истерика, которой он выдал всю свою мелкобуржуазную сущность; последовал арест. Но выслан он был только в 1922 году. Разбирались.[13]

Делегаты разъехались по домам радостные и возбужденные. Хозяева в Москве не были скупы: каждый из членов конгресса увез с собой достаточно средств, чтобы создать в своих странах «большевистские организации» и подготовить мировую революцию. Как говорилось — «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!..».

Не все, конечно, проходило гладко. Финские пограничники поймали знаменитого Отто Куусинена, пытавшегося провезти в Финляндию контрабандой полученные в Москве бриллианты, некоторые из которых были занесены в международные каталоги, и их владельцы были хорошо известны.

Разразившийся скандал, хотя и не был услышан в Москве, но имел достаточный резонанс в мире. Вскоре (в феврале 1920 года) оскандалившемуся вождю финского рабочего движения пришлось бежать от полиции по льду Финского залива и навсегда поселиться в Москве, где благодарный Ленин сделал его секретарем исполкома Коминтерна, а Сталин даже хотел сделать президентом Финляндии.

Подобные «проколы» случались и с делегатами некоторых других стран, но это было несущественно, поскольку Москва никаких претензий не принимала и не выслушивала, но довольно потирала руки: большевистские партии стали везде вырастать, как поганки в лесу. Почва была хорошо удобрена военной депрессией. Одно только вызывало беспокойство — нигде, кроме Венгрии, никто активных действий не предпринимал.

Правда, и в Венгрии все это продолжалось недолго. Беле Куну пришлось сбежать в Москву, однако часть венгерского золота все-таки удалось украсть и перекинуть за границу, создав для этого собственный канал. Ленин уже тогда стал с некоторым подозрением поглядывать на слишком шустрого венгра, но сердце вождя тешилось тем террором, который Бела Кун начал в Венгрии, но, увы, не успел закончить. Не хватило времени. Утешение было особенно необходимо, так как страшно подвели немецкие товарищи со своей пролетарской революцией. Уж, казалось, им-то все было разложено по полочкам. Ан, нет.

Трусливые социал-демократы не решились применить в Германии ленинские методы, когда пришли к власти после падения монархии. Более того, они позволили кайзеру бежать в Голландию и, подавив вооруженной силой коммунистический мятеж, выслали вон из Германии советского полпреда Радека, посланного в Берлин для «углубления» немецкой революции. Дипломатические отношения с Москвой были разорваны. При этом убиты ленинские агенты К. Либкнехт и Р. Люксембург, арестован ряд банковских счетов, столь легкомысленно размещенных в Германии по совету Парвуса. Кто же мог подумать, что так оно обернется!

Разъяренный Ленин, как всегда, не стесняясь в выражениях, обрушился со страшной руганью в адрес своих вчерашних дружков: «Во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии Германии оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной продавшейся капиталистической сволочи… самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контрреволюционной буржуазии». Отношения с Германией были восстановлены только после того, как там снова пришли к власти «буржуазные» партии. Ленин был злопамятен.

В июле 1920 года открылся сначала в Петрограде, а затем в Москве II Конгресс Коминтерна. Если на Первом конгрессе выбирали руководство Коминтерна и избрали Зиновьева его председателем, всласть поели, попили, покутили, отоварились золотом и бриллиантами, то на Втором конгрессе начали уже говорить по существу. Да и обстановка уже была совсем другой. Донские и кубанские казаки, бросившие на произвол судьбы добровольческую армию, положили начало развалу Белого движения, чей лозунг: «За Россию единую и неделимую»- не нашел отклика у многонационального населения умирающей империи. Поляки, собравшиеся выступать вместе с Деникиным, отчаянно нуждавшимся в любых подкреплениях, потребовали признания своей независимости. То же самое требовали финны от Юденича на переговорах о совместном походе на Петроград. «Мы Россией не торгуем», — неизменно отвечали вожди Белого дела, предпочитая неизбежное поражение отказу от своих священных патриотических принципов.

Россией торговали другие и, довольно бойко.

Развал белого движения открывал радужные перспективы проведения октябрьского переворота в мировом масштабе. Поэтому в центре внимания II Конгресса стояли основные вопросы программы, стратегии, тактики и организации Коминтерна. Решения II Конгресса по всем этим вопросам, выработанные под непосредственным руководством Ленина, легли в основу программы и всей работы Коминтерна. Открывая Конгресс, Ленин продекламировал свой любимый тезис: «Наше дело — есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики» (долгие аплодисменты, оркестр играет «Интернационал»).

Ленинскую мысль развил председатель Коминтерна Зиновьев, поучая на нескольких заседаниях делегатов, как надо организовать дело, чтобы прямиком пройти к мировому господству: «Решающим средством борьбы для нас является вооруженное восстание, а для этого требуется организация революционных сил на военную ногу, а следовательно, централизованная партия».

В соответствии с поставленной задачей Конгресс принял устав Коминтерна как единой международной коммунистической партии с национальными «секциями» в разных странах. В результате совершенно естественным было создание Военного отдела Коминтерна, который свою задачу определил следующим образом: «Самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка… Красная Армия, главное оружие рабочего класса, должна быть подготовлена так, чтобы выполнить свою наступательную миссию на любом участке будущего фронта… Границы же этого фронта, в ближайшую очередь, определяются пределами всего материка Старого Света». Вот такие были аппетиты.

Принятая конгрессом резолюция об основных задачах Коммунистического интернационала гласила: «Только насильственное свержение буржуазии, конфискация ее собственности, разрушение всего буржуазного государственного аппарата снизу доверху, парламентского, судебного, военного, административного, муниципального и пр. могут обеспечить торжество пролетарской революции». Для ее успеха международная коммунистическая партия должна быть построена «на основе железного пролетарского централизма» и «военной дисциплины».

Кроме того, конгресс принял еще весьма многословный и агрессивный манифест ко всем трудящимся всего мира с призывом «убить империализм».

Однако для эффективных действий подобной международной военно-террористической организации, кроме марксизма, беспринципного энтузиазма, нечеловеческой жестокости, резолюций, уставов и манифестов — нужны были еще и немалые деньги, а где же их было взять, если не в столице будущей всемирной пролетарской империи, где и проходил конгресс, то есть в Москве. Поэтому «было решено обратиться к Российской коммунистической партии с предложением временно взять на себя главное бремя материальных издержек по работе Исполнительного комитета Коминтерна».

Награбленные деньги тратятся легко. Последовало сразу два ответа: один от Ленина, второй — от Зиновьева.

Ленин, с несвойственной ему нежностью, писал: «Российская коммунистическая партия, разумеется, сочла долгом чести для себя пойти навстречу этому предложению Исполнительного Комитета». Ему вторил Зиновьев: «Российская коммунистическая партия считает долгом величайшей чести прийти на помощь братским партиям всем, чем она может».[14]

Получив из Москвы огромные суммы, представители «братских» партий лихо принялись за дело. Создавались фирмы и акционерные общества — липовые и настоящие, скупалась недвижимость, подкупались государственные деятели, организовывались стачки и даже акты саботажа. Как цунами, обрушились на обескровленную войной Европу всевозможные коммунистические газеты и журналы, предрекающие неизбежную гибель европейской цивилизации, порождая самые разнообразные побочные течения вроде фашизма и нацизма. Не дремал и военный отдел, создавая по всей Европе боевые «отряды пролетариата», вроде Ротфронткамлфбунда, где, помимо многих других, начинал свою карьеру будущий президент Чили Альенде. Им шили форму, закупали оружие, которое, при необходимости, можно было получить и даром в любом советском полпредстве или торгпредстве. Зрела «всеевропейская пролетарская революция».

Но как бы это ни радовало, превращение Европы в огромное поле опустошительной гражданской войны требовало заблаговременного принятия мер по размещению выкачанного из России золота где-нибудь в более безопасном месте. Швейцария и Швеция, а тем более, управляемая «мерзавцами и предателями» Германия для этой цели не годились. Особенно Швейцария, где существовал хорошо продуманный план эвакуации содержимого банковских сейфов в такие альпийские хранилища, где даже «всемирная ЧК» не нашла бы их и за сотню лет. Поэтому и было решено заранее, с соблюдением всех правил, начать перевод денег в банки Соединенных Штатов. Америка была далеко и в ближайшие планы Ленина не входила, а с ее ведущими финансистами было даже приятнее иметь дело, чем с молчаливыми швейцарскими гномами.

Беда была только в том, что по американским законам крупные вклады в банки США можно было осуществлять только при наличии широких торговых отношений с американскими фирмами, одобренных правительством. В отличие от Швейцарии, американские банки никогда не были простыми хранилищами, а были, скорее, сердцем, направляющим золото в артерии национальной экономики. Речь идет именно о том времени, когда еще не существовало ни Международного валютного фонда, ни экономических союзов, ни международных банковских систем. Швейцарские банки, в отличие от настоящего времени, не были еще подключены в мировую экономику, которой просто не существовало, и занимались, грубо говоря, простым накопительством и ростовщичеством.

Империализм только рождался, а не умирал. Именно его младенческий крик Ленин ошибочно принял за предсмертный стон и, вдохновленный этим открытием, стал радостно

копать могилу империализму, в которую, в итоге, пришлось лечь самому вместе со своим бредовым «учением».

А Америка всегда была Америкой. Она не понимала Европу XIX века, а тем более Россию. Где ей было понять тот кровавый и человеконенавистнический режим, которого еще не знала за 50 веков человеческая история?! Американский посол Фрэнсис, еще в 1917 году понявший, что произошло в России, напрасно слал депеши в госдепартамент, призывая вмешаться и сбросить эту «кровавую тиранию международных гангстеров». Но президент Вильсон твердо стоял на позиции «невмешательства во внутренние дела России». В сентябре 1918 года американский консул в Москве Д. Пул официально протестовал против массовых убийств ни в чем не повинных людей. Этот протест поддержали представители нескольких нейтральных стран. Ленин через Чичерина ответил, что эти протесты «представляют собой недопустимое вмешательство во внутренние дела России», гневно обличая при этом тот террор, которому «буржуазия» в иных странах подвергает «трудящиеся массы». В октябре 1918 года Ленин послал президенту Вильсону ноту с замечательным «предложением», «чтобы в основу союза народов положена была экспроприация капиталов у капиталистов всех стран».

Но Ленин не был бы Лениным, если бы на каждое выступление, документ или послание у него не было бы выступления, документа или послания совершенно противоположного содержания, что свидетельствует скорее о прогрессирующей шизофрении, чем о «гениальной гибкости». Недаром историки уже скоро 75 лет лупят друг друга, как дубинами, ленинскими цитатами, пытаясь выяснить, какая из них лучше всего отражает «гениальные замыслы вождя мирового пролетариата».

Почти сразу вслед за этой нелепой нотой президенту Вильсону отправляется льстивое послание, преисполненное миролюбия и дружелюбия. Нота уверяла Вильсона, что «большинство пунктов Вашей мирной программы входит в более далеко идущую и обширную программу русских рабочих и крестьян», что «так называемый „красный террор‟, который за границей грубо преувеличивается и не понимается», был «прямым результатом и последствием вторжения союзников на русскую территорию, и что продолжение борьбы и „интервенция‟ могут инспирировать „полное истребление русской буржуазии отчаявшимися массами‟».

Нота подчеркивала, что «рабочие и крестьяне России не желают ничего, кроме своего собственного счастья и международного братства, не представляющего угрозы для других наций». Президент Вильсон проектировал созыв мирной конференции на острове Принкипо в Мраморном море, где надеялся, не зная, с кем имеет дело, посадить большевиков за стол переговоров с «белыми», чтобы те пришли хоть к какому-то соглашению. Ничего, конечно, не вышло. Тогда президент решил получить информацию «из первых рук» о том, что, собственно, происходит в России, и откомандировал в Москву из Парижа сотрудника госдепартамента Уильяма Буллита, которому было поручено «войти в непосредственный контакт с большевистскими вождями с тем, чтобы представить в Госдепартамент подробный доклад о политическом и экономическом положении в России».

В марте 1919 года Буллит прибыл в Москву, где пробыл неделю. Попивая «Мартини» и закусывая «превосходным русским шоколадом», несколько килограммов которого вместе с двумя шкурками горностая он прихватил с собой в Америку, Буллит имел «продолжительные и приятные беседы» с Лениным, Чичериным и Литвиновым, нашел их «интеллигентнейшими, цивилизованными людьми в лучшем смысле этого слова». А потому в своем докладе в Госдепартамент он доверчиво повторял рассказанные ему «под шоколад» басни: коммунистическая партия сильна политически и морально. В Петрограде и Москве царит полный порядок. Никакого террора нет. О голоде вообще говорить смешно. (Еще бы!). В области образования достигнуты большие успехи. У госсекретаря Лансинга хватило ума сразу отправить этот бред в архив, а Буллита — на пенсию.

Как раз в это же время, когда Буллит попивал «Мартини» с Лениным, слушая его сказки, в Нью-Йорке, как театральный черт из люка, появился некий Л. Мартене — одна из наиболее темных личностей среди ленинского окружения, член партии с 1893 года. Нисколько не смущаясь тем, что между Соединенными Штатами и РСФСР нет никаких дипломатических отношений, Мартене объявил себя «представителем РСФСР в США», купил дом, открыл там свое бюро и послал в государственный департамент обширный меморандум, где разъяснял положение в России и сущность своей миссии. Отметив, что советское правительство «является правительством, контролируемым и ответственным перед всеми слоями населения, которые хотят заниматься полезным трудом», что «90 % взрослого население России обладает всеми политическими и гражданскими правами, непосредственно участвуя в управлении „обществом‟», Мартене, в резюме своего меморандума, открыто объявляет об истинной цели своего появления в США: «Российское правительство готово немедленно разместить в банках Америки золото на сумму в 200 миллионов долларов для оплаты стоимости первых закупок».

200 миллионов долларов в качестве первого вклада, чтобы не нарушать федерального закона Соединеных Штатов и закрепиться в их банковской системе.

По закону, «крупным иностранным вкладом» является сумма в 5 миллионов долларов, а тут целых 200! (Примерно 4 миллиарда по нынешнему курсу доллара). В Госдепартаменте не поверили, долго отмалчивались, а затем опубликовали сообщение, где подчеркивалось, что правительство США не признает «так называемого советского правительства» и рекомендует «крайнюю осторожность» в обращении с теми, кто выдает себя за представителей «большевистского правительства».

Другими словами, делайте ребята, что хотите, но имейте в виду, что эти парни из Москвы могут оказаться большими мошенниками. Тем более, что правительство США продолжало признавать представительством России русского посла Б. Бахметьева, назначенного на этот пост еще Временным правительством.

Но такими методами самозваного ленинского полпреда было не смутить.

Людвиг Карл Мартенс — немец по происхождению и по подданству — видел и не такое. Еще до революции его дважды арестовывали и высылали в Германию за попытки организовать беспорядки на русских заводах. Подозревался в шпионаже.

Вернулся с Лениным в Россию в апреле 1917 года, продолжая осуществлять связь со своими соотечественниками. Под горячую руку был арестован и чуть было не расстрелян в январе 1919 года, когда обнаружилось «предательство» немецких социалистов. Освобожден по указанию Ленина как «совершенно надежный товарищ».

Невзирая на свое нелегальное положение, Мартенс начинает вести обширные переговоры с американскими банками и фирмами, размещая в них деньги и заказы примерно на 8 миллиардов долларов. Москва торопит. 27 мая 1919 года Мартенс получает телеграмму за подписью Литвинова, руководящего подобной же операцией в Англии: «Через всю нашу внешнюю политику за последний год красной нитью проходит стремление к сближению с Америкой… Мы не упускали случая отмечать наше особенное желание войти в контакт с Америкой… Мы готовы давать всяческие экономические концессии американцам преимущественно перед другими иностранцами». Делалась отчаянная попытка крепко привязать к себе Америку перед планируемым вторжением в Европу. Но пытаясь обеспечить деньгами и концессиями симпатии Соединенных Штатов, о своих интересах тоже не забывали.

Хотя Мартенс из кожи лез вон, чтобы убедить американские власти в полном миролюбии «советского» правительства и о его полном нежелании вмешиваться во внутренние дела США, полиция, произведшая обыск в здании «советского представительства», обнаружила там целые пачки листовок недвусмысленного содержания. «Рабочим Америки! — призывно

вещали листовки. — Борьба рабочих против империализма — есть гражданская война, которая переходит в открытую вооруженную борьбу за власть. Коммунистический Интернационал — это генеральный штаб такой гражданской войны и мировой революции. Мы обращаемся прямо к вам, рабочие Америки, потому что ваша задача является наиболее важной задачей для мировой революции. Только ваша победа может обеспечить окончательную победу мировой революции.

Ниспровержение американского империализма — самого сильного и самого свирепого во всем мире, последнего оплота интернационального капитализма — рабочими Соединенных Штатов и Латинской Америки будет решающим фазисом мировой революции. Это является вашей и, вместе с тем, нашей задачей!»

Мартенс был выслан из США. Картотека агентов «Коминтерна», обнаруженная при обыске, позволила американским властям арестовать 249 человек и выслать из США как «нежелательных иностранцев». Всех их погрузили на пароход и отправили в Россию. Кроме картотеки, которую Мартенс легкомысленно держал в «представительстве», убедив сам себя, что имеет, несмотря на нелегальное положение, дипломатическую неприкосновенность, которой у него никогда не было, власти США обнаружили еще и массу финансовых документов, доказывающих, что «полпред» Москвы был не более чем посредником между банками Европы и Америки.

«Похоже, — писала газета „Нью-Йорк Геральд Трибун“, — что происходящая в России большевистская революция является на самом деле гигантской финансовой операцией, цель которой — переместить огромные денежные средства из-под русского контроля под контроль европейских и американских банков.

Истинная причина подобных действий, видимо, известна только в Кремле, но уже сейчас можно сказать определенно: какие бы воинственные речи о мировой большевистской революции и неизбежном крушении капитализма не произносились мистером Лениным и К°, они, возможно, сами того не сознавая, делают все, чтобы на долгие годы обеспечить процветание и стремительный рост нашей экономики и стабильность доллара. Мистер Людвиг Мартенс был выслан из Соединенных Штатов, хотя, по справедливости, ему должен был быть поставлен памятник ничуть не меньший, чем мемориал Линкольну. (24 января 1921 года, „Самозваный посол выслан из США“)».

Пробыв почти два года в США, Мартене, по меньшей мере, одну часть своей задачи выполнил. Из нестабильной Европы в банки США было перекачано огромное количество золота, завязаны контакты с банками, а некоторые из них просто куплены, созданы совместные фирмы (конечно, через подставных лиц, используя либеральные законы США), налажен выпуск ряда газет и создано целых две коммунистические партии США (впоследствии они объединились).

А между тем, в России события развивались стремительно. Остатки Белой армии отступили в Крым, где были блокированы с суши, и их уничтожение было уже вопросом времени. Ленин имел полное право с гордостью заявить: «В настоящее время задача преодоления и подавления сопротивления в России окончена в своих главных чертах. РОССИЯ ЗАВОЕВАНА БОЛЬШЕВИКАМИ». (В сентябре 194Ггода Гитлер, выступая перед командующими группами армии, с не меньшей откровенностью определил свою позицию: «Мы не освобождаем Россию от большевистского режима. Мы ее ЗАВОЕВЫВАЕМ. А потому оккупационный режим должен быть строжайшим»).[15]

Примерно в это же время Ленин, теоретизируя в области права, писал наркому юстиции Д. Курскому: «тов. Курский! По-моему, надо расширить применение расстрела», который, по мнению вождя, должен охватывать лиц «содействующих» и «способных содействовать» (!), то есть «кого угодно».

Итак, Россия завоевана.

Что же делать дальше? Какое строить государство? Выяснилось, что никто об этом толком и не думал, поскольку завоевать Россию и не надеялся. В голову ничего не приходило, кроме старой, как мир, «социалистической» схемы Платона, разработанной 2000 лет назад, ЭЛИТА — СТРАЖА — РАБЫ. Стража стоит между элитой и рабами, у стражи есть шансы попасть в элиту или в рабы, в зависимости от служебного рвения. Для воспитания стражей необходимы мифы, рабы ничего не должны знать об элите и тому подобное. У Платона это называлось «Идеальное государство». Античный философ при этом правильно указывал, что социализм невозможно построить ни в каком другом обществе, кроме рабовладельческого…

С крестьянами уже все было ясно. Хлеб они должны отдавать бесплатно, оставляя себе только на полуголодный прокорм, а на следующий посев зерно им будет выдавать государство. «Легко сказать: хлебная монополия, — поучал Ленин, — но надо подумать, что это значит. Это значит, что все излишки хлеба принадлежат государству…, что каждый лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен». Подобная продовольственная диктатура, какой бы разбойной и бесчеловечной она ни была, конечно, не являлась самоцелью, поскольку надо было кормить не только элиту и стражу, но и рабов. А рабы должны были всегда помнить, что их кормят, только пока они послушны. Поэтому просто необходимо было держать в руках весь хлеб и распределять его по своему усмотрению.

«Потому что, распределяя его, — смотрел в будущее вождь мирового пролетариата, — мы будем господствовать над всеми областями труда!». Нет, нельзя было бы отказать Ленину в гениальности, если бы все это не придумал Платон.

С крестьянами вроде разобрались. А что делать с рабочими? С тем самым пролетариатом, от имени и во имя которого действовала эта банда. Безуспешно влача полуголодное существование на своих заводах и умирая от тифа, в огне террора и гражданской войны, они ждали, когда все будет разделено поровну и, наконец, начнет осуществляться замечательный проект объединения рабочих в трудармии с подразделением на полки и батальоны со строжайшей военной дисциплиной. Авторство этого проекта отдают Троцкому, но если у Троцкого по этому поводу и были какие-то расхождения с Лениным, то только в деталях.

Троцкий предлагал в трудармиях ограничиться военной дисциплиной и военными взысканиями, но Ленин, покачивая мудрой головой, постоянно поучал: «Надо шире применять расстрелы». Иначе ничего не получится. Но не настаивал. Жизнь сама покажет его оппонентам, что прав был он, Ленин, а не они. «Волынщиков» (так на языке большевиков стали называться рабочие-забастовщики), разумеется, надо расстреливать без суда. Тут уж были согласны все. И хотя все эти задачи последовательно и беспощадно проводились в жизнь, однако считались в высшей степени второстепенными.

Россия завоевана, а теперь, как образно заявил Ленин, «пришла пора пощупать Европу штыком!».

Вторжение Красной Армии в Польшу явилось осуществлением первого этапа всемирной Революции. Равновесие европейских стран, анализировал Ленин, зиждется на хрупкой основе Версальского договора. «Еще несколько дней победоносного наступления Красной Армии, — вещал в боевом задоре вождь, — и не только Варшава будет взята (это было не так важно), но разрушен Версальский мир…». Польша — это только мост на пути Красной Армии в Европу! Через польский мост на помощь пролетариату Германии!

Командующий советскими войсками М. Тухачевский направляет знаменитое письмо Зиновьеву. Впервые выступая на ниве военной теории, будущий маршал Советского Союза пишет, что необходимо созвать генеральный штаб Коминтерна, который бы после окончательного разгрома поляков срочно разработал план вторжения в Европу. Для этого

надо комплектовать Красную Армию пролетариатом всего мира, чтобы «создать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира».

Разгром Красной Армии под Варшавой, ее стремительное отступление (Обидно! Ведь конница Гая уже вошла в Германию!) холодным душем окатил авантюристов в Кремле. Гром двенадцатидюймовок восставшего Кронштадта стал погребальным набатом по безумным ленинским навязчивым идеям мирового господства.

Страна была охвачена огнем восстаний. 13 августа 1920 года началось знаменитое восстание Антонова, охватившее всю Тамбовскую губернию и часть смежных районов. 40 тысяч крестьян и рабочих взялись за оружие. Съезд тамбовских повстанцев объявил советскую власть низложенной и потребовал новых выборов в Учредительное собрание.

В январе 1921 года запылало восстание в Западной Сибири, охватившее 20 уездов. 60 тысяч крестьян сформировали народную армию, перерезав все коммуникации и захватив несколько городов, включая Тобольск.

Широко известное восстание Григорьева на Украине, где повстанцы имели даже собственную артиллерию и бронепоезда, имело международное значение.

Из-за него Красной Армии не удалось вторгнуться в Венгрию через Румынию и восстановить преступный режим Белы Куна. Бела Кун бежал обратно в Москву. В дальнейшем ему еще предстояло много работы в оккупированной стране.

По Ижевску прокатилась всеобщая забастовка, в ходе которой была сформирована тридцатитысячная «Ижевская Народная Армия». Причем рабочие, на удивление, выступали с чисто крестьянскими требованиями: прекратить продразверстку и конфискацию крестьянского имущества. Росла и ненадежность Красной Армии. Дезертирство и уклонение от службы в среднем составило 20 %, доходя в некоторых районах до 90 %. Только по лесам центральных губерний бродило 250 тысяч вооруженных дезертиров. Одна пехотная бригада, составленная из тульских крестьян, подняла мятеж в Белоруссии, соединилась с местными крестьянами-повстанцами, основав «Народную Республику без коммунистов, расстрелов и грабежей».

В июле 1920 года красный командир Сапожников поднял на мятеж собственную часть из 2700 красноармейцев. Восстание охватило огромные районы Поволжья и пережило самого Сапожникова. После его гибели восстание возглавил Серов, действовавший активно до января 1922 года.

В декабре 1920 года другой красный командир — Вакулин — поднял мятеж на Дону. После гибели Вакулина его преемник Попов к марту 1921 года имел под ружьем мощное кавалерийское соединение в 6000 человек. В январе 1921 года красный комбриг Маслак увел из 1-й Конной армии свою бригаду к легендарному крестьянскому вождю Нестору Махно.

И, конечно, мятеж достиг кульминации в марте 1921 года, когда восстала военно-морская база в Кронштадте, мощно загрохотав орудиями линейных кораблей. Циник Троцкий правильно заметил, что в Кронштадте «крестьянин побеседовал с Лениным, используя в качестве рупора, чтобы быть услышанным, тяжелую корабельную артиллерию».

Ленин услышал. Перепуганный, он признает 15 марта 1921 года: «Мы едва удержались у власти». Страх и инстинкт самосохранения подсказывал единственно возможный выход — НЭП.

Бухарин вспоминает: «Когда все мы, как бараны, стояли за крайний военный коммунизм, и расстрелами заставляли проклятых крестьян отдавать нам весь их хлеб, кто, как не Ленин, увидев, что мы не сегодня-завтра загремим, и негодяй Пахом отвинтит нам голову, закричал нам: „Стой! Хватит, болваны, воротите оглобли!‟. И в последнюю минуту заставил нас перейти к „продналогу‟, как, между прочим, и называлась изруганная мною брошюрка Ленина, в теоретическом отношении совершенно бездарная… Кто, как не Ленин, осмелился, к ужасу „чистых‟ коммунистов (а, следовательно и к моему ужасу), провозгласить НЭП и тем

самым спас положение всей партии?». Все свидетельствует о том, что Ленин в этот период был охвачен паникой и разочарованием. Введение НЭПа лучше любого другого доказательства говорит о том, что у ни у кого из этих преступных авантюристов никогда, ни до, ни после 1917 года, не было даже в теории плана какого-либо государственного строительства (кроме схемы Платона, по образцу которой Сталин и построил позднее свою империю). Мотивировка их действий была однозначна — разграбить и уничтожить Россию, ее народ и ее культуру. Никакого четкого и продуманного плана мировой революции также не было. Все было импровизацией на ходу.

Четкий план мирового господства будет также позднее составлен Сталиным и почти удастся, но будет сорван Гитлером и Рузвельтом.

Паника, охватившая Ленина, понявшего всю шаткость положения своей банды, нашла отражение в резком усилении террора. В Петрограде спешно, белыми нитками, шьется дело Таганцева, в котором погибнет Гумилев, хотя дело было направлено против уцелевших еще морских офицеров. Флот без офицеров существовать не может, поэтому на кораблях еще было немало комсостава, состоявшего из бывших гардемаринов, мичманов и лейтенантов. Всех их схватили чуть ли не в один день. Это была месть за Кронштадтский мятеж, в котором они не участвовали. Те, кто принимал участие, ушли по льду в Финляндию. Такова (и не только на этом примере) была чисто азиатская мстительность Ленина, который тут же объявил, что флот Советской республике не нужен и его следует заменить морскими частями ВЧК..[16]

У Ленина были все причины для самого скверного настроения. Проклятый «НЭП» озлобил все его окружение, большая часть которого вовсе не собиралась надолго задерживаться в России, а поделив добычу, исчезнуть так же неожиданно, как и появилось. Те, кто мечтал здесь поцарствовать пока это возможно, тоже были недовольны. Свобода торговли и рынка неизбежно должна была подрывать их троны. Разве не сам Ленин чуть ли не в день Кронштадтского восстания ораторствовал с трибуны X съезда, убеждая своих сообщников, что введение свободной торговли «неизбежно приведет к власти белогвардейцев, к триумфу капитализма, к полной реставрации старого режима. И я повторю: необходимо ясно осознавать эту политическую опасность».

Ленин успокаивал их, как мог, в основном рассылкой личных писем трафаретного содержания: «Мы осуществляем стратегическое отступление, которое даст нам возможность в самом ближайшем будущем начать наступление на широком фронте. Было бы большой ошибкой думать, что НЭП положил конец террору. Мы должны вскоре вернуться к террору как политическому, так и экономическому».

Обострялась болезнь мозга.[17]

Умерла Инесса Арманд — единственная женщина, которую любил Ленин. В стране начинался страшный голод, на Волге — случаи людоедства.

И, как будто всего этого было мало, пришел донос, что из Гохрана куда-то уплывают ящики с золотом. Донос написал 16 мая 1921 года знаменитый Яков Юровский, тот самый Юровский, который в июле 1918 года руководил убийством царской семьи в Екатеринбурге, а затем доставил принадлежавшие им ценности в Москву. За этот двойной «подвиг» Юровский был удостоен работы в Гохране, святая святых большевиков. Ленин немедленно вызвал Юровского и после почти трехчасовой беседы с ним узнал, что какие-то неизвестные машины вывозят из Гохрана золото чуть ли тоннами, имея приказы, подписанные управделами СНК и завизированные самим Лениным. Юровский сообщил, что приказы были якобы фальшивыми и что в этом деле были замешаны некоторые из работников Гохрана, которых арестовало ЧК и расстреляло еще в апреле.

Об этом, как выяснилось, Ленин ничего не знал. Однако и после того вывоз золота и бриллиантов продолжался. Юровский якобы санкционировал новые аресты, но тут ему стал

мешать Бокий, который после скандала с великими князьями в Петрограде, был переведен в Москву и курировал Гохран в качестве сотрудника коллегии ЧК. В гневе Ленин потребовал от Бокия объяснений. Он уже хорошо знал Глеба Бокия, и как крупно тот работает. Но его нужно было время от времени хватать за руку, чтобы заставить делиться не только со своими непосредственными начальниками, но и с высшими. Интересно, что донос Юровского Ленин переслал именно Бокию и приказал доложить, что это все значит? Бокий отреагировал вяло, отделавшись телефонограммой. 23 мая он сообщил, что сведения Юровского, мягко говоря, сильно преувеличены. Что хищения действительно имели место, но были настолько мелкими, что и говорить о них не стоит. Что касается документов, о которых говорит Юровский, то все они подлинные, имеются в секретной документации и, если угодно, Ленин сам может в этом убедиться. Впрочем, уже приняты меры, чтобы мелкие хищения в Гохране довести до минимума. И вообще, как бы между прочим, замечает Бокий, кражи в Гохране при нынешнем персонале полностью прекратить невозможно, явно делая намек на Юровского.

Ленин повел себя в этом деле несколько странно. Даже не упомянув о том, что, по словам Юровского, в деле фигурируют якобы фальшивые документы с подписями его и Горбунова, он 24 мая 1921 года посылает Бокию нервное письмо: «Тов. Бокий! Получил Вашу телефонограмму, Совершенно не удовлетворен. Так нельзя. Вы должны расследовать дело детально и дать мне точные сведения, а не такой „взгляд в нечто‟: „преувеличены‟, „полное прекращение кражи невозможно‟ (??!!). Это безобразие, а не доклад.

1) назвать мне всех ответственных лиц;

2) описать организацию дела;

3) перечислить кражи все, точно; время; сумма;

4) сколько всех работающих (…их состав? Стаж? И т. п.);

5) какие именно меры там принимаются для прекращения хищений? Точно указать меры;

6) когда был суд и расправа там (IV. 1920)? Все случаи крупных судов?

Итого наказанных? Известите меня о получении этого и сроке исполнения.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)».

Не дожидаясь расследования ВЧК, Ленин 29 мая пишет секретное указание заместителю наркома финансов Альскому, недавно переведенному на этот пост с должности заведующего Учетно-распределительным отделом ЧК. Альский (он же Мальский) вполне «свой» человек, прошел школу Парвуса, прибыл с Лениным в Россию в апреле 1917 года, службу знает. Ленин шлет ему лично составленную инструкцию по укреплению порядка в Гохране, перемежая ее откровенными угрозами и намеками, которых Альский, по мнению Ленина, не может не понять: «тов. Альский! Обращаю Ваше внимание на этот доклад, представленный мне специально уполномоченным мной по соглашению с тов. Дзержинским товарищем из ВЧК. В Гохране неладно.

Обращаю Ваше самое серьезное внимание на это. Вы — в первую голову, затем весь состав членов коллегии Наркомфина и тов. Баша специально должны уделить Гохрану вдесятеро больше работы. Если в кратчайший срок дело в Гохране не будет переорганизовано так, чтобы вполне исключить возможность хищений, а вместе с тем ускорить всю работу и увеличить ее размеры, то замнарком и все члены коллегии Наркомфина будут привлечены не только к партийной, но и к уголовной ответственности. От промедления с работой Гохрана (зимой работать трудно, до зимы надо **много**[18] сделать), от хищений в нем Республика несет гигантские потери, ибо именно теперь, в трудные дни, нам нужно быстро получить максимум ценностей для товарообмена с заграницей» (Запомните эти слова, к ним мы еще вернемся. — И. Б.). «Необходимо:

1) организовать правильные и частые совещания с Бокием для быстрейшей реорганизации Гохрана;

2) охрану и надзор довести до совершенства (особые загородки, шкафы или загородки для переодевания; внезапные обыски; системы двойных и тройных внезапных проверок по всем правилам уголовно-розыскного искусства и т. д., и т. д. и т. п.);

3) привлечь в случае надобности, десятки и сотни ответственных и безусловно честных коммунистов Москвы для участия (скажем 1 раз в месяц или в 2 месяца) во внезапных дневных и ночных ревизиях. Инструкция и работающим, и ревизорам должна быть архидетальна;

4) все без изъятия члены коллегии Наркомфина обязаны не менее одного раза в месяц внезапно, днем и ночью, лично производить ревизию Гохрана на месте работы и везде, где могут быть хищения. Замнаркома обязан вести лично секретный журнал этих ревизий.

Ввиду секретного характера этой бумаги, прошу Вас вернуть немедленно мне ее, с тем, чтобы здесь же расписались лично все члены коллегии Наркомфина.

29. V. Пред. СНК В. Ульянов (Ленин).

(P S. Если Чуцкаев еще не уехал, пусть и он прочтет: на нем вины не мало!)»

О каких гигантских потерях говорит в этом документе Ленин, специально подчеркивая это слово? Неужели хищение мелких служащих (грузчиков, оценщиков, сортировщиков) могли вызвать «гигантские» потери в Гохране, где все лица технического персонала работали под ежеминутным страхом ареста и последующего расстрела без суда? Какие еще нужны были проверки, когда практически все работающие в Гохране были сотрудниками ВЧК? И, наконец, какой товарообмен тогда велся с заграницей, о котором упомянул Ленин, намекая Альскому, что для этого понадобится максимум ценностей? Ответы на эти вопросы, как бы интригующе они ни выглядели, лежат почти на поверхности.

Еще в октябре 1920 года, почувствовав себя более-менее уверенно, Ленин подписал декрет (26 октября) «О продаже антикварных ценностей за границу», имея в виду легализировать, насколько это возможно, перемещение за рубеж национального достояния России, поскольку проводимые до этого тайные операции были, в известной степени, рискованными и требовали немалых расходов. В Европу была послана так называемая «экспертная комиссия», возглавляемая Ракитским — человеком «архинадежным».

В Париже, Лондоне и Флоренции были организованы первые аукционы, вызвавшие сенсацию и страшный скандал, так как многие знали владельцев выставленных на аукцион вещей. Знали также, что бывшие их владельцы расстреляны или пропали без вести. Однако никто не мог предъявить никаких документов, необходимых для демократического суда, доказывающих незаконность продажи антиквариата. Аукционы, благодаря низким ценам и уникальности выставленных на них предметов, имели большой успех, суля фантастические барыши. Сотни фирм ринулись к ленинским «экспертам», предлагая сотрудничество в разбое. К этому времени количество конфискованных ценностей в России измерялось тысячами тонн, а часто и кубометрами. На что сразу обратили внимание все участвующие в «легальных» сделках (и о чем поначалу с удивлением писали европейские газеты), это то обстоятельство, что деньги, вырученные на аукционах, советские эксперты просияй переводить не в Россию, а на счета в банках Европы и Америки. Некоторые эксперты брали вырученные суммы наличными, набивая чемоданы купюрами. Дело принимало всемирный размах.

К этому времени вполне оформилось «Зазеркалье» ленинской номенклатуры, которая сразу же показала свою беспредельную распущенность и жадность. Члены ленинского ЦК жили, как правило, в старинных особняках, проявив болезненную слабость к дорогой мебели, столовому золоту и серебру, драгоценным сервизам и коврам, а также к картинам старых мастеров в массивных золотых рамах.

Шинели и косоворотки были у них чем-то вроде спецодежды. В особняках даже был сохранен старый вымуштрованный штат прислуги, дворецкие и повара. В подмосковном Юсуповском особняке, где обосновался Троцкий, сохранились даже юные адъютанты из бывших корнетов, лихо берущие под козырек, щелкающие каблуками и умевшие почтительно склонять голову с безукоризненным старорежимным пробором.

Ленин, хотя и посмеивался, но никак всему этому не препятствовал, поскольку и сам ушел не очень далеко. Ежедневно подписывая разнарядки и требования для столовой ЦК и для различных кремлевских служб, он внимательно следил за ассортиментом продуктов, куда обязательно входили три сорта паюсной икры, разнообразные сорта мяса, колбас, сыров, деликатесных рыб, особенно любимые им соленые огурчики, маринованные и соленые (когда не было свежих), грибы и три сорта кофе. Ленин был гурман, и в разгар небывалого голода, уносящего в день десятки тысяч человек, мог выговаривать Горбунову, что «икра вчера имела странный запашок», «грибы были в безобразном маринаде» и что «неплохо бы повара посадить на недельку в тюрьму». Имение великого князя Сергея Александровича в подмосковной деревне Горки перешло к Ленину.

Все население деревни было выселено. В опустевших домах жили охранники-интернационалисты, которых обобщенно ныне называют почему-то «латышскими стрелками», хотя латышей там было всего около 20 человек.[19]

Подобная жизнь, конечно, очень нравилась, и расставаться с ней не хотелось. Поэтому, зная о ленинском первоначальном плане перевода всех ценностей за границу во имя «мировой революции» и последующем бегстве, номенклатура постоянно давила на вождя, что для бегства нет никаких оснований. Надо продолжать строить «социализм» в России по прекрасно отработанной методике: конфискации и расстрелы. Ленин неизменно соглашался, громогласно уверяя еще в марте 1921 года своих сообщников, что не будет никаких послаблений и изменений в доктринах и политике партии.

Объявление НЭПа, то есть перевод страны на рельсы более или менее цивилизованной жизни, был многими воспринят как капитуляция, предательство и сигнал «подготовиться к бегству». Как ни пытался Ленин доказать обратное, все уже очень хорошо знали его беспринципность, азиатскую хитрость и коварство. По лабиринтам ЧК шипящей змеей поползло «мнение»: «Ильича надо убрать». ВЧК начала операцию по вывозу ценностей Гохрана в свои секретные хранилища. Другими словами, те, кто хотел остаться, брали свою долю у тех, кто хотел бежать. Однако власть Ленина была еще достаточно сильна, да и в самих ЧК и ЦК не было единства, в результате чего и последовал донос Юровского, вызвавший столь бурную реакцию у Ленина. Глеб Бокий, как ему и было приказано, начал следствие. Сразу же был арестован и обвинен в хищениях оценщик Гохрана Яков Шелехес — друг Юровского, который до революции, как и Шелехес, был ювелиром и часовщиком. Из Шелехеса быстро начали выколачивать нужные показания. Юровский кинулся к Ленину, и Ленин сразу же попытался вытащить Шелехеса из лап ЧК. 8 августа 1921 года он шлет секретную записку Уншлихту — заместителю Дзержинского и непосредственному начальнику Бокия: «В ВЧК, тов. Уншлихту. Прошу сообщить о причинах ареста гр. Шелехеса Якова Савельевича и возможно ли его освобождение до суда на поруки партийных товарищей или переводе из мест заключения ВЧК в Бутырскую тюрьму.

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)».

Ну, уж теперь — дудки! Арест Шелехеса вызвал настоящий переполох в рядах большевиков-ленинцев. Но ВЧК, возможно, впервые с момента своего создания, сделала вид, что не слышит воплей перепуганных вождей. На ленинской записке Уншлихт начертал резолюцию: «тов. Бокий, пришлите мне срочно справку». На этой же записке Бокий написал Ленину целое послание.

Напоминая Ленину, что тот сам приказал начать следствие, Бокий выражал недоумение, почему же Ленин сейчас, когда виновник хищений изобличен, арестован и называет сообщников, оказывает на него, Бокия, столь неприкрытое давление с тем, чтобы вывести Шелехеса из-под удара. О Шелехесе, раздраженно подчеркнул Бокий, его запрашивают по десять раз в день, мешая работать.

Может быть, откровенно издеваясь, спрашивал Бокий, между Лениным и Шелехесом существуют какие-то не известные ему, Бокию, отношения, что Ленин так горячо за него ходатайствует и хлопочет? В конце письма Бокий убедительно просит Ленина разрешить ему не обращать внимания на всякие ходатайства и давления по делу о Гохране, отвечая Ленину и по существу: «Освобождение до суда, по ходу следствия, не нахожу возможным».

Ленин приходит в бешенства, пытаясь воздействовать на обнаглевших исполнителей через самого председателя ВЧК Феликса Дзержинского. Но Дзержинский и Бокий — это старая и закаленная команда. Выпускник иезуитского колледжа, отлично понимая, чего от него хотят, тем не менее, пьет из Ленина кровь: «Но вы же сами приказали, Владимир Ильич… И почему вы так уверены, что этот Шелехес невиновен?» Получив от Дзержинского заверения, что показания Шелехеса умрут (вместе с ним) в ЧК, Ленин понимает, что сообщника не спасти, что ЧК уже давно собирает материалы на него самого. В смятении он пишет ответ Бокию, пытаясь, не очень удачно, объяснить свое участие в ходатайствах за Шелехеса:

«9 августа 1921 года.

Тов. Бокий!

В письме о Шелехесе (Якове Савельевиче) Вы говорите: „за него хлопочут вплоть до Ленина‟ и просите разрешить Вам не обращать никакого внимания на всякие ходатайства и давления по делу о Гохране.

Не могу разрешить этого.

Запрос, посланный мной не есть ни „хлопоты‟, ни „давление‟, ни „ходатайство‟.

Я обязан запросить, раз мне указывают на сомнения в правильности.

Вы обязаны мне по существу ответить: доводы или улики серьезны, такие-то. Я против „освобождения‟, против „смягчения‟ и т. д. и т. п. Так именно по существу Вы мне и должны ответить.

Ходатайства и „хлопоты‟ Можете отклонить; „давление‟ есть незаконное действие. Но, повторяю, Ваше смешение запроса от Председателя СНК с ходатайством, хлопотами и давлением ошибочно.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)».

Ну, хорошо, хорошо. Извините, Владимир Ильич. Мы вовсе не собираемся вас подводить. Только и вы, пожалуйста, тоже не лезьте в наши Дела. Ведь вы хорошо знаете, в чем дело. Разве не вы еще в апреле 1921 года прислали нам следующую записку:

«Совершенно секретно.

Т. Уншлихту и Бокию!

Это безобразие, а не работа! Так работать нельзя. Полюбуетесь, что там пишут. Немедленно найдите, если потребуется, вместе с Наркомфином и тов. Баша утечку.

Ввиду секретности бумаги, прошу немедленно мне вернуть ее вместе с прилагаемым и вашим мнением.

Пред. СНК Ленин».

«Прилагаемым» была вырезка из газеты «Нью-Йорк Таймс» с уже сделанным (лично Лениным, судя по почерку, переводом): «Целью „рабочих‟ лидеров большевистской России, видимо, является маниакальное желание стать вторыми Гарун-аль-Рашидами с той лишь

разницей, что легендарный калиф держал свои сокровища в подвалах принадлежащего ему дворца в Багдаде, в то время как большевики, напротив, предпочитают хранить свои богатства в банках Европы и Америки. Только за минувший год, как нам стало известно, на счет большевистских лидеров поступило:

От Троцкого — 11 миллионов долларов в один только банк США и 90 миллионов швейц. франков в Швейцарский банк.

От Зиновьева — 80 миллионов швейц. франков в Швейцарский банк.

От Урицкого — 85 миллионов швейц. франков в Швейцарский банк.

От Дзержинского — 80 миллионов швейц. франков.

От Ганецкого — 60 миллионов швейц. франков и 10 миллионов долларов США.

От Ленина — 75 миллионов швейц. франков.

Кажется, что „мировую революцию" правильнее было назвать „мировой финансовой революцией", вся идея которой заключается в том, чтобы собрать на лицевых счетах двух десятков человек все деньги мира. Из всего этого мы, однако, делаем скверный вывод о том, что Швейцарский банк все-таки выглядел с точки зрения большевиков гораздо более надежным, нежели американские банки. Даже покойный Урицкий продолжает держать свои деньги там. Не следует ли из этого, что нам необходимо пересмотреть свою финансовую политику под углом ее большей федерализации?»

Следствие началось лихо. В Москве по обвинению в шпионаже была арестована американская корреспондентка агентства «Ассошиэйтед Пресс» Маргарита Гаррисон, а несколько позднее — американский журналист Адольф Карм, прибывший в Москву в качестве делегата на III Конгресс Коминтерна от Американской социалистической рабочей партии. Было схвачено еще несколько американских граждан. Всем им предъявили стандартное обвинение в сборе разведывательной информации военного и политического характера. «Нью-Йорк Таймс» — американская газета, значит, и отвечать должны американцы.

Несмотря на железную логику подобного утверждения, у Ленина все-таки появилась мысль, что в данном случае ВЧК ищет не «утечку», а просто таким нехитрым способом старается сорвать его предстоящие переговоры с американским сенатором Френсом, инженером Вандербильдом, которого Ленин, кстати, по справке ВЧК, ошибочно считал миллиардером Вандербильдом, и дельцом Хаммером. В гениальной голове вождя возникла мысль продать и русские недра, и он начал усиленно пропагандировать свою идею о «концессиях».

Американцы, которые всегда делали все возможное, чтобы выручить своих граждан, попавших в тюрьму за границей, больше говорили с Лениным об освобождении Гаррисон и Карма, чем о сути дела, хотя эта «суть» была для них крайне интересна и фантастически выгодна. Оказалось, что Маргарита Гаррисон является сестрой губернатора штата Мэриленд, а ведущий переговоры Франс — сенатором от этого штата. Все это заставило Ленина взять следствие под свой личный контроль и быстро убедиться, что чекисты гонят «туфту». Американцев освободили, и Ленину стало ясно, что разыскиваемая «утечка» идет из недр самого ЧК. Теперь в качестве «утечки» ему подсовывали Шелехеса.

Золото и власть уплывали из рук Ильича. Партия и ее боевой отряд ВЧК, обтекая Ленина, зримо раскололись на два лагеря, группируясь вокруг двух мощных фигур — Троцкого и набирающего силу Сталина, олицетворявших две противоположные тенденции: сбежать с добычей и остаться, чтобы строить социалистическое государство, из которого выжаты далеко еще не все возможности. Противников объединяло только одно: резкое неприятие НЭПа.

Ленин все это прекрасно видел и делал постоянные попытки если не примирить, то, по крайней мере, снова объединить враждующие кланы вокруг себя. Но дело Шелехеса явно

выбило вождя из колеи. Он нервничает, требует, чтобы ему прислали протоколы допросов, но ЧК явно не спешит выполнять указания вождя.

Ленин теряет терпение и 19 августа шлет Уншлихту следующее послание:

«19. VIII.

Совершено секретно.

Тов. Уншлихт!

Прошу Вас поручить кому следует представить мне:

1) точные справки, каковы улики и

2) копию допроса или допросов по делу… Шелехеса. Я уже об этом писал.

Поставьте кому следует на вид, чтобы не опаздывали впредь.

С ком. приветом Ленин».

Но золото продолжает уплывать двумя путями: за границу и в тайные хранилища ВЧК, Обе стороны делают все возможное, чтобы разоблачить друг друга, организовывая утечку в западную прессу.

Газета «Нью-Йорк Таймс» в номере от 23 августа 1921 года пишет: «Банк „Кун, Лейба и К°“, субсидировавший через свои немецкие филиалы переворот в России 1917 года, не остался внакладе от своих благодарных клиентов. Только за первое полугодие текущего года банк получил от Советов золота на сумму 102 миллиона 290 тысяч долларов. Вожди революции продолжают увеличивать вклады на своих счетах в банках США. Так, счет Троцкого всего в двух американских банках за последнее время возрос до 80 миллионов долларов.

Что касается самого Ленина, то он упорно продолжает хранить свои „сбережения“ в Швейцарском банке, несмотря на более высокий процент годовых на нашем свободном континенте».

В октябре 1921 года Шелехеса расстреляли. Судила «бедного ювелира» Военная коллегия Верховного трибунала при ВЦИК, как будто он был одним из вождей революции или классик марксизма.

Но Ленин пытается продолжать борьбу. 18 ноября 1921 года он шлет приказ в ВЧК, МЧК и Наркомфин: «В целях сосредоточения в одном месте всех ценностей, хранящихся в настоящее время в различных государственных учреждениях, предлагаю в трехдневный срок со времени получения сего сдать в Гохран все ценные вещи, находящиеся ныне в распоряжении ВЧК.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)».

Никто не реагирует. Более того, к Ленину перестает поступать информация из Гохрана, которую заменяют лозунги типа «Гохрану — ударный труд». Дескать, Владимир Ильич, занимайтесь своим НЭПом, а мы вам больше не доверяем. Мы тоже хотим быть в доле.

2 декабря 1921 года Ленин посылает своего верного Горбунова с секретной миссией в ВЧК к самому Менжинскому. Горбунов вручает ему записку от Ленина:

«Совершенно секретно.

Прошу прислать мне секретно, через тов. Горбунова, доклад о том, в каком положении находится дело в Гохране. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)».

«В Гохране все идет по-ударному», — отвечает Менжинский и, сославшись на дела, выпроваживает Горбунова.

Логика действий подсказывает Ленину, что объединить сообщников вокруг себя он может только одним способом — поднять их на новый массовый разбой.

В стране продолжал свирепствовать страшный голод, охвативший огромные районы Поволжья и Украины. Примерно над 20 миллионами людей, включая и детей, нависла угроза голодной смерти. Практически никакой помощи правительство в Кремле им не оказывало, ссылаясь на безденежье.

«У нас нет денег!», — не уставал повторять Ленин и с трибун, и в частных беседах с Алексеем Максимовичем Горьким и американскими бизнесменами. Денег нет, а голодные бунты беспощадно подавляются массовыми расстрелами. В июне 1921 года объявили забастовку голодные железнодорожники Екатеринослава. Толпу рабочих-пролетариев расстреляли пулеметным огнем. На месте было схвачено 240 человек. Из Них 53 были немедленно расстреляны на берегу Днепра и сброшены в воду. Остальных потребовала на расправу Всеукраинская ЧК в Харькове, где тогда находилась столица Украины. Части особого назначения врываются в голодающие деревни, расстреливая всех поголовно и оформляя потом документы, что в деревне имел место «эсеро-меньшевистский заговор». По стране толпами бродят миллионы бездомных и голодных детей, потерявшие родителей во время большевистской мясорубки.

Голод распространяется, охватывая все новые территории с 35 миллионами потенциальных жертв.

А у элеваторов Петрограда, Одессы и Николаева грузятся зерном пароходы иностранных компаний, увозящие хлеб за границу в обмен на золото. Ленин зондирует почву на иностранных биржах о возможности продажи только одного русского леса на миллиард золотых рублей. Американские «концессионеры» выясняют с вождем подробности купли русских недр. Выясняются даже мелкие детали: сколько нужно платить русским рабочим на шахтах, рудниках и приисках? Американцы предлагают платить по полтора доллара в день. Ленин приходит в ужас. Ни в коем случае! Ни цента! Мы сами заплатим! Вы, господа, не беспокойтесь. Американцы чувствуют какой-то подвох. Там, где денег никаких не берут, явно пахнет каким-то мошенничеством, А страна продолжает вымирать от голода. Гениальное предвиденье Ленина о «хлебной монополии» дает самые блестящие результаты. Создается возможность полностью выморить голодом основу мелкобуржуазной идеологии — крестьянство. Это даже эффективнее расстрелов. Обезумевшие от голода толпы штурмуют хлебные склады. С вышек без предупреждения бьют пулеметы, расстреливая всех без всякой пощады. Всего через несколько лет этот гениальный метод будет повторен Сталиным, но с гораздо большей эффективностью.

Размах и последствия голода 20-х годов по некоторым параметрам даже хуже предстоявшего искусственного голода 1932–1933 годов. Однако разница, и весьма существенная, была. Если голод 1932–1933 годов полностью скрывался от мира, то «ленинский» голод, наоборот, всячески рекламировался в большевистской печати, которая, подчеркивая полную беспомощность правительства, взывала к гуманитарной помощи с Запада. Хотя партия не собиралась тратить из своих фантастических богатств ни копейки, ее отдельные представители, демонстрируя низкую классовую сознательность, пытались добиться открытия складов с продовольствием и золотых кладовых для помощи вымирающей России. Старый друг Ленина Владимир Бонч-Бруевич, так и не усвоивший «ленинской науки», пытался убедить кремлевских властителей пожертвовать какой-то частью добычи в пользу народа. Если мы — государство, убеждал он (что с него взять: сын царского сановника, брат царского генерала), то и конфискованная собственность ныне является государственной и, следовательно, должна и может быть использована для народа. Ему терпеливо разъясняли, что у государства нет денег, а те ценности, которые он имеет в виду, являются «золотом партии», принадлежат партии и только партии, являясь стратегическим оружием будущей борьбы труда и капитала. Нет, не понимал, хотели было посадить, чтобы стал понятливее, но Ленин вступился за старого друга («Я сам решаю, кто „буржуй“!»). Выгнали на «научную работу»…

Горький — «буревестник революции» с подрезанными и ощипанными крыльями — пробился к Ленину, взывая о помощи голодающим. «У нас нет денег помочь голодающим, — отрезал Ленин. — В наследство от буржуазии мы получили разорение, нужду, обнищание!». Но разрешил Горькому собрать комитет помощи голодающим из недорезанных интеллигентов и попросить помощи с Запада.

Конечно, первой откликнулась Америка, уже создавшая к тому времени гуманитарную Администрацию Помощи (АРА) и оказывавшая помощь послевоенной Европе. В декабре 1921 года конгресс Соединенных Штатов выделил на помощь голодающей России 20 миллионов, а граждане США были призваны жертвовать для голодной России личные средства. Всего же в распоряжение АРА, возглавляемой будущим президентом США Гувером, было передано правительством и от частных лиц 45 миллионов долларов. К делу подключились и другие международные организации, которые, строго следя через своих представителей за распределением помощи, спасли от голодной смерти 22 миллиона 700 тысяч человек, израсходовав, в общей сложности, 137 миллионов долларов.

Чекисты, чтобы отвлечь внимание Ленина от собственных делишек, подсовывали вождю мирового пролетариата тонны всевозможной «липы»,[20] где утверждалось, что АРА — военно-шпионская организация, ставящая перед собой единственную задачу — свержение большевистского строя. «Находящееся в Барановичах объединение Американского Красного Креста по оказанию помощи голодающим, — докладывал Ленину Уншлихт, — снабжает прибывающих с советской территории бандитов обмундированием, продовольствием и оружием и направляет их на Украину».

Газета «Правда» с удовольствием писала (23.04.1922 год), что агентурой АРА был подожжен элеватор в. Николаевском порту.

В пространном докладе на имя Ленина от 6 сентября 1921 года Уншлихт писал, что «директором АРА в Советской России является полковник У. Н. Хаскель, его секретарем — бывший американский консул в Петрограде, разведчик Д. Лерс, а его помощником — разведчик М. Филипп». Целью их разведывательной деятельности, помимо сбора военной и политической информации, является «изображение ярких страданий, переносимых русским народом». Американцам мешали работать, не допускали их в наиболее пораженные голодом районы, а уж о «горьковском» комитете помощи голодающим и говорить нечего. Всех арестовали и сорганизовали дело, где члены комитета обвинялись в связях с иностранными разведками, белогвардейской эмиграцией и даже со штабом повстанца Антонова. Только резкий демарш правительства США и личное вмешательство Гувера спасло членов «горьковского» комитета от расстрела, замененного высылкой за границу, куда заранее выехал сам Алексей Максимович.

Память об АРА сохранена на страницах Большой Советской Энциклопедии, где говорится, что АРА использовала своих сотрудников «для шпионской деятельности и поддержки контрреволюционных элементов. Контрреволюционная деятельность АРА вызывала энергичные протесты трудящихся масс». Вот такие мы гордые!

То, что у Ленина не хватило духу довести прекрасно задуманную операцию «Голод» до конца (умерло от голода «всего» 6 миллионов человек), еще раз подтвердило мрачные опасения его сообщников, что Ильич, как вождь мирового пролетариата, больше не годится. Каково же было удивление всех, и справа, и слева, когда Ленин снова блеснул своим неувядающим гением. Видя полное бездействие «советского правительства» в борьбе с эпидемией голода, не выдержала Русская Православная Церковь, возглавляемая патриархом Тихоном.

Начиная с 1917 года, когда «интернационалисты», охваченные золотой лихорадкой, начали вскрывать императорские гробницы, царские усыпальницы, кладбищенские склепы и даже мавзолеи святых старцев, отношения церкви с новой властью стали открыто

враждебными. Ленин с первого дня начал открытую атаку на православную церковь, издав ряд декретов о лишении церкви статуса «государственной», о конфискации церковных и монастырских земель, о запрещении церкви какой-либо другой деятельности, кроме «отправления культа».

Однако, до поры до времени, пока шла открытая вооруженная борьба с «белыми», Ленину пришлось сдерживать и свои порывы, и своих людей. Церковь пользовалась огромным авторитетом у большинства русского народа, и этот авторитет тяжелой гирей мог упасть на колеблющиеся весы противостояния в гражданской войне. Правда, и тогда расстреливали священников, грабили и сжигали церкви и соборы, но все это носило бессистемный характер, хотя Ленин ни на секунду не забывал о самом главном. За более чем 900 лет своего существования церковь накопила несметные богатства. Цари и императоры, аристократы и богатые купцы жертвовали церкви огромные суммы и ценности, одевали иконы в золотые и серебряные оклады, украшенные сверкающей россыпью драгоценных камней. Священные книги заковывались в золотые переплеты.

Драгоценная церковная утварь, выполненная искуснейшими ювелирами целых поколений, составляла гордость храмов, лавр, монастырей и их прихожан.

Церковь вела большую общественную работу, строила бесплатные больницы, приюты, богадельни, дома призрения, школы, училища и многое другое.

Христианская нравственность в дореволюционной России была не пустыми словами: бытовое убийство к началу XX века стало такой редкостью, что если оно происходило в каком-нибудь маленьком уездном городке, о нем с удивлением писали все столичные газеты.

Церковь понимала, что в данной обстановке ей надо вести себя тихо и незаметно, но не выдержала, видя, что «рабоче-крестьянское правительство» с хладнокровием Нерона взирает на голодное вымирание рабочих и крестьян.

Патриарх Тихон направил Ленину письмо, где предложил передать часть церковных ценностей для закупки хлеба в помощь голодающим. Не будем говорить о некоторой наивности Патриарха, полагавшего, что правительство, даже приняв эту помощь, использует ее для нужд голодающих.

Ленин пришел в сильное возбуждение. Письмо Патриарха он воспринял как возмутительный вызов, сделанный церковью. В извращенном мозгу вождя не было места для понимания благородных и жертвенных порывов. Любое действие он оценивал только с точки зрения беспощадного политического фехтования насмерть. Вызов был очевиден. Правительство бездействует, а потому церковь, чтобы «унизить нас, подчеркнуть свое влияние» вылезает с подобными предложениями. Она как бы нас контролирует и укоряет. Но не выйдет, хитрые попы! Не выйдет! Мы пойдем другим путем!

Спешно собрав Политбюро, Ленин зачитал послание Патриарха и заявил, что настало время покончить с церковниками. Необходимо обвинить церковь в нежелании поступиться своими богатствами для помощи голодающим, что принуждает советское правительство конфисковать все церковные ценности.

Политбюро было в восторге. Тем более, что Ленин подчеркнул цель предстоящего мероприятия: пополнить партийный фонд огромной суммой «в несколько сотен миллионов золотых рублей (а, может быть, и нескольких миллиардов)». Никто не знал точной суммы, что создавало дополнительный азарт, столь необходимый для решительных действий.

Пока Патриарх Тихон ожидал ответа от советского правительства на свое благородное предложение. Ленин 23 февраля 1922 года подписал декрет «Об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих». Этот шаг восхитил всех, уже было разочаровавшихся в Ильиче, даже Сталина. Работа предстояла «адова».

По стране насчитывалось около 80 тысяч христианских церквей, главным образом, православных. Отряды ГПУ (так теперь называлась ВЧК) ринулись к воротам храмов и

монастырей. Верующие пытались своими телами защитить драгоценные святыни. Нападавшие без каких-либо колебаний открывали огонь. С икон срывались драгоценные оклады, золотая и серебряная утварь, включая дароносицы и паникадила XV–XVII веков, литые золотые кресты времени Иоанна Грозного и первых Романовых складывались в ящики и мешки. Выковыривались драгоценные камни, срывались переплеты с библий, конфисковывались все найденные золотые и серебряные монеты. Пылали костры из древних икон, горели рукописные инкунабулы, Библии XIII века, крушились алтари.

Но это было только начало, Опомнившись от шока, вызванного ленинским декретом, патриарх Тихон обратился с воззванием ко всем «верующим чадам Российской Православной церкви» (28 февраля): «С точки зрения церкви, подобный акт является актом святотатства. Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольные пожертвования, освященных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами вселенской церкви и карается ею как святотатство». Воззвание святейшего патриарха объявлялось с амвонов церквей, передавалось из уст в уста, расклеивалось на стенах домов, призывая народ к сопротивлению. По всех стране у храмов происходили настоящие побоища. Но безоружные верующие не могли оказать какого-либо организованного сопротивления вооруженным до зубов «чоновцам». Во многих местах толпу просто рассеивали пулеметами, а арестованных расстреливали в тот же день.

Понимая, однако, сколь велик авторитет церкви среди простых русских людей и побаиваясь всенародного восстания, власти, как всегда, прибегали к лицемерным и лживым призывам, апеллируя к «народу» и «трудящимся массам». 28 марта 1922 года было опубликовано правительственное сообщение: «Правительству чужда мысль о каких бы то ни было преследованиях против верующих и против церкви… Ценности созданы трудом народа и принадлежат народу. Совершение религиозных обрядов не потерпит никакого ущерба от замены драгоценных предметов другими, более простыми. На драгоценности же возможно купить достаточное количество хлеба, семян, рабочего скота и орудий, чтобы спасти не только жизнь, но и хозяйство крестьян Поволжья и всех других голодающих мест Советской Федерации… Только клика князей церкви, привыкших к роскоши, золоту, шелкам и драгоценным камням, не хочет отдавать эти сокровища на дело спасения миллионов погибающих. В жадном стремлении удержать в своих руках ценности любой ценой церковная привилегированная клика не останавливается перед преступными заговорами и провокацией открытых мятежей. Сохраняя по-прежнему полное внимание и терпимость к верующим, Советское правительство не потерпит, однако, ни единого часа, чтобы привилегированные заправилы церкви, облаченные в шелка и бриллианты, создавали особое государство церковных князей в государстве рабочих и крестьян».

Опубликованное обращение, пытаясь расколоть церковь и массы верующих, содержало недвусмысленные угрозы в адрес руководства Православной Церкви, как обычно, являясь лишь отголоском уже принятых в Кремле секретных решений.

Ленин был в ударе. Вернулись его былая энергия и боевой задор. Глаза блестели, как во времена выкинутого им гениального лозунга — «Грабь награбленное!».

19 марта 1922 года он направляет секретное директивное письмо членам Политбюро, руководству ГПУ, Наркомата юстиции и Ревтрибунала, готовившихся к совещанию по поводу оптимизации и координации действий различных служб в выполнении Декрета об изъятии церковных ценностей:

«На этом совещании, — указывает Владимир Ильич, — провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам поэтому расстрелять, тем

лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать. 19. III. 1922 г. Пред. Совнаркома

В. Ульянов (Ленин)».

Еще никогда, даже во времена древних деспотий, глава государства не решался ставить свою подпись на документах подобного рода. Решительность Ленина, в подавляющем большинстве случаев лично санкционировавшего все преступления своего режима, служила предметом зависти и у Сталина, и у Гитлера. Сталин всегда с восхищением отзывался о ленинской решительности, явно подчеркивая собственную нерешительность: сам он боялся ставить свою подпись даже на приказе о взрыве мостов Ленинграда и предприятий Москвы, хотя это и диктовалось военной необходимостью.

Решительность вождя, берущего своей подписью ответственность за преступления подчиненных, имеющих право сослаться на полученный приказ, не могла не вызывать у них уважения с долей восхищения. В данном случае оказались довольны все: и те, кто, группируясь вокруг Троцкого, подумывали о бегстве из страны и могли этой акцией еще более округлить свои многомиллионные счета в западных банках, и те, кто, группируясь вокруг входившего в силу Сталина, предполагали остаться, чтобы, безбедно живя в завоеванной России, превратить ее в базу для своих предстоящих авантюр, идеологию разбоя — в государственную религию, а самого Ленина — в языческого идола новой религии. А новая религия всегда предполагает уничтожение старой.

Церкви были разграблены, как и приказал Ленин, «с беспощадной решительностью» и «в кратчайший срок». Расстреляно 40 тысяч священников, дьяконов и монахов, а также около 100 тысяч верующих, входивших в церковные «двадцатки» и общины. Чистая прибыль составила два с половиной миллиарда золотых рублей (по очень скромной оценке робких историков эпохи перестройки и гласности). По мнению западных специалистов, эту цифру следовало бы увеличить раза в три. Все-таки храмов и монастырей было очень много, а существовали они, в среднем, лет по 300. Помнится, что АРА, истратив 137 миллионов долларов, накормила и спасла от смерти более 20 миллионов обреченных. Советская статистика указывает, что в 1922–1923 годах хлеба за границей было закуплено на 1 (один) миллион рублей, то на семена. Что касается закупок скота и сельскохозяйственных орудий, то их не было вообще.

Куда же пошли эти несметные сокровища? Ведь, если бы разделили поровну, как было обещано, только их, то даже разоренная Россия смогла бы быстро превратиться в нечто богатое и цветущее, вроде Кувейта. Но ничего подобного, естественно, не произошло, ибо цель была прямо противоположная.

Николай Бухарин, самый ничтожный и трусливый из большевистских главарей, а потому громче всех искренне восхищавшийся удалью вождя революции, с восторгом вспоминал эти героические дни: «…мы ободрали церковь, как липку, и на ее „святые ценности‟ ведем свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим; при ПТУ мы воздвигли свою „церковь‟ при помощи православных попов, и уж доподлинно врата ада не одолеют ее; мы заменили требуху филаретовского катехизиса любезной моему сердцу „Азбукой коммунизма‟, закон божий — политграмотой, посрывали с детей крестики да ладанки, вместо икон повесили „вождей‟ и постараемся для Пахома и „низов‟ открыть мощи Ильича под коммунистическим соусом… Дурацкая страна!»

В мае 1922 году патриарх Тихон был арестован вместе со всеми членами Священного Синода. 32 митрополита и архиепископа были расстреляны. Но под официальным словом «расстрел» часто скрывалось зверское изощренное убийство.

Киевский митрополит Владимир изуродован, оскоплен, застрелен и голым брошен на поругание; петербургский митрополит Вениамин, который должен был заменить патриарха в случае его смерти, превращен в ледяной столб холодной водой на морозе, а затем утоплен;

тобольский епископ Гермоген, в свое время добровольно поехавший с царем в ссылку, был живым привязан к колесу парохода и измочален лопастями. Пермский архиепископ Андроник, знаменитый в прошлом миссионер в Японии, закопан живым в землю. Черниговский архиепископ Василий распят на кресте и сожжен.

«Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать. Ленин».

«Лихорадка, на мировых биржах, вызванная резким падением цен на золото, связывается специалистами с поступлением на мировой рынок больших партий этого металла из России. Партию большевиков, правящую ныне в этой несчастной стране, вполне можно назвать „партией желтого дьявола"», — писала английская газета «Гардиан» в марте 1923 года. Ей вторила газета «Тайм»: «Покупка левыми социалистами двух шестиэтажных домов в деловой части Лондона по аукционной цене в 6 миллионов фунтов стерлингов за дом и установка за четыре миллиона фунтов стерлингов помпезного памятника Карлу Марксу на месте его погребения свидетельствуют о том, что большевикам в Москве есть куда тратить деньги, конфискованные у церкви якобы для помощи голодающим. Мы только сейчас начали понимать, какой богатой страной была уничтоженная Россия».

Средняя Азия после нашествия монголов, Европа после тридцатилетней войны, Франция после продолжавшейся 10 лет эпидемии чумы — все это, даже вместе взятое, не идет ни в какое сравнение с тем, что собой представляла Россия после семи неполных лет власти Ленина. Подавляющая часть русского образованного общества исчезла, погибнув или в ужасе бежав из страны.

Многомиллионные массы людей, выбитые с насиженных мест террором, военными действиями и голодом, рассеялись по стране. Дореволюционный немногочисленный пролетариат был полностью уничтожен. Наиболее передовые аграрники, ведущие свои хозяйства на уровне европейских стандартов, были либо перебиты, либо бежали неизвестно куда. Экономика развалилась. Некогда самый могучий в мире речной флот погиб. Гордость России — ее железные дороги — были разрушены, подвижной состав фактически уничтожен. Разрушенные церкви высились среди пепелища памятниками погибшей цивилизации.

Россия превратилась в поле, усеянное лишь мертвыми костями: нет ни протеста, ни возмущения. Все устало, все принижено и подавлено. И главное — все было разворовано и разграблено. От вывернутых наизнанку императорских усыпальниц до вывернутых карманов всех живых и мертвых. Великая афера всех веков под условным наименованием «Мировая революция» практически завершилась. Не существует цифры, способной в какой-то мере подвести денежный итог этого «мероприятия». Все национальное достояние огромной и богатой страны, которая называлась Россией, ушло в один гигантский слиток «ЗОЛОТА ПАРТИИ». Однако это был еще не конец. Впереди черной тучей шло еще более страшное будущее.

В декабре 1922 года случилась малоприятная неожиданность. Швейцарский банк объявил ленинскому поручителю Ротштейну, что деньги основного капитала представляемой им фирмы (а представлял Ротштейн партию большевиков) по указанию владельцев (или уполномоченных ими лиц), знавших сложную комбинацию девизов и шифров, переведены на три отдельных счета с новыми девизами и шифровыми комбинациями. Деньги на личных счетах остались нетронутыми. Старик Парвус снова продемонстрировал Ленину, что никакое дело, особенно финансовое, не терпит дилетантизма. Ленина хватил удар.

Едва оправившись от него, Ленин, вопреки протестам врачей и родных, приказывает, чтобы его отвезли в Кремль, где убеждается, что все его худшие опасения подтвердились. В кабинете произведен тщательный обыск. Вскрыт сейф, откуда изъяты все «архисекретные» документы, включая банковские поручительства, чековые книжки и целая коллекция заграничных паспортов.

Исчез и верный Горбунов…

Войны-интернационалисты круглосуточно несли караул вокруг роскошного двухэтажного особняка, бывшего загородного дворца великого князя Сергея Александровича, в Горках. В морозную рождественскую ночь 1923 года они услышали страшный вой, доносящийся, казалось, прямо из-под дома. Стояла глубокая ночь, в небе светила полная луна. Щелкнув затворами своих испытанных австрийских карабинов, часовые стали сходиться на источник воя, решив, что к особняку подошли из леса волки. Но волков не было. На застекленной веранде первого этажа в кресле-каталке сидел Ленин, одетый в телогрейку и валенки. Подняв изможденное лицо к луне, он протяжно и дико выл. Злой дух взывал к своим собратьям в космосе, просясь на волю. Он сделал свое дело…

В трескучие морозы января 1924 года рабочие заступами и ломами копали котлован под временный мавзолей. Ломом была пробита канализационная труба, но пробоина, схваченная морозом, не была замечена. В первую же оттепель труба лопнула, залив своим содержимым мавзолей. Узнав об этом, томившийся под домашним арестом патриарх Тихон скорбно заметил: «По мощам и елей».

Часть 2. Оккупация

Мрачно обозревая доставшееся ему ленинское наследство, Иосиф Виссарионович Сталин имел все причины быть недовольным. Во-первых, как никто другой, он чувствовал себя обворованным. В самом деле, он — член ЦК, член самого первого ленинского правительства, делавший, можно сказать, самую грязную работу, мотаясь по фронтам гражданской войны, рискуя каждую минуту быть застреленным, поднятым на штыки, разорванным в клочья, был обманут.

Оказывается, пока он, утопая по колено в крови, тифозном дерьме и разбираясь попутно в непролазной грязи нововизантийских интриг, посылал в Москву со всех концов страны эшелоны с золотом и хлебом (который был временами дороже золота), все это за его спиной разворовывалось, перекидывалось за границу, переводилось на личные счета, на счета активных акционерных обществ и благоприобретенных банков. Нельзя сказать, что он об этом вообще ничего не знал. Знал, конечно. Но об истинном размахе не догадывался, как не догадывался и о том, что его доля (его законная доля!) будет столь до смешного мала. Оттесненный с «кремлевской кухни» и от Коминтерна на должность наркома национальностей и председателя бутафорского Рабкрина, Сталин далеко не сразу стал понимать, что же происходит в завоеванной большевиками России. Впрочем, ему только казалось, что он что-то понимает, поскольку каждый день, преподнося ему новые сюрпризы, убеждал, что понять что-либо очень трудно, если не сказать — просто невозможно.

Кончилась гражданская война, и миллионы глаз с немым вопросом глядели на Ленина: когда же будем делить «награбленное», как и договаривались, поровну? Ленин, эффектно выворачивая пустые карманы, давал понять, что делить нечего — проклятые буржуи бежали и все с собой увезли до последней копейки. Даже гвозди из стен повыдергивали и всю соль вывезли пароходами. А о другом и говорить нечего. Многие, оглядываясь по сторонам, верили. Многие — нет, подозревая глобальный обман. Сталин верил, потому что знал — казна пуста как лунный кратер. Догадывался, что деньги не в казне. А где же? Этот вопрос интересовал и его самого. Но не меньше его интересовал и вопрос: а что же делать дальше? Как выяснилось, ни у кого, включая Ленина, никаких четких планов на этот счет не было и, что более всего удивительно, — никто об этом всерьез и не думал. Дело было сделано, и настала пора исчезнуть, раствориться, сменить клички и жить, не тужа, под шум атлантического или тихоокеанского прибоя. Это была точка зрения тех, кто умел хорошо хапнуть. А таких было человек тридцать. А что делать остальным?

Объявили НЭП, чтобы перевести дух и подумать. И тут Ленин из вождя международного пролетариата неожиданно превратился в российского великодержавника и стал мечтать не о

мировой революции, а о восстановлении Российской Империи в границах 1914 года. Сначала не поверили и записи его речей секретно посылали на психиатрическую экспертизу — не рехнулся ли вождь? Там ответили, что похоже: слишком эмоционален и импульсивен в высказываниях, фразы обрываются, кругом противоречия, последовательного смысла нет. Но смысл был. И Сталин его сразу понял. Мировая революция не получилась, а следовательно, как и пророчествовал Ильич, «мы погибли». А чтобы не погибнуть, нужно построить мощнейшее государство (которое по ленинской теории должно было уже отмереть) и именно этим мощнейшим государством, как инструментом, осуществить мировую революцию. Хорошенькое дело! А где взять на все это денег, если ваша команда, Владимир Ильич, распихала все национальное достояние богатейшей страны по своим карманам, которые оказались бездонными. Если ваш НЭП разлагает страну, превращая ее из депо мировой революции в огромный «блошиный рынок»! Если ваша хваленная гвардия «старых большевиков» погрязла в роскоши и уже решительно ничем не интересуется, кроме цен на недвижимость и акции в странах капитала, любовно рассматривая заграничные паспорта, выписанные каждому «а дюжину разных фамилий!

Постепенно сосредотачивая власть в своих рук, Сталин с удивлением заметил, что никто, собственно, ему и не мешал. Никто о будущем не думал, все были довольны настоящим. Работала только ЧК, переименованная в ГПУ, лениво, без прежнего задора, расстреливая человек по двести в день. Чекисты тоже чувствовали себя обманутыми. Где те несметные сокровища, которые они с дымящимися маузерами в руках пять лет свозили в центр, надеясь на свою, равную со всеми, долю? А получили дулю… Сталин отлично использовал это обстоятельство, захватывая контроль над тайной полицией, понимая, что никакого другого органа исполнительной власти просто невозможно придумать.

То, что Ленин любовно называл „большевиками‟, выродилось уже неизвестно во что. И как быстро — всего за шесть неполных лет!

Нельзя сказать, чтобы Ленин всего этого не видел и совсем не понимал.

Еще как понимал! Но осаживал оппонентов. Не в деньгах счастье! Куда что подевалось — партия знает. А брожение общее идет, потому что мало стали расстреливать. Надо шире применять расстрелы, товарищи! Охваченный идеей создания СССР, Ленин более всего думает о правовой основе будущего государства „рабочих и крестьян‟. Оно будет тем сильнее, искренне считал он, чем шире будут применяться расстрелы.

В разгар НЭПа, в середине 1922 года, Ленин, собрав последние силы, снова пытается вернуть себе былой авторитет и сплотить вокруг себя сторонников, подняв их на новый разбой, чтобы продолжать удерживать в слабеющих руках столь сладкие бразды неограниченной власти. Это как-то уже не вяжется с мечтами о мощном социалистическом государстве, но непоследовательность вождя уже даже перестала раздражать, а стала предметом анекдотов. Да, кроме того, кого еще грабить? Страна и так превращена в мертвую пустыню. Но это только кажется исполнителям, а гений всегда смотрит вперед и видит гораздо лучше своих подданных. Изучая проект будущего уголовного кодекса великой социалистической державы, представленный ему разжиревшими от НЭПа чиновниками, Владимир Ильич последний раз в своей жизни почувствовал мощный прилив творческих сил и искромсал проект красным карандашом.

Какое слюнтяйство! Где революционный задор?!

„Тов. Курский, — в раздражении пишет Ленин своему наркому юстиции, — по-моему, надо расширить применение расстрела… ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т. п.; найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентств, подготовкой войны и т. п.). Прошу срочно вернуть с Вашим отзывом. Ленин. 15 мая 1922 года‟. Нет! Не поймет Курский. Еще решит, что дело касается только меньшевиков и эсеров. Надо ему разъяснить подробнее.

Через день, 17 мая 1922 года, Ленин направляет Курскому новое письмо:

„тов. Курский!.. посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса. Набросок черновой, который, конечно, нуждается во всяческой отделке и переделке. Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранять террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого.

С коммунистическим приветом, Ленин�".

Далее Ленин, юрист по образованию, посылает собственноручно написанные три варианта новой статьи уголовного кодекса РСФСР.

Вариант 1:

Пропаганда, или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. п. средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу.

Вариант 2:

а) Пропаганда или агитация, объективно содействующие той части международной буржуазии, которая: … и т. д. до конца.

б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер)».

Как всегда, ленинское перо, обгоняя мысли вождя, пытается как можно шире охватить расстрельной петлей население завоеванной страны, принявшей, по своей извечной наивности, новую экономическую политику большевиков за нечто серьезное и долговечное, в то время как это был очередной капкан, поставленный оккупационными властями. Сомневаясь, что Курский все поймет правильно, Ленин добавляет;

Вариант 2б:

«содействующие или способные содействовать», и жирно обводит этот вариант чернилами. Теперь, кажется, все правильно. Весь народ будущего государства подведен под расстрельную статью по усмотрению властей.

На следующий день, 18 мая 1922 года, на специальном заседании Политбюро ЦК РКП (б) принимается решение об увеличении примерно в три раза денежных окладов работникам ГПУ и перевод их на спецпайки специальной закрытой сети продовольственного распределения. Вместе с тем, разъясняя суть новых подрасстрельных статей уголовного кодекса, в ГПУ с ленинской визой спускаются секретные директивы следующего содержания:

«…ОГПУ в настоящее время из-за проведения новой экономической политики и правительственных соображений высшего порядка вынуждено проявлять известную пассивность. Но каждому сотруднику ГПУ должно быть ясно, что подобная ситуация может быть только временной. Поэтому ОГПУ в настоящее время должно приложить максимум усилий для выявления и регистрации наших врагов, чтобы нанести по ним, когда придет время, сокрушительный удар».

Что означает со стороны ОГПУ сокрушительный удар по врагам, никому уже разъяснять, казалось бы, и нужды не было. 17 декабря 1922 года «легендарный» чекист Петерс публикует в «Известиях» статью, где, призывая к высокой бдительности, отмечает:

«Мы не должны забывать и в условиях НЭПа, что нас окружают со всех сторон злейшие враги». Но кто же эти злейшие враги, которых надо регистрировать и выявлять поименно, чтобы, «когда придет время», уничтожить всех поголовно, предварительно снова обобрав до нитки? Секретный циркуляр от февраля 1923 года подробно перечисляет обреченных в самом ближайшем будущем на поголовное физическое истребление:

«Политические партии и организации

1. Все бывшие члены дореволюционных политических партий.

2. Все бывшие члены /монархических союзов и организаций.

3. Все бывшие члены Союза Независимых Земледельцев, а равно члены Союза Независимых Хлеборобов в период Центральной Рады на Украине.

4. Все бывшие представители старой аристократии и дворянства.

5. Все бывшие члены молодежных организаций (бойскауты и другие).

6. Все националисты любых оттенков.

Сотрудники царских учреждений

1. Все сотрудники бывшего Министерства Внутренних Дел; все сотрудники охранки, полиции и жандармерии, все секретные агенты охранки и полиции, все чины пограничной стражи и т. д.

2. Все сотрудники бывшего Министерства Юстиции: все члены окружных судов, судьи, прокуроры всех рангов, мировые судьи, судебные следователи, судебные исполнители, главы сельских судов и т. д.

3. Все без исключения офицеры и унтер-офицеры царских армий и флота.

Тайные враги советского режима

1. Все офицеры, унтер-офицеры и рядовые Белой армии, иррегулярных белогвардейских формирований, петлюровских соединений, различных повстанческих подразделений и банд, активно боровшиеся с Советской властью.

Лица, амнистированные советскими властями, не являются исключением.

2. Все гражданские сотрудники центральных и местных органов и ведомств Белогвардейских правительств, армии Центральной Рады, Гетманской администрации и т. д.

3. Все религиозные деятели: епископы, священники православной и католической церкви, раввины, дьяконы, монахи, хормейстеры, церковные старосты и т. д.

4. Все бывшие купцы, владельцы магазинов и лавок, а также „нэпманы‟.

5. Все бывшие землевладельцы, крупные арендаторы, богатые крестьяне, использовавшие в прошлом наемную силу. Все бывшие владельцы промышленных предприятий и мастерских.

6. Все лица, чьи близкие родственники находятся на нелегальном положении или продолжают вооруженное сопротивление советскому режиму в рядах антисоветских банд.

7. Все иностранцы независимо от национальности.

8. Все лица, имеющие родственников и знакомых за границей.

9. Все члены религиозных сект и общин (особенно баптисты).

10. Все ученые и специалисты старой школы, особенно те, чья политическая ориентация не выяснена до сего дня.

11. Все лица, ранее подозреваемые или осужденные за контрабанду, шпионаж и т. д.».

Именно эти документы, а не жалкую записку, рекомендовавшую не выбирать Сталина «генеральным секретарем», нужно считать настоящим политическим завещанием Ленина. Если уж решили оставаться и строить Союз социалистических государств, то вот вам единственная методика, по которой вы можете этот Союз построить. Тысячелетняя Российская Империя, страдающая легкомысленной воинственностью, столь свойственной всем престарелым империям, не выдержала добровольно взятых на себя нагрузок и непредусмотренных перегрузок, рухнула и развалилась. Реанимировать ее невозможно, но можно окончательно добить и превратить в управляемый труп, скованный стальными обручами непрерывного террора и гальванизированный с помощью нехитрого набора псевдомарксистских заклинаний, произносимых круглосуточно от рождения до смерти каждого индивидуума, которому по каким-то причинам удалось избежать уничтожения.

Энергию управляемого трупа можно направить на что угодно: на поворот рек вспять, на завоевание мира, на электрификацию всей страны. При этом и денег-то никаких не понадобится, поскольку все будут работать за «пайку», которую можно соответственно отрегулировать в зависимости от объема и качества производимой работы и выполняемых заданий. Это дает возможность создать огромные трудармии и несметные полчища «пролетарских батальонов», которые просто затопят Европу и весь мир, обеспечив победу социализма в мировом масштабе. Все это просто и понятно.

Но для осуществления подобной схемы понадобится огромная армия «управляющих», а практика уже показала, как быстро эта «армия», разлагаясь от роскоши, перестает вообще чем-либо заниматься, пуская все дела на самотек, без всякого сопротивления все глубже погружаясь в сладкое болото коррупции. Следовательно, надо создать новую армию «управляющих», своего рода штаб «оккупационной администрации», огражденных от работ непроницаемой завесой секретности, непреодолимой стеной личных привилегий, но отвечающих головой за свои действия, слова и даже мысли перед вождем. Но на все это тоже нужны деньги, и немалые. А где они?

Еще с 1922 года Сталин пытается расследовать пути ухода из России на запад огромных сумм, составляющих некогда национальное достояние России. Но аппарат бывшего ЧК еще не в его руках. Следствие ведется тайно и сверхосторожно, не принося фактически никаких результатов. Найденные кончики золотых ниток быстро обрываются в фантастических лабиринтах международных банков. Если и удается найти канал, который некогда всасывал русское золото, то тот канал, который выкинул это золото на мировой рынок, уже найти невозможно. И нет таких людей, которые могли бы разобраться во всех движениях многих тысяч банковских щупалец, охвативших своими объятиями весь мир. Пока в Москве били в барабан всемирной пролетарской, тихо и незаметно произошла всемирная финансовая революция, подготавливающая мировую гегемонию той страны или группы стран, которые более разумно используют предоставленные этой революцией политические и экономические возможности.

Знали ли об этом те, кто захватил власть в России в октябре 1917 года?

Сталин был среди них, но он ничего не знал, хотя нутром старого уголовника чувствовал что-то неладное. Отсутствие самого элементарного политического и экономического образования не давало ему возможности провести хотя бы поверхностный анализ происходящего. Да и времени не было. А остальные? Знали или нет? Что знал сам Ленин? Скорее всего, не более остальных, став жертвой тех, кто ловко сыграл на его болезненных фантазиях, Ленин, да и никто из его ближайшего окружения, никогда не был откровенен со Сталиным. Презрительные взгляды и снисходительные ухмылки — вот все, что он от них получал. Еще хорошо, что с неимоверными усилиями и риском удалось перебазировать и укрыть часть ценностей Гохрана, используя при этом резкие противоречия в верхушке ГПУ. Но ГПУ — это организация, которой доверять нельзя. Найдет ли ГПУ то, что спрятано? Это еще вопрос.

Смерть Ленина развязала руки. То, что Ильич унес с собой в могилу, пусть остается на его совести. Но с его ближайшими сообщниками мы разберемся. Разбираться прошлось в смертельном клубке кремлевских интриг, где ничего нельзя было загадывать даже на половину дня. Казалось, что могущественные соперники из старой большевистской гвардии сотрут «недоучку-семинариста», как говаривал Троцкий, в пыль, да так, что о нем никто и не вспомнит. Теоретически так оно и должно было случиться, но на практике оказалось, что все они уже давно не бойцы. Не только от борьбы отвыкли, но даже и работать отучились. И в России оставаться не хотели, и в Европу ехать опасались. Не та стала Европа, которую они знали до первой мировой войны, совсем не та. Несладко бы им там пришлось с привычками, приобретенными за семь лет российского беспредела. Только Троцкий еще проявил какую-то твердость. Решил уехать. Устал от пустых дискуссий: кого следует уничтожить в первую очередь, а кого — затем. Следует ли бойцам трудармий что-то платить или просто держать на пайке? По ленинскому плану, предстояла такая долгая и кровавая работа, что дух захватывало, а сил уже не было. Лучше спокойно жить на Западе, тратя от души награбленные миллионы долларов.

Сталин только обрадовался подобным настроениям потенциально самого опасного соперника. Оформили ему высылку за границу за уклонение от генеральной линии партии и с удовольствием выпустили вместе со всем архивом.

Пусть себе тихо спокойно работает над теорией перманентной революции. Но глаз с него уже не спускали. Меченый атом может и приведет к следам похищенных драгоценностей. А когда поняли, что не приведет, то и прихлопнули, как муху.

К моменту высылки Троцкого шеф ОГПУ Генрих Ягода уже представил Иосифу Виссарионовичу номера личных счетов и сумм, находящиеся на этих счетах, всех тех, кто нагрел руки на небывалом в истории разбое, именуемом Великая Октябрьская Социалистическая Революция. Только номера своего собственного счета Ягода не назвал, наивно полагая, что он у товарища Сталина является единственным источником информации. Позднее Ягода его назовет, но будет уже поздно. Все выжмет из них Сталин до последнего цента. Харкая кровью отбитых легких, выплевывая выбитые зубы, все они, прежде нем получить пулю в затылок, «добровольно» переведут деньги из западных банков в Москву.

Зиновьев, Каменев, Бухарин, Менжинский, Ганецкий, Уншлихт, Бокий — всех не перечесть, но Сталин не забыл никого. Даже Ленина. Лично объяснил Надежде Константиновне, что ее ждет, если не вынет деньги вождя мирового пролетариата из швейцарского банка. Назавтра же все забудут, что она была женой Ленина и является его вдовой, а будут считать вдовой Землячку — ту самую Землячку, которая с Белой Куном вывозила золото из Севастополя.

Сломалась Надежда Константиновна, все сдала. А вот Землячка молодец. Все сделала добровольно, и о Беле Куне напомнила. Ох, как тому не хотелось деньги-то отдавать! Три дня били, но выбили все до последнего гроша, а затем пристрелили. Со всеми «интернационалистами», пребывающими в иллюзии полной безнаказанности, быстро разобрались, не церемонясь. Достали и тех, кто думал отсидеться за границей, тратя на себя деньги, предназначенные для мировой революции. Только нескольким американцам удалось скрыться, но о них так потом никто и не слышал.

Стекались деньги в Москву, но, увы, только с личных счетов. А это была капля в море. Мало было. На великие сталинские планы строительства новой империи нужно было гораздо больше. Рыскало по миру ОГПУ и ее преемница НКВД в поисках несметных сокровищ, названных Лениным «Золотом Партии». Искало «Золото Партии» и гестапо, выбивая душу из арестованных банкиров. Душу выбивали, но золота не нашли. Куда же оно делось? На что пошло? Трудно сказать точно, но ряд исследователей полагает, что именно «золото партии» вывело Соединенные Штаты из глубочайшего экономического кризиса 20-х годов, обеспечив экономический бум последующих лет «Нового курса» президента Рузвельта. Еще никем не

написана финансовая история мира, поскольку финансовые тайны, в отличие от государственных и военных, не раскрываются в ходе истории, а становятся еще более непроницаемыми…

Методы, с помощью которых товарищ Сталин строил свою державу на пепелище уничтоженной России, общеизвестны. Не было, казалось, преступления, на которое не способен был бы «вождь всех народов». Миллионы и миллионы расстрелянных и превращенных лагерную пыль. Педантичное и последовательное выполнение всех заветов Ленина. Достаточно взглянуть еще раз на список обреченных, чтобы убедиться в том, насколько Иосиф Виссарионович был верным учеником Ленина, следуя духу и букве заветов своего учителя и не позволяя себе, в сущности, никаких импровизаций и отсебятины. Он был слаб в теории социализма и сознавал это. Поэтому к началу 40-х годов, если кто-нибудь из указанных в списке категорий населения и был еще жив, то только за колючей проволокой.

Можно бесконечно говорить о кровавых делах Сталина, но надо отдать ему и должное. В отличие от Ленина, который умел только разрушать, а жизнь показала, что созидательной работы вождь мирового пролетариата не знал и не умел, тяготился ею и умер, так ничего и не создав, товарищ Сталин всю свою энергию направил как раз на созидание. Он не разрушал государство, а создавал его. И, следовательно, был заинтересован в притоке ценностей в страну, а не наоборот. Прежде всего, он создал коммунистическую партию большевиков или ВКП(б), поскольку та партия, которую создал Ленин, Сталина совершенно не устраивала. Крикливая лохмато-бородатая банда в кожанках, жадная и вечно пререкающаяся с руководством, связанная бесчисленными нитями с не менее темными зарубежными организациями, постоянно мечтающая перенести центр мировой революции из такого некультурного и грязного места, как Москва, куда-нибудь в Берлин или Париж, куда они под тем или иным предлогом катались по два-три раза в год — такая партия могла уничтожать и грабить, но построить что-либо серьезное — даже концлагерь — не могла. А потому должна была уйти со сцены и уйти быстро, оставив только кусочек своего названия новой партии, которую товарищ Сталин мыслил создать наподобие ордена меченосцев, но с гораздо более строгой дисциплиной.

Быстрый уход одной партии и замена ее другой мог осуществиться и осуществился единственно возможным способом: ленинская «гвардия» молниеносно улетела в небытие через трубу крематория, напоследок сказав о себе всю правду на открытых московских процессах, продемонстрировав всему миру свою высокую принципиальность и бойцовские качества. Места ушедших заняли новые, специально и тщательно подобранные Сталиным люди. Работу по сколачиванию своей орденской элиты Сталин начал еще при жизни Ленина, возглавляя секретариат ЦК. Если в 1924 году в сталинской картотеке числилось около 3500 должностей, замещение которых должно было осуществляться через ЦК, и около 1500 должностей, замещаемых ведомствами с уведомлением Учраспреда ЦК, то 1925 году таких должностей было уже около 25 тысяч, представляющих платный, освобожденный партийный аппарат: по одному освобожденному парторгу на каждые сорок коммунистов. В том же 1924 году Учраспред слился с Органструкторским отделом ЦК, образовав Орграспредотдел, ставший фактически главным отделом в аппарате ЦК. Этот новый отдел, во главе которого Сталин поставил Кагановича, стал формировать не только партийную, но и государственную номенклатуру, произведя с конца 1925 года но 1927 год 8761 назначение. В 1930 году Орграспред был снова разделен на два отдела: Оргинструкторский, занимавшийся назначениями и перемещениями в партийном аппарате, и Отдел назначений с рядом секторов (тяжелой промышленности, легкой промышленности, транспорта, сельского хозяйства, советских учреждений, загранкадров и пр.), ведавший вопросами формирования номенклатуры в аппарате создаваемой империи.

Если настольной книгой Ленина была монография Густава Лебона «Психология толпы», которую вождь мирового пролетариата всю исчиркал своими пометками и восклицательными

знаками, то Сталин толпой уже не интересовался, разделив свои интересы между классическим исследованием Никколо Макиавелли «Государь» и фундаментальной работой адмирала Мэхэна «Господство на море».

Увлечение именно этими книгами уже погубило кайзера Вильгельма и императора Николая, но развило в них умение мыслить военными категориями, чего, видимо, добивался и Сталин, впервые применив термин «командный состав партии». «В составе нашей партии, — указывал вождь всех народов, — если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3–4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии. Далее идут 30–40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100–150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство».

Военно-иерархическое мышление будущего Генералиссимуса пронизывало сверху донизу весь процесс создания новой номенклатуры, скованной железной дисциплиной и готовой на все по одному движению бровей или усов своего вождя. От ленинской «гвардии» у новой элиты, если что и осталось, то только полное презрение к народу и его интересам, но зато появились и качества, которые, как ни крути, а следует признать положительными. Если ленинскую «гвардию» более всего интересовали вопросы личного обогащения, и она занималась ограблением страны, демонстрируя исключительный беспредел и не неся, по существу, никакой ответственности ни перед законом (которого просто не существовало), ни перед вождем (который подобное поведение просто поощрял), то сталинская номенклатура была сразу же поставлена совершенно в другие рамки. Вознесенная продуманной системой привилегий на уровень жизни, немыслимый для народа, превращенного ленинскими грабежами поголовно в нищий пролетариат, имея над этим пародом фактически неограниченную власть, сталинская элита прекрасно осознавала собственное ничтожество, ибо в любой момент все — от секретаря захолустного райкома до члена Политбюро, Генерального комиссара госбезопасности или маршала — могли быть застрелены прямо в кабинете, забиты сапогами в подвале НКВД или превращены в «петуха» на каком-нибудь из бесчисленных островов ГУЛАГа. Понимание подобных вещей по простой схеме «сегодня жив, завтра — нет» очень ограничивало аппетиты номенклатуры, сводя к минимуму коррупцию и алчность, направляя энергию на нужды государства и партии. Под понятиями «государство» и «партия» имелась в виду опять же номенклатура, которая именно так себя и ощущала, чего в конечной итоге и добивался Иосиф Виссарионович.

Закалка номенклатуры началась еще в эпоху страшного голода, порожденного коллективизацией. Около райкомов партии, где находились спецстоловые, собирались умирающие от голода крестьяне и опухшие, кричащие от нестерпимого голода дети. Входы в райкомы, естественно, круглосуточно охранялись милицией и солдатами ГПУ, но через открытые окна столовой неслись запахи, сводящие с ума умирающих от голода людей. В этих столовых по исключительно низким, почти символическим ценам продавались: белый хлеб, мясо, птица, экзотические фрукты и различные деликатесы, сами наименования которых народ забыл с 1917 года. Даже обслуживающему персоналу этих столовых полагался так называемый «Микояновский паек», содержащий двадцать наименований различных продуктов.

А вокруг этих спецоазисов роскоши свирепствовали голод и смерть.

Поначалу многие работники партаппарата не выдерживали и из фондов райкомовских столовых начинали кормить собиравшихся у окон спецстоловых погибающих людей, главным образом, конечно, детей. Столь «мягкотелых» немедленно снимали с должностей, и они исчезали неизвестно куда, но из номенклатуры — навсегда. С высот ЦК до уровня райкомов была спущена совершенно секретная инструкция, где говорилось: «Самое страшное, если вы вдруг почувствуете жалость и потеряете твердость. Вы должны научиться есть, даже когда кругом все будут умирать от голода. Иначе некому будет вернуть урожай стране. Не

поддавайтесь чувствам и думайте только о себе». Однако и подобную инструкцию следовало понимать правильно. Но не все были способны это попять. В районных и областных центрах в разгар голода местные партийные секретари и прочие номенклатурные деятели стали закатывать неприкрытые оргии с фонтанами шампанского и прочими старыми купеческими шутками вроде: кто за один присест съест годовалого барашка, нашпигованного перепелами. Таких, правда, без особого шума, арестовывали и расстреливали для назидания прочим.

Кого за это не расстреляли сразу, тому эти оргии припомнили в 1937 и последующих годах.

Воспитываемая в подобном духе номенклатура, хотя и осознавала свои потенциально беспредельные возможности, но, сжав зубы, старалась держаться в установленных Сталиным рамках. Исключений почти не было. Жена Калинина, по инерции ленинского беспредела, взяла из Гохрана соболью шубу, принадлежавшую расстрелянной императрице, и в итоге получила возможность хорошо подумать о своем поступке в течение долгих лет, проведенных в заключении. Жена Молотова считала, что она вполне имеет право взять из Гохрана свадебную корону Екатерины II и подарить ее жене американского посла, но тоже оказалась в тюрьме. Могущественные мужья, находящиеся на самой вершине партийно-государственной элиты, ничем не могли помочь своим женам, вся беда которых не столько в их алчности, сколько в неправильном понимании обстановки. Все, что они считали своими законными трофеями, Сталин считал принадлежащим государству, и каждому члену номенклатуры постепенно становилось ясно, на что он имеет право в соответствии со своим статусом, за пределами которого был уже смертельный риск.

Даже всесильный Лаврентий Берия, охотившийся за девочками прямо на московских улицах, не подозревал, что на него уже открыто уголовное дело, все его жертвы фиксируются, и в итоге, если что и удалось предъявить арестованному шефу тайной полиции, то уже готовое дело по многочисленным эпизодам изнасилования. За что и расстреляли. И хотя это произошло уже после смерти Сталина, дело явно было готово еще при жизни генералиссимуса.

Ленин как-то, в порыве вдохновения, сказал: «Все наши планы говно!

Главное — подбор кадров!» — Видимо, вождь мирового пролетариата, обдумывая в последние годы жизни возможность построения социалистического государства, также хорошо понял, что с теми кадрами, которые его окружали, построить ничего не удастся. А грабить уже было некого. Разве что нэпманов, но те еще недостаточно обросли жирком, чтобы представлять интерес для ненасытной ленинской «гвардии». Только Сталин сумел правильно понять все гениальные задумки Ильича, блестяще в течение всего своего тридцатилетнего правления используя ленинское наследие в качестве плахи для своего топора.

Но если вдуматься, что оставил ему Ленин, кроме методики построения первого в мире социалистического государства и туманных пророчеств о неизбежности войн в эпоху империализма — постоянного детонатора всемирной пролетарской? Пустую казну, дезорганизованную и совершенно небоеспособную армию, расколотую, разложенную и на глазах деградирующую партию, разоренную, разграбленную и распятую страну с темным, забитым, деклассированным и, что, возможно, самое главное, неграмотным населением, у которого уже тогда само слово «социализм» ассоциировалось с пулей в затылок. Разрушенная до основания промышленность, приведенная в полный хаос финансовая система, парализованный транспорт, почти полностью уничтоженная квалифицированная рабочая сила и частично уничтоженная, частично рассеянная по всему миру интеллигенция. Мертвые фабричные трубы, проржавевшие, оледенелые паровозы, брошенные, полузатонувшие корабли, легионы бродяг в лохмотьях, уголовный террор в городах, спокойно сосуществующий с террором государственным. НЭП немного оживил торговлю и сферу обслуживания. Но кому нужна сфера обслуживания в такой обстановке?

И только ЧК-ГПУ как основная опора режима, еще сохранила более-менее хорошую форму, с удовольствием выполняя завет Ильича о перманентном государственном терроре, понимая, что и новый вождь не оставит их без работы. Новый вождь хорошо обеспечил их работой, но и срок жизни положил каждому не более 10 лет. Ибо задуманное Сталиным государство превратилось в неизвестно куда идущий корабль, котлы которого способны были вырабатывать энергию только от постоянно бросаемых в топку человеческих жизней — тысяч, миллионов, десятков миллионов. И кочегары-чекисты, работая у топок круглосуточно с упоением и энтузиазмом, окончив вахту, также превращались в топливо для котлов огромного корабля, Несущего на своих бортах неповторимо великолепный лозунг: «Учение Ленина бессмертно, ибо оно верно!». Сколько их, сверкая золотом погон, синевой петлиц, хромом начищенных сапог, скрипя новыми портупеями, спускались в страшную кочегарку, не понимая, что им уже никогда не выйти на верхнюю палубу, что они сами — не более чем топливо для котлов. Все — топливо. В этом и заключалась неземная мудрость как вождя мирового пролетариата, так и его скромного ученика — вождя всех народов. Но топки пылали, котлы давали пар, и корабль шел, хотя и неизвестно куда, но набирая скорость.

5 декабря 1931 года в самом центре Москвы был торжественно взорван величественный Храм Христа-Спасителя — символ старой России, ее наиболее почитаемая святыня, строившийся более 40 лет в царствование четырех императоров. Гром этого взрыва должен был показать всему миру, что тысячелетняя Российская Империя уничтожена навсегда, и что уже поднялся на ноги и стал действовать ее оживленный труп, получивший название Союз Советских Социалистических Республик. Именно эту дату можно считать началом самостоятельной деятельности Сталина, когда он, стряхнув с себя «ленинскую гвардию», НЭП и все прочее, доставшееся в наследство от великой смуты 1917 года, повел реанимированый труп по начертанному им пути. Прошло 10 лет — микросекунда в масштабе истории — и ошеломленный мир с ужасом, смешанным с восхищением, вынужден был признать, что стал свидетелем чуда. И хотя это чудо было очень милитаризировано, но от этого отнюдь не становилось менее впечатляющим.

В это время 303 дивизии уже находились под ружьем. 23 тысячи танков, включая невиданные еще в мире бронированные чудовища с дизельными, а не бензиновыми моторами, сводились в стальные, всесокрушающие армады. 17 тысяч самолетов, включая модели, по меньшей мере, не уступающие лучшим западным образцам, плотными строями бесчисленных эскадрилий бороздили небо, элегантно перестраиваясь на лету в огромный лозунг. «Слава великому Сталину!». 40 тысяч артиллерийских стволов и секретные реактивные минометы готовы были смести все, что лежит на дороге к победе коммунизма в мировом масштабе. 220 подводных лодок — больше, чем у всех стран в мире, вместе взятых, эскадры новейших эсминцев и крейсеров, строящиеся в лихорадочной спешке суперлинкоры наглядно давали понять стареющим морским державам, что солнце их славы давно миновало свой зенит. Заводы, выплавляющие стали и чугуна на душу населения больше всех в мире, бесчисленные конструкторские бюро, лаборатории, научно-исследовательские институты, разрабатывающие новые виды оружия, вплотную подошедшие к ядерному огню и реактивному движению.

Откуда все это началось? Откуда появились сотни тысяч, миллионы инженеров, исследователей, конструкторов, летчиков, штурманов, механиков, водителей танков, командиров кораблей, флотских штурманов, электриков, минеров, артиллеристов, инженеров-механиков надводного и подводного флота, специалистов по металлургии сверхпрочных сплавов, сверхпроводимости, плазме, радиотехнике и радиолокации? Они же не выросли на деревьях. И на 1913 год ни одного из подобной категории военных и гражданских специалистов не было и в помине. Почти никого, не считая единиц, не было и в 1930 году. И вот, всего за 10 лет, они появились, и в таком количестве, что составили

инфраструктуру мощной военно-индустриальной империи. А всего 10 лет назад многие из них даже не знали грамоты.

Речь идет не о том, какой ценой и для чего все это создавалось, а о том, как это возможно было создать за столь короткий срок! Подобно былинному богатырю, бросающему горсть земли с криком: «Встань, рать несметная!» — и наблюдающему, как из-под земли вырастают миллионы уже обученных, экипированных и вооруженных воинов, Сталин мог с явным удовлетворением поверить в свою способность творить чудеса. Энергия от миллионов сожженных в топке социализма человеческих существ трансформировалась в кипучую работу.

Сталин и созданная им партия новых «меченосцев» продемонстрировали свою организационную мощь и невероятную работоспособность.

В течение этого времени было взорвано и уничтожено более 60 тысяч храмов, но построено примерно такое же количество стадионов и домов культуры. Постоянно набирающий силу террор оттачивал дисциплину работы и быта. Почти все партийное «офицерство», включая и «генералитет», методично уничтожалось или бросалось в жернова ГУЛАГа, заменяясь новым, еще более беспощадным и преданным вождю. Номенклатура цементировалась, возводя непроницаемую стену между собой и уничтожаемым народом.

Секретность жизни номенклатуры уже была возведена в ранг наиболее охраняемой государственной тайны. Простое любопытство по поводу того, как живут, едят и работают «вожди», как правило, заканчивалось для простого человека расстрелом, поскольку единственным побудительным мотивом для подобного любопытства считалось желание организовать терракт на жизнь какого-либо руководителя. Диктатура пролетариата, о которой очень невнятно говорил Маркс, превратилась в диктатуру номенклатуры над народом, поголовно превращенным в пролетариат в самом прямом смысле этого слова — лишенный собственности и юридических прав, делающий работу по усмотрению хозяина и получающий за работу ровно столько, чтобы не умереть с голоду или умереть с голоду, если так решит хозяин. В принципе, в подобном воспитании рабов ничего хитрого не было. Как мы уже упоминали, методику разработали еще в глубокой античной древности. Хитрость была совершенно в другом — заставить рабов хором, да еще в упоением петь песню: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!». И в этом отношении была проведена такая гигантская работа, по сравнению с которой строительство пирамид выглядит игрой в детской песочнице.

Но на какие же средства и во имя чего была проделана подобная, космическая по масштабам, работа?

Получив от Ленина в наследство пустую казну,[21] Сталин приложил немало сил, чтобы ее наполнить. Еще в 1919 году Ленин создал «алмазный» и «золотой» фонд Политбюро, распределенный поровну между его членами. Назначение «фонда» было таково: в случае военной катастрофы члены Политбюро, захватив свою долю, пробиваются за границу и используют «фонд» для обустройства на первое время.

Обстановка могла быть непредсказуемой: невозможность связаться с банками и друг с другом, враждебная агрессивность местных властей и тому подобное.

Ведь речь шла не о Западной Европе или США, где, возможно, не удалось бы скрыться, а о разных экзотических странах вроде Аргентины, куда собирался Бухарин. Однако сразу же стало ясно, что золота с собою много не увезешь — тяжелое, а вот алмазов и бриллиантов можно было захватить много больше и на гораздо большую сумму. Поэтому золото постепенно перекочевывало в западные банки, а бриллианты оставались в «фонде».

Еще при жизни Ленина Сталин, став секретарем ЦК, изъял из фонда все алмазы и передал их на хранение вдове Свердлова Клавдии Новгородцевой, которая и набила ими

четыре огромных ящика массивного старинного комода и сундук средних размеров. Вдова жила тихо, незаметно и нигде не работала.

Другие люди, знавшие о перемещении, не прожили и суток. Члены Политбюро попробовали устроить скандал, обвиняя Сталина путь ли не в тривиальном воровстве. Будущей вождь всех народов, пряча усмешку в своих знаменитых усах, объяснял, что алмазы перемещены в целях гарантирования их сохранности — уж больно здорово воруют в Гохране, не уследишь. Это во-первых. А во-вторых, никаких объективных предпосылок к тому, что в обозримом времени придется бежать за границу и развертывать там подпольную или иную деятельность, не существует. Если кто-нибудь из товарищей желает выехать за границу «на постоянное место жительства», то пусть, как и положено, объявит об этом на Политбюро, вопрос будет обсужден, и в случае принятия положительного решения уезжающий получит свою долю. Хотя лично он, Сталин, против. Поскольку свою долю они уже получили и спрятали, где хотели, а фонд «Политбюро» не является личным, а существует для конкретной организационной работы в условиях подполья.

На вопрос: «Кто так приказал?», — Сталин, пыхнув трубкой в лицо вопрошавшего Зиновьева, ответил: «Я приказал!» Желтые огоньки в сталинских глазах вызвали у Зиновьева сильное сердцебиение, от которого шефу Коминтерна не удалось избавиться до самого расстрела.

Спровадив для начала в могилу Ленина, Дзержинского и Фрунзе и заместив вакантные посты собой, Ягодой и Ворошиловым, Сталин в ходе осуществления своих грандиозных замыслов постоянно думал о золоте. И как все остальное, мысли Иосифа Виссарионовича немедленно воплощались в конкретные дела.

По линии ЦК номинальный шеф ГПУ Менжинский был вызван в Центральную Контрольную Комиссию, где ему был задан ряд вопросов, касающихся его многогранной Деятельности на чекистском и дипломатическом поприще с 1917 по 1920 годы. Вопросы начались с пустяков, связанных со спартаковским движением в Германии, но как-то незаметно перешли на огромные суммы, которые прошли в западные банки через руки заместителя «железного Феликса». У Менжинского случился сердечный приступ. Это было очень кстати, так как позволило упрятать его без лишнего шума — по состоянию здоровья — под домашний арест, где следствие перешло непосредственно к Ягоде и подчиненным ему лечащим врачам. Была устроена для освежения памяти и очная ставка с Иоффе, которому порекомендовали навестить «старого, больного друга». Навестив друга, Иоффе вернулся домой и застрелился. Это было явное упущение в работе ГПУ, о чем Иосиф Виссарионович с укоризной заметил Ягоде. Тот пообещал, что подобные проколы больше не повторятся, и даже сам не застрелился, когда пришел его черед.

Только Ганецкий выразил конкретное желание смыться за рубеж. Ему уже было разрешили, но неожиданно оказалась арестованной его жена, а затем и сын. Ганецкий, между тем, чуть ли не каждую неделю навещал своего «старого партийного товарища», содержащегося на подмосковной даче, все подступы к которой стерегли его собственные подчиненные, поскольку Менжинский оставался главой ГПУ, а Ягода числился одним из его заместителей. За четыре месяца подобных посещений Ганецкого стало не узнать: он стал совершенно седым, здоровье его надломилось, и когда его расстреляли вместе со всей семьей, то все деньги с личных счетов, как его самого, так и всех его друзей, включая Ленина, были уже сняты и возвращены в Москву.

Вместе с тем, ГПУ пыталось найти Парвуса. В 1924 году пришло известие о его смерти в Швейцарии, но в это никто не желал верить, поскольку существовало слишком много свидетельств, говорящих о том, что Парвус просто еще раз сменил имя и исчез. Чтобы облегчить поиски отца, был арестован сын Парвуса, работавший в НКИДе под фамилией Гнедин. Папу так и не нашли, что спасло сына. Его не хотели расстреливать до очной ставки с отцом, а потому ему удалось просидеть в тюрьме до самой смерти Сталина.

В то же время Ягода запустил небывалую по своей многослойности глобальную операцию, широко известную под кодовым наименованием «Трест». Что в действительности представлял собой «Трест», не разобраться до сих пор.

Покойный Василий Шульгин, не любивший говорить на эту тему, как-то все-таки заметил, что «„Трест“ — это измена, поднявшаяся в такие верхи, о которых вы даже не можете и помыслить». В операции были задействованы все наличные оперативные силы ОГПУ, как внутри страны, так и за рубежом. Шла непонятная тайная и жестокая война между разными отделами сталинской тайной полиции с внедрением в структуры смежных отделов (которые территориально находились на одном этаже, через коридор или, в крайнем случае, на соседнем этаже одного здания) своих сотрудников, с выдачей засветившихся «смежников» «белой» контрразведке или европейским органам правопорядка, с безжалостным уничтожением конкурентов в многочисленных разборках от Москвы до Парижа, с настоящими и фальшивыми «окнами» на границе, с немыслимой чехардой двойных, тройных и четверных агентов. Видимо руководство ОГПУ само запуталось в этой игре, поскольку ни один из участников этой операции не пережил 1937 года, если не считать двух английских и одного немецкого разведчика, которым под крышей «Треста» удалось внедриться в НКВД и оставить интересные воспоминания.

Целей у «Треста», судя по всему, было несколько. Не все они очевидны, а некоторые пока даже трудно сформулировать. Но одна из целей совершенно ясна: выйти на белогвардейское золото и на источники финансирования с подключением групп «Треста» к этим источникам. Параллельно шел поиск золота левых эсеров, которые в течение примерно 15 лет грабили банки России и Европы. Похищения Бориса Савинкова и генерала Кутепова, происшедшие почти в одно время, говорят сами за себя. В это же время агентура ОГПУ через француза-посредника приобрело в Париже частный банк, который быстро разросся и стал знаменитым «Евробанком» — самым крупным иностранным банком в столице Франции. Самое пикантное в этой истории то, что этот банк первоначально был основан Русскими эмигрантами, и на его счетах фактически лежало все золото Белого движения, постепенно перекачиваемое в Москву.

Менее романтичные, но не менее серьезные мероприятия проводились и внутри страны. Еще по инерции ленинских времен перемещались на запад ценности из богатейших музеев России, но вскоре этому был положен конец.

Очевидная реверсивность сталинской политики в свете выдвинутого лозунга о возможности построения социализма в одной стране если и не меняла, то значительно совершенствовала старые ленинские методы грабежа населения.

Давно ушли в прошлое повальные обыски, когда вооруженные отряды врывались в квартиры в поисках золота и драгоценностей. Весь этот шум со стрельбой и криками уже не мог дать нужных результатов, поскольку подавляющее большинство людей уже было обчищено до нитки, а если у кого что еще и оставалось, то было запрятано так, что никаким обыском зарытых в землю и замурованных в стены ценностей обнаружить было невозможно. Все было проделано просто и элегантно. Инспирировав в стране страшный голод, унесший в могилу миллионы людей, власти открыли во многих городах так называемые «Торгсины»,[22] где можно было купить кое-какие продукты (не Бог весть что: макароны, жиры, крупу и пр.), но только за золото и иностранную валюту. Люди сами отрывали свои клады и несли в торгсины, где уже ждали сотрудники ГПУ с вопросами, откуда у них золото или валюта, когда и то, и другое давно было приказано сдать. Визит в «Торгсин», как правило, означал обыск в тот же день и арест с последующим освобождением в случае добровольной сдачи золота и валюты.

В разгар этих событий окончательно прихлопнули и НЭП. Во всех крупных городах страны «нэпманов» вызвали в ГПУ и сделали им сообщение, видимо, директивно

согласованное, а потому и попавшее в историю: «Господа, вы копили золото на черный день. Черный день настал! Сдавайте его государству».

Некоторые, поняв серьезность момента, по принципу «жизнь дороже», сдали все сразу. Колеблющихся в разных местах убеждали по-разному. Некоторым даже читали лекции по политэкономии социализма, уверяя, что каждый гражданин станет богаче, сильнее и свободнее, если единственным владельцем золота в стране станет могучее социалистическое государство. Хотя эти лекции, само собой разумеется, читались в тюрьмах, где содержались колеблющиеся, убедить удалось немногих. Большинство продолжало откровенно не верить в экономическую рентабельность социализма. Не убедив словом, стали убеждать делом. Там, где это было возможно, держали несчастных «нэпманов» в камерах, где воздух был нагрет до 60 градусов, не давая им воды, в других местах использовались камеры с нулевой температурой и водой по щиколотку, а там, где подобные сложные методы не умели или не хотели применять, просто били смертным боем. Лишь немногие предпочли умереть, не отдав ничего. Большинство сдалось и отдало все, что удалось накопить за краткий период Новой экономической политики. Но было уже слишком поздно, поскольку подобное упорство вызвало у работников ГПУ вполне справедливое подозрение в искренности их подопечных: а все ли сдано? Даже если было и все сдано, доказать это было совсем непросто, если не сказать — невозможно. Изощрялись методы пыток, и ручейки золота продолжали литься в социалистическую казну.

В завещании-инструкции, оставленной Лениным родным органам ГПУ, помнится, в разделе «Тайные враги советского режима» в пунктах 4 и 5 значились: все бывшие купцы, владельцы магазинов и лавок; все бывшие владельцы промышленных предприятий и мастерских; все бывшие землевладельцы, крупные арендаторы, богатые крестьяне. С этими категориями подданных социалистического государства разбирались примерно такими же методами, что и с «нэпманами», только лекции по политэкономии социализма им не читали. На уверения, что «у меня, мол, все отобрали еще 1918 году», посмеивались: «Так уж все отобрали? А если подумать? Вспомните-ка, чего где спрятали, закопали, замуровали? Не помните? Вспомните! Время есть». Вспоминали и гибли.

Держались до конца — тоже гибли. Ибо на гибель они были обречены, а если что при этом еще и государству сдавали, то это было просто прекрасно. Хуже было другое.

Не было никакого контроля над огромной армией следователей и дознавателей из ГПУ, и сколько при этих операциях прилипало к их рукам, оставалось неизвестным. Это нервировало руководство, но поскольку весь личный состав ГПУ и раннего НКВД было решено, от греха подальше, перемолоть в их же собственных жерновах, то тех, кто вел подобные дела с «нэпманами» и разными бывшими, проводила через особое следствие. «Вы вот вели дело Сабашникова. Сколько он в результате сдал золота и валюты? А может, сдал больше? Вспоминай, гад!». И дуло нагана между глаз (иногда уже выбитых).

Вспоминали все точно. Методика была эффективной и не зря постоянно оттачивалась с 1917 года.

А сколько романтики в этом было! Вспомнить хотя бы дело с царскими драгоценностями. То, что привез Юровский из Екатеринбурга в Москву, было каплей в море. Оказалось, что император, еще будучи в Тобольске, через преданного ему начальника конвоя полковника Кобылянского переправил на волю несколько десятков запаянных в шестилитровые металлические банки из-под французского оливкового масла несметные сокровища, собранные семьей Романовых за 300 лет правления Русью и Империей Российской. Полковника Кобылянского выкрали с территории Китая (позднее стали врать, что его нашли в каком-то сибирском леспромхозе, где бывший полковник работал то ли бухгалтером, то ли сторожем). И закрутилось дело. С лихими погонями по сибирским перепуткам, с перестрелками на заброшенных таежных хуторах, с арестами от Москвы до самых до окраин. С орденами боевого Красного Знамени и пулями в затылок. Самого полковника запытали до

смерти, но нашли всего пять банок из-под французского оливкового масла, а было их 37. Остальные ищут до сих пор.[23] А золото эмира бухарского? А хана хивинского?

Золото Бакинского банка? Золото мусавитов? Алмазы хана Нахичеванского? Да и всего не перечесть. До многого Ленин не успел дотянуться, до чего дотянулся Сталин. Годы следствия, таинственные убийства свидетелей и следователей, целые вырезанные села, аулы и кишлаки, применение боевых газов с самолетов над ущельями в попытке остановить таинственные караваны, идущие неизвестно куда, и таинственное исчезновение сотен верблюдов и людей из этих ущелий, где они, по всем законам природы, должны были лежать мертвыми.

Золото, вывезенное из Испании. Захваченное в Прибалтике и Бессарабии, смелые планы захвата всего европейского золота в планируемом походе в Европу. Тысячи секретных папок, десятки тысяч сводок, отчетов, разработок, проектов. Боевые ордена и безымянные могилы, спецпайки и лагерная баланда, тигриные глаза Сталина и подземные тюрьмы Тегерана. Сотни сюжетов для самых захватывающих романов и кинофильмов…

Однако глобальные планы товарища Сталина, разумеется, никак не могли быть обеспечены материально с помощью подобных детективно красивых, но, к сожалению, кустарных и непрогнозируемых методов. Действительно, гоняясь за золотом эмира бухарского по горным кишлакам, никто не мог предсказать, каков будет результат. Найдут ли в какой-нибудь сакле три-четыре золотых персидских динара или весь отряд погибнет, загнанный в ловушку лабиринтами горных троп и уничтоженный там свирепыми духами черных ущелий?

Планы товарища Сталина не могли зависеть от подобных событий, как и от того — пожелает ли полковник Кобылянский помочь следствию, либо захочет умереть молча. И они от всего этого, естественно, не зависели.

В старые времена Россия намывала на сибирских приисках примерно 30 тонн золота в год. Старые прииски, благодаря многолетней эксплуатации, были почти полностью вымыты, а годы лихолетья привели эти прииски в состояние полного запустения. Да и старый старатель с винтовкой в одной руке и с киркой — в другой, меняющий золотой песок на патроны и шкурки соболей, свободный и сильный — совершенно не вписывался в структуру нового государства. Новые времена рождали и новые методы.

Еще в начале века геологоразведка обнаружила большие пласты золота в долине реки Колыма, впадающей в Ледовитый океан на крайнем северо-востоке Якутии. Пустынный край вечной мерзлоты, где реки 285 дней в году были скованы льдом, а первобытное местное население — немногочисленное и кочевое — занималось, главным образом, рыболовством, поскольку даже олени не могли выжить в тамошних условиях, не привлек внимания ни русского правительства, ни частных лиц. Эксплуатация недр в таких условиях считалась нерентабельной и просто невозможной. Но большевики именно для того и появились на исторической сцене, чтобы «сказку сделать былью».

Летом 1932 года 12000 заключенных, бывших зажиточных крестьян с Украины, Дона и центральных областей России, были высажены в Магадане под конвоем 2500 солдат ГПУ при двухстах овчарках. Целью «экспедиции» было немедленное начало эксплуатации золотых россыпей, обнаруженных на Колыме.

Неизвестно, кто задумал и планировал эту операцию, но заключенные были доставлены в одних рубахах, конвой — в гимнастерках, и только овчарки имели шубы, но это и их не спасло. Грянувшие в сентябре морозы погубили всех.

Вымерли все до единого человека, включая охрану и сторожевых собак. Летом 1933 года в Магадан было доставлено 32 тысячи заключенных, экипированных немного лучше. Зимой удалось выжить одному из пятидесяти. Летом 1934 года прибыло еще 48 тысяч человек. Зимой 1934–1935 годов снова вымерли все заключенные, но уцелела охрана. Летом

1935 года доставлено было 38 тысяч человек. В этом и заключалась основа экономики социализма. Бессчетный расход людей, которые, как считалось, оправдывали свою гибель двухмесячным рабским каторжным трудом, был главным двигателем сталинской экономики и всего, как мы уже говорили, государственного прогресса.

Золотые прииски работали и давали продукцию. Из Москвы был спущен жесткий план по добыче, невыполнение которого беспощадно каралось. Все руководство системы колымских лагерей держало головы на кону. Уже в 1934 году добыча золота достигла уровня 1913 года. В 1936 году этот уровень был превышен вдвое. К началу войны добыча золота достигала 250 тонн. За это время только на колымских рудниках погибло более 600 тысяч человек. Особенно страшными были четыре предвоенных года, когда на прииски стало массами поступать население крупных городов. Их жизнь на приисках редко продолжалась более пяти недель.

Вместе с тем, несметные богатства были обнаружены на севере Красноярского края, где в 1935 году началось строительство Норильского обогатительного комбината. Норильская руда, которую до сих пор продают за валюту, пользовалась огромным спросом в стране и в мире. Здесь все развивалось по колымской методике. Заключенных, кто в чем был взят, летом доставляли на баржах в порт Дудинка, где к началу сентября температура воздуха достигала — 45 градусов по Цельсию. На комбинат людей гнали либо колонной, либо на открытых платформах знаменитой железной дороги Дудинка-Норильск. К месту работ прибывала десятая часть. Остальные гибли в пути. Прибывшим выдавали ломы и кирки и заставляли на морозе и убивающем ветру копать себе землянки. К утру следующего дня погибали все. Работу продолжали вновь прибывшие, и так шло до бесконечности, но уже в 1936 году первые суда с норильской рудой появились в европейских портах, давая Сталину устойчивую прибыль в твердой валюте.

Так было везде. Люди гибли миллионами, и в 1939 году у Сталина были все основания сказать, что «социализм в СССР в общих чертах уже построен». Он мог быть доволен. Придуманная и разработанная им система работала и по вертикали, и по горизонтали. Творились просто чудеса. За тюремной решеткой конструкторы и инженеры создавали проекты нового оружия, получая при этом в качестве привилегии ненормированный хлеб и полстакана сметаны. Заключенный Туполев создавал новые, невиданные по дальности полета самолеты, способные перелететь через Северный полюс в Америку. Заключенный Рамзин создавал новые прямоточные котлы для боевых кораблей, а заключенный Королев уже разрабатывал ракетную технику, предвосхищая выход в космос. И они были довольны, они ценили свои привилегии, ибо миллионы других заключенных трудились в шахтах, на рудниках и на приисках за «пайку», которая могла поддержать силы в течение не более двух недель, еще не понимая, что их смерть запланирована так же, как и их двухнедельная работа, когда на смену им придут другие заключенные.

Армия, невиданная по силе и численности, готовилась к походу, ожидая, как в песне: «когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет!».

Сталин любовался своей армией и смертельно боялся ее. Она была создана им практически из ничего и могла превратить его самого в ничто. Огромный военно-промышленный комплекс, ежедневно наращивая обороты, затоплял страну новейшими системами вооружения. Огромный маховик, набирая скорость, грозил сокрушить все на своем пути, включая и своего создателя. Подобно чернокнижникам из легенд, вложившим огромное количество золота и жизненных сил для оживления каменного гиганта в надежде захватить с его помощью власть над всем миром, вождь ощущал законную гордость создателя и трепет живого существа из плоти и крови перед созданным его руками монстром.

Золото партии и океан народной крови создали чудовищный сплав, отлившийся в огромный стальной кулак, занесенный над всем человечеством. На каком-то этапе Сталин сам пришел в ужас от созданного им чудовища и пытался уничтожить его своими руками. В

1937 году Сталин попытался морями крови, залившей страну, освободиться от стальных объятий военно-промышленного комплекса и набравшей силу номенклатуры. Чередой летели головы маршалов, командармов, комкоров, комдивов, наркомов, членов ЦК, секретарей обкомов, крайкомов, райкомов и, разумеется, у миллионов простых людей, в который раз угодивших в очередную номенклатурную мясорубку. Сталин сражался как былинный богатырь, но в отличие от последнего, проиграл. Созданное им уничтожить ему уже было не под силу. Сплав золота и крови оказался слишком прочным. Золото партии и народная кровь создали непобедимую номенклатуру в партии, армии и индустрии, у которой на месте отрубленной головы вырастало три новых.

Но если вождь не смог победить номенклатуру, то и номенклатура не смогла победить вождя. 1937 год хорошо показал противоборствующим сторонам, что все номенклатурные компоненты системы связаны как сиамские близнецы.

Попытка уничтожить хоть один компонент может привести к гибели всей системы как таковой.

Понеся тяжелые потери в беспощадной войне 1937–1939 годов, номенклатура вышла из этой войны более сильной, и Сталин это отлично понимал. Поскольку уничтожить друг друга не удалось, необходимо было наладить взаимоотношения между номенклатурной иерархией и ее творцом — Сталиным. Эти отношения уже потеряли былой лирический характер, а стали вполне реалистическими и далеко не исчерпывались видимой преданностью аппаратчиков своему вождю. Сталинская номенклатура была создана. Сталиным, но и он был созданием номенклатуры, чего до поры до времени четко не осознавал. Номенклатура создала социальную опору его диктатуры, но не из трогательной любви и божественной преданности к диктатору-грузину, а для обеспечения собственной коллективной диктатуры в стране. Подобострастно выполняя приказы вождя, номенклатура исходила из того, что эти приказы отдаются в ее интересах. Конечно, Сталин мог любого из них в отдельности уничтожить, выгнать, сжечь живьем, если понадобится, но пойти против всего слоя номенклатуры он не мог, но так и не понял этого достаточно четко до конца жизни. Все в его капризной душе восточного деспота восставало против этого. Он не мог смириться с мыслью, что не все подвластно его воле и желанию, время от времени начиная новые войны против номенклатуры. Но это уже были не войны, а скорее вылазки, каждая из которых делала номенклатуру сильнее, а самого Сталина — все слабее и слабее.

Волей-неволей ему приходилось все больше заботиться об интересах номенклатуры, об укреплении ее власти, авторитета, о расширении ее привилегий. Ибо был он не более, чем ставленником своих ставленников, готовых неуклонно выполнять его волю, лишь пока он выполняет их волю.

А воля созданной Сталиным номенклатуры уже ясно просматривалась. Она желала обеспечить себе безраздельное и прочное господство в стране.

Господство, не зависящее от произвола и капризов вождя, а напротив, господство, в котором вождь был бы не более чем исполнитель воли номенклатуры, не имея при этом никаких прав на имущество, а уж тем более, на жизнь любого из членов номенклатуры. Таким в легендах сохранился образ Ленина. Своим он прощал все, любой беспредел, позволяя творить в стране все, что заблагорассудится, во имя личного обогащения и коллективного благоденствия. Это был настоящий вождь. И в недрах номенклатуры стало вызревать подспудное желание «вернуться к ленинским нормам партийной жизни».

Сталин знал об этом. На пике своего могущества был у него искус публично объявить Ильича немецким шпионом и стереть в пыль даже память о нем. Уже арестованный Фриц Платтен дал нужные показания, да в последний момент не хватило у Сталина духу. Все-таки «Сталин — это Ленин сегодня». С ленинским наследием боролся он всю жизнь, как мог.

«Ленинскую гвардию» уничтожил всю под корень. Отрекся от ленинской пропагандистской теории о непременном всеобщем равенстве. Чтобы его, это равенство, никто и не ждал.

Напротив, подчеркнул, что «каждый коммунист, если он настоящий коммунист, должен понимать, что равенство в сфере потребления и индивидуальной жизни является жалким, мелкобуржуазным вздором». Номенклатура аплодировала стоя.

Он отказался от ленинского вздора о возможности построения социализма только в мировом масштабе, ибо создаваемая им номенклатура, уже однажды обманутая надеждами на мировую пролетарскую революцию и раздраженная троцкистскими умствованиями о «перманентной революции», хотела усесться прочно, не желая ставить свое будущее в зависимость от новых событий, слабо поддающихся их контролю. И получили с восторгом то, что ждали: «возможность построения социализма в одной стране». С точки зрения марксизма, эта сталинская формула была совершенно бессмысленной. Да мало ли что Маркс и Ленин мололи, кому надо искать в их изречениях какой-то смысл. Но все-таки было очевидно, что бесклассовое общество не может быть создано как остров в море капитализма.

Однако, сталинская номенклатура воем восторга приветствовала новую формулу, освещающую их власть словом «социализм». Их не смущало то обстоятельство, что, по словам Сталина, победа социализма в одной стране могла быть «полной, но не окончательной». Цель тезиса о неокончательности победы социализма в СССР была не в том, чтобы возбуждать какие-то нездоровые и несбыточные надежды у истребляемого народа. А в том, чтобы использовать тезис неокончательности победы социализма в связи с «угрозой реставрации капитализма» как обоснование сталинской внутренней, военной и внешней политики. А утверждение, что победа социализма в СССР может быть полной, как раз и означало признание стабильности и окончательного характера режима.

И вот эта самая номенклатура, для которой он, Сталин, сделал все, что было в его силах, стала мечтать о каких-то там «ленинских нормах».

Сколько волка ни корми!..

Он спустил на них своего кровожадного пса Ежова, дав своему «железному наркому» и его подручным вдоволь попить номенклатурной крови. Но ничего не получилось. Ежова тихо отстранили от всех должностей и так же тихо, без лишнего шума, расстреляли. Но всем бросилось в глаза, что ликвидация Ежова была осуществлена с какой-то непонятной мягкостью, совсем не в духе времени.

Можно сказать, с нежностью. Не было ни проклятий в газетах, ни всенародных митингов с требованиями «уничтожить гадину», ни процессов с признаниями, ни стандартных обвинений в стремлении к реставрации капитализма, ни даже обычного сообщения о расстреле. (Об этом стало известно лишь в 1988 году. А в те времена по линии НКВД было распущено два слуха о судьбе Ежова. Первый, что он сошел с ума, и сидит на цепи в сумасшедшем доме; и второй, что он повесился, нацепив на грудь табличку «Я — говно». Оба слуха замечательны, если вдуматься).

Более того, не было никаких, даже самых элементарных, репрессий в отношении родственников самого Ежова, что весьма странно, если сравнить с существовавшей практикой, когда, скажем, у маршала Тухачевского были арестованы и погибли не только все родственники, но даже и любовницы. Что же касается родственников Ежова, то они преспокойно продолжали жить в Москве, а родной брат «железного наркома» еще после войны занимал номенклатурный пост замминистра просвещения РСФСР. Если сам Ежов был устранен столь деликатно, то его подручные не только никак не пострадали, но и круто пошли в гору.

Заместитель Ежова Шкирятов сразу после падения своего шефа был избран в члены ЦК и занял важнейший номенклатурный пост председателя Комиссии партийного контроля при

ЦК. Был осыпан почестями и знаменитый Вышинский, став членом ЦК, заместителем председателя Совнаркома СССР и министром иностранных дел СССР, а также академиком.[24]

И уж говорить нечего о том, что уцелели такие деятели эпохи кровавого безумия, как Молотов, Жданов, Каганович и многие другие. Это была безусловная победа, но не полная и не окончательная. Страна находилась в состоянии глубокого экономического и политического кризиса. Перебои в снабжении и километровые очереди наблюдались даже в Москве. Промышленность, работающая только на войну, была как бы исключена из государственной экономики, подобно змее, закусившей собственный хвост. Рабский труд на всех уровнях, от проектирования ракет до добычи золота, оказался, к великому удивлению возомнивших себя экономистами партийных идеологов, совершенно нерентабельным, ежемесячно расширяя бездонную пропасть платежного дефицита.

Пропасть, в которую готова была рухнуть вся, стянутая колючей проволокой сталинская империя. И помимо всего прочего, даже стороннему наблюдателю было очевидно, что вождь и его номенклатура устали друг от друга.

Но если Сталин был не в силах уничтожить номенклатуру, в чем он совсем недавно мог убедиться, то номенклатура, зализав рапы, нанесенные ежовщиной, вполне могла предпринять новую попытку замены вождя, и на этот раз успешную.

Тонкий слой гранитной облицовки вокруг монументально-величественного фасада возведенного на могиле Российской империи сталинского здания стал осыпаться, обнажая готовую вот-вот рассыпаться неровную кирпичную кладку, скрепленную вместо цементного раствора засохшей человеческой кровью. Нужно было искать выход. Памятуя о ленинской методике, который в периоды политических кризисов сплачивал вокруг себя сообщников, поднимая и вдохновляя их на какой-нибудь новый разбой, Сталин разработал беспроигрышный, как ему казалось, план поэтапного всеевропейского, а затем всемирного кризиса с использованием в качестве «ледокола» своей политики эмоционального и не в меру агрессивного.

Адольфа Гитлера. У сталинского окружения захватило дух от открывающихся перспектив.

Истощение и самоуничтожение крупных европейских держав, завязавшихся в тугой узел старых обид и непримиримых противоречий, открывал дорогу сталинской армии в обессиленную и беззащитную Европу, давая возможность подтвердить пророчество Ленина о неизбежности войн в эпоху империализма и осуществить «всемирную пролетарскую», наиболее быстрым и эффектным методом военного вторжения. И без всякого марксистско-ленинского маразма.

Перспективы действительно открывались захватывающие. Кроме подтверждения мертвых и уже смердящих чуть ли не на весь мир идеологических догм, создавалась прекрасная возможность консолидировать положение в стране, еще более оболванить народ и сплотить вокруг себя вечно недовольных сообщников, списать на войну массовые убийства и нищету, обосновать необходимость рабского труда и небывалых полицейско-террористических законов. Победный марш к Атлантике мог стать индульгенцией на многие годы за все прошлые, нынешние и будущие преступления.

Ломая все вехи прошлых внешнеполитических установок, Сталин резко повернул государственный корабль на сближение с Гитлером, надеясь пристроиться в кильватер браво марширующему по Европе фашистскому фюреру, урвать свою долю, а в подходящий момент, усыпив бдительность сообщника своей безграничной преданностью, обрушиться на его спину, уничтожить и воспользоваться плодами его блистательных побед, получив в качестве трофея окровавленную и разрушенную Европу.

И снова буйный восторг номенклатуры, давно уже морально подготовленной еще с ленинских времен к тому, что самим Провидением (или марксистско-ленинскими законами

исторического развития) ей предначертано править всем миром, превратив его в огромный концлагерь, построенный на гигантской братской могиле.

Убежденный в своей неземной мудрости и сверхазиатской хитрости, малограмотный «вождь всех народов» лихо вел страну в непроходимый тупик и смертельный капкан, в котором до сих пор бьется, разваливаясь на куски, наша несчастная страна…

Петляя в сложнейших лабиринтах международных интриг, искренне полагая, что играет свою игру, Сталин и подумать не мог, что был марионеткой тех самых мощных и динамичных сил, чей младенческий крик Ленин ошибочно принял за предсмертный хрип. Он представить себе не мог, что предстоящая его схватка с Гитлером давно задумана и запланирована в тишине чужих кабинетов с тем, чтобы дать выход этим силам для осуществления их плана мирового господства — господства экономического, по сравнению с которым блекли, становясь устаревшими и неэффективными, все ранее применяемые для этого методы: военный и идеологический.

План этот поначалу предусматривал примат военного над экономическим, постепенно уменьшая военную составляющую до минимума, отдавая весь приоритет глобальному экономическому наступлению. План был рассчитан примерно на 100 лет, предусматривая экономическое объединение Соединенных Штатов и Европы.

План предусматривал резкое первоначальное экономическое ослабление Европы, в первую очередь — Германии, с последующим восстановлением их по новому образцу. Вместе с тем, в качестве обязательного условия, план предполагал окончательный развал Британской империи и всей архаичной колониальной системы.

Что касается России, то помимо роли, отведенной ей в грядущей схватке с.

Гитлером, план предусматривал ее изоляцию в дальнейшем с искусственным подогреванием ее агрессивности для сплочения всего остального мира перед лицом «русской опасности». Находясь в экономической и культурной изоляции, полагали авторы плана, Россия настолько отстанет от остального мира, что рано или поздно (где-то к концу века) вынуждена будет безоговорочно капитулировать без всякого военного воздействия, будучи не в силах противостоять экономической оккупации. Понятно, что этот план не мог предусмотреть всего истинного хода развития событий, оставляя много простора для корректировки его на ходу. Понятно также, что примитивный и неграмотный государственный деятель, каким был Иосиф Виссарионович Сталин, был такой же находкой для этого плана, как и Гитлер.

Если кто-нибудь, по стереотипу нашего российского мышления думает, что этот план существовал в одном экземпляре со всеми мыслимыми и немыслимыми грифами секретности, что ознакомиться с этим планом за прошедшие 60 лет могли только лица рангом не ниже президента США или Великого Архитектора «жидомасонов», то он жестоко ошибается. Об этом плане открыто писали и пишут до сих пор американские газеты. Родила это план бюджетная комиссия конгресса США, которая в 1938 году, обсуждая возможность резкого увеличения расходов на оборону, пришла к выводу, что «обстановка в Европе и на всем евро-азиатском континенте дает уникальный шанс правительству Соединенных Штатов регулировать уровень мирового кризиса по собственному усмотрению одним перемещением находящихся в распоряжении правительства финансовых средств, не обременяя налогоплательщиков резким повышением расходов на вооруженные силы. Для осуществления задуманной экономической экспансии вполне достаточно тех вооруженных сил, которые мы имеем».

С выводом бюджетной комиссии, однако, не согласилась «деловая Америка».

«Уолл-стрит Джорнел» в редакционной статье за июль 1939 года писал: «Каждый миллион долларов должны охранять трое: один моряк, один летчик и один солдат. Как бы ни был заманчив план экономической экспансии, выполнять его с нашей опереточной

стодвадцатитысячной армией смешно. А динамика развития событий в мире говорит о том, что у нас слишком мало времени, чтобы успеть за этими событиями. Как бы быстро ни катился доллар, время летит быстрее…»

Время шло очень быстро, и в сентябре 1944 года газет «Чикаго Геральд Трибун» с удовольствием констатировала «Сегодня, когда десятки тысяч кораблей и самолетов обеспечили вторжение нашей многомиллионной армии на фронте охватывающем весь земной шар от Нормандии, Африки и Италии до Филиппин и Окинавы, когда мы стали свидетелями невиданного доселе по масштабу и мастерству исполнения военных операций, мы должны вспомнить, ради чего мы создали самую мощную и эффективную военную машину в истории человечества. Еще в 1911 году президент Тафт предсказал, что „Дипломатия канонерок‟ уходит в прошлое, открывая дорогу „дипломатии доллара‟. Доллары будут разить наших врагов с гораздо большей эффективностью, чем пули и снаряды, обеспечив нашей великой республике мировую гегемонию на совершенно новой основе, которая и не снилась никакому Наполеону… Сейчас, когда крушение Германии и Японии является уже вопросом ближайшего времени, когда огромная Россия лежит в крови и руинах, мы можем с уверенностью заявить: „Час доллара настал!‟»

Цитировать подобные вещи можно до бесконечности, и, забегая вперед, приведем еще одну выдержку из газеты «Крисчен сайенс монитор» от 15 августа 1989 года: «Великое долларовое наступление на Советский Союз успешно развивается. 30 тысяч ядерных боеголовок и оснащенная по последнему слову техники самая большая армия в мире оказались не в состоянии прикрыть территорию своей страны от всепроникающего доллара, который уже наполовину уничтожил русскую промышленность, добил коммунистическую идеологию и разъел советское общество. СССР уже не в состоянии сопротивляться и его крушение специалисты предсказывают в течение ближайших двух-трех лет… Нам же следует отдать должное тому великому плану, который вчерне разработал еще президент Тафт, отшлифовал президент Рузвельт и последовательно выполняли все американские президенты, осуществив его всего за 50 лет вместо отпущенных ста…».

Знали ли об этом в Москве? Безусловно, да. Посмеялись и не придали никакого значения? Вовсе нет. Напротив, отнеслись к этой американской затее с полной серьезностью, хотя и без достаточного понимания. Вспомним, с каким ужасом Сталин отшатнулся от плана Маршалла. Вспомним также, что в разгар «холодной войны» мы не столько боролись с Соединенными Штатами, сколько с «кликой Уолл-стрита». Пролистаем все советские газеты того времени и убедимся, что именно «Уолл-стрит» стремится к мировому господству и порабощению всех миролюбивых народов. Несмотря на свои зачаточные познания в мировой экономике, Сталин хорошо понимал опасность и всеми силами пытался с нею бороться. Увы, как говаривал Бисмарк, ошибки в политике подобны туберкулезу. Когда их можно вылечить, они незаметны. Когда же они заметны, их вылечить уже нельзя.

Запутавшись в своих расчетах и став жертвой невиданного по масштабу потока дезинформации, которую обрушили на него не только будущие враги, но и будущие союзники, Сталин подставил страну под удар внезапного нападения и в очередной раз чуть ее не уничтожил. Слишком много для одной страны в столь короткий период времени. Испепеляющий вал немецкого вторжения докатился до Москвы, Волги и Кавказа, сменившись еще более испепеляющим валом нашего контрнаступления. Гигантский паровой каток снова отутюжил разграбленную, распятую, кровоточащую, голодную страну.

26 миллионов убитых, тысячи снесенных с лица земли городов, поселков и деревень, десятки тысяч уничтоженных промышленных предприятий, полностью обезлюдевшие обширные сельскохозяйственные районы, сотни тысяч километров уничтоженных железных дорог, 2 триллиона 500 миллиардов рублей прямого материального убытка, 3 триллиона золотых рублей военных расходов. Миллионы искалеченных, бездомных и перемещенных лиц…[25]

Знамя победы над рейхстагом и захват стран Восточной Европы могли служить некоторой компенсацией за очередную национальную катастрофу, если бы не породили новых проблем, гораздо более зловещих и трудноразрешимых.

Внезапное нападение Гитлера на СССР, по иронии судьбы, бросило впавшего в прострацию Сталина в объятия Соединенных Штатов и Англии, создавших так называемую «Союзную антигитлеровскую коалицию». Впрочем, так и было задумано, правда, не Сталиным.[26]

И Гитлер начал первым! Пока на необъятных просторах России вермахт и Красная армия перемалывали друг друга в непрерывных пехотно-артиллерийских мясорубках, Соединенные Штаты, подставив свои старые линкоры под японские бомбы в Перл-Харборе, эффектно вступили во вторую мировую войну и стали вести ее по собственному сценарию, имея в виду свои глобальные планы.

Конечно, не следует забывать, что и в войне, и в политике еще никому никогда не удавалось (и не удастся) осуществить задуманный сценарий даже при самых благоприятных обстоятельствах на все сто процентов. Не удалось это и американцам. Но примерно на 60 % они осуществили все, что задумали. Перестала существовать Британская империя, рухнула, раздавленная американской военной мощью, Японская империя, затрещала по швам, и вскоре прекратила свое существование Французская империя. Перепуганная, опустошенная Европа в страхе, как больное дитя, прижалась к могучей американской груди, видя в великой заокеанской республике единственный гарант своего быстрого восстановления и будущей безопасности. Огромные регионы Тихого.

Атлантического и Индийского океанов безраздельно контролировались гигантским американским флотом. Американская армия оккупировала огромные территории в.

Европе, Африке и Азии. Цепь военных баз на всех континентах витками огромных спиралей, напоминающих кольца удава, опоясала земной шар. И все это было добыто ценою 400 тысяч убитых и 535 миллиардов долларов. А в вакуум, образовавшийся на месте рухнувших и рушившихся империй, стертых с лица земли стран и дымящихся развалин городов, ринулся доллар, зализывая и врачуя кровавые раны войны и закладывая прочный фундамент следующего шага к полной мировой гегемонии. А гарантом незыблемости достигнутого стали атомные грибы, поднявшиеся в конце войны над Хиросимой и Нагасаки…

Если не считать страшных потерь и в очередной раз разоренной дотла страны, то и у Сталина были все основания считать, что свои предвоенные планы он выполнил, по меньшей мере, на пятьдесят процентов. Добрая половина Германии, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Югославия, северная часть Кореи были не только захвачены советскими войскам, но и юридически закреплены Потсдамской конференцией в качестве советской сферы влияния.

Почти немедленно там были установлены коммунистические режимы, во главе которых Сталин поставил старых коминтерновцев, уцелевших в предвоенных чистках или сознательно сохраненных предусмотрительным вождем всех народов на подобный случай. Отдавая в лапы Сталину Восточную Европу, американцы рассматривали ее уже тогда как мину замедленного действия, которая, взорвавшись, разнесет и Советский Союз. Это был очередной продуманный ход.

Однако, большим сюрпризом, который Иосиф Виссарионович преподнес слишком много возомнившим о себе союзникам, был захват коммунистами власти в Китае, поставивший под сталинские знамена практически безграничные людские резервы. Более того, из Пекина коммунистическая зараза стала быстро распространяться сначала по юго-восточной Азии, а затем пошла дальше — в Индию, страны Ближнего Востока и Африки. Зашумели коммунистические мятежи в Иране, Турции и Греции, застав американцев врасплох. Только

временное отсутствие у Сталина ядерного оружия позволило американцев стабилизировать обстановку в этих странах и вынудить Красную армию убраться из северного Ирана.

Но пока они занимались этими делами, коммунисты захватили власть в Албании, отдав под власть Сталина большую часть Балкан и стратегические выходы к Средиземному морю. Американские генералы, вошедшие во вкус глобальных наступательных операций времен войны, с пеной у рта доказывали правительству необходимость «умиротворения» СССР с помощью атомного оружия, пока Америка владеет этим оружием единолично. Президенту Трумэну был представлен подробно разработанный план, где были отмечены цели для атомных бомбардировок на территории СССР, а сам Союз — поделен на оккупационные зоны. После победоносных войн в любой стране генералы становятся силой, с которой невозможно не считаться, а сдерживать их натиск очень трудно. Но то, что предлагали генералы, настолько шло вразрез с разработанным планом «наступления доллара», что пришлось несколько остудить их пыл, фактически передав Сталину по линии разведки секрет атомного оружия.[27] В мире всегда должен быть баланс, чтобы не впасть в искушение.

Но если американские генералы вошли во вкус решения всех проблем стратегическими операциями, то и Сталин был введен в неменьшее искушение своей огромной военной машиной, созданной к 1945 году. Никогда не служа в армии, будучи забракованным медицинской комиссией в 1915 году, Сталин начал свою военную карьеру сразу со звания маршала, а через пару лет стал генералиссимусом, как Франко и Чан-Кай-Ши. Из войны он вышел еще большим милитаристом, чем был в тридцатые годы, готовя свой знаменитый марш в Европу. «Мы — люди военные, — говорил он, хлопая по плечу фельдмаршала Монтгомери, — и, как люди военные, хорошо поймем друг друга».

Многие полагают, что Сталин после войны стал просто солдафоном. Когда Гарриман как-то сказал ему, что самым мощным государством в Европе является Ватикан, Сталин, усмехнувшись, спросил его: «А сколько у Ватикана танковых дивизий?». Создавалось впечатление, что охваченный манией мирового господства, Сталин действительно мерит мощь и влияние стран только числом танковых и прочих дивизий.

Это было совсем не так.

Война, пребывание в течение двух первых ее лет в постоянном ожидании военной катастрофы, общение с Черчиллем, Рузвельтом и другими государственными и военными деятелями Америки и Европы, сильно изменили Сталина, дав ему возможность понять многие вещи, совершенно непостижимые для него в предвоенные годы.

До войны Сталин действительно все измерял мощью вооруженных сил.

Подобно Ричарду III, который, по легенде, с наслаждением бросал в камин восковые фигурки убитых им претендентов на престол, продвигая собственную фигурку все ближе и ближе к трону, Сталин в предвоенные годы с таким же удовольствием «бросал в огонь» уничтоженные не им европейские армии: польскую, французскую, голландскую, бельгийскую, норвежскую, югославскую, греческую. И, наконец, в Европе фактически не осталось больше никаких армий, кроме немецкой. Оставалось прихлопнуть ее — и Европа вся, как наливное яблочко, свалится ему на ладонь. По его мнению, английскую армию можно было не принимать во внимание, равно как и американскую, так как своими линкорами и авианосцами англо-американцы никак не могут помешать его планам.

Не получилось.

А когда показалось снова, что получится, перед ним, как фантом, появилась пятнадцатимиллионная американская армия, прекрасно подготовленная, сытая, молодая, да еще с атомной бомбой.

Но самое главное эта армия стояла на огромном долларовом валу, готовом немедленно накрыть и затопить нищую, лежащую в руинах сталинскую империю. И Сталин это отлично понимал. С лязгом захлопнулся Железный занавес, изолировав страну от внешнего мира,

одновременно закрыв девственный советский рынок от какого-либо проникновения доллара. Последовала серия новых указов о запрещении населению иметь какие-либо суммы в валюте или в золотой монете. Начиналось гигантское противостояние с самой мощной и самой богатой страной в мире. Зная о плане «доллара», возможно, не разбираясь в некоторых его чисто финансовых тонкостях, Сталин просто инстинктом самосохранения понял, что необходимо заставить Запад пускать как можно больше долларов на ветер, чтобы предотвратить прорыв валютного вала через железный занавес, ослабить давление на СССР и тем самым выиграть время.

Едва получив в свои руки атомное оружие, Сталин развязал войну в Корее, а когда эта авантюра чуть не кончилась для Северной Кореи катастрофой, подключил к войне и миллионы китайцев, сумевших завалить американцев трупами своих соотечественников и кое-как свести конфликт вничью. Американцам удалось сохранить суверенитет Южной Кореи, как всегда, потеряв в 100 раз меньше людей и техники, но истратив на ведение войны в сто раз больше своих противников, что и было задумано в Москве.

Но если Москва истратила на корейскую авантюру много меньше, чем США, послевоенные расходы становились немыслимыми. На линии противостояния в центральной Европе концентрировались огромные армии, постоянно насыщаясь современным вооружением. Охваченная ужасом Европа объединялась вокруг Америки, создав оборонительный союз НАТО. В ответ Сталин согнал подвластные ему страны Восточной Европы в Варшавский пакт. Патовая ситуация в Европе время от времени порождала кризисы, когда Сталин, будучи не в духе, неожиданно объявлял, прощупывая боеготовность Запада, что-нибудь вроде очередной блокады Западного Берлина. Гудел через территорию, занятую советскими войсками, американский воздушный мост, грозно ворочали орудиями танки на линии раздела, прогревали моторы бомбардировщики и истребители, слетали маскировочные сети с тысяч артиллерийских стволов. Но огня никто не открывал. Призрак Хиросимы и Нагасаки стоял перед всеми.

Но деньги тратились огромные.

И хотя у Советского Союза их, как обычно, катастрофически не хватало, Сталин подумывал уже о том, как в этой глобальной конфронтации перехватить инициативу. Пути было два. Первым был путь создания подавляющего военного превосходства над противником. Вторым — разрушение противника изнутри старыми ленинскими методами, используя в качестве инструмента пятую колонну из легальных, полулегальных и нелегальных коммунистических партий, способных вызывать социальные взрывы в западном мире всякий раз, когда это будет нужно Москве. А если понадобится, то не только социальные взрывы, но и взрывы настоящие. На военных базах, на боевых кораблях и в правительственных учреждениях, да и просто на многолюдных улицах.

Оба пути требовали огромных расходов.

Была задумана и начала осуществляться гигантская программа военного кораблестроения, ибо без сокрушения американской морской мощи представлялась совершенно невероятной возможность захвата мировой гегемонии. Те стратегические возможности, которые флот Соединенных Штатов продемонстрировал в годы войны, сначала привели Сталина в трепет (пока у него не было атомной бомбы, вождь со страхом чуть ли не ежедневно ожидал американского десанта в Крыму), а затем стали предметом для подражания.

История закладки и строительства чудовищных линейных крейсеров типа «Сталинград» до сих пор не может найти разумного объяснения. То ли вождь всех народов совсем рехнулся после войны, то ли в этих мастодонтах был заключен какой-то уж очень глубокий, непостижимый для простых смертных смысл, ибо строить линейные крейсера (каждый

стоимостью почти в 2 миллиарда рублей) в послевоенные годы было столь же оправданно, как и строительство весельных галер.

Параллельно создавалась и стратегическая авиация, фактическое отсутствие которой в годы войны очень нервировало вождя. Действия американских летающих крепостей над Германией и Японией, когда в одном налете участвовало до тысячи машин, когда меркло солнце, а бомбы сыпались в буквальном смысле слова как дождь, оказали огромное влияние на впечатлительного по натуре товарища Сталина. Он решил иметь такую же воздушную мощь и приказал выпущенному из тюрьмы Туполеву создать равный по силе стратегический бомбардировщик. На подмосковный аэродром был доставлен американский стратегически бомбардировщик Б-29, совершивший в 1944 году вынужденную посадку под Хабаровском, и Туполеву было приказано взять его за основу. Чтобы оправдать доверие вождя, Туполев снял с трофея чертежи и запустил модель в серию под более элегантным названием Ту-4. Талантливый авиаконструктор не хотел терять времени на копирование. В его конструкторском бюро уже полным ходом шла проработка реактивного стратегического бомбардировщика Ту-16 и морского торпедоносца Ту-14. Не отставали и другие КБ. Проходил испытания стратегический бомбардировщик.

Мятищева, первые реактивные МИГи уже испытывались в воздушных боях с американскими «Сейбрами» в небе Кореи.

А выпущенный из тюрьмы Королев уже готовил американцам новый сюрприз, создавая на базе трофейной ракеты ФАУ-2 принципиально новое ракетное оружие, которому будет суждено всего через несколько лет полностью изменить военно-стратегическую ситуацию в мире, заставив американцев впервые почувствовать себя фронтовой страной и истратить новые миллиарды долларов на этот раз не на глобальные планы передела мира, а на собственную оборону.

Вместе с тем, максимально используя демократический уклад жизни в странах Западной Европы и США, разрабатывался, постоянно корректировался и настойчиво проводился в жизнь план дестабилизации общественной жизни в этих странах путем непосредственного подчинения тамошних компартий Москве, что, собственно, и имел в виду Сталин, разгоняя Коминтерн. Основной упор делался на самую модную в тогдашней Европе коммунистическую партию Франции, возглавляемую Морисом Торезом. В те годы Франция была ключевой страной НАТО.

Все штабы и центральные учреждения этой организации находились в Париже. В идеале план предусматривал организацию компартией всенародного вооруженного восстания в указанный Москвой момент с призывом на помощь Красной армии — по старой методике, отработанной еще в годы польской и финской войн. Пока же этот момент не настал, Торез должен был в соответствии с инструкцией всячески срывать планы союзников, организовывая рабочие стачки, уличные шествия и беспорядки с призывами борьбы за мир, против поджигателей войны, ведя яростную пропаганду в средствах массовой информации, прославляя Советский Союз, его миролюбивую внешнюю политику и гений вождя всех народов, победителя фашизма, генералиссимуса Сталина. При этом, по возможности, втягивать в орбиту компартии другие партии и общественные группы Франции.

Ставка на компартию Франции делалась еще и потому, что в годы войны она создала довольно сильные вооруженные формирования в движении Сопротивления и даже пыталась с помощью этих формирований захватить власть в стране после вторжения союзников в Нормандию. Ныне эти отряды, хотя и были официально распущены, сохранили подпольно все свои структуры и вооружение, ожидая часа, определенного в Кремле.

Морис Торез, будучи членом Исполкома Коминтерна с 1928 года, дело свое знал и безоговорочно подчинялся Москве. Еще в начале второй мировой войны он и его партия, выполняя инструкцию из Кремля, сделал все возможное, чтобы разложить французскую

армию и общество, сделав Францию легкой добычей Гитлера. Сам Торез, дезертировав из армии, перешел на нелегальное положение, а дождавшись немецкой оккупации, призвал французских рабочих добровольно ехать на работы в Германию, чтобы помочь немецкому народу отразить «англо-французскую» агрессию. После 22 июня 1941 года, получив новую инструкцию из Москвы, Торез стал организовывать движение сопротивления, чтобы помочь советскому народу отразить немецкую агрессию. Ни дня, ни часа без приказа.

После войны запрещенная в 1939 году компартия снова стала легальной, а сам Торез — членом правительства, что создавало великолепные возможности для его деятельности. Но все это требовало гигантских расходов. Не говоря уже о необходимости содержания громадного партаппарата, издания газет (толстых и убыточных, как «Юманите»), Журналов, листовок и прокламаций, необходимы были средства для организации забастовок, так как профсоюзы требовали всем рабочим компенсации зарплаты за невыход на работу, на организацию демонстраций, маршей и митингов, когда приходилось чуть ли не каждому участнику платить по 300 франков, все это вместе требовало ежегодно многомиллионных расходов. Один эффектный прыжок на рельсы знаменитой Раймонды Дьен, остановившей поезд с боеприпасами, обошелся партии в 10 тысяч франков (гонорар Раймонды) плюс еще 30 тысяч франков штрафа за срыв графика железнодорожных перевозок. И, естественно, все эти деньги платила Москва.

В Париже на бульваре Османн еще эмигрантами первой волны было приобретено здание, где разместился основанный ими Евробанк. В этом банке, в частности, хранился золотой запас Белого движения и депозиты РОВСа. В эйфории победного окончания второй мировой войны и при виде золотых погон на плечах офицеров Красной армии, дряхлеющие руководители Белого движения и многочисленных эмигрантских общественных организаций, насквозь нафаршированные сталинской агентурой, сбитые с толку всевозможными комитетами возвращения на родину и ловкой пропагандой старого агента еще ГПУ графа Игнатьева, вознамерились передать этот банк Советскому Союзу.

Что касается «белого» золота, то с его передачей в руки Сталина больших трудностей не возникало: владельцы золота сами вольны им распоряжаться.

Однако с самим банком возникли трудности, поскольку французский закон запрещал существование на территории страны банка, не возглавляемого гражданином Франции. Однако эта трудность была легко преодолима. Примерно 0,3 % капитала банка передали французской компартии, которая выделила из своего ЦК человека, формально возглавившего банк. А 99,7 % капитала поделили между собой Госбанк и Внешторгбанк СССР.

Используя льготные проценты, Евробанк или Народный банк, как его иногда называли, быстро охватывал своими щупальцами все доступные ему общественные структуры Франции. Помимо постоянного финансирования Французской компартии и всех причастных к ней организаций, банк начал открывать счета и организациям, никакого отношения к компартии не имеющим. Всевозможные профсоюзные, женские, молодежные и спортивные организации открыли свои счета в столь льготном банке. Даже Всеобщая Конфедерация труда (ВТК), созданная на частных предприятиях оборонного значения, попала в сети Евробанка. Кроме того, все посольства «братских стран» во Франции обязаны были хранить деньги на счетах Евробанка. Там же хранились и деньги советской разведывательной резидентуры во Франции: МГБ и ГРУ. Счета были отдельные, ибо извечные соперники не любили и не хотели иметь друг с другом дело, даже за рубежом.

Помимо банковских счетов, у резидентов спецслужб, действующих под прикрытием дипломатических паспортов, хранились и большие суммы наличными для экстренных нужд и оплаты агентуры, которой не было смысла открывать счета в банке. Эти суммы составляли примерно около миллиона франков и постоянно пополнялись. В случае экстренной необходимости из Москвы посылались «золотые» курьеры — офицеры МГБ или ГРУ, которые

под видом дипломатической почты везли наличные деньги в разной иностранной валюте. В те годы — чаще всего в фунтах стерлингов.

Так обстояло дело во Франции, но подобное — в большей или меньшей степени — происходило и во всех остальных странах мира, оказавшихся по ту сторону Железного занавеса. Появлялись на свет «народные банки» в Лондоне, Берне, Бонне, Вене, Люксембурге, Тегеране, создавая мощную банковскую структуру ВКП(б).

Перспективы открывались поистине безграничные. Кроме возможности совершенно безопасного и легального финансирования нужных партий, общественных организаций и людей, создавалась возможность финансового проникновения в международную банковскую структуру, участия в биржевых играх, вложения денег в недвижимость, в нужные отрасли западной промышленности и даже контроля за теми или иными ключевыми предприятиями, за их процветанием или банкротством в зависимости от необходимости. Только строгие инструкции из Москвы несколько сковывали творческую мысль советских дипломатов и разведчиков, трудящихся на международном финансовом поприще. За невидимым фасадом постоянно вспыхивали разномасштабные скандалы. То неожиданно проворовалась наша резидентура в Брюсселе, надеясь скрыться в Европе. Все были быстро выловлены и доставлены в Москву на суд и расправу.

Сумев доказать, что действовали из чисто корыстных, а не политических побуждений, отделались двадцатипятилетними сроками. То «золотой курьер» капитан Седаков скрывается с чемоданом, хранящим 300 тысяч фунтов, дав повод для захватывающей двухлетней одиссеи с погонями, перестрелками, фальшивыми паспортами и таинственными убийствами. Отважный авантюрист все-таки был настигнут в Монтевидео и доставлен в Москву, где и был расстрелян за «бандитизм».

То выясняется, что отделение «народного банка» в Неаполе на корню перекуплено американцами и фактически превратилось в филиал ЦРУ. Арест виновных повлек гигантские финансовые потери. Но на них пришлось пойти, главным образом из-за того, чтобы никому не было повадно впредь. Товарищ, Сталин любил порядок в делах, и со всех требовал отчета до копейки, беспощадно карая виновных, невзирая на лица. Денежными скандалами переполнены все секретные судебные разбирательства и оперативно-розыскные действия короткого послевоенного сталинского периода. Выяснилось, кстати, что ни один из крупных резидентов нашей разведки после войны не сумел отчитаться по расходам в валюте и все были примерно наказаны. Пройдут годы, и эти резиденты будут писать в мемуарах, что у них были какие-то идеологические разногласия со своим руководством, а то и с самим Сталиным. В действительности, их главным образом, обвиняли в растрате.

Так, лидер «Красной капеллы», знаменитый Леопольд Треппер никак не мог вспомнить: в каком банке у него осело 80 тысяч швейцарских франков. Отсидел в ГУЛАГе, и только после смерти Сталина, оказавшись сначала в Польше, а затем в Израиле, вспомнил номер счета, почему-то забыв, что деньги — казенные. А знаменитый резидент советской разведки в Швейцарии Радо, легендарный Радо, герой бесчисленных боевиков и телесериалов, был схвачен после войны в Каире и доставлен в Москву, где выяснилось, что в течение всей войны он, Радо, получая деньги на оплату услуг своего уникального агента Рудольфа Рослера, преспокойно клал эти деньги на свой текущий счет, не дав самому агенту ни гроша. Радо отделался двадцатипятилетним сроком, только сдав все до последнего франка.

Многомиллиардные ежегодные траты на заграничные операции и многомиллиардные траты на вооружение поневоле поднимали вопрос: откуда у разоренной Москвы появились деньги, чтобы жить на столь широкую ногу? Этот вопрос впервые подняли американские газеты в связи с крупным скандалом, связанным с компартией Соединенных Штатов. Скандал разгорелся в 1949 году, когда федеральные налоговые органы США выяснили, что маленькая и ничтожная группа людей, именующая себя американской коммунистической партией,

получила неизвестно откуда 20 миллионов долларов, приобрела крупную недвижимость, не уплатив ни цента в федеральную казну и казну трех штатов.

Начавшееся следствие быстро показало цепочку, протянувшуюся от Нью-Йорка до Москвы. Национальный секретарь компартии США Гэс Холл («Газовая камера», как его называли некоторые газеты по созвучию произношения его имени и фамилии) попал на 5 лет в тюрьму за мошенничество. Заодно всплыл эпизод, как Гэс Холл уклонялся от призыва в армию в годы войны, бежав в Мексику. Этот факт, наряду с признанием коммунистами факта получения денег от главного потенциального противника США на мировой арене, привел к дебатам, а не следует ли считать коммунистов «агентами иностранного государства» со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая и обязательную регистрацию в полиции. Поистине безразмерная американская демократия не прощает своим гражданам только одного — уклонения от уплаты налогов. Верховный суд признал право коммунистов на существование, обязав их только впредь быть более аккуратными с деньгами, поступающими из-за границы.

В итоге коммунисты оказались под жестким финансовым контролем правительства. Все это сопровождалось диким визгом советских газет о «травле американских коммунистов», «разгуле фашизма в США», «об охоте на ведьм», «об ужасах маккартизма» (по фамилии сенатора Маккарти, председателя следственной комиссии конгресса США, расследовавшего финансовые и политические махинации компартии) н было связно как раз с этим скандалом. Пришлось деньги американским коммунистам доставлять по всем правилам доставки спиртного в годы «сухого» закона в США. Курьеров ловили, начинались новые громкие скандалы с высылкой советских дипломатов, с арестом партийных функционеров, с закрытием совершенно убыточной коммунистической газетой «Дейли Уоркер», тираж которой временами печатался и распространялся исключительно в СССР и «братских странах». Постепенно выяснилось, сколько Москва тратит ежегодно на подобные глупости и, естественно, всплыл вопрос: где она берет эти деньги?

Появилась смутная информация о нацистском золоте захваченном сталинской разведкой после войны. Бывший гитлеровский генерал Гелен, возглавлявший в годы войны «восточный» отдел абвера, давая секретные показания американской следственной комиссии, сделал сенсационное заявление, подкрепленное якобы неопровержимыми доказательствами, суть которых сводилась к тому, что заместитель фюрера по партии Мартин Борман, будучи агентом Коминтерна, передал после войны Сталину все ключи от золота нацистской партии, а сам преспокойно смылся в Москву, где и проживает в настоящее время, посмеиваясь над смертным приговором, вынесенным ему заочно Нюрнбергским трибуналом.

Возможно, что все оно так и было, как уверял американцев Гелен, однако это не произвело особого впечатления, главным образом, потому, что нацистского золота, наплавленного из золотых коронок и обручальных колец замученных в концлагерях евреев, было, как говорится, кот наплакал. Уже к середине 1942 года, как правильно сообщала американская разведка, Гитлер был финансовым банкротом, и того золота, которое якобы досталось Сталину, едва бы хватило на полгода глобальных финансовых операций, которые с такой непринужденностью вела Москва.

В 1950 году разгорелся знаменитый «нумизматический» скандал. Среди нумизматов Европы особым спросом пользовались золотые франко-испанские пистоли и французские луидоры — монеты, чеканка которых производилась в Испании и Франции в относительно короткий период первой половины XVII столетия. Цена каждой монеты по каталогу составляла примерно 30–50 тысяч долларов, в то время как цена золота, содержащегося в монете, не превышала 200 долларов. Найти одинарный или двойной пистоль в хорошем состоянии считалось большой удачей нумизмата. И вдруг эти монеты стали появляться в разных странах в специальных магазинах, на аукционах и на «черном рынке» в таком количестве, что вскоре их каталожная цена резко пошла вниз, с трудом удержавшись где-то

на рубеже в 800 долларов. Появившиеся на рынке монеты выборочно были подвергнуты экспертизе. Все оказались фальшивыми. Попутно выяснилось, что два сохранившихся станка для чеканки этих монет хранились в Лувре, и в 1940 году были вывезены немцами в Берлин, где и попали в 1945 году в руки Москвы.

Переждав с гордым молчанием период наибольшего накала страстей, Москва, как и водится, объявила всю эту «шумиху» гнусной клеветой и «очередной разнузданной антисоветской кампанией». Никто уже другого ответа и не ждал, хотя это был далеко не первый случай, когда «рука Москвы» выступала в качестве фальшивомонетчика. Еще в героические ленинские времена была сделана первая попытка наладить производство фальшивых пяти- и десятифунтовых банкнот «для подрыва экономической мощи империализма». Тогда эта попытка, проведенная на чисто любительском уровне из-за недостатка опытных специалистов, с треском провалилась и обошлась очень дорого, приведя к аресту и конфискации очень важных счетов партии в западных банках.

Но если во времена Ленина подобная акция имела чисто диверсионное значение, то для Сталина она начала быстро приобретать значение жизненно важное. Валюта была нужна постоянно, а ее вечно не хватало. Поэтому, основанная во времена Ленина, секретная лаборатория в недрах НКВД продолжала действовать, постоянно совершенствуясь и обрастая высококвалифицированными специалистами. Известно, что Гитлер работал в том же направлении, но с гораздо меньшим успехом. Фальшивые фунты немецкого производства быстро распознавались и изымались из обращения. На пике советско-германской дружбы в 1939–1940 годах Сталин даже посылал к Гитлеру своих экспертов-фальшивомонетчиков, чтобы помочь своему незадачливому дружку «подорвать экономическую мощь империализма».

В послевоенные годы в распоряжении секретного отдела НКВД-МГБ уже находились подлинные клише всех западных валют и был полностью известен технологический процесс их изготовления. Но, к чести товарища Сталина, надо сказать, что он так и не решился на широкое применение потенциальных возможностей секретной лаборатории. Старые скандалы сделали осторожного по натуре Сталина еще более осторожным. Несколько крупных разоблачений в начале 50-х годов попыток сбыта фальшивых долларовых купюр на общую сумму примерно в 500 миллионов долларов относятся, скорее, к международным организациям фальшивомонетчиков, но послужили для Москвы хорошим уроком.[28]

За всеми этими событиями внимательно наблюдали западные финансовые и контрразведывательные органы. Ну хорошо, допускали они, на фальшивых французских монетах Москва заработала чуть больше 700 миллионов долларов.

Если и существует доля Москвы в сбыте фальшивых банкнот, то она весьма незначительна и не превышает пару миллионов долларов в год. Все это — копейки. СССР не ведет фактически никакой внешней торговли. Государственная денежная единица, не конвертируемая и чисто условная, оторвана от международной валютной системы. На чем же основана мощь коммунистической империи?

И тут необходимо заметить, что если в СССР очень плохо в те годы знали Соединенные Штаты, постоянно влетая в разные скандальные истории из-за элементарного незнания простейших основ американского законодательства, то и Соединенные Штаты знали Советский Союз, мягко говоря, не лучше. Все предвоенные годы американская политология тщательно изучала Германию, Японию и свою старую маму — Англию. Ни американская дипломатия, ни американская разведка не предпринимали серьезных попыток проникнуть за тот помпезно-величественный, украшенный серпами, молотами и пшеничными снопами фасад, долженствовавший представлять созданное Сталиным государство. Еще не появилась на свет огромная армия советологов, еще не загудели компьютерами бесчисленные научные центры по изучению всех аспектов советской жизни и мотивировок советской внешней и

внутренней политики. Еще не повалила толпами из СССР эмиграция, неся бесценную информацию, а потому Москва, сияя рубиновыми звездами, оставалась загадкой.

Первые же перебежчики либо хранили гробовое молчание, дрожа от страха за свою жизнь и жизнь своих близких, а если и пытались говорить, то их никто и не слушал. Было не до них. Непосредственная конфронтация со Сталиным еще не началась. Напротив, он выполнял свою часть глобального американского плана, мостя миллионами трупов широкую дорогу для будущего наступления доллара.

Империя, которую построил товарищ Сталин, была уникальной для своего времени, а потому и представлялась неразрешимой загадкой для всех, кто жил за пределами Советского Союза, даже для «братских» стран. Это был средневековый анклав, причудой истории и судьбы вкрапленный на шестую часть суши в мир двадцатого столетия. По административной структуре СССР почти ничем не отличался от деспотии древности с неограниченным властью владыкой в столице и сатрапами в провинции. Основу экономики страны, как и всюду, составляла добывающая промышленность, обсуживаемая исключительно заключенными, число которых к 1953 году составляло примерно 12 миллионов человек. ГУЛАГ, как правильно заметил Солженицын, по численности своего «населения» равнялся среднему европейскому государству, обеспечивая страну всеми необходимыми видами сырья, включая и золото, причем практически бесплатно. Аграрный сектор империи обеспечивала многомиллионная армия колхозников, низведенная ниже уровня крепостных крестьян старых времен российского абсолютизма. Крестьяне не имели паспортов, никуда из своих деревень уезжать не имели права без специального разрешения местного «помещика» — председателя (даже на рынок), за свой труд фактически ничего не получали, если не считать знаменитых «палочек-трудодней», служа при этом резервом для пополнения ГУЛАГа и армии. Так шло обеспечение страны продовольствием и другими сельскохозяйственными продуктами, фактически тоже бесплатно.

В строительных работах на всех нулевых и начальных циклах трудились заключенные, составляя 60 % от общего числа строительных рабочих, превышая даже долю строительных батальонов армии, представляющих еще один вид рабского труда. В обрабатывающей промышленности и на транспорте также трудились заключенные, но их доля была относительно низкой. Однако, «вольные» рабочие, даже высокой квалификации, получали нищенскую зарплату, влача полуживотное существование, рискуя при этом за малейшую провинность оказаться по другую сторону колючей проволоки. Восемь миллионов человек находились под ружьем в вооруженных силах мирного времени.

Так существовал народ, протащенный через мясорубки бесконечного террора и самой страшной в истории человечества войны.

Итак:

12 миллионов в ГУЛАГе,

8 миллионов в армии,

30 миллионов в колхозах,

40 миллионов в промышленности…

И все рабы примерно одного уровня. Заключенных можно было безнаказанно расстреливать, морить голодом, убивать непосильной работой. Прав у них никаких не было, и даже само их существование, несмотря на количество, было государственной тайной, о которой запрещалось даже говорить вслух.

А уж тем более запрещалось говорить вслух об армии, кроме того, что она «непобедимая и легендарная». Но прав у военнослужащих было еще меньше, чем у заключенных. Не моргнув глазом, можно было на живых солдатах провести натурные испытания атомного взрыва, а затем бросить уцелевших без всякой медицинской помощи, взяв у них, правда, строжайшую расписку «о неразглашении». Даже умирая от лучевой болезни, они боялись рассказать сбитым с толку врачам, что с ними произошло.

Не было ничего хуже, чем вернуться из армии инвалидом. Все еще хорошо помнили многомиллионную армию инвалидов сразу после войны. Звеня многочисленными орденами и медалями, они собирались в крупных городах вокруг рынков и вокзалов, прося подаяния или пытаясь в меру своих сил как-то подработать. Все это были, главным образом, молодые парни в возрасте до 30 лет. Буквально в один день все они исчезли. По всем городам были проведены координированные облавы. Всех безногих и безруких покидали в машины и увезли. А было их несколько миллионов. Куда они все делись? Не то что говорить, но и думать об этом не полагалось. Любой генерал, а то и маршал мог точно так же исчезнуть, и никто не имел права о нем вспоминать. Если уж в годы войны били смертным боем и мочились на голову генерала армии Мерецкова, то и после войны с неменьшим энтузиазмом делали то же самое с маршалом Новиковым, генералом Телегиным, маршалом Яковлевым и многими другими.

С крестьянами вообще можно было делать что угодно. Им не полагалось ни пенсий, ни пособий, но при потере трудоспособности разрешалось кормиться с крошечного приусадебного участка, который, кстати, могли в любой момент отобрать, дом снести бульдозером, а самого либо посадить, либо выбросить умирать куда-нибудь в чистое поле. Методика уже давно была отработана.

С рабочими, от имени которых как «класса-гегемона» и творились все преступления, также никто не церемонился. Никаких средств борьбы за свои права рабочие не имели. За само слово «забастовка» произнесенное вслух, вполне можно было поплатиться жизнью. Безопасность труда находилась на первобытном уровне, работа шла на износ, условия работы были подчас каторжными, оборудование старым и изношенным, условия жизни просто немыслимыми, так что очень малый процент рабочих вообще доживал до своей нищенской пенсии. Страна жила в неописуемой нищете. Мужчины донашивали военную форму и ватники, женщины тридцати лет уже выглядели старухами в платках и валенках. Человек в костюме считался справедливо либо большим начальником, либо шпионом, либо крупным уголовником. Модно одетая женщина, если она не была женой или любовницей какого-нибудь крупного функционера, рисковала попасть в зону за «низкопоклонство перед западной модой».

В несколько лучшем положении находилась немногочисленная техническая интеллигенция, выпущенная из тюрем и шарашек, увешанная лауреатскими медалями за проектирование и создание образцов нового оружия в годы войны и ныне. Ей и платили получше, и кормили посытнее, создав даже для кандидатов наук и полковников сеть так называемых лимитных магазинов с гораздо лучшим выбором товаров, чем для простого народа, дав им таким образом почувствовать сладостное чувство собственного привилегированного положения и временно забыть о своем собственном полном рабском бесправии.

Таким образом, при самом поверхностном анализе легко выявлялась примитивная схема рабовладельческого государства, где весь национальный доход присваивался и по собственному усмотрению распределялся самим Сталиным и его всемогущей номенклатурой.

Номенклатура вышла из войны еще более могущественной, чем была. В годы войны она надела на себя высшие знаки воинского отличия, что дало ей возможность еще более осознать свое значение в государстве, которое считалось государством «нового типа», хотя было столь же архаичным, что и государство Урарту. И если такое государство вообще могло

существовать, то только потому, что оно по всем швам сцементировано именно номенклатурой, использовавшей в качестве единственного механизма исполнительной власти огромный аппарат тайной полиции, снова переименованный после войны из НКВД в МГБ. Но сути дела это не меняло. Тайная политическая полиция контролировала каждый вздох гигантского концлагеря от далеких лагпунктов ГУЛАГа до кремлевских кабинетов. Сросшись своей верхушкой с сердцем номенклатуры, тайная полиция простерла свои щупальца по всем континентам, постепенно становясь мечом, щитом и плотью номенклатуры.

Номенклатура, отягощенная золотом погон и высших боевых наград, прекрасно осознавала прочность своего господствующего положения в захваченной стране, свои возможности и беспредельные перспективы. Она прекрасно понимала, что партия большевиков, которую эта номенклатура представляла, уже срослась с понятием «государство», а само понятие «государство» давно стало синонимом партии. А потому она, номенклатура, стала непобедимой и неистребимой, искренне рассматривая всю государственную собственность, включая население, как свою, принадлежащую ей по праву рождения.

И такой вождь, как Сталин, был номенклатуре уже совершенно не нужен.

Более того, он ей мешал, не давая развернуться во всем блеске импровизации.

Он мешал, поскольку постоянно заставлял задумываться о личной безопасности, об ответственности, ограничивая аппетиты и держа почти круглые сутки на рабочих местах в кабинетах. А в этот кабинет в любую минуту могли ворваться люди с синими околышами на фуражках, избить до полусмерти, вытащить за ноги во двор, бросить в машину и в тот же вечер расстрелять в каком-нибудь подвале. Все это нервировало, порождая мечты о новом, «своем» вожде. Но, как известно, мечты никогда не воплощаются в жизнь сами по себе, требуя для своего воплощения в жизнь тяжелой и рискованной работы.

Французская газета «Монд» как-то опубликовала карикатуру, желая показать читателям структуру управления Советским Союзом. На карикатуре был изображен Сталин, у которого из каждого кармана, из отворотов мундира, из голенищ сапог выглядывали маленькие Сталины. Это было правдой, но сильно упрощенной правдой. Маленькие Сталины стремительно объединялись, создавая нечто гораздо более мощное, чем «великий вождь всех народов». Номенклатура объединялась в собственное государство с весьма четкими и строго охраняемыми границами.

Этот процесс был настолько очевиден, что его не смогла игнорировать даже многотомная «История КПСС». «В 1946 году была разработана и утверждена номенклатура должностей ЦК ВКП(б), — сухо сообщает официальная история партии. — В работу с руководящими кадрами вносились плановость, систематическое изучение и проверка их политических и деловых качеств, обеспечивалось создание резерва для выдвижения и строгий порядок в назначении и освобождении номенклатурных работников. Расширялась номенклатура должностей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов». О чем не сообщает официальная история, так это о том новом витке смертельной борьбы, которая развернулась между номенклатурой и Сталиным, сразу же, как смолкли последние залпы второй мировой войны.

Разница с предыдущими этапами борьбы заключалась лишь в том, что номенклатура стала более могущественной, а Сталин сильно сдал, постепенно впадая в состояние полного маразма и становясь легкой добычей для окружавших его волков и шакалов.

Еще во время войны номенклатура получила несколько сигналов, говорящих о том, что вождь слабеет. После взятия немцами станции Мга под Ленинградом, что позволило противнику замкнуть кольцо окружения вокруг города, все считали, что песенка Ворошилова спета. Пикантность ситуации заключалась не только в его дико бездарном командовании, а в том, что после взятия Мги Ворошилов, потеряв голову от страха, не доложил об этом в

Москву, и Сталин узнал об очередной военной катастрофе из сообщения Немецкого радио. Сам Ворошилов был уверен, что его расстреляют или превратят в лагерную пыль, что по законам военного времени было бы вполне справедливо. Расстрел всего командования Западного фронта во главе с генералом армии Павловым был еще у всех очень свеж в памяти. Но ничего подобного не произошло. Ворошилов отделался легким испугом.

Номенклатура отметила это обстоятельство как первый шаг на пути к собственной полной безответственности, что и составляло ее самую светлую мечту.

Еще более характерной была история со Ждановым. На стол Сталина постоянно ложились документы, изобличающие его ближайшего сатрапа во всех смертных грехах. Алкоголик, пьет с утра до вечера, никакими делами не занимается. Изменник. Договаривался с немцами о сдаче города. Настроил против Сталина всю ленинградскую парторганизацию, мечтая отделить Ленинградскую область от СССР, создать на базе области самостоятельное государство и стать в нем вождем. Во исполнение этого плана в Ленинграде на каждый портрет товарища Сталина приходится четыре портрета самого Жданова.

Вор. Еще в годы присоединения Прибалтики он присвоил и переправил в западные (скандинавские) банки около 400 тысяч фунтов стерлингов. В годы блокады Ленинграда специально созданная им команда обшаривала пустые дома, собирая в подвалах Смольного все представляющее хоть какую-то ценность, не брезгуя даже обручальными кольцами, сдернутыми с пальцев умерших от голода старух. В настоящее время указанные ценности примерно на 7 миллионов рублей хранятся в тайниках на трех дачах и у ряда доверенных лиц.

Вождь молчал, не принимая никаких мер. Правда, после неожиданной смерти Жданова, обросшей легендами именно из-за того, что многим была известна эта информация, на дачах и в охотничьих домиках покойного копошились какие-то комиссии, что-то вывозилось на крытых армейских грузовиках, а во время знаменитого «Ленинградского дела», в ходе которого была расстреляна вся бывшая ждановская команда, помимо прочих обвинений, всем было предъявлено обвинение «в моральном падении в виде стремления к личному обогащению». На суде демонстрировались пригоршни золотых монет, бриллиантов, ювелирных изделий и старинных орденов. Таким образом, ответственность была также тщательно иерархирована, как и вся жизнь в стране. То, что могло быть прощено Жданову, не прощалось номенклатуре более низкого уровня. А именно это ее не устраивало.

Сталину было совершенно ясно, что номенклатура, подобно подпольному миллионеру Корейко, с упоением ждет лучших времен, заранее, вместе с консолидацией собственной власти, накапливая материальные богатства, чтобы окунуться в роскошь настоящей вельможной жизни правящего класса, имеющего неограниченные возможности и безграничные претензии. И, уж конечно, было понятно, что все с надеждой ждут того момента, когда тигриные глаза вождя всех народов закроются навсегда. Понимая, что его могут убить в любой момент, Сталин порой впадал в нерешительность, которая сменялась приступами безумия, не давая возможности разработать четкую и эффективную стратегию контрборьбы.

Сталинская номенклатура, уже задыхающаяся и изнывающая в тех рамках, в которые ее загнал свирепый и кровожадный вождь, была, тем не менее, чисто сталинской. Раздираемая вечными интригами и взаимными доносами, она сама предоставляла Сталину великолепные возможности для победы на этом новом витке борьбы. И может быть, будь вождь помоложе, он бы снова, если и не победил, то и не проиграл бы, как это произошло в 1937 году. Но Сталин был уже слишком стар и утратил свой былой блеск непревзойденного мастера партийной интриги.

А доносы продолжали поступать.

Молотов. Еще будучи в 1939 году в Германии, получил крупную взятку от гитлеровского правительства, которую положил на секретный счет в Швейцарском банке. В годы войны неоднократно получал крупные взятки от союзников, которые разместил в ряде банков США и Англии. Через свою жену был связан со всесильными еврейскими финансовыми кругами, каковыми и был завербован во время поездки на поезде из Нью-Йорка в Вашингтон, дав обязательство «изменить» существующий строй в СССР в Пользу мирового капитала.

Берия. Еще в молодости, в эпоху диких конфискаций и красного террора, награбил несметные богатства, которые тогда же переправил за границу. Его тяга к роскоши и драгоценностям не только не угасла со временем, но стала еще более острой. Во времена террора, став после устранения Ежова во главе НКВД, бесконтрольно присваивал себе конфискованное у миллионов жертв имущество, не брезгуя получать за него деньги через сеть комиссионных магазинов. Постоянно имея выходы за рубеж, поддерживая в течение войны постоянную связь с противником, сумел перевести крупные ценности в западную валюту на секретные счета в Швейцарском банке и в королевском банке Швеции.

В 1951 году имел секретную встречу в Сухуми с резидентом английской разведки, в которой прозрачно намекал на скорые изменения в Советском Союзе и полную смену руководства.

И далее потоком подобные доносы: Булганин, Маленков, Микоян, Хрущев, Ворошилов, Вышинский… Это высший эшелон. А чуть ниже уже творится нечто совершенно невообразимое.

«Совершенно секретно.

Комиссия партконтроля при ЦК ВКП(б).

Государственной важности. Особая папка…

26 июня 1948 года в 01;30 на железнодорожную станцию Виттенберг (в советской зоне оккупации Германии) был подан советский воинский эшелон No В-640-07 с заданием погрузки и вывоза на территорию СССР технического оборудования в рамках соглашения по послевоенным репарациям. К эшелону был прицеплен спецвагон, охраняемый офицерами „Смерш‟, которыми командовал подполковник Степанов Иван Герасимович, командированный из Москвы. Согласно секретной накладной, находящейся у подполковника Степанова, в спецвагон были погружены трофейные дела из местного архива нацистской партии и гестапо.

Однако нам удалось получить неопровержимые доказательства того, что в вагон были погружены 45 (сорок пять) оцинкованных ящиков с изделиями из драгметаллов, золотого лома, монет, золота и платины в слитках без указания адреса получателя в СССР…

Эшелон должен был следовать по обычному маршруту через Варшаву и Брест, далее, на Москву. 29 июля в 2 часа ночи эшелон прибыл на пограничную станцию Брест, где при проверке эшелона военным комендантом станции майором погранвойск Сухоруковым выяснилось исчезновение спецвагона вместе с охраной.

Проверка, проведенная по линии следования эшелона, показала, что указанного вагона не было уже на пограничной с Польшей станции Франкфурт-на-Одере. Все попытки выяснить подробности исчезновения спецвагона пока не дали результатов, т. к. органы не содействуют в проведении расследования…»

Внизу корявая подпись Шкирятова, а еще ниже резолюция Сталина: «Что значит — не содействуют?!! т. Абакумов! Арестовать пп. Степанова и доложить!»

«На ваш исх. № 1884-48Б от 14 сентября 1948 г.

Секретно. В ЦКК при ЦК ВКП (б)

т. Шкирятову М. Ф.

Подполковник Степанов Иван Герасимович в кадрах Министерства не числится…»

«Сов. Секретно. Министерство Государственной Безопасности.

Государственной Важности.

Члену Политбюро ЦК ВКП(б), маршалу СССР (так в тексте — И. Б.) 15 мая

1949 года т. Л. П. Берия

Международный отдел ЦК ВКП(б) через Управление Делами ЦК в феврале текущего года, используя нелегальную агентуру, открыл ряд крупных счетов в Швейцарских банках на вымышленные фамилии-псевдонимы. Для открытия депозитов использованы золото, драгоценные камни и платина, вывезенные из СССР, Германии и Чехословакии с грузами, спецназначенными в качестве безвозмездной помощи коммунистическим партиям стран Восточной Европы… Установлены фамилии-псевдонимы владельцев счетов.

Климов Владлен Николаевич — 800 тысяч швейцарских франков.

Николаев Иван Федорович — 500 тысяч швейцарских франков.

(И далее еще семь фальшивых фамилий)… Как показала проверка, все перечисленные лица являются работниками ЦКК при ЦК ВКП(б)…

Климов Владлен Николаевич является псевдонимом тов. Шкирятова Матвея Федоровича…» Подпись: В. Деканозов. Пометка Берии: «Доложить на политбюро».

Что было дальше — неизвестно, но совершенно очевидно, что партия и госбезопасность не раз и не два обменивались богатырскими ударами, с одинаковым упоением воруя все, что плохо лежит. И при этом «закладывали» друг друга без всяких угрызений совести, апеллируя к Сталину с чувством самого искреннего возмущения, как бы подчеркивающего собственную безукоризненную честность.

Но дело было даже не в этом. Органы безопасности забыв о том, что они являются всего-навсего боевым отрядом ВКП(б), неожиданно встали в прямую оппозицию к родной партии, нагло демонстрируя полную независимость и желание действовать полностью самостоятельно. Создавалось впечатление, что в СССР, где вся политическая система основывалась на однопартийности, неожиданно образовались две политические партии, обе крайне левого толка и демонстративно враждебные друг другу. У более динамичных и лучше организованных органов безопасности, казалось, были хорошие шансы подмять под себя партию, а затем или полностью ее уничтожить, или растворить в себе.

Чекистам уже ничего не стоило схватить какого-нибудь секретаря райкома, вытрясти у него из сейфа иностранную валюту, а то и что-нибудь более интересное, увезти к себе, выбить любые показания, и, положив эти показания на стол Сталину, нанести конкурентам новый сокрушительный удар. Два мощных клана, — партийная и чекистская номенклатуры — открыто боролись за неограниченную власть в стране, лихорадочно переправляя на запад и превращая в валюту все, что только можно — на случай своего поражения.

Говорят, что Сталин в годы войны совершил всего две ошибки: показал своей номенклатуре Европу и показал Европе свою номенклатуру. Европа в ужасе шарахнулась, но номенклатура, напротив, быстро почуя выгоду и, осознав, в каком черном теле ее держал все эти годы любимый вождь, стала стремиться на запад, самостоятельно пробивая первые дырки в Железном занавесе, который уже шатался и вибрировал под натиском доллара с другой стороны. Алчная и продажная партократия, уже разграбившая богатейшую страну и присвоившая себе плоды каторжного труда истребляемого ею народа, рвалась к более высокому уровню роскоши. Ей уже было тесно на одной шестой части суши. Она хотела проводить время на Лазурном берегу Франции, на пляжах Италии, на курортах Майами, в шикарных виллах и отелях под разноцветный блеск реклам и мягкий шум средиземноморского прибоя. Она хотела западного обслуживания и западного комфорта, который и на западе доступен далеко не всем, отчего делался еще более желанным и притягательным. А потому партократия с алчностью глядела на 12 тысяч тонн золота, составляющие государственный золотой запас СССР,[29] накопленный Сталиным ценою

жизней миллионов заключенных и предназначенный для осуществления своих глобальных планов.

Да, это золото принадлежит государству. Но разве партия и государство — это не одно и то же? Значит, это золото партии, и только партия может им распоряжаться. Она с вожделением глядела на богатейшие недра страны, переполненные столь ценимой на западе нефтью и другим драгоценным сырьем, мысленно пересчитывая его на доллары и фунты стерлингов. В уже оформившемся «Зазеркалье» — страны, где весь СССР считался не более, чем источником самой дешевой в мире рабочей силы и дарового пушечного мяса, — номенклатура искренне начала считать все национальное богатство, включая население, своей частной собственностью. За это и шла борьба. Можно без преувеличения сказать, что как только номенклатура оформилась в государство, в нем, как и во всяком молодом государстве, вспыхнула гражданская война за власть и право распоряжаться богатством.

Многие считают, что Сталин сам разжег гражданскую войну в номенклатуре, готовя ее очередной показательный погром. Скорее всего, это так и есть, но вождь на этот раз явно переоценил свои силы, готовя очередную резню по старой схеме 1937 года. В делах подобного рода повторяться смертельно опасно. Номенклатура внесла в план вождя оригинальное новшество, которое ранее не использовалось. Над страной повисла черная дымовая завеса антисемитизма, закрыв на какое-то время поле битвы. А когда завеса рассеялась, Сталин был уже мертв, госбезопасность разгромлена, ее руководство во главе с Берией безжалостно расстреляно, а партия, подобно сказочному герою, выскочила из кипящего котла еще более сильной и помолодевшей, демонстративно отбросив старое свое название ВКП(б) и придумав себе новое — КПСС.[30]

Переведя дух после столь тяжелой победы в ходе почти двадцатилетней войны, партноменклатура стала готовиться к новой жизни, о которой мечтала все последние годы. На роль нового руководителя партии и государства был выдвинут наиболее ничтожный, трусливый и покладистый из всех членов бывшего сталинского политбюро — Никита Хрущев, которого номенклатура видела простой марионеткой, полностью послушной ее воле. Это был тот самый Хрущев, который по приказу Сталина, обливаясь потом и тяжело дыша, плясал гопака прямо на совещаниях Политбюро, а все хохотали и хлопали ладошками в такт. Сам Сталин смеялся до слез.

Однако, надежда на то, что Хрущев так же послушно будет плясать под дудку номенклатуры, не оправдалась. Войдя во вкус неограниченной власти, опираясь на армию, Хрущев не только не осуществил розовых грез номенклатуры, но даже сделал попытку еще более ущемить ее права. Однако он сделал главное, что он него хотела номенклатура. Отныне был заключен «священный» договор, гарантировавший личную безопасность и свободу граждан «Зазеркалья», их фактическую неподсудность перед лицом закона, открывая дорогу именно к тому беспределу, к которому номенклатура и стремилась. И надо заметить, что этот договор никогда и ни при каких обстоятельствах не нарушался вплоть до августа 1991 года, когда несколько высших номенклатурщиков угодили в тюрьму, дав возможность раствориться остальным.

Даже наиболее одиозные фигуры сталинского времени были без лишнего шума (или с небольшим шумом, как Молотов, Маленков и Каганович) выдворены на пенсию, продолжая пользоваться всеми благами и привилегиями своего былого положения. Даже предание гласности кошмарных сталинских преступлений нисколько не отразилось на статусе семьи покойного диктатора, продолжающей числиться в номенклатуре ЦК и пользоваться всеми вытекающими отсюда благами.

Исключение составлял разве что сын Сталина — Василий. Став в 25 лет генерал-лейтенантом, с детства окруженный подхалимами и лакеями, он действительно возомнил себя наследным принцем и вел себя как таковой. Попав в горнило государственного переворота, он открыто говорил об убийстве своего отца, называя новых вождей

узурпаторами власти, которая, по его мнению, после смерти отца должна была достаться ему в силу старых династических традиций. Он так надоел всем своими криками, что его пришлось арестовать и дать 8 лет, обвинив в ложном доносе на маршала авиации Новикова. Вскоре его, однако, выпустили, оформили генеральскую пенсию и поселили в Казани, где через полгода его обнаружили мертвым в собственной постели. Видимо, он продолжал говорить много лишнего.

Дочь же Сталина — Светлана, памятуя о судьбе брата, предпочла сбежать за границу, где в окружении телекамер публично сожгла советский паспорт, и поселилась в Соединенных Штатах. Она разыскала и отсудила счет Сталина в Швейцарском банке, написала несколько книг, ярко показав звериную сущность своего папаши и всей коммунистической системы, прогорела в биржевой игре и неожиданно снова вернулась в СССР. Хотя к этому моменту в лагерях сидело немало людей за чтение и распространение ее книг, сама Светлана была принята как принцесса крови: немедленно получила персональную пенсию, квартиру, машину с шофером и прочее. Гражданин «Зазеркалья» получает все свои права пожизненно и никогда не лишается гражданства. Однако даже привилегированная жизнь в СССР не могла идти ни в какое сравнение со скромной жизнью в США, к которой Светлана уже привыкла. Так же неожиданно она уехала обратно. Никто не препятствовал. Принцесса крови может делать что угодно. Именно об этом и мечтала номенклатура, ликвидируя ее отца…

Но и Хрущев явно не оправдал возложенных на него надежд. Вернув домой и частично реабилитировав миллионы заключенных из сталинских лагерей, публично на весь свет заявив о сталинских преступлениях против номенклатуры и о возвращении, наконец, к старым, добрым ленинским нормам партийной жизни, Хрущев, со своей стороны, пытался набросить на номенклатуру собственную узду, нещадно смещая, перемещая, отстраняя и приближая руководителей всех уровней, и снова создавая в «Зазеркалье» нервозную обстановку. Не имея опыта ни во внешней, ни во внутренней политике, он чуть не развязал третью мировую войну, спровоцировав Карибский кризис, расколол всемирную коммунистическую империю, вдрызг переругавшись с Мао-Цзе-дуном, выкинул Сталина из мавзолея и, в довершение всего, пригрозил номенклатуре, что закроет все спецраспределители и переведет все «Зазеркалье» на общее обслуживание через обычную торговую сеть.

Разъяренная номенклатура сделала попытку сбросить такого лихого руководителя еще в 1958 году, когда Хрущева спасла только преданность маршала Жукова, чей авторитет при еще не оправившейся от разгрома 1954 года госбезопасности был непререкаемым. Попутно выяснилось, что государственный корабль, чьи топки перестали получать в виде топлива новые миллионы жертв, еще идет по инерции, грозя вот-вот остановиться. Лишенные даровой рабочей силы, грозили остановиться шахты и рудники. Получив, наконец, паспорта, разбегались из деревень колхозники, переполняя города и ставя сельское хозяйство страны на грань катастрофы.

Все ждали каких-то решительных действии, но получили незабываемую по своему цинизму знаменитую хрущевскую программу партии, которая открывалась словами: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!», который, обещали полностью построить к 1980 году. Последовавшие затем катастрофические неурожаи вынудили Хрущева начать тратить накопленное Сталиным золото, то самое золото, к которому тянула свои жадные лапы номенклатура, на американское зерно.

Хрущев сам съездил в Америку, откуда вернулся потрясенным, сказав Микояну: «Они уже построили коммунизм». Микоян, который считал, что давно построил коммунизм в своем огромном поместье, не очень был удивлен, и только лично съездив в США, убедился, что живет на уровне среднего американского фермера. Это удручало, заставляя лихорадочно думать о валютном заработке, поскольку им-потентность обрезанного хрущевского рубля была налицо даже на столь высоком уровне послесталинской номенклатуры.

Настроение номенклатуры было нисколько не лучше. Годами обманывая народ, она впервые почувствовала, что была обманута тоже. Получив возможность беспрепятственного выезда за границу, номенклатура мгновенно растеряла последние фиговые листочки марксизма-ленинизма, которые еще прикрывали ее алчную сущность и стала откровенно обклеиваться долларами.

К великому удивлению жителей крупных городов, в начале 60-х годов появилась сеть магазинов «Березка», торгующих дефицитными и иностранными товарами за твердую западную валюту. Это было тем более удивительно, что при совершенно четком идеологическом определении Соединенных Штатов и их союзников в качестве основного потенциального противника в грядущей войне и вполне реального противника в войне холодной, магазины «Березка» открыто торговали именно на деньги потенциального противника. Для тех, кто умел видеть, это означало начало оккупации.

Крупные долларовые отряды уже прорвались через «Железный занавес» и рассыпались по стране, подрывая и без того хилую экономику, и что самое главное, разрушая труп уже фактически мертвой идеологии.

«Секретно.

Управление Делами ЦК КПСС 27. 01. 1963 г. В ЦК Республиканских компартий,

27. 01. 1963 г. В ЦК Республиканских компартий, в крайкомы и обкомы КПСС.

О расходовании валютных средств, полученных от реализации товаров через сеть магазинов „Березка“.

Согласно постановлению ЦК КПСС от 10.11.1962 года, средства в инвалюте, полученные в результате реализации товаров повышенного спроса через торговую сеть „Березка“, распределяются следующим образом:

1. 50 % полученных сумм перечисляются в распоряжение УД ЦК КПСС после обязательной ежемесячной проверки поступления специальной финансовой комиссией при ЦК КПСС.

2. Оставшиеся 50 % поступают в распоряжение крайкомов и обкомов КПСС, где расходуются с обязательным ежемесячным отчетом по установленной форме.

Примечание: ЦК КПСС рекомендует использовать инвалютные средства, полученные через торговую сеть „Березка“ следующим образом:

1. 30 % — на развитие приоритетных отраслей промышленности области (края).

2. 40 % — на создание валютного фонда области (края) в общем фонде резерва.

3. 30 % — на создание поощрительного фонда, предусматривающего частичную выплату заработной платы (см. Приложение 1) руководящему составу партийных комитетов (до секретарей райкомов включительно) с дифференциацией по должностному положению; единоразовые премии для поездки за рубеж; и по усмотрению первого секретаря обкома (крайкома) с обязательной ежемесячной отчетностью».

Пометка Хрущева:

«А не много ли 30 % на поощрение?»

Цифра зачеркнута и переправлена на 10, а потом на 15 %. Видимо, имел место «острый» обмен мнениями, по-партийному принципиальный.

Доллары взбудоражили страну. Резкое возрастание количества иностранных туристов потребовало столь же резкого увеличения численности работников КГБ и смежных организаций, ибо ни одного иностранца не положено было оставлять на территории СССР без присмотра. Однако еще не набравший былой силы КГБ был не в состоянии контролировать даже крупные города, не говоря уже о всей стране.

В результате, в приобретение валюты включился главный враг существующего в стране режима — его собственный народ, возомнивший на волне некоторой внутриполитической оттепели себя полностью свободным. Это была опасная иллюзия, от которой население необходимо было быстро и решительно отучить. Действительно, это была иллюзия. Народ по-прежнему не имел никаких прав и жил в полной власти партийно-полицейского произвола. Колючие проволоки границ надежно отгораживали его от внешнего мира, паспортная система прикрепляла к месту жительства, реальный жизненный уровень, хотя и несколько повысился со сталинских времен, был еще ужасающе низким, а тог что номенклатура стала постоянно кататься на запад, еще усугубило положение простых людей. Увидев реальную жизнь западных стран, номенклатура, прежде всего, пришла в ужас, что об этом станет известно населению страны и прилагала огромные усилия и немалые средства, чтобы информация о жизни за рубежом никоим образом не стала достоянием широких масс ограбленного народа.

Великая информационная война, начатая еще при Сталине, когда за слушание передач западных радиостанций давали 10 лет лагерей, продолжалась, принимая новые, порой весьма причудливые формы.

Любые проявления народного протеста подавлялись самым беспощадным образом. Безжалостно были расстреляны рабочие демонстрации в Новочеркасске, Воркуте, Тбилиси и во многих других городах страны, с неимоверной легкостью выносить смертные приговоры за любые проступки, где хотя бы отдаленно просматривалось желание насильственного свержения существующего режима.

Танковыми гусеницами были раздавлены народные восстания в Венгрии, Германии и Польше… И вдруг выясняется, что этот самый народ, с которым большевики мучились с 1917 года, отучая от человеческой жизни, оболванивая его, истребляя миллионами, все-таки вкуса к человеческой жизни не потерял и постоянно к ней тянется. В том числе и к долларам.

Во множестве стали появляться люди, главным образом — молодежь, которых пресса немедленно окрестила «фарцовщиками» и «валютчиками». Бесстрашно идя на несанкционированные контакты с западными туристами, пренебрегая риском возможного обвинения в шпионаже, что было проще простого, эти безвестные флибустьеры непрекращающейся войны коммунистов с собственным народом первыми начали разносить по стране западную идеологию в виде валюты и предметов иностранного ширпотреба. Им была объявлена беспощадная война. Гиды Интуриста, давно уже превращенного в филиал службы безопасности, на глазах у изумленных западных туристов бесстрашно бросались врукопашную на фарцовщиков, пытаясь их скрутить и отправить в милицию. Завязывались безобразные драки, иногда с трагическим исходом. После одного из подобных инцидентов был арестован, протащен через показательный процесс и расстрелян двадцатилетний Игорь Кузьмин.

Но еще больший общественный резонанс имел первый «валютный» процесс, вошедший в историю как процесс «Рокотова и Файбищенко». Эти двое молодых людей (первому было около сорока, второму — двадцать пять лет) были арестованы за скупку долларов у туристов. Будучи весьма незаурядными в своем деле людьми, Рокотов и Файбищенко всего года за два заработали около 300 тысяч долларов и полтора миллиона советских рублей, постоянно увеличивая свое состояние продуманным оборотом. В тот момент, когда оба были арестованы, соответствующая статья УК РСФСР предусматривала за незаконные валютные операции всего 5 лет тюрьмы. Эта статья пришла из сталинских времен, когда никто, кроме высших представителей номенклатуры, и помыслить не мог заняться подобным промыслом, а номенклатура решила на всякий случай обезопасить себя. Однако сейчас возмущению номенклатуры не было предела.

Совершенно простая методика, с помощью которой арестованные парни зарабатывали свои доллары, их потрясла, заставив с ужасом думать, что вот так, запросто, весь советский

народ бросит работать на родную партию и станет работать на себя с немыслимой эффективностью. А материальная независимость — это всегда и политическая независимость, о чем предупреждал еще Ильич в своих гениальных статьях о хлебной монополии. Народ должен получать свою пайку хлеба только из рук партии и целовать эту руку за то, что та не дает ему умереть с голоду.

Хотя даже советская юстиция признавала, что «закон не имеет обратной силы», и арестованным в качестве обвинения была уже представлена статья, предусматривавшая пять лет лишения свободы, прямо в разгар следствия статья была изменена сначала на 8, а потом на 15 лет лишения свободы и дважды снова предъявлена арестованным. Но и это сочли недостаточным. Когда следствие уже подходило к концу, статью снова переделали, сделав ее подрасстрельной. И обоих несчастных парней расстреляли. Подобный произвол, с какой точки зрения на него ни смотри, произошел в разгар хрущевской оттепели, великолепно демонстрируя проходящие в Кремле процессы.

Один за другим посыпались проштампованные Верховным Советом новые законы «Об уголовной ответственности за незаконные валютные операции», «Об ответственности за мелкие валютные операции», «О повышении ответственности за незаконное хранение валюты». Таким образом, законным хранение валюты становилось только в руках номенклатуры. Хотя все эти новые законы что-то говорили о «незаконных операциях», но сводились они к простому запрещению просто иметь на руках иностранную валюту. При любых обысках обнаруженная валюта котировалась куда выше, чем разные шпионские атрибуты вроде шифров и радиостанций, подчеркивая махровость преступника, и немедленно подлежала конфискации, как правило, вкупе со всем прочим имуществом. Простой обыватель, получивший, скажем, от какого-нибудь родственника 10 долларов в письме, и рискнувший сунуться с этими деньгами в «Березку», немедленно там задерживался, поскольку отличить советского подданного от иностранца было до смешного легко, деньги отнимались, составлялся протокол, о криминальном факте сообщалось на работу бедолаги, а сам он, если его в итоге отпускали домой, искренне радовался, что дешево отделался.

И чтобы окончательно все поставить на свои места, в эти же годы был принят знаменитый закон «О борьбе с тунеядцами», каковыми объявлялись все граждане страны, не желающие работать на государство и подлежащие за это уголовной ответственности. Этот закон можно считать жемчужиной советской юриспруденции, дававший в руки номенклатуры исключительные легальные возможности расправы со всеми неугодными.

Достаточно вспомнить, что одним из первых под этот закон попал поэт Иосиф Бродский, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе, чьи стихи не понравились инструктору райкома партии. В дальнейшем неугодного выгоняли с работы, никуда не брали, а затем объявляли тунеядцем и на «законном» основании отправляли либо в тюрьму, либо в ссылку. В это же время в деревнях крушили частные теплицы крестьян, снова отбирали скот и даже разрешенные.

Сталиным приусадебные участки, засеивая все пространство страны кукурузой, поскольку именно в этой культуре Хрущев увидел основу мощи Соединенных Штатов. Никита Хрущев, который никогда не стыдился, а, напротив, всячески подчеркивал с гордостью свое пятиклассное образование, выброшенный наверх номенклатурной фрондой, оказался человеком совершенно неприспособленным к руководящей государственной деятельности. Сталин держал его на второстепенных ролях, и близко не подпуская к большой политике, как внешней, так и внутренней. Поэтому, оказавшись на самом верху партийно-государственной пирамиды, Хрущев повел себя, как Алиса в стране чудес: постоянно удивляясь и разочаровываясь. Его попытки что-то изменить или сломать в сталинской империи приводили к хаосу, неразберихе, к финансовой чехарде, а в итоге — к полной невозможности разобраться, что же происходит в стране, и каково ее место в современном мире.

Номенклатура, опомнившись от инфекции страха первых послесталинских лет, продолжая одной рукой держать народ за горло, другой стала лихорадочно разворовывать страну, забыв в азарте всякое приличие и даже осторожность.

Никита Хрущев громко ругался матом у себя в кабинете, читая совершенно секретные сводки о делах своих приближенных.

Валютная выручка от нефтяного экспорта за два года пропала бесследно.

Выяснилось, деньги положены на текущие счета через подставных лиц в западные банки. Все следы ведут в Кремль к ближайшим сотрудникам генсека. Однако договор, скрепленный на могиле Сталина и Берии, делает этих людей неподсудными. Но нефть — это капля в море. Эти люди уже рассматривают всю государственную собственность как свою частную и переубедить их словами уже не представляется возможным.

«Переубедим делами!» — рычит в бешенстве Хрущев. Начинается волна арестов, но сразу же выясняется, что жертвами стали «стрелочники» — заместители начальников главков, трестов, министерств. Умелые дирижеры ловко направляют показания арестованных в нужное русло, но закусивший удила Хрущев, быстро развязывает им языки, проведя новый закон о смертной казни за хищения и получение взяток в особо крупных размерах. Новые показания арестованных привели к самоубийству первых секретарей Рязанского, Кемеровского и Ростовского обкомов партии. Работники прокуратуры вытряхивают из личных сейфов, замурованных в стены особняков, пачки долларов, золотые слитки, россыпи алмазов, чековые книжки крупнейших банков мира, иностранные паспорта. Хрущев готовится сделать следующий шаг. В проскрипционном списке — фамилии его ближайших коллег: Брежнева, Подгорного, Шелеста, Кириенко и многих других. Фактически он задумывает то же, что и Сталин в последние месяцы своей жизни — уничтожить собственное Политбюро. А как же быть со священным договором? Но Хрущев уже нарушил его, развязав эту гнусную кампанию, вызвав самоубийство столь высоких деятелей партии и приведя в предынфарктное состояние многих других…

14 октября 1964 года в результате тихого «дворцового» переворота Хрущев отстраняется от власти. Заговорщики верны договору: Хрущеву сохраняется жизнь, назначается пенсия и оставляется дача, но его имя на долгие годы вычеркивается из истории. «Все же я немножко переделал эту страну, — не без гордости вспоминал Хрущев, копаясь в огороде на своем участке. — Меня и не расстреляли, и не посадили, а просто выпихнули на пенсию. Это уже очень много».

Начиналась восемнадцатилетняя эпоха Леонида Ильича Брежнева, эпоха, о которой все эти годы страстно мечтала номенклатура. Эпоха полного беспредела и безнаказанности. Возвращение к ленинским нормам партийной жизни совершилось…

Между тем, запад во главе с США, с интересом наблюдая за событиями в СССР, видя производственный хаос и неутолимую тягу партийно-государственной элиты к воровству национального достояния страны, уже к 1970 году готовился сокрушить Советский Союз лавиной долларового наступления. Доклады ЦРУ не оставляли сомнения в успехе задуманного плана. Созданная Сталиным советская промышленность работает фактически только на военные нужды, пожирая государственный бюджет и оставляя с каждым годом все меньше и меньше средств на другие отрасли государственного хозяйства, включая и аграрный сектор.

Элита почти полностью перешла на западное обслуживание товарами ширпотреба, остальное население страны не стремится бороться с элитой, а подражает ей.

Существует реальная возможность окончательно погубить все невоенные отрасли советской промышленности путем втягивания СССР во все новые витки гонки дорогостоящих вооружений, связанных с новейшими высокими технологиями. Еще два-три витка, и с коммунистической империей будет покончено. Она сама рухнет под непосильным гнетом

собственного вооружения и мировых амбиций. Это тем более вероятно, что в своем стремлении к коммунизму СССР фактически проспал две революции: научно-техническую и электронную. Этому в немалой степени способствовал еще Сталин, изначально объявивший кибернетику «чуждой марксизму жидовской лженаукой», обеспечив тем самым советской армии вечное отставание от мировых стандартов. Карибский кризис выявил, что системы связи, контроля и управления советской армии находятся на столь элементарном уровне, что в условиях реальной электронной войны с применением неядерных видов оружия советскую армий легко превратить в огромную, неуправляемую, а следовательно, небоеспособную толпу.

В Москве это отлично видели, и в поисках спасения от неминуемой гибели нашли способ, который поначалу многим показался совершенно негодным. Речь шла о вовлечении Соединенных Штатов в войну где-нибудь на периферии, чтобы те миллиарды долларов, которые предназначены для сокрушения СССР, были выброшены на ветер.

Споры, однако, быстро смолкли, так как все понимали, что другого выхода нет. В Москву был срочно вызван Хо-Ши-Мин, президент Северного Вьетнама, герой бесконечной партизанской войны, в результате которой из Индокитая были изгнаны французы, а Вьетнам, как и Корея, разделен на два государства: коммунистическое на севере и якобы демократическое, на юге. Южный Вьетнам, фактически не имеющий армии, как ее не имела когда-то и Южная Корея, был связан с США договором безопасности. Хо-Ши-Мину предлагалось быстро разжечь войну за воссоединение родины. В сущности, это было повторение старого сталинского плана, осуществленного в Корее, с той же идеей перенацеливания мощи США с Советского Союза в пустоту. Хо-Ши-Мин согласился за два миллиарда долларов в год и по миллиарду премиальных за каждый последующий год эскалации войны. Причем не скрывал, что четверть этой суммы намерен положить в собственный карман. Это было его личное дело. Беспокоило другое. Клюнут ли на это американцы? Ведь их план был основан на принципе «вместо пуль врага разят доллары». Может быть, плюнут на Южный Вьетнам? Куда они все денутся, когда рухнет Советский Союз?

Но американцы клюнули. В азарте ожидаемой глобальной победы они решили мимоходом прихлопнуть Северный Вьетнам, как назойливую муху, мешающую заниматься важными делами. И втянулись в десятилетнюю кровопролитную, дорогостоящую войну. Имея полное господство в воздухе, на море и на суше, превратив Северный Вьетнам в груду развалин, американцы так и не сумели эту войну выиграть, эвакуировав в итоге свои войска и позорно оставив Южный Вьетнам на милость победителей с севера.

План полностью удался. Вьетнамская подножка дорого обошлась американцам. Не говоря уже о 40 тысячах убитых и пропавших без вести, она свела почти на нет престиж Соединенных Штатов, подорвала доллар и расколола американское общество. Можно с уверенностью заявить, что Хо-Ши-Мин, угробив 2 миллиона своих подданных, продлил на добрые 20 лет существование Советского Союза, а потому с полным основанием увековечен памятником в центре Москвы на площади своего имени.

Политическая инициатива на короткое время перешла к Советскому Союзу и могла бы, при других обстоятельствах, использована очень оптимально. Увы, у СССР за душой никогда не было ничего, кроме оружия, нефти, газа, железной руды, леса, пушнины, а также черной и красной икры. Все перечисленное шло на экспорт, принося, если не считать оружия, твердую валюту в государственную казну, где она разворовывалась с ужасающей быстротой. Поэтому для эффективных действий на международной арене оставалось только оружие, которое Советский Союз поставлял своим странам-клиентам либо совсем бесплатно, либо в долг, даже и не надеясь этот долг когда-нибудь получить.

После того, как американцев удалось втянуть во Вьетнамскую авантюру, в Москве решили послать соперника еще в нокдаун, нанеся удар по союзнику США на ближнем

Востоке — Израилю, делая, опять же, ставку на то, что Соединенные Штаты не оставят своего союзника в беде и погрязнут в тугой удавке перманентных локальных войн. Вызванный в Москву президент Египта Насер, награжденный Золотой Звездой Героя Советского Союза еще Никитой Хрущевым, высоко оценил план Москвы, тем более, что этот план соответствовал и замыслам самого Насера и решению секретного совещания лидеров арабских стран в Хартуме, предусматривавшем уничтожение Израиля как государства.

Со стороны Москвы это была крупная стратегическая ошибка, практически сведшая на нет почти половину тех преимуществ, которые удалось приобрести благодаря вьетнамской войне. Не говоря уже о том, что второй раз за короткий период, прошедший после Карибского кризиса, СССР был поставлен в унизительное положение военной несостоятельности, что он вряд ли мог себе позволить. А закрытие Суэцкого канала, на побережье которого после быстрого разгрома египетской армии вышли израильские войска, породило массу чисто материальных проблем. Советским судам, снабжающим всем необходимым Северный Вьетнам, теперь приходилось идти вокруг Африки, почти не имея пунктов для бункеровки. Неизвестно, был ли это контрудар американской разведки в отместку за Вьетнам, но та легкомысленность, с которой Советский Союз шел на разжигание вооруженных конфликтов в мире, не осталась незамеченной и была очень хорошо использована на последней стадии борьбы в Афганистане.

Именно в это время, в 1967 году, на пост председателя КГБ был назначен.

Юрий Владимирович Андропов. В сталинские времена он занимался комсомольской работой, а во время войны принимал в северных портах грузы от союзников по лендлизу, где пристрастился к виски «Джонни Уокер» и американской консервированной колбасе. Андропову удалось обратить на себя внимание во время всенародного восстания в Венгрии в 1958 году, где он был послом.

Вместе со своим помощником Крючковым он заманил на территорию посольства, а затем отправил на виселицу Имре Надя, что в немалой степени способствовало поражению восстания. Андропов был переведен в аппарат ЦК КПСС, а после смещения Хрущева примкнул к сторонникам Брежнева, объявившего себя главой партии.

Пикантность ситуации заключалась в том, что на этот пост претендовал Александр Шелепин — «железный Шурик», как раз и занимавший пост председателя КГБ. К этому времени КГБ, хотя еще и не достиг былой мощи сталинского МГБ, но уже достаточно окреп, расширился и даже восстановил свой знаменитый «ликвидотдел», занимающийся политическими убийствами как дома, так и за рубежом. В частности, в ФРГ был убит лидер украинских националистов, знаменитый Степан Бандера. И хотя, конечно, это было сделано по приказу и с одобрения Политбюро, убийство Бандеры было использовано для того, чтобы свалить «железного Шурика». Именно Андропов подготовил и передал на запад пакет документов, доказывающих, что Шелепин сам (вопреки воле партии) спланировал и осуществил убийство чуть ли не в корыстных целях, поскольку ему не давал покоя валютный счет Бандеры в мюнхенском банке. На волне начавшегося международного скандала Шелепина выпихнули сначала на какой-то незначительный пост, а потом — на пенсию, и его место занял Андропов. Стать шефом тайной полиции в полицейском государстве — это значит занять самый важный пост, с высоты которого открывается истинное положение дел в государстве и далеко за его пределами, как по вертикали, так и по горизонтали.

Андропов огляделся, и то, что он увидел, привело его в ужас. За 14 неполных лет, прошедших со дня смерти Сталина, страна превратилась в огромное коррумпированное болото, которое дышало и колыхалось, грозя в любой момент поглотить в своей трясине и идеологию, и государство. В тщеславной голове Андропова зародилась мысль, что положение еще можно спасти, но не с поста шефа КГБ, а с поста главы партии и государства, до которого ему было еще очень далеко. Поэтому с первых минут своего пребывания на посту шефа КГБ Андропов стал готовить государственный переворот, морально оправдывая свою

деятельность желанием спасти партию и прочими благими намерениями, которыми были вымощены вдоль и поперек все подвалы Лубянки.

Он пытался форсировать события, будучи главным инициатором подавления танками «Пражской весны», надеясь вызвать катаклизм в стране и в мире и прорваться к вершинам власти на его волне. На это раз не получилось. Чехи не оказали никакого сопротивления, а Соединенные Штаты, завязшие во Вьетнаме, отреагировали вяло, сославшись на Потсдамскую конференцию о послевоенных «сферах влияния». Однако, они заметили андроповскую методику и приняли ее к сведению, чтобы использовать позднее.

Что же так встревожило Андропова, заставляя действовать столь грубо и прямолинейно? А то, что он с ужасом осознал, что времени для спасения страны от неминуемой гибели уже почти не осталось, и нет уже былого простора для маневрирования. Пропасть приближалась стремительно; требуя быстрых и решительных действий. Но какие быстрые и решительные действия возможны, стоя уже по горло в трясине?

И Андропов начал действовать, напоминая былинного богатыря, сражающегося с гидрой, у которой на месте отрубленной головы вырастают три новые.

По спецканалам КГБ, вибрируя от секретности и напряжения, круглосуточно шла информация, прошибающая холодным потом тех немногих людей из ближайшего окружения Андропова, кто был к этой информации допущен.

В большинстве союзных республик все партийные и государственные должности свободно покупаются и продаются за наличные деньги. В частности, в Азербайджане должность районного прокурора стоит 30 тысяч рублей, должность начальника районного отделения милиции — 50 тысяч рублей. Должности эти можно купить у секретаря райкома, внеся деньги наличными. Должность директора колхоза (хотя и считалась номинально выборной) стоила 80 тысяч рублей, ибо считалась должностью номенклатуры райкома, открывающей широкие возможности в дальнейшем продвижении по номенклатурной лестнице. Должность самого секретаря райкома стоила много дороже — 200 тысяч рублей, второго секретаря — 100 тысяч. Деньги платились секретарям ЦК компартии Азербайджана, так как это уже были должности номенклатуры ЦК. В ЦК продавали почти все государственные посты и не только государственные. Пост директора театра стоил 30 тысяч рублей, директора НИИ — 50 тысяч, звание академика — 50 тысяч. Очень высокой по стоимости, равной стоимости поста секретаря райкома, была должность ректора любого ВУЗа в республике — 200 тысяч рублей.

Однако, эти деньги очень быстро окупались, поскольку за зачисление, скажем, в Институт иностранных языков взималась плата в 10000 рублей, в Бакинский Университет — 20 тысяч, в Мединститут — 30 тысяч, в Институт народного хозяйства — 35 тысяч рублей (по ценам 1970 года).

Хорошо просчитанный и обоснованный прейскурант был установлен не только для должностей районных руководителей и деятелей науки и культуры, но и для членов правительства и ЦК Азербайджана. Пост министра социального обеспечения стоил 120 тысяч рублей, а пост министра торговли — 250 тысяч рублей. А за членство в ЦК компартии необходимо было выложить полмиллиона.

Подобная практика давала возможность дельцам стремительно развившейся теневой экономики посадить на ключевые посты сверху донизу своих людей, срастись с партийной номенклатурой и диктовать ей свою политику. Но даже не это было самое страшное. Огромные средства, стекавшиеся в ЦК компартии и в руки его первого секретаря Ахундова, прямым путем уходили за границу, оседая на счетах в зарубежных банках. Азербайджан считался основным источником нефти СССР — главного предмета советского экспорта, приносящего миллиардные прибыли в знаменитых нефтедолларах. И из этих барышей в госказну практически не поступало ничего. Но Ахундов имел только свою долю. Остальные

нити вели в Кремль, куда Андропов, если уже и мог добраться, то только не задавая никаких вопросов и демонстрируя полную лояльность.

Однако Азербайджан не только не был исключением, но и не был самым худшим из коррумпированных областей страны. В соседней Грузии, где первым секретарем был кандидат в члены Политбюро Мжаванадзе, а вторым — Альберт Чуркин, события развивались еще круче. Все должности стоили еще дороже, чем в Азербайджане, но число желающих эти должности купить было столь велико, что устраивались своего рода аукционы. В роли аукционеров выступали секретари ЦК и члены бюро ЦК, беря плату, в основном, драгоценностями и валютой, также отчисляя процент в Москву. Партаппарат поделил республику на сферы своего влияния, почти полностью восстановив порядки феодального вассалитета.

А сообщения, приходящие из Среднеазиатских республик, казались невероятными, как сказки Шахерезады: пещеры, набитые золотом и драгоценностями, подземные тюрьмы с сидящими на цепях рабами, сказочные дворцы с гаремами, седовласые аксакалы, лежащие ниц перед дворцом первого секретаря ЦК компартии Рашидова, как перед Каабой. И опять нити, ведущие в Москву и за рубеж, включая наркотическую тропу с секретных маковых плантаций, которая, петляя по странам Балкан и Ближнего Востока, обрывалась на Кубе, втекая в мировой наркобизнес. Хлопок, наркотики — миллиарды долларов, уплывающие в бездонный карман КПСС. Но это окраины. А что творится в Москве и России?

Коррупция охватила все отрасли государственного управления, начиная от Министерства обороны и кончая Министерством мясомолочной промышленности. И все за свою безнаказанность, разворовывая государство, платили дань КПСС.

Андропов стал разрабатывать план действий. Поначалу он оценивал свои силы достаточно трезво, но и не преуменьшал их. В конце концов, он был представителем высшего слоя номенклатуры и вовсе не собирался что-то в корне менять. Он стремился пресечь очень опасные процессы, зародившиеся в недрах ЦК КПСС и неуклонно, последовательно проводимые в жизнь. Присваивая себе огромную часть национального дохода, КПСС переводила несметные ценности за границу, как бы готовясь к эвакуации. Создавалось впечатление, что верхушка партии собирается эмигрировать из СССР полным составом и заранее желает обеспечить себе на западе сносную жизнь. И мотивы этого процесса Андропов долго не мог понять, как не может понять человек мотивов многих собственных поступков. Ведь он сам был плоть от плоти номенклатуры.

Это было тем более непонятно, что советское «зазеркалье», солнечная страна Номенклатурия, охраняемая чекистскими кордонами и непроницаемой завесой секретности, расцветала, крепла и богатела с каждым днем. Коммунизм, в общих чертах, там был уже построен, хотя полного равенства там не было и в помине. Это создавало стимул для дальнейшей деятельности. Миллионы каторжных трудяг спецлагерей и спецпоселений, удобривших своими телами шестую часть суши, дали возможность создать маленькую Спецстрану. Где все было специальное: специальные жилые дома, возводимые специальными строительно-монтажными управлениями, где отсутствие бассейна считалось столь же диким, как и отсутствие окон в обычной квартире; специальные дачи, пансионаты, санатории, больницы и поликлиники; спецпродукты, продаваемые в спецмагазинах, спецстоловые, спецбуфеты и спецпарикмахерские; спецавтобазы, бензоколонки и номера на автомашинах; разветвленная система специнформации, специальная телефонная сеть, специальные детские учреждения, специальные клубы и кинотеатры, специальные залы ожидания на вокзалах и в аэропортах; специальные роддома и даже кладбища.

Эта спецстрана жила, отдыхала, питалась, покупала, путешествовала, развлекалась, училась и лечилась, никогда не соприкасаясь с народом, на ограблении которого зиждилось все ее благополучие. Отгороженные глухими заборами и вооруженной охраной, утопали в

зелени роскошные особняки, коттеджи, «охотничьи домики», парки, сады, теннисные корты, бассейны, ажурные беседки, оранжереи, парники, конюшни с дорогими элитными скакунами.

Ветераны номенклатуры, вроде Микояна, обставляли свои загородные дворцы и огромные поместья еще с 1919 года. Уникальные гобелены, разноцветные витражи на окнах, личные кинозалы, персидские ковры, старинное оружие, золотые и серебряные статуэтки и безделушки, дорогой фарфор, вазы из яшмы, резные украшения из слоновой кости, индийские шелка, погреба с коллекционными винами. Поместья и особняки были окружены солидными каменными заборами, обустроены домиками охраны и обслуживающего персонала, дававшего строжайшую подписку о неразглашении и поощрявшегося огромными окладами и собственными привилегиями (даже уборщица в «Зазеркалье» получала больше, чем армейский полковник).

Это был образ жизни, учрежденный Лениным, возведенный в ранг закона Сталиным и поддерживаемый всеми его преемниками. Хрущев, которому показалось мало дач, доставшихся ему в наследство от Сталина, едва дорвавшись до высшей власти, приказал строить себе новую дачу в Пицунде, которая своим гигантским плавательным бассейном со стеклянной крышей и стеклянными стенами поразила воображение даже западногерманского посла Кроля. Все это было у номенклатуры на совершенно законном основании, и никто никогда не собирался с этим бороться. Возмущение Хрущева и тревогу Андропова вызвало то, что номенклатура оказалась ненасытной. Тех привилегий, которые не могли присниться и в самом сладком сне простому советскому человеку, ей было до смешного мало.

Номенклатура тихо и незаметно перешла на западную валюту, а поскольку ее постоянно не хватало, пускалась на все, чтобы эту валюту заработать.

Постоянные поездки на запад вызывали у нее все новые приступы алчности. Не давал покоя образ жизни миллиардеров. Западная электронная аппаратура, западное бытовое оборудование, мебель, сервис — все это, стремительно меняющееся и чуть ли не каждый месяц совершенствующееся, столь вожделенно выглядящее на сером отечественном фоне, притягивало к себе жадные взгляды, заставляя мечтать о долларах, как о вершине человеческого счастья. Сафари, секс-шоу, первоклассные отели, Багамские, Канарские и Бермудские острова, яркое солнце, голубое небо, загорелые девушки из студенческих кемпингов, роскошные рестораны — все это настолько отличалось даже от имеющегося в «Зазеркалье», что делало даже спецстрану серой и противной. Хотелось на Запад. Многое было еще недоступно: белоснежные яхты нефтяных и финансовых королей, супердорогие казино и курорты, привилегированные клубы миллионеров — вся эта кипучая и сказочно красивая жизнь. Всего не перечислишь, а хотелось всего.

Награбленные дедами в эпоху «красного террора» итальянские статуи и французские гобелены вытеснялись современной французской и финской мебелью, кухонными западногерманскими комплексами знаменитой фирмы Куппербуш,[31] аудио- и видеосистемами «Сони», «Панасоник» и многими другими, голубыми бельгийскими ваннами и нежнопалевыми итальянскими унитазами. Но через месяц это все устаревало, и это сводило номенклатуру с ума. Все приходилось начинать сначала: он новых марок джинсов до новых видеосистем. Денег не хватало.

И зарабатывать их с каждым днем становилось все труднее. Падали темпы производства, нищий народ явно устал, вконец изнашивалось оборудование добывающей промышленности, а современные заводы продолжали заваливать страну танками, ракетами, бомбардировщиками и атомными подводными лодками, которые постепенно переставали пользоваться спросом даже в странах третьего мира, так как все более и более отставали по эффективности от американских моделей.

Разграбление страны продолжалось, истощая недра, губя экономику и приближая гибель. Американский доллар, минуя нищие просторы СССР, прорвался напрямую в

«зазеркалье», и фактически страна Номенклатурия оказалась оккупированной противником, который все грубее и грубее диктовал свою волю.

Сам Андропов, естественно, пользовался всеми благами номенклатуры.

Отпуск проводил в Ницце на Лазурном берегу (когда еще были силы, то и с какими-то таинственными длинноногими блондинками), его трое детей, как было принято, учились за границей и делали дипломатическую карьеру. Но он ясно видел, что если не остановить этот беспредел номенклатурной алчности, то погибнет все, включая и саму номенклатуру. Суровые лица его чекистов на секретных оперативных совещаниях, их готовность, рискуя собой, проникать в любые поры и дыры, принося все более жуткую информацию, создали у Андропова иллюзию того, что дело еще можно спасти, уничтожив старую номенклатуру и заменив ее новой, состоящей исключительно из сотрудников госбезопасности.

Социалистический круг замкнулся. Андропов встал на неверный путь Лаврентия Павловича Берия, забыв о его печальном конце.

Между тем, все более жалкое экономическое положение страны вообще и номенклатуры, в частности, вынудили партийное руководство объявить политику разрядки напряженности с западом и вытолкнуть своего впадающего в маразм вождя — Брежнева — на запад в поисках иностранных кредитов, без которых номенклатура просто уже не могла существовать. Кризис усиливался резким понижением мировых цен на нефть и прочее сырье, а также значительным повышением цен на золото. Брежнев отправился просить у Запада долгосрочный кредит на модернизацию нефтедобывающего оборудования и на поставки зерна.

Уже в течение многих лет поставки американского и канадского зерна не давали, в придачу ко всем прочим бедам, разразиться в стране обыкновенному голоду. Страна и система на глазах всего мира становились нерентабельными, но еще не желали этого признавать.[32]

Андропов начал действовать.

Воспользовавшись как-то совместным отдыхом с Брежневым на курорте в Крыму, он, как бы между прочим, сообщил вождю, что имеет информацию о том, что в Азербайджане Ахундов выплачивает в Москву далеко не полную дань, тайно переправляя за границу огромные суммы, полученные им от незаконной продажи нефти и в виде гигантских взяток. Документы, собранные Андроповым, были столь убедительны, что Брежнев, оскорбившись тем, что его столь грубо обворовали, даже без консультации с членами Политбюро, дал шефу тайной полиции разрешение на проведение в Азербайджане крупномасштабной акции «по смене партхозактива».

Война, давно задуманная Андроповым, началась.

Всю ночь Андропов говорил по ВЧ с председателем КГБ Азербайджана Гейдаром Алиевым. Хотя и против Алиева в сейфе Андропова лежало немало компромата, что уже стоило жизни трем чекистам из Москвы, положиться в этом деле было больше не на кого.

Алиев пришел в восторг от перспективы стать первым секретарем компартии Азербайджана, и стал действовать с безжалостной решительностью. По всему Азербайджану началась волна арестов, обысков, проверок, смещений. В помощь Алиеву были приданы специальные бригады КГБ и Прокуратуры. Алиев, заняв пост первого секретаря компартии республики, заменил примерно 2 тысячами (1983 человек) чекистов ставшие вакантными номенклатурные должности разного уровня. Результат предпринятых акций — богатая добыча, впрочем, как и при всяком набеге. Бесстрастные объективы видео- и кинокамер фиксировали тайники, набитые выше человеческого роста пачками денежных купюр, металлические бочки, забитые золотыми монетами и ювелирными украшениями, трехлитровые банки сверкающих алмазов, зловеще поблескивающие золотые и платиновые

слитки. При приближении объективов к денежным купюрам можно было отчетливо разглядеть седые букли, кружевное жабо и суровый лик Джорджа Вашингтона.

Доллары! Та самая валюта, за само владение которой уже около двухсот тысяч человек находились за колючей проволокой возрожденного ГУЛАГа.

Ахундов мрачно улыбался. «Этот пес, — говорил он, имея в виду не то Алиева, не то кого-то повыше, — украл мои деньги, которые я честно заработал. Слава Аллаху, он нашел одну мелочь. Пусть они сделают его счастливее, а его дом светлее. Но так деньги не зарабатывают».

Еще мрачнее был сам Андропов. Во-первых, он понимал и знал, что удалось схватить только мелочь, припрятанную на текущие и экстренные расходы. Все наворованное за долгие годы уже надежно было спрятано за неприступными стальными стенами западных банков. Во-вторых, Ахундов оставлял себе чуть более трети награбленного, а две трети уходило в Москву. Оно и понятно.

Непонятно другое: почему это так удивило Андропова, что он сказал генерал-полковнику Пирожкову, своему заместителю: «Все нити тянутся в Москву. К кому?». Пирожков удивленно взглянул на своего шефа и позволил себе засмеяться. «Наверное, к нам».

Но был прав лишь отчасти.

Следующий удар был нанесен в Грузии, где в результате был отстранен от власти Мжаванадзе, а первым секретарем ЦК стал генерал Эдуард Шеварднадзе.

Добыча была еще большей, чем в Азербайджане, поскольку Шеварднадзе дал своим людям указание не стесняться применять к схваченным аппаратчикам все методы устрашения, вплоть до физического. И били бледных от ужаса вчерашних райкомовских секретарей, выбивая из них места тайников со спрятанными сокровищами. Результат получился оригинальным. Было выявлено немало доказательств прямой причастности ко всем этим делам центрального аппарата КПСС, но часть этих доказательств, проплыв мимо Шеварднадзе и Андропова, где-то бесследно испарилась.

И снова оперативные видеокамеры фиксируют горы денежных пачек, где мирно уживаются и унылый профиль вождя мирового пролетариата, и строгий облик Вашингтона, и надменные лица британских королей. Ослепительный блеск золота и бриллиантов на фоне восточных ковровых орнаментов создавал обстановку какой-то сказочной неправдоподобности. Что-то подобное мы уже видели в голливудских фильмах о сокровищах капитана Флинта и капитана Моргана — знаменитых пиратов, праотцов-основателей известных на весь мир династий миллиардеров.

Итак, первые шаги были сделаны. КГБ захватил власть в двух союзных республиках и развернул боевые действия в Средней Азии, где набеговая тактика не принесла успеха. Единым фронтом на пути московских оперативно-следственных бригад стали намертво сросшиеся с мафией местные партийные и чекистские структуры. Феодально-патриархальная этика не позволила быстро найти в этих республиках своих Алиевых и Шеварднадзе.

«Чужие деньги не принесут счастья, — сказал генерал Ниязов, которому предложили по кавказскому варианту занять место Рашидова. — Да и заработала эта семья их честно». Партструктуры делились на кланы-семьи, создавая чисто феодальные группировки, рассматривающие весь народ в качестве своих рабов, независимо от выполняемой работы. Веками самым грубым нарушением этики в этих местах считалось интересоваться у бая, хана или эмира, как он обращается со своими рабами.

В тех краях тогда произошел знаменательный случай. Довольно известный журналист Анвар Рахимов, имея крепкие, как ему казалось, связи в Москве, опубликовал в ряде центральных газет статьи, очень осторожно рассказывающие о том, что творится в Узбекистане и в соседних с ним республиках. В частности, было задето имя Ядгар

Насриддиновой, члена ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской СССР. Речь шла вовсе не о том, что Насриддинова, имея право помилования осужденных, берет за каждое помилование взятку до 100 тысяч рублей, и не о том, что она санкционировала рабский труд детей на хлопковых плантациях, и не о том, какие сцены происходят стенами ее дворца, где на огромных террасах кричат павлины и трехметровые осетры плавают в светло-изумрудных водах сказочных бассейнов, и не о самом дворце, как бы возникшем из сказок Шехерезады. Речь шла дословно о том, «что товарищу Насриддиновой следует поставить руководство республикой на уровень выдвинутых партией современных задач». После этого призыва Рахимов исчез. В отличие от многих других, его стали искать. И не частные лица, а целая бригада КГБ, чьим агентом Рахимов и был. Выяснилось, что журналист родился в кишлаке Джарнак в Бухарской области. Председатель КГБ в Ташкенте, разводя руками, сказал: «Мы тут не причем. Местные традиции. Это дело семьи Каримовых. Он — их человек».

Каримов — представитель мощного бухарского клана, занявшего все места в местном обкоме партии, — искренне возмутился. Рахимов? А зачем вам знать, где Рахимов? Распоряжайтесь в Москве! Только много позднее выяснилось, что журналист содержался в специальной тюрьме, которые были во множестве разбросаны на территориях различных поместий, будучи личными тюрьмами местных могущественных владык, ставших партсекретарями и членами ЦК, но превзошедших в произволе ханов старых времен. Рахимов содержался в цепях и с колодкой на шее, подвергаясь избиениям и издевательствам. В итоге он сошел с ума и вскоре после освобождения умер. Но его трагическая судьба даже не фигурировала в многотомной истории знаменитого «узбекского» дела.

Набег на Среднюю Азию не удался, и Андропов вынужден был это признать.

Посланные им туда чекисты сразу вляпались в громкие скандалы. Одного неожиданно схватили прямо в собственном автомобиле, где в присутствии понятых был обнаружен «дипломат», набитый деньгами. Заранее было готово заявление от взяткодателя. Другого обвинили в попытке изнасилования несовершеннолетней, третьего — после какого-то обеда увезли в больницу, где едва откачали. А три следователя по особо важным делам Прокуратуры СССР вообще пропали (кстати, не найдены и до сих пор).

Высокие должностные лица, на которых рассчитывал Андропов, расплывались в елейных азиатских улыбках, демонстрируя полное непонимание того, чего от них хотят: Разве мы не платим бакшиш в Москву большому брату точно и аккуратно? Или большому брату мало? Так надо так и сказать, а не морочить нам головы и обижать высокопочтенных людей подозрениями в отсутствии печати честности на их лицах…

В результате на Андропова повеяло таким холодом из Кремля, что шефа КГБ пробил озноб. Он понял, что для столь глобальной операции у него еще недостаточно сил. Ясно стало и другое: бессмысленно наводить порядок в республиках, если все дороги ведут в Москву. Бессмысленно тоннами вывозить из республик дензнаки и ценности, если даже он, шеф КГБ, толком не может сказать, куда они затем идут? В доход государства. Это известно каждому школьнику. А что означают эти чеканные слова — «в доход государства»? А они всего-навсего означают: в доход КПСС, ибо партия с той же непререкаемостью, но с гораздо большим основанием, давно повторила знаменитые слова Людовика: «Государство — это я!», Значит, все акции, проведенные с таким энтузиазмом Андроповым и его чекистами, были, по существу, перераспределением партийного богатства в пользу центральных органов КПСС. Понимал ли это Андропов?

Конечно. Ведь он сам был представителем тех самых центральных органов и, если он чего и добился этими акциями, то только того, что посадил на два ключевых места в республиках своих людей — потенциальных союзников в будущей борьбе за верховную власть, к которой он сделал первый шаг. А конфискованные его людьми сокровища скрылись

в недрах Госбанка, и даже он теряет над ними контроль. Это золото партии, а он — всего лишь один из ее солдат. Но на лицах чекистов сквозили обида и разочарование.

Вот в МВД, например, и не думают все конфискованное сдавать «государству». Министр внутренних дел — всемогущий соперник Андропова генерал армии Щелоков — открыл в системе МВД целую сеть закрытых магазинов, где за бесценок даже для рядовых сотрудников (разных полковников и подполковников) продают великолепные товары: джинсы, дубленки, электронику, всевозможный антиквариат, полученный в результате вынесения приговоров с конфискацией имущества сотням тысяч жителей страны ежегодно. А уж о руководстве и говорить нечего!

Андропов знает об этом, как знает и о том, что МВД ведет не такую крупную игру, какую задумал он сам. МВД шерстит население страны, имея инструкцию, запрещающую подниматься даже на уровень замминистров. А что касается партийных структур, то ни одного сотрудника МВД, независимо от ранга, не пускают даже на порог райкомов КПСС, какие бы нити туда не вели — даже следы чисто бытовых убийств. Но МВД никуда и не лезет, давно найдя свою «золотую» жилу. Обстановка в стране такова, что можно с закрытыми глазами брать любого хозяйственника, представителя торговли или снабжения, выкачивать из них наворованное, сдавая, что надлежит в доход «государства», не забывая и себя. На Западе никогда не падал интерес к прекрасному дореволюционному русскому антиквариату, а ныне интерес к нему, а следовательно, и цена, резко повысились. МВД быстро выявило подпольный канал ухода антиквариата за кордон и, вместе с тем, наладило собственные каналы его добычи. Все антикварные магазины превратились в филиалы органов МВД.

Все коллекционеры антиквариата были взяты на учет и их медленно, но верно, проводили через судебные дела с обязательной конфискацией имущества.

Если нет, что крайне редко, но случалось, коллекционер доказывал свою кристальную честность и заручался поддержкой влиятельных людей (на уровне не ниже Галины Брежневой), то получить от МВД что-либо, изъятое при обыске (а все, конечно, отбиралось предварительно, так как результат считался предрешенным), было так трудно, что едва ли наберется десяток человек, которым это удавалось… Конфискованные предметы антиквариата выставлялись в специальном закрытом выставочном зале МВД в Москве на ул. Огарева, 6.

Вельможные особы из партаппарата отбирали кое-какие вещи себе, а остальное милостиво разрешали реализовать на западном рынке, естественно, за валюту. И МВД, используя свои каналы и каналы уголовного мира, бесперебойно пополняло активы золота партии.

Если уж было необходимо, уголовников наводили и на музеи, где в нужный момент умелые руки отключали сигнализацию и усыпляли (а то и убивали) охрану, похищая ценности исторического значения. (Как много прекрасного успел создать русский народ, если в процессе непрерывного более чем семидесятилетнего разграбления его богатства и не смогли выкачать до дна!).

Такие истории уже мало кого удивляли. Ведь приказал же первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Романов доставить к себе хранящийся в Эрмитаже сервиз Екатерины II, перебил его вдребезги, гуляя на свадьбе собственной дочери. И ничего. Никто даже ни пикнул.

Весь антикварный мир знал о фигурке обезьянки, вырезанной из огромного цельного куска янтаря и выставленной в витрине московского магазина «Опал», обслуживающего иностранцев. Богатые туристы неоднократно приценивались к стоящему на витрине янтарному чуду, но неизменно получали ответ, что вещь является национальным достоянием и не продается. В одно прекрасное утро обезьянка из витрины исчезла. Слетевшиеся на эту новость аккредитованные в Москве американские корреспонденты засыпали вопросами

продавщиц и администрацию ювелирного магазина. Продавщицы стереотипно отвечали: «Вещь продана», а администрация, таинственно закатывая глаза, разводила руками. Не могли же они рассказать, что по приказу генерала МВД Чурбанова — зятя Брежнева и заместителя Щелокова — ночью был поднят с постели директор магазина, и янтарное чудо исчезло. Чурбанов, если верить его словам, выполнял каприз своей жены, Галины Леонидовны, но, несмотря на все ухабы судьбы, отправившей самого Чурбанова за решетку, несмотря на многочисленные обыски, совершенные на многочисленных квартирах и дачах дочери генсека, обезьянку так и не нашли. Переплавленная в доллары, она заняла место в частной коллекции на западе.

Не осталось незамеченным и уникальное бриллиантовое колье старинной работы, принадлежавшее известной советской кинозвезде Зое Федоровой. Колье было в свое время преподнесено актрисе ее мужем, американским адмиралом, находившемся в годы войны с дипломатической миссией в Москве. После войны, по всем правилам насаждаемых Сталиным норм социалистического образа жизни, адмирала выслали, а Зою Федорову отправили в концлагерь. Видимо, предчувствуя свою судьбу, актриса отдала на хранение колье друзьям, и тем самым сохранила его. Ныне, на волне объявленной Брежневым из-за недостатка твердой валюты и надвигающейся экономической катастрофы политики разрядки, актриса попыталась выехать к мужу в Соединенные Штаты и получила разрешение.

Однако, колье через границу не пропустили, объявив Федоровой, что на такую ценную вещь необходимо специальное разрешение. Федорова решила задержаться в Москве, чтобы получить такое разрешение. Она бросила бы колье на таможне, если бы оно не было памятью об ее единственной яркой любви юных лет. Любви, которая стоила актрисе так дорого. Через несколько дней Зою Федорову нашли убитой выстрелом в затылок в собственной квартире, а колье обнаружилось гораздо позднее среди вещей застрелившегося генерала Щелокова. И не только это колье.

Обо всем этом Андропов знал. Он сделал попытку подключить КГБ к делам МВД, отобрав себе дела по вещам, «имеющим высокую историческо-художественную ценность». МВД яростно сопротивлялось, не желая пускать соперников в свою богатую житницу, но все-таки нехотя согласилось «на проведение в исключительных случаях совместных операций». Еще до этого Андропову удалось внедрить часть своих офицеров в систему ОБХСС и взять под некоторый контроль так называемую «спецмилицию», занимающуюся мелкими и средними валютчиками.

Однако, выяснилось, что антикварные дела совсем не такие простые и легкие, как это казалось на первый взгляд.

В квартиру академика Чудновского среди бела дня вломилась банда грабителей, чья «кавказская национальность», если говорить официальным языком, ярко бросалась в глаза. Преступников интересовали картины из коллекции академика. С академиками было сложно. Им нельзя было инкриминировать, как всем прочим коллекционерам, приобретение коллекции на «нетрудовые доходы», а потому и доказать законность конфискации ее в «доход государства». К академикам поэтому применялись другие методы. Связав хозяина, грабители стали извлекать из рам несколько чрезвычайно дорогих полотен Матисса, как раз входящего в большую моду на Западе. Один из преступников, отжимая ножом гвозди рамы, в спешке всадил лезвие себе в кисть руки и довольно основательно ее поранил. Сделав свое дело, кавказцы скрылись.

За дело взялся КГБ. Описания потерпевшего были точны, и опытные оперативники быстро поняли, что речь идет о преступной группе из Баку, не раз «светившейся» на делах подобного рода. Прямая спецсвязь с Баку работала отлично, и уже через час в КГБ Азербайджана был передан приказ из Москвы об аресте группы с именами и фамилиями для верности. Каково же было разочарование в Москве, когда в Баку, внимательно выслушав поступившую из Москвы информацию, ответили: «Да, это группа хорошо известна, но, к

сожалению, тут, видимо, какая-то ошибка поскольку перечисленные люди уже скоро год, как выехали за границу по израильской визе». Но КГБ не был бы КГБ, если бы даже сам себе верил на слово и пользовался бы только официальными каналами. Связались с агентурой и выяснили, что вся банда преспокойно находится в Баку, никуда не собирается уезжать, а, напротив, недавно вернулась из поездки в Италию, привезя «кучу» валюты.

Андропов почувствовал себя оскорбленным.

Специальная команда оперативников инкогнито, соблюдая все меры конспирации, вылетела в Баку. На одной из военных баз под городом оперативников ждал готовый к немедленному вылету самолет. Банду быстро и без шума повязали в городе, запихнули в автомобили и, не сказав даже «здрасте» местному КГБ, доставили в Москву.

Опознание преступников прошло без сучка и задоринки. Характерные лица, шрам на руке — все сходилось. Полковник КГБ, пожимая руку академику, поздравлял его и себя с успехом, уверяя, что дальнейшее следствие не займет и месяца. Через неделю академика снова вызвали к следователю. Глядя куда-то поверх его головы на портрет Дзержинского, полковник, с видимым усилием подбирая слова, сообщил, что дело закрыто, преступники освобождены за недостатком улик. Академик не стал тратить время на «охи» и удивление, а сразу же спросил, где можно обжаловать подобное решение. Полковник, помолчав, ответил: «Видимо, обжаловать можно, если сразу пожалуетесь лично товарищу Брежневу». Полковник делал то, что ему приказали. Академик слег в больницу, не выдержав столь динамичного развития непрогнозируемых событий.

Но оба они были бы потрясены еще сильнее, если бы узнали, что благодаря этому делу Андропов подвергся унижению, какого не испытывал со сталинских времен, когда генералиссимус вспомнил о его контактах с союзниками во время войны и чуть было не ликвидировал, так как был искренне убежден: любой контакт с иностранцами всегда заканчивается для советского человека вербовкой в империалистическую разведку.

Андропова вызвал к себе Суслов — член Политбюро и главный партийный идеолог, в кабинете которого находился Борис Пономарев — заведующий международным отделом ЦК КПСС. Суслов сухо поинтересовался: почему люди Андропова позволяют себе бандитские акции в столицах союзных республик, даже не ставя об этом в известность местное партийное руководство.

Андропов пытался объяснить, что речь идет об опасных преступниках, можно сказать, о бандформировании, на ликвидацию которого было отпущено так мало времени, что было совершенно невозможно затевать волокиту межреспубликанских согласований. На это Суслов заметил, что только суд определяет, является ли какое-либо лицо преступником или бандитом, а отнюдь не органы безопасности, о чем имеется целый ряд партийных документов и решений съездов, которые Андропову неплохо было бы изучить. Еще не совсем понимая суть разворачивающейся интриги, шеф КГБ с недоумением взглянул на главного партийного идеолога, но тут в разговор вмешался Пономарев. Борис Пономарев был наиболее влиятельной фигурой в аппарате ЦК КПСС, настолько влиятельной, что о делах возглавляемого им международного отдела ЦК даже Андропов знал только то, что ему было положено знать, а все попытки узнать больше, либо наталкивались на глухую стену непроницаемой секретности, либо рассеивались в лабиринтах контрверсий, умело пущенных слухов и искусного легендирования.

Люди Андропова обслуживали международный отдел ЦК, рыская по миру с чемоданами иностранной валюты, передавая ее в укромных местах из рук в руки представителям разных братских компартий, левацким группировкам и многочисленным террористическим организациям — единственным представителям выродившегося коммунистического рабочего движения. Из мозаичных рапортов этих курьеров трудно было составить полную картину

происходящего. Работала старая конспиративная схема, родившаяся еще в гениальных головах Парвуса и Ленина — самых талантливых преступников XX века.

Маленький, худой и подвижный, как сперматозоид, Пономарев отличался небывалой для номенклатурного деятеля работоспособностью, лично колеся по странам мира и имея доступ ко всем партийным генсекам планеты, включая и Брежнева, в любое время дня и ночи. Глядя на Андропова через толстые стекла западногерманских очков, Пономарев скучным и скрипучим голосом неожиданно стал читать ему лекцию о текущих проблемах социалистического строительства.

Построение коммунистического общества отметил заведующий международным отделом ЦК, наталкивается в настоящее время на препятствия в виде отрицания социалистической государственности со стороны отдельных лиц и, не будем скрывать, известных категорий населения, попавших под воздействие западной пропаганду и в силу этого переродившихся. Кому-кому, а уж Андропову наверняка известно, сколько сил и средств тратит ЦРУ на эти цели, культивируя среди советских людей мещанскую идеологию, тягу к роскоши и неуемному потребительству. Все больше удивляясь, Андропов внимательно слушал. Он и сам, конечно, умел говорить на партийном «новоязе», но, как и все, понимал его плохо.

Поэтому политика нашей партии, продолжал Пономарев, в сфере коммунистического строительства, как и прежде, основана на бессмертных идеях Маркса и Ленина о всеобщем равенстве в рамках единого социалистического отечества.

Не выдержав, Андропов поинтересовался, какое отношение ко всем этим, разумеется, бесспорным истинам имеет вооруженный разбой, в результате которого похищены картины Матисса стоимостью в несколько миллионов долларов.

А такое, пояснил Пономарев, что картины Матисса стоимостью в несколько миллионов долларов, висят не в каждой квартире, а потому создают нервозную обстановку классового неравенства в бесклассовом обществе. Есть вещи, которые вообще не могут храниться в частных коллекциях, как по идеологическим соображениям, так и по соображениям безопасности самих вещей, что указанный случай очень характерно подчеркнул.

Суслов согласно кивал, глядя в пространство. «Так где же эти картины?» — сквозь зубы процедил Андропов, исподлобья взирая на заведующего международным отделом ЦК.

Пономарев чуть не подпрыгнул.

«Да разве речь идет о картинах? — почти закричал он. Речь идет о людях, которых вы схватили в Баку с нарушением всех норм социалистической законности. Товарищ Алиев (Андропов, вздохнул и закрыл глаза) с возмущением звонил лично Леониду Ильичу, и тот намерен поставить этот вопрос на Политбюро. Партия всегда боролась и будет бороться против произвола и беззакония!» Пономарев, помимо всего прочего, был еще и академиком, так что спорить с ним было трудно…

Отдавая приказ начальнику следственного управления КГБ генерал-лейтенанту Курбанову освободить бакинцев, Андропов, криво улыбаясь, заметил: «Ни к кому больше не буду ходить в гости. Боюсь увидеть эти картины в чьей-нибудь коллекции».

«Я могу сказать, в чьей», — ухмыльнулся Курбанов.

«Пока не надо, — остановил его Андропов, — скажете, когда я спрошу…»

Он сам коллекционировал картины, собирал французскую эротическую бронзу прошлого века, музицировал и даже баловался стихами, как Мао-Цзе-дун. А потому был вдвойне уязвлен.

Под «действием непреодолимых сил» он сдал уже многие позиции. Часть его людей стала получать жалование в долларах и сертификатах. Он не только разрешил, но добивался этого, составляя секретные докладные записки в ЦК о необходимости прикрыть КГБ от

всепроникающей, как направленная радиация, коррупции. А случаев уже было столько, что можно было насторожиться.

Некоторых чекистов пришлось даже расстрелять за взятки. Причем та быстрота, с которой эти приговоры выносились и приводились в исполнение, явно говорила о том, что к делу причастны и многие начальники казненных. Однако, выплата некоторым подразделениям жалования в валюте мгновенно расколола и без того уже не монолитные ряды потомков железного Феликса. Подразделения, которые обошли, стали глухо роптать, явно демонстрируя свое недовольство. Некоторых уволили из органов, других наказали в дисциплинарном порядке. Чекистам читали лекции и проводили беседы, идиотские как по форме, так и по содержанию. Люди сидели, откровенно скучая, и даже дремали. Пришлось по военторговской сети срочно открыть по управлениям сеть закрытых магазинов за рубли. Было в этих магазинах, предназначенных для младшего и среднего офицерского состава, не Бог весть что, но все же: разные там дешевые джинсы, бельгийские костюмы, рубашки «сафари», импортные сигареты, продовольственные заказы. Люди взбодрились.

Андропов лично выбивал по округам льготную очередь на жилье для своих людей, преодолевал явное непонимание обкомов и горкомов и яростное сопротивление чиновников горисполкомов, теряющих свой законный «заработок» на льготном предоставлении жилплощади. Все это помогало мало. Секретариат Андропова был забит заявлениями на предоставление или улучшение жилплощади.

Все вместе дико завидовали Первому Главному Управлению (ПГУ), занимавшемуся внешней разведкой. «Кадровая засоренность» там была потрясающей, что неоднократно подчеркивал в своих секретных рапортах на имя Андропова начальник управления кадров КГБ генерал Чебриков. Разные маменькины сынки и элитарные детки из потомственной номенклатуры рвались в кадры разведчиков, поскольку к этому времени столь героическая профессия неожиданно стала совершенно безопасной, но по-прежнему высоко престижной и очень выгодной. Проводя большую часть времени на западе под прикрытием дипломатических паспортов и под крышей разных ведомств от АПН и Аэрофлота до Госконцерта, получая зарплату в валюте и деньги на оперативные расходы, разведчики, балдея от своей сказочной жизни и рискуя разве что быть высланными, занимались за рубежом откровенной «чернухой», порой переводя статьи из открытых западных журналов и посылая их в центр в качестве добытой секретной информации. При этом они легко перевербовывались западными контрразведками, иногда даже не подозревая об этом. В Москву шли такие потоки информации и дезинформации, что обработать ее с помощью тех примитивных средств, которые были в наличии, стало немыслимым. Назревал информационный хаос.

Тысячи и тысячи кассет с подслушанными разговорами от министерских канцелярий в Вашингтоне до коммунальных кухонь в собственной стране лежали необработанными. Миллионы справок, отчетов, досье уходили в архив непрочитанными.

Сказывался и постоянно увеличивающийся разрыв в уровнях образования и технической подготовки на западе и в СССР. Одному резиденту в США за большие деньги американцы подбросили чертежи гидролокатора образца 1942 года. Но в этом в Москве быстро разобрались. А были случаи и посложнее. Полученные якобы секретные американские технические разработки и расчеты направлялись в соответствующие НИИ, приказывая им работать в данном направлении.

Многотысячные коллективы трудились годами приходя к выводу, что направление бесперспективно и ведет в тупик. Но это еще нужно было доказать чиновникам.

А доказать это было трудно, так как в многотомных компьютерных расчетах американцы сознательно вводили ошибки. Понимать это начинали, когда разбивался очередной самолет, взрывалась ракета или разлетался на куски испытательный стенд.

Но и это было не самое страшное. Страшной была обреченность, о которой, не подозревая этого, докладывала разведка.

На западе удалось купить без особого труда и за четверть цены (три миллиона долларов) американский истребитель-бомбардировщик «Фантом».

Советские специалисты, осмотрев машину, были поражены ее электронной насыщенностью. Имея примерно равные с советскими машинами подобного класса аэродинамические и маневренные характеристики, «Фантом», благодаря своей электронике, имел возможность обнаружить и уничтожить советские самолеты намного раньше и на гораздо большей дистанции. И ни одного узла из его аппаратуры обнаружения, электронного противодействия и поражения советская промышленность была не в состоянии даже скопировать. Старая болезнь, начавшаяся от исторических сталинских слов о кибернетике как «о чуждой марксизму жидовской лженауке», оказалась хронической и неизлечимой.

Поражающая свой эффективностью американская ракета воздушного боя «Скайуиндер» была тоже без особого труда приобретена на западе за полцены (позднее выяснилось, что и еще дешевле — разведчики тоже всегда «выкраивали» себе на черный день). А две другие ракеты вообще достались почти даром — от вьетнамских партизан, укравших их прямо из-под крыльев американских истребителей на какой-то базе в Южном Вьетнаме. Советские социалисты, которые постоянно мечтали посмотреть схему наведения этой ракеты, осуществив свою мечту, скорбно поджали губы. Да, схема была простой, как грабли.

Американцы вообще никогда не любили сложностей, породив даже национальную поговорку «он недостаточно умен, чтобы делать простые вещи». Все это было так. Но в основу схемы наведения входили микролампы, которые Советский Союз при всем своем желании производить не мог. Для этого понадобилось бы на два порядка повысить вакуум на заводах, построенных в свое время заключенными и стройбатовцами.

А американцы, как бы издеваясь, продают советской разведке весь комплект чертежей (вагон) и все технологические карты производства атомных подводных лодок-ракетоносцев типа «Джордж Вашингтон». Стройте, ребята, веселитесь. Ах, как все тогда были возбуждены. На каждом листе американский гриф «Топ сикрет!» И два наших «Совершенно секретно! Особой Важности», фиолетовые штампы с двумя нулями и прочая экзотика. Сам Брежнев принимал двух парней из ПГУ, которые купили и дотащили всю эту гору макулатуры до Москвы, и вручил им по звезде Героя. На проверку оказалось, что даже и говорить об этом не стоило. Достаточно только вспомнить, что единственным в мире погибшим ракетоносцем оказался ракетоносец именно этой серии, которую в судостроительных кругах так и прозвали «Иван Вашингтон».

Все эти игры стоили громадных денег, не принося либо никаких результатов, либо откровенный вред. Это уже была традиция. Сильно ли помогло стране, что разведка в свое время точно установила дату нападения на СССР — 22 июня?

Скверным во всем деле было то, что разведчики так привыкали к жизни на западе, что возвращались домой с огромной неохотой, надеясь, что период пребывания на родине будет кратковременным, а если такой надежды не было, то просто отказывались возвращаться. При этом либо скрывались, либо шли сдаваться. Трудно назвать страну, где бы подобное не произошло в андроповские и постандроповские времена.

Но, как ни странно, все это никак не отразилось ни на карьере самого Андропова, ни на карьере начальника ПГУ генерала Крючкова, которого Андропов тащил за собой по служебной лестнице со времен подавления венгерского восстания в 1956 году. Это, видимо, происходило, во-первых, потому, что бегство на запад номенклатурных сынков, составляющих основную массу сотрудников внешней разведки, не очень беспокоило саму номенклатуру, уже морально готовую последовать их примеру, а, во-вторых, еще и потому, что фронт тайной войны на западе, несмотря на всю его романтичность, все-таки считался

вспомогательным по сравнению с глобальным фронтом тайной войны, бушевавшей внутри страны.

В своем неугомонном желании спасти родину и в упоении от успехов на Кавказе Андропов решил сделать следующий шаг. В качестве цели для следующего удара он выбрал Московский Горком Партии, возглавляемый членом Политбюро ЦК Гришиным.

Предшественником Гришина на посту первою секретаря МГК был некий Егорычев, также погрязший до уши в коррупции, но мечтавший подняться на уровень большой политики. А потому он регулярно слушал лекции о кознях мирового сионизма и постоянно консультировался на эту тему с КГБ, который, в свою очередь искал способа свалить Егорычева и посадить на его место андроповского человека. Именно на борьбе с мировым сионизмом Егорычев и сгорел. Как-то на совещании в Политбюро в присутствии Брежнева, когда на Ближнем Востоке бушевала в 1973 году очередная война, Егорычев, хлебнув коньяка больше обычного, предложил десантировать на Синайский полуостров советскую морскую пехоту и начать марш на Тель-Авив.

Брови Брежнева изумленно взметнулись, а министр обороны побледнел, поскольку почувствовал в этом лихом призыве интригу против себя. В 1973 году высаживать еще было нечего и не на чем.

«Товарищ Егорычев, — поинтересовался Брежнев, — чье мнение вы высказываете?»

«Мнение Московского горкома партии», — ответил первый секретарь МГК.

«Значит вы подобные вопросы обсуждаете на горкоме», — со зловещими нотками в голосе спросил генсек.

Наступило тягостное молчание, в результате которого первым секретарем МГК стал Гришин — человек Суслова.

Андропов был еще слишком слаб.

МГК превратился в гнездо коррупции, казнокрадства и разных прочих темных делишек, до мелочей напоминая гангстерский синдикат где-нибудь в Чикаго в начале 50-х годов. Разница была лишь в том, что гангстерский синдикат платил налоги и побаивался полиции, в то время как МГК и налогов не платил, и милиция вытягивалась в струнку и брала под козырек при виде даже мелких клерков из этого могущественного заведения. Наглея от безнаказанности, МГК стал совершать ошибки.

Член бюро горкома и первый секретарь Куйбышевского райкома города Москвы — Галушко, получил взятку в полтора миллиона рублей (частично драгоценными камнями) за предоставление четырех квартир каким-то темным личностям из Тбилиси. Однако, взяв деньги, клиентов обманул. Разъяренные, они не пожалели дальнейших расходов и вышли на весьма замкнутый и влиятельный круг авантюристов, близких к дочери Брежнева — Галине.

Неизвестно, какие пружины нажала дочь генсека, но в спецдом к товарищу Галушко пожаловала бригада ОБХСС во главе с самим генералом Гришиным (по иронии судьбы, однофамильцем первого секретаря МГК) и произвела обыск, конфисковав золота и ценностей, а также дензнаков на сумму в полтора миллиона рублей. Галушко был арестован. На следующий день дело было передано в КГБ. Андропов сам допрашивал потерявшего от страха голову секретаря райкома и добился от него признания, что он был всего лишь «шестеркой» у деятелей горкома.

Андропов стал обдумывать, как бы это все получше доложить Брежневу, чтобы одним молодецким ударом свалить весь горком, сделать его филиалом Лубянки и начать наступление на Кремль.

Но набат тревоги уже звучал в Московском горкоме партии.

Упрятав часть своих сотрудников на дачах и в спецбольницах, Гришин кинулся к Брежневу.

Галушко был освобожден, а генерал Гришин отдан под суд «за злоупотребление служебным положением» и осужден.

Андропова вызвали к Генеральному Секретарю.

Брежнев смотрел на него с укором. Присутствовавшие Суслов, Гришин, Черненко и оказавшийся по какому-то случаю в Москве Рашидов набросились на шефа КГБ, как свора охотничьих псов. Ему напомнили, что главной задачей КГБ является охрана номенклатуры, а не надзор над ее нравственностью. Для этого существует комиссия партийного контроля, у которой могут найтись вопросы и к самому Андропову. Скажем, известно ли Юрию Владимировичу, что происходит ежедневно на тех многочисленных и роскошных квартирах, которые переданы ему из драгоценного спецфонда столицы в качестве конспиративных. Хороши конспиративные квартиры, о дебошах в которых знает весь дом, а то и весь район! Кому и сколько валюты сдают проститутки, работающие под надзором 5-го управления КГБ? На какие деньги и зачем организуются непонятные боевые подразделения КГБ? И главное: КГБ совершенно распустил своего основного противника, ради которого партия и терпит на своем балансе столь огромный карательный аппарат. Речь идет о населении страны, которое уже позволяет себе черт-те что! Страна наполнена антисоветской литературой, по всем каналам передается какая-то идеологически вредная музыка, печатаются черт знает какие книги. Молодежь не желает ни работать, ни служить в армии. Имеет место низкопоклонство перед Западом и восхваление западного образа жизни.

Вот с чем должен бороться КГБ, а не рыскать по райкомам в поисках добычи.

Андропов пробовал возражать.

Разве не сама партия затеяла заигрывание со Штатами, и в ответ на кредиты открыла еврейскую эмиграцию из страны, получая деньги с каждого выпущенного еврея? Разве не он, Андропов, всегда был против и заигрывания с потенциальным противником, и против разрешения какой-либо эмиграции из страны? Он даже написал специальный меморандум по этому поводу. Разве не он организовал высылку из страны клеветника и отщепенца Солженицына и ведет непрекращающуюся кампанию по шельмованию Сахарова и ему подобных, потихоньку выпихивая их за рубеж или сажая за решетку?

Он и его ведомство, если не считать армии, — единственный работающий в настоящее время государственный институт, в то время как многие товарищи просто самоустранились от дел за высокими заборами и дубовыми дверями, занимаясь при этом, мягко говоря, неизвестно чем. Если партия не будет бороться с перерожденцами и взяточниками в своих рядах, она погибнет и погубит страну.

Все несколько успокоились, и разговор пошел в более миролюбивых тонах.

Нет, никто не сомневается в преданности товарища Андропова делу партии и ее идеалам.

К сожалению, реалии современного мира диктуют именно такую политику партии на данном этапе. То, что необходимо в стране навести порядок, никто не возражает, но разве у товарища Андропова, у нашего дорогого Юрия Владимировича, такой избыток сил и такой узкий фронт работ, что он начинает вести огонь по своим, по ветеранам Партии и революции?

В этой фразе, взятой почти дословно из выступления Хрущева на XX съезде партии, заключался глубокий смысл. Начатая Хрущевым и одобренная номенклатурой десталинизация ставила своей целью не разоблачение преступлений режима против страны и небывалого в истории геноцида против собственного народа, а разоблачение методов Сталина в его непрекращающейся войне против номенклатуры.[33]

За чтение «Архипелага» давали срок — до 7 лет лагерей и 5 лет ссылки вплоть до 1985 года. Это общеизвестно. Интересно другое: книга была впервые издана на западе на средства… КГБ (даже без ведома автора).

Взрыв общественного мнения в мире был страшным, как успех самой книги, мгновенно переведенной на все существующие языки. Название СССР исчезло и было заменено на «Архипелаг ГУЛАГ». Один советский журналист как-то «проголосовал» на пустынном аргентинском шоссе грузовику, на котором собирался добраться до соседнего городка. Шофер грузовика, индеец средних лет, поняв, что везет иностранца, поинтересовался, откуда тот.

«Из России», — ответил журналист.

«А-а, — протянул шофер, — я знаю. Я читал „Архипелаг ГУЛАГ“».

Циники говорят, что КГБ сделал это специально, чтобы обеспечить себя работой на долгие годы, чтобы всегда было кого и за что сажать.

Но неисповедимы пути тайной войны, особенно когда шеф КГБ стремится к верховной власти.

«Сталин стрелял по своим, — ревел в микрофон Никита Хрущев, — по ветеранам революции! Вот за этот произвол мы его осуждаем… В истории человечества было немало жестоких тиранов, но все они погибли так же от топора, как сами власть свою поддерживали топором…». Хрущев сказал даже гораздо больше, чем хотел. Признав в ораторском угаре, что Сталин был убит своими верными учениками (чуть ли не топором по голове), Никита Сергеевич предупредил все грядущие поколения партноменклатуры о главной опасности: Не стреляйте по своим! Или погибнете от топора.

Андропов молчал.

Итог подвел Брежнев. Впадающий в прострацию вождь КПСС не любил подобных разборок, которые мешали ему наслаждаться жизнью в его роскошных особняках и охотничьих замках, разбросанных по всей стране и по многим странам Европы. «Я вижу, что товарищи поняли друг друга, и это очень хорошо». И торжественно расцеловал Андропова в обе щеки, прослезясь.

Но в тот же день первым заместителем Андропова был назначен генерал Цвигун — шурин Брежнева, женатый на родной сестре жены генерального секретаря.

Намек был более чем ясен. Борьба обострялась. Андропов знал гораздо больше того, что высказал перед разволновавшимися номенклатурщиками, но и он еще всего не знал.

Американский гриф «Доступ ограничен», забитый советским штампом «Секретно» и регистрационным штампом секретного делопроизводства: «Доклад ЦРУ об экономическом и внутриполитическом положении в СССР. Аналитический отчет для Президента, Правительства и Конгресса Соединенных Штатов на 1978 год». Подлинник, и почему-то на русском языке. Почему? Да чтобы в КГБ не тратили время на перевод, а читали сразу, как только двухсотстраничный отчет будет передан (якобы от агентуры) советской разведке и переслан в Москву.

Очень любезно со стороны американцев, что они взяли на себя часть забот огромного аппарата советской тайной полиции. «А чего это они стали печатать свои отчеты на русском языке?» — спросил удивленный начальник ПГУ Крючков Андропова, хотя об этом Андропов должен был спросить Крючкова. «Да будь я и негром преклонных годов, и то без усилья и лени я русский бы выучил…», — процитировал Андропов, любивший блеснуть интеллектом перед подчиненными.

Крючков ушел в недоумении от того, что подобная деталь его шефа нисколько не заинтересовала…

«…В настоящее время в центральном аппарате КПСС и в руководящем аппарате компартий союзных республик совершенно отчетливо наметилась тенденция к расколу. Главной причиной этого является постоянно ухудшающееся экономическое положение страны. Стагнация всех видов промышленности, устойчивый спад производства,

катастрофическое падение производительности труда, хронические неурожаи еще более усугубились падением мировых цен на традиционные товары советского экспорта: нефть, газ и необработанную древесину. Огромное по объему, совершенно несбалансированное военное производство, ежегодно расширяясь, губит все другие отрасли промышленности, ставя страну во все увеличивающуюся зависимость от импорта широкого ассортимента товаров первой необходимости, включая продовольствие.

Между тем, престарелое руководство СССР не только не видит гибельности пути, но, напротив, втягивает страну в спирали новых глобальных расходов, которые та ни теоретически, ни практически уже выдержать не может…

Финансовая поддержка компартий во всем мире, помощь развивающимся странам, с надеждой, что они выберут так называемый „социалистический путь‟, спасение от банкротства стран-сателлитов Восточной Европы, конфронтация с цивилизованным миром весь этот многолетний путь, как уже совершенно очевидно, ведет в никуда, но Кремль продолжает с упорством обреченного по нему идти…

Страны-сателлиты Восточной Европы, которые многие наши политики давно называли „минами замедленного действия‟, действительно становятся таковыми, загоняя Москву в безвыходный тупик перед страхом неизбежного взрыва. В условиях коммунистической экономики, когда царит сильный товарный голод и господствуют автаркические тенденции, а чисто условные деньги имеют лишь относительную ценность, абсолютной ценностью являются только товары…

Поставляя товары странам-клиентам, советское правительство отрывает у своей же страны и экономики самое необходимое. Завышенные цены не уравнивают положения, так как продукция, которую страны „народной демократии‟ дают взамен, значительно более низкого качества, чем западная, что создает постоянный товарный вакуум в СССР…

Для поддержания же хоть на каком-то уровне торговых отношений с Западом Советский Союз вынужден разрабатывать нерентабельные шахты и рудники, требующие миллиардов государственных субсидий, добывать низкокачественную нефть в отдаленных, труднодоступных районах страны, где ее себестоимость очень высока, загнав самого себя в своего рода экономический заколдованный круг, из которого нет выхода…

Брежнев, посетивший Индию, подписал соглашение о предоставлении правительству Ганди кредита в размере 820 миллионов долларов. Кроме того, он обещал увеличить поставку Индии нефти на 1 миллион тонн (сейчас поставляется 1,9 миллиона тонн). Было подписано также секретное соглашение о поставках вооружения, в частности, 25 самолетов МИГ-25 — на общую сумму в 1,6 миллиарда долларов. Как всегда, льготный кредит на поставку вооружений составлен таким образом, что непонятно, собирается ли Индия его когда-либо гасить…

Во что обходятся СССР ежегодно страны-сателлиты в поставках сырья и готовой продукции существуют лишь оценочные данные. Однако, СССР ежегодно тратит на указанные страны и твердую валюту, увеличивая постоянно растущую собственную задолженность Западу, составляющую в настоящее время 17 миллиардов 900 долларов.

Кроме того, Кремль взял на себя обязанности гаранта западных кредитов в страны Восточной Европы, потенциально взвалив на свои плечи долг еще в 60 миллиардов долларов.

Относительно ежегодных долларовых субсидий в страны-сателлиты существуют точные данные, видимые из нижеследующей таблицы:

Советские субсидии в миллионах дол. Задолженность Западу в миллионах дол.

ГДР 292 11500

Куба 1860 -

Чехословакия 344 4500
Польша 1900 23000
Монголия 86 -
Румыния 460 9500
Венгрия 167 8900
Вьетнам 1040 -
Болгария 127 4500

За последние 10 лет Советский Союз истратил таким образом 85,8 миллиарда долларов, распределив эти огромные средства следующим образом:

Куба 15,4906 миллиарда долларов
Вьетнам 9,1312 миллиарда долларов
Сирия 7,426 миллиарда долларов
Ирак 3,7656 миллиарда долларов
Эфиопия 2,8605 миллиарда долларов
Северная Корея 2,2341 миллиарда долларов
Монголия 9,5427 миллиарда долларов
Индия 8,9075 миллиарда долларов
Польша 4 миллиарда 955 миллионов
Афганистан 3,055 миллиарда долларов
Алжир 2,5193 миллиарда долларов
Ангола 2,0289 миллиарда долларов

Все эти расходы, имея ежегодно тенденцию к увеличению, не приносят Советскому Союзу решительно никакой выгоды и в терминах реальных межгосударственных отношений не могут быть объяснены.

Политические выгоды, достигаемые при этом Кремлем, ничтожны, а их перспектива выглядит весьма сомнительной. Так, например, в Анголе, несмотря на массированные поставки МПЛА советского вооружения, на территориях, контролируемых марксистскими группировками, наши нефтяные кампании продолжают добывать нефть, а южно-американские — алмазы на еще более льготных условиях, чем до советского проникновения…

Гигантские суммы расходов Кремля складываются, главным образом, из массированных поставок вооружения и сырья (в основном, нефти и нефтепродуктов) странам-клиентам с единственной видимой целью поддержки местных коммунистических или прокоммунистических правителей. Однако, в этом потоке присутствуют и прямые перемещения золотых фондов и наличных денег по системе контролируемых Москвой банковских структур, а также через международную банковскую сеть. При этом деньги, перечисленные, скажем, Кубе, оседают в банках Испании и Франции на фиктивных счетах подставных лиц или фирм, составляя, с одной стороны, личные фонды семьи Кастро, а с другой — капитал, якобы полностью принадлежащий местным компартиям. Но это не совсем так, поскольку Москва с легкостью снимает деньги с этих счетов, тратя их по своему усмотрению. Так, во время недавнего пребывания неофициальных советских делегаций в Монте-Карло и Кении, где на различные товары и услуги (рулетка и сафари) были соответственно истрачено 240 и 285 тысяч долларов, деньги на покрытие этих расходов были сняты со счетов испанской компартии…

Более того, деньги Кремля вкладываются в капиталы известных фирм и компаний, которые не только не имеют никакого отношения к мировому коммунистическому движению, но, напротив, официально клеймятся Москвой, как входящие в военно-промышленный комплекс Запада. Создается парадоксальная картина вкладывания Москвой денег в нашу оборонную систему вместо того, чтобы истратить их на собственную больную экономику.

В настоящее время имеются данные о наличии денег Москвы в алмазообрабатывающем бизнесе (фирмы ЮАР, Израиля и Голландии), в игорном бизнесе (Монте-Карло, Лас-Вегас, Гонконг), в приобретении через подставных лиц около дюжины казино, игорных и публичных домов в различных концах мира, в наркобизнесе (связь через Кубу с наркокартелями Латинской Америки и через Афганистан и собственные мусульманские республики с наркосиндикатами центральной и юго-восточной Азии)…

В ходе последних контактов советского руководства (поездки Брежнева и Громыко) с руководством США и стран западной Европы Москва неоднократно заявляла как главную цель указанных контактов — острую необходимость получения западных кредитов для модернизации всей добывающий индустрии и сельского хозяйства. Однако, предложения западных стран о поставках соответствующего оборудования в счет предоставляемых кредитов было отвергнуто и высказано желание получения чисто денежного кредита, поскольку советская сторона еще не выбрала поставщиков и намерена организовать конкурс фирм. Почти полностью полученные кредиты осели на счетах в западных банках и фактически перераспределяются на личные счета высших партийных чиновников…

Создается впечатление, что какая-то часть руководства КПСС, гораздо отчетливее видя изнутри, чем мы извне, надвигающуюся на страну катастрофу и ее неизбежность, заранее готовится к исходу на Запад, создавая для этого материальную базу. Именно созданием материальной базы будущего исхода, видимо, и определяется вся внешняя и внутренняя политика СССР, не имеющая никакого другого объяснения.

В результате подобной политики золотой запас СССР уменьшился примерно втрое за последние 30 лет и продолжает стремительно уменьшаться. Постоянно прогрессирующий промышленный спад грозит выйти из-под контроля и привести к полному экономическому хаосу, что создает уникальную возможность уничтожения Советского Союза как великой мировой державы, не прибегая к военным средствам…

Представляется целесообразным в ближайшее время попытаться расширить количество стран-клиентов СССР, увеличивая объем его непомерных расходов (а еще лучше — его прямого вовлечения в какой-либо крупный региональный конфликт) и продуманной кредитной политикой, расширяя раскол в кремлевском руководстве…»

Далее шло пространное исследование вопроса, где лучше всего втянуть СССР в региональный конфликт. Рассматривались Куба, Ближний Восток, Ангола и даже возможность провоцирования войны с Китаем. Приводились бесчисленные доводы за и против, говоря больше об огромной информированности авторов доклада, нежели об их намерениях…

Доклад ЦРУ недаром попал к Андропову на русском языке. В нем не было ничего, чего бы не знал шеф КГБ. Разве что многие положения были сформулированы более четко и с меньшей словесной шелухой, чем в совершенно секретных справках самого КГБ, где все-таки многие вещи боялись называть собственными именами, но зато назывались конкретные фамилии.

Только крутые реформы могли спасти страну, но даже начать эти реформы не представлялось возможным в тех условиях, в которых СССР находился. Только разгромив и уничтожив существующую номенклатуру — и это ясно видел Андропов — можно было приступить к наведению порядка в стране, а затем и к коренным преобразованиям. Но где взять людей для осуществления столь прекрасных замыслов? Где взять те кадры, которые, «решая все», спасут страну?

Его смелая мысль заменить номенклатуру своими чекистами, хотя еще и имелась в виду, но уже успела принести немалые разочарования.

Азербайджанский эксперимент продемонстрировал, что чекисты, дорвавшись до хлебных номенклатурных постов, ведут себя, благодаря присущей им храбрости и решительности, еще более нагло, чем их предшественники. Сам Алиев, быстро войдя во вкус открывшихся возможностей на посту Первого секретаря ЦК компартии республики, превратил Азербайджан в нечто весьма напоминающее Багдадский Халифат времен легендарного халифа Гаруна-аль-Рашида. Алиева так уже и звали в Баку — «Гарун-аль-Рашид» — и с ностальгией вспоминали времена Ахундова. В настоящее время, по сведениям Андропова, Алиев лихорадочно готовится к предстоящему визиту в Баку самого Брежнева, отливая по этому случаю золотой бюст Генерального секретаря весом 15 килограмм, подбирая бриллианты и антиквариат, поскольку слабость к этим предметам как самого Брежнева, так и членов его семьи была общеизвестна.

А время для действий стремительно уходило.

Земляк Андропова по Ставрополью, член Политбюро ЦК КПСС Федор Кулаков, отвечающий в Политбюро за сельское хозяйство, разделял все взгляды шефа тайной полиции и был тем практически единственным человеком, на которого Андропов не только рассчитывал, но и мог действительно положиться.

Энергичный и решительный, Кулаков был значительно моложе большинства престарелых кремлевских владык. Будучи еще в состоянии работать много и плодотворно, Кулаков был решительным сторонником радикальных реформ. Его звезда стремительно взошла во времена Хрущева, но также стремительно и закатилась. Хрущев отправил его в почетную «ссылку» в Ставрополь, где у того и произошло знакомство с Андроповым. Суть кулаковских предложений по спасению страны заключалась в радикальной реформе государственно-партийного аппарата, замены номенклатуры институтом чиновников с легальными привилегиями государственных служащих и строжайшим контролем за их доходами.

Это было в свое время мечтой самого Хрущева, но он не только не решился на какие-то резкие шаги, но и, испугавшись возможных последствий, отстранил от себя Кулакова.

Кулаков принимал активное участие в заговоре, приведшем к отстранению Хрущева от власти в 1964 году, собрав в охотничьем домике Тебердинского заповедника в Ставрополье всех основных участников переворота и отшлифовав последние детали. Вскоре, возвращенный обратно в Москву, Кулаков понял, что был обманут заговорщиками. Они не только не желали никаких реформ, но, напротив, быстро свернули даже то немногое, что успел начать Хрущев.

Обнаружив в Андропове единомышленника, Кулаков воспрянул духом. Оба понимали, что никакие реформы невозможны, пока в их руках не сойдутся все нити верховной власти. «Если человеку выпадает бесконечно редкая судьба, — считал Кулаков, — то надо показаться достойным ее. Не попытаться использовать ее — это уже преступление!». Андропов был с ним полностью согласен. Оба были убежденными коммунистами и свято верили в свой план, хотя он был столь же утопичен, как и все коммунистические идеи, которые на практике могли привести только к тому, к чему привели.

План состоял в следующем: в стране наводится железная дисциплина сверху донизу. Одновременно и координированно идет разгром всяческого инакомыслия, мафиозных структур и номенклатуры. Происходит некоторое перераспределение благ сверху вниз, но под строгим централизованным контролем, и в зависимости от повышения производительности труда. В сельском хозяйстве повсеместно внедряется знаменитый «ипатовский метод», на котором Кулаков сделал себе имя. После беспощадной партийной чистки реорганизуется и КПСС, в которой предусматривалось иметь не одного, а двух

генеральных секретарей, уменьшенный втрое ЦК и уполовиненный аппарат… «Кремлевские мечтатели», как заметил когда-то, правда, по другому поводу, Герберт Уэллс. Но они не были мечтателями. Они просто не хотели потерять всего.

Составленный ими в двух экземплярах план содержал на своих четырех машинописных страницах 42 упоминания «железной дисциплины», которую еще надеялись навести в разложенной до предела стране.

Третьим «мечтателем», сочувственно относившимся к разрабатываемому плану, оказался Петр Машеров — партийный босс Белоруссии, кандидат в члены Политбюро. В случае успеха ему была обещана должность премьер-министра и полное членство в Политбюро.

Целью следующего удара по номенклатурной твердыне был намечен Сергей Медунов — партийный владыка Краснодарского края, личный друг Брежнева, открыто рассматривавший вверенный ему край как свою феодальную вотчину.

Уверенный в полной безнаказанности, Медунов потерял всякую осторожность, открыто брал взятки, переводил богатства края в доллары, откровенно хвастался своими счетами в нескольких западных банках, казнил и миловал своих «вассалов», полностью игнорируя какие-либо законы и правила. Досье на Медунова Кулаков и Андропов собирали в течение нескольких лет. Большую услугу в этом деле оказывал им молодой секретарь Ставропольского крайкома, оставленный Кулаковым в Ставрополе после отъезда в Москву — Михаил Горбачев, благо Краснодарский край был по соседству. На молодого партсекретаря Андропов и Кулаков возлагали большие надежды. Андропов сам часто беседовал с Горбачевым и убедился, что тот полностью разделяет его взгляды, предан ему лично и имеет давнишние, прочные связи с возглавляемой Андроповым службой.

В Ставропольском крае находилась главная курортная зона страны — район Кавказских минеральных вод. В этом благодатном крае с мягкой сухой зимой и нежарким летом были сосредоточены номенклатурные дачи, санатории и лечебницы, естественно, недоступные простым людям. По старинному обычаю еще русской дореволюционной аристократии — уезжать с семьями «на воды» — сюда постоянно наезжали поправить здоровье с супругами и детьми кремлевские руководители, аппаратчики из ЦК, министры, партийные боссы крупных городов и обкомов, редакторы центральных газет и генералы.

Горбачев — партийный губернатор края — лично встречал самых важных гостей, сопровождая в их роскошные особняки, навещал время от времени, постепенно завязывая самые близкие отношения с высшими руководителями страны. Он собирал бесценную информацию, поскольку встречаться с высшими представителями на отдыхе, где ты играешь роль гостеприимного хозяина, совсем не одно и то же, что встречаться с ними в Москве на заседаниях ЦК в безликой массе областных секретарей. Здесь можно узнать много больше и много больше осторожно подсказать.

В одну из лечебниц для высшей партийной элиты, в «Красные Камни» под Кисловодском, время от времени наезжал и Андропов, предпочитая этот курорт многим остальным. Это была его «малая родина». Могущественный шеф КГБ родился (15 июня 1914 года) неподалеку — на станции Нагутская.

Андропов жил в «Красных Камнях» в уединенном, строго охраняемом особняке, никого не принимая, кроме прилетавших из Москвы генералов КГБ и…

Михаила Горбачева, чью машину охрана всегда беспрепятственно пропускала к шефу.

Одной из главных задач Горбачева, как уже упоминалось, был сбор компромата на Медунова. Досье Медунова пухло от собранных Горбачевым документальных и свидетельских показаний. Выяснилось, что в Краснодарском крае, а особенно в сказочной зоне причерноморских курортов в районе Сочи, коррупция и взяточничество в партийно-государственном аппарате получили совершенно официальный статус. Чтобы купить машину,

получить квартиру, добиться повышения по службе, поступить в учебное заведение, быть принятым в партию и даже получить на ночь номер в гостинице, требовалось дать взятку.

Причем каждый чиновник знал, сколько он должен оставить себе, а сколько перечислить в райком. Там тоже знали, сколько перечислить наверх. Денежные ручейки сливались в полноводную реку в кармане у Медунова. Более того, именно Краснодарский край оказался транзитной зоной многомиллионной валютной операции по тайной продаже за границу черной икры в банках из-под тихоокеанской селедки. Нити отчетливо вели в Москву в кабинеты министров, а оттуда — в Кремль.

Однако, от количества и точности доказательств, изобличающих Медунова в преступной деятельности, зависело очень мало. Партийный босс Краснодарского края принадлежал к уровню неподсудной и неприкасаемой номенклатуры. Договор, заключенный после десятилетий кровавого сталинского кошмара, продолжал действовать, и Брежнев не собирался его не только менять, но и вносить в это договор какие-либо коррективы. Оберегая своих назначенцев, генсек оберегал себя, и только на этом зиждилась вся сила его власти. Да и всем было очевидно, что Медунов интересует Андропова именно своим близким положением к Брежневу. Свалив Медунова, Андропов рассчитывал свалить и Брежнева, а иначе какой смысл было вообще связываться именно с Медуновым. Можно было взять любого из 181 секретаря обкомов или крайкомов, чтобы получить такой же букет преступлений, хотя бы того же Горбачева. Андропову было лучше других известно о делах молодого ставропольского секретаря. Например, когда Шеварднадзе по приказу Андропова, наводил порядок в своей родной Грузии, сменив снизу доверху всех должностных лиц своими чекистами и набив грузинские тюрьмы бывшими сановниками и подпольными миллионерами, он громогласно обещал до костей «прочистить капиталистический свинарник республики». Однако, большей части дельцов так называемой «теневой экономики» удалось бежать и даже эвакуировать свои предприятия. Бежали они недалеко — практически в соседний Ставропольский край. В подавляющем большинстве это были ювелиры, изготавливавшие кольца, браслеты, цепочки и тому подобное по заказу разгромленной номенклатуры и захватившие с собой все свое сырье — золото, серебро, платину, бриллианты и другие драгоценные камни. Многие вывезли и доверенные им «золотые запасы» номенклатуры, то есть «золото партии». Однако, проследить, куда они бежали из Грузии, было не сложно. Основавшись по другую сторону Кавказского хребта, «беженцы» из Грузии стали успешно развивать «теневую экономику» в Ставрополье.

Шеварднадзе, который вылавливал своих врагов чуть ли не в приемной Брежнева и отправлял спецрейсами обратно в Тбилиси на суд и расправу, и в данном случае стал действовать со свойственной ему решительностью, надеясь, как всегда, на поддержку Андропова. Он позвонил Горбачеву и потребовал немедленного ареста и высылки в Грузию всех лиц, перечисленных в специальном списке, посланном в прокуратуру края. Став первым секретарем ЦК компартии Грузии, Шеварднадзе настолько верил в свое могущество, что даже ввел в республике в качестве государственного языка русский язык, оправдав доверие Москвы и вызвав целую бурю, особенно в среде грузинской интеллигенции.

Поэтому звонок какому-то там областному секретарю был для Шеварднадзе скорее актом бюрократического этикета, чем необходимостью. А потому можно представить изумление тбилисского властелина, получившего твердый отказ Горбачева.[34]

Нам же кажется, что дело здесь гораздо серьезнее. Готовя заговор против Брежнева, Андропов нуждался в средствах и пытался заручиться временной поддержкой воротил «теневой экономики», скрывая от них тот факт, что в его планах предусмотрено их полное истребление.

Разъяренный Шеварднадзе, напомнив Горбачеву о ничтожности его положения («Подумай, кто — ты, и кто — я»), немедленно пожаловался Андропову. Однако, к великому удивлению Шеварднадзе, ничего не получилось. Секретарь крайкома, которого Шеварднадзе

совершено справедливо считал ниже себя по рангу в строжайшей «табели» партийной номенклатуры, оказался на самом деле могущественнее и влиятельнее его, хотя речь в данном случае шла о прямом нарушении закона. А покровитель у них был один и тот же — Андропов. В предстоящей борьбе Горбачев был ему гораздо нужнее, чем грузин Шеварднадзе.

К этому времени Брежнев был уже тяжело болен. В 1976 году он перенес тяжелый инсульт; врачам с трудом удалось вывести генсека из состояния клинической смерти. Время от времени руководитель партии и государства впадал в совершенно сенильное состояние, демонстрируя, на потеху всему миру, свою чисто детскую любовь к орденам, побрякушкам и ярким западным наклейкам.

Номенклатура, которая всегда мечтала именно о таком, впавшем в детство, генеральном секретаре, делала все возможное, чтобы за Брежневым сохранились все его посты, ибо лучшего прикрытия для глобального разворовывания страны было трудно себе придумать. Брежневу присвоили звание Маршала Советского Союза, наградили орденом «Победы». Трагическая история страны оборачивалась дичайшим фарсом. Правда, у Сталина было даже два ордена Победы, и он был не маршалом, а генералиссимусом. Но время еще было…

Несколько попыток Андропова спровадить Брежнева на пенсию, а при выборах нового генсека провести на этот пост Кулакова успеха не имели.

Номенклатура готовилась защищать Брежнева до последнего. Применяя силовые приемы и отработанные методы партийных интриг, ловко оперируя накопленным на каждого из членов Политбюро и ЦК компроматом, Андропов и Кулаков добились компромиссного варианта: за Брежневым остается недавно обретенный им номинальный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а пост Генерального секретаря партии переходит к Кулакову. Вопрос это считался решенным, и к нему загодя стали готовить страну и мир, сперва организовав «утечку» информации в западные газеты, а затем начав открыто говорить об этом на закрытых партсобраниях и лекциях инструкторов ЦК. Андропов и Кулаков уже составили секретные списки номенклатурных работников, подлежащих немедленному снятию с должности и отдаче под суд сразу же после занятия Кулаковым поста Генерального секретаря ЦК КПСС.

В ночь с 16 на 17 июня 1978 года Андропов был поднят с постели резким звонком телефона спецсвязи. Взволнованный голос его заместителя генерала Пирожкова доложил, что Кулаков мертв. Ошеломленный Андропов через сорок минут прибыл на дачу Кулакова с двумя оперативными группами КГБ.

Растерянные, бледные лица охраны. Разъяренный лай рвущейся с поводка любимой овчарки покойного. Безумные глаза жены. Кулаков был обнаружен со вскрытыми венами в своей личной сауне. В луже крови поблескивал медицинский скальпель.

В ЦК почти никак не отреагировали на смерть Кулакова, а, вернее, отреагировали с пониманием. Накануне, на пленуме, Кулакова сильно критиковали за положение дел в сельском хозяйстве. Вот он понервничал и…

Официально было объявлено, что «член Политбюро ЦК КПСС Федор Давыдович Кулаков скоропостижно скончался от острой сердечной недостаточности».

Путаный медицинский отчет о его смерти, подписанный начальником 4-го «кремлевского» медицинского управления Евгением Чазовым, не решились даже опубликовать.

Кулакова хоронили на Красной площади. Бросилось в глаза, что ни Брежнев, ни Суслов, ни Косыгин, ни Черненко на похороны не явились. Это было более чем странно, поскольку хоронили члена Политбюро, и нарушался непререкаемый, разработанный до мелочей и до сих пор не нарушаемый ни разу протокол захоронения «вождей» столь высокого ранга. И почти никто не обратил внимания на выступавшего с трибуны Мавзолея относительно еще

молодого человека с красным родимым пятном на лбу, прилетевшим на похороны из Ставрополя. Этим человекам был Михаил Горбачев.

Старший судмедэксперт КГБ генерал-майор Липатский в личном докладе Андропову высказал твердое мнение, что вены у Кулакова были вскрыты, когда тот находился без сознания. Андропов внутренне верил в это, хотя и не понимал, зачем кому-то понадобилось, убив Кулакова, вскрывать ему вены. Хотя и помнил не раз сказанные Кулаковым слова: «Если мы проиграем, я вскрою себе вены». Кто-то понял его слова буквально.

А вскоре Машеров погиб в автомобильной катастрофе. Погиб при столкновении своего бронированного лимузина с самосвалом, хотя при следовании куда бы то ни было партийного босса республики на трассе немедленно останавливалось все движение. Откуда взялся самосвал? Пьяный шофер рассказывал, как он появился на трассе, вывернув с проселка из какого-то колхоза как раз между постами. Но посты непременно должны были стоять именно на всех возможных выездах на шоссе.

А чуть позже рухнул на землю в районе Витебска личный самолет Андропова, на котором шеф КГБ в самый последний момент почему-то не полетел.

Война была объявлена.

Кто-то за спиной Брежнева открыто нарушил номенклатурный «договор» 1954 года, начав целую серию убийств.

Целый район в центре Москвы занимает комплекс массивных зданий, выходящих на Старую площадь, где размещается Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза. Сюда сходятся все нити творящихся в стране и большинство творящихся в мире преступлений. Отсюда тянутся бесчисленные щупальца, высасывающие все соки из огромной страны, перекачивая ее богатства в личные сейфы и заграничные банки. Здесь разрабатываются страшные программы идеологического и физического оболванивания собственного народа и лелеется мечта распространить свое владычество на весь мир. Здесь играют судьбами миллионов людей и целых государств. Ни на минуту не затихает работа в Международном отделе ЦК, возглавляемом Борисом Пономаревым. Здесь составляются инструкции и методики, направляемые во все страны мира. Отсюда идут громадные суммы на финансирование легальных и нелегальных компартий, повстанческих группировок, террористических организаций, коммунистических, левых и националистических газет, избирательных кампаний и государственных деятелей, берущих взятки, и профессиональных преступников, желающих стать государственными деятелями. По старой ленинской методике, коммунисты, захватив власть в Камбодже и войдя в революционный раж, уничтожили ровно половину населения — три миллиона из шести. Террор голодом и расстрелы свирепствуют в Эфиопии, в разгар которых в Аддис-Абебе возводится Дворец съездов и местные коммунистические царьки, не скрываясь, ведут роскошный образ жизни в покоях свергнутого императора. В Анголу для спасения коммунистического режима бросается армия Фиделя Кастро, что увеличивает финансовую помощь Кубе до 10 миллионов долларов в день.

Потоком идет русское золото за границу. Им знают, как распорядиться.

Недаром в крупнейшем банке КПСС за рубежом фактическим руководителем сидит родной сын Бориса Пономарева — Владимир Пономарев. Номенклатура давно уже сделала наследственными свою власть и богатство. Ощетинившись ядерным ракетами и огородившись по линии европейского раздела атомными минными полями, она продолжает безумное дело своего основателя, не видя и не желая видеть, что проваливается вместе со всеми своими идеями в то самое болото, в которое, по их милости, была превращена самая большая и богатая в мире страна…

Это видел Андропов. Он вовсе не был ни либералом, ни сторонником демократии. Напротив, он считал коммунистическую систему наилучшей в мире, свято верил в грядущую победу коммунизма во всем мире, а потому и пытался спасти эту систему от гибели в болоте

роскоши и коррупции. Он прекрасно видел не только то, что происходит в первой в мире «стране развитого социализма», как гордо именовал СССР Брежнев, но и что творится с коммунистическим движением в мире.

Компартия Франции ежегодно получает из СССР 2 миллиона долларов через Евробанк непосредственно и 4 миллиона долларов через счета так называемых «доверенных лиц», подставных предприятий и организаций. Указанные деньги давно уже не идут ни на коммунистическое, ни на рабочее движение, как было во времена Тореза. Нынешний Генеральный секретарь КПФ Марше — в глубине сердца убежденный нацист, главный казначей партии — Госна, главный редактор «Юманите» — Андрие и другие «вожди французского пролетариата» давно уже превратили компартию в нечто среднее между биржей и воровским притоном. По образцу своих советских коллег, они накупили вилл и особняков, живя в довольстве и роскоши. Им даже лень распространять свою собственную «Юманите», три четверти тиража которой с воскресными приложениями направляется для реализации в Москву, где, пролежав какое-то время в киосках, сдается в макулатуру. Но и это еще не все. Получая доллары из Москвы, руководители французской компартии закупают на эти деньги акции наиболее солидных французских (и не только французских) компаний, получают огромные дивиденды, часть которых делят между собой, а часть переводят на конкретные счета своих благодетелей из СССР. Полученные таким образом деньги они снова вкладывают в акции, укрепляя таким образом экономику стран Запада.

Часть денег французы откровенно вкладывают в игорный и порнобизнес, получая огромные барыши, и, опять же, распределяя их среди своих и советских номенклатурщиков.

«За последние 30 лет, — сообщали информаторы из Парижа, — через личный счет г-на Госна прошли десятки и десятки миллиардов долларов. Причем, прошли в двух направлениях, одно из которых — „Евробанк", принадлежащий КПСС». Сам Госна попал в газеты, когда, построив на Лазурном берегу шикарную виллу, приказал огородить глухим забором и прилегающий к вилле участок пляжа.

Огороженные пляжи он постоянно видел в СССР, и это произвело на него неизгладимое впечатление. Так и должна жить, огороженной от народа, настоящая марксистская партия — коммунистическая знать. Однако, Франция еще не стала коммунистической, и власти потребовали убрать забор. Госна отказался. Дело попало в суд, где казначей компартии, пылая пролетарской яростью, требовал предъявить ему тот закон, согласно которому, он, пролетарий, не имеет права владеть всего четвертью мили средиземноморского пляжа (ведь в стране «победившего пролетариата» пляжи вокруг партийных особняков не только огорожены, но и охраняются с суши и с моря).

Нашли закон, подписанный еще Людовиком XIV, гласящий, что все пляжи страны являются общественной собственностью. И при этом у французских коммунистов хватало наглости требовать у Москвы дополнительных ассигнований на любое мало-мальски относящееся к делу мероприятие, будь то забастовка, демонстрация или праздник газеты «Юманите», на котором пытаются продать остатки не отправленного в СССР тиража. И бумагу, и краску на эту газету присылают из Москвы. Причем краску сначала закупают в ФРГ, хотя французам гораздо легче это сделать самим. Но они хоть сами выпускают «Юманите», и то слава Богу!

А американская компартия даже не собиралась печатать у себя две своих газетки. Их печатают (и пишут) в Москве, в типографии ЦК КПСС, да и продают, в основном, тоже в СССР. Главные покупатели — кафедры иностранных языков ВУЗов и студенты, которые по этим газетам сдают языковые «тысячи». Сама компартия США давно уже превратилась в какую-то шайку профессиональных тунеядцев, которая решительно ничего не делает, но ежегодно аккуратно «выдаивает» из Москвы 2 миллиона долларов. При этом бесстыдно дезинформирует Москву о каких-то своих успехах в общественной жизни США, каждый раз обещая победу своего кандидата — Гэса Холла — на очередных президентских выборах и

требуя себе под это дело еще пару миллионов на проведение избирательной кампании. Видимо, Холл изловчился сунуть кому-то взятку в московском «Институте США и Канады», поскольку все рекомендации этого академического заведения по поводу возможности коммунистов провести своего кандидата в президенты на очередных выборах звучали примерно так: «Авторитет компартии США, несмотря на репрессивную политику правящих кругов, постоянно растет, сплачивая вокруг авангарда рабочего класса США миллионы простых американцев. И мощный голос пролетариата на выборах может быть услышан».

То, что западные компартии, исправно получая из Москвы деньги, часть этих денег тратят на взятки советской партийной номенклатуре, было общеизвестно. Но компартия США побила все рекорды. Гэс Холл за какие-то свои неведомые заслуги выбил себе из Москвы ежегодное пособие в 100 тысяч долларов, истратив для этого в Москве тысяч пятьдесят. Это пособие год от года росло, по-видимому, из-за инфляции, а однажды достигло аж двух миллионов. И хотя всем было ясно, что Гэс Холл покупает для аппарата ЦК какую-то недвижимость в США, по традиции, не платя налоги, ничего сделать было нельзя, разве что выдать его налоговым органам. Андропова часто подмывало именно так и поступить.

Вести через компартию США какую-то разведывательную деятельность оказалось совершено невозможным, поскольку выяснилось, что она, с одной стороны, профильтрована информаторами ФБР, а с другой — израильской разведкой. Фактически компартия получала деньги за сам факт своего существования, что подкреплялось при помощи взяток, получаемых кем-то в аппарате ЦК КПСС.

Компартия ФРГ хоть приносила некоторую пользу, служа передаточным звеном в снабжении деньгами террористических группировок, вроде «Фракции Красной Армии» и ей подобных. По этому каналу снабжались и итальянские «Красные бригады» и даже ближневосточные террористы. Никакой другой деятельностью компартия себя не обременяла, иногда предоставляя крышу провалившимся агентам ШТАЗИ из ГДР.

Компартия Финляндии получала из Москвы ежегодно от полутора до двух миллионов долларов. Тут были особые интересы, также никак не связанные с марксизмом-ленинизмом. Партия как бы служила посредником между коммерческими структурами страны Суоми и аппаратом КПСС в распределении финских товаров по необъятной территории страны развитого социализма, снабжая номенклатуру и связанных с нею спекулянтов финскими холодильниками, мебелью, коттеджами, саунами и подержанными западными автомобилями. У себя же в стране партия занималась распределением советских заказов судостроительным фирмам, полиграфическим и бумагоделательным предприятиям, а также поставками советской древесины, в общем, честно зарабатывая выделяемые ей деньги, немного подрабатывая на взятках и на предоставлении своих счетов для хранения и отмывания уж особенно лихих денег КПСС, беря при этом с Москвы по-божески — 7 %.

Около миллиона выделялось ежегодно компартии Израиля, где местные коммунисты, в подавляющем большинстве, вчерашние выходцы из СССР и Польши, откровенно клали полученные деньги в свои карманы, отрабатывая их скандалами в кнессете и призывами к арабскому населению о гражданском неповиновении. Но это было не самое главное. Руководящая верхушка партии в лице ее генсека Вильнера имела связи в правительстве и в мировой финансовой системе, выполняя в отсутствии прерванных в 1967 году дипломатических отношений роль просоветского лобби, принимая участие в алмазном бизнесе и организовывая регулярные поездки советской номенклатуры в знаменитые израильские центры раковой профилактики. За отдельную плату, конечно.

Так можно было идти по списку стран мира, удивляясь, восхищаясь, негодуя по поводу глобальной финансовой деятельности КПСС и одной ее исключительной особенностью: все шло из страны. Создавалось впечатление, что КПСС давно приватизировала Советский Союз и поставила перед собой цель, помимо собственного обогащения, всячески укреплять мировую капиталистическую систему. И как всякая преступная организация, партия

большевиков настолько продумала собственную безопасность, что не подступиться к ней было ни с какой стороны. И гибель Кулакова с Машеровым была лучшим тому подтверждением. Андропов все это прекрасно понимал. Не понимал он только одного: почему никто из партийных бонз не видит (и не желает видеть), что фундамент величественного партийного здания проседает и разваливается, грозя обрушить все здание, похоронив под его обломками и саму партию, и ее утопические идеи, вылившиеся на практике в создание преступного синдиката убийц, воров и спекулянтов.

Может быть, уже где-то задумано, чтобы здание рухнуло? Но где?

После гибели Кулакова Андропов понял, что времени у него уже нет. Или он быстро предпримет какие-то неожиданные шаги, или погибнет. По его приказу стали тайно формироваться боевые группы КГБ особого назначения, якобы для антитеррористической деятельности. Группы получили наименования «Альфа», «Гамма» и «Дельта». Каждая состояла примерно из трехсот великолепно обученных и не рассуждающих головорезов, способных выполнять любой приказ.

Кроме того, удалось уговорить Брежнева передать в подчинение КГБ парочку воздушно-десантных и одну танковую дивизию, армия вынесла это оскорбление молча. Отношения армии и КГБ всегда сознательно строились на взаимной ненависти. Армия хорошо помнила 1938 год, когда чекистами были уничтожены почти все армейские командные кадры, включая трех маршалов. Чекисты же, со своей стороны, хорошо помнили 1954 год, когда армия взяла реванш, с удовольствием перестреляв всю верхушку МГБ, и раздавив танками всех, пытавшихся оказать сопротивление.

Однако, ныне армия была в очень плохой форме. Ее верхушка разлагалась в неуемной роскоши, что особенно поощрялось министром обороны Устиновым — человеком штатским, неумело носившим маршальский мундир, но получившим хорошую закалку еще в сталинской номенклатуре. На этот пост его выдвинул сам Брежнев, который, став маршалом, начал ко всем прочим маршалам относиться с недоверием, а потому и решил поставить во главе вооруженных сил штатского партийного номенклатурщика, плохо разбирающегося в военных вопросах, но зато лично преданного. Пока армейская верхушка с удовольствием разлагалась на номенклатурном Олимпе, армейские низы разлагались не менее стремительно, но по-своему. Огромный сталинский ГУЛАГ давно уже выплеснул уголовную этику и уголовный язык на все советское общество. Даже академики сбивались на «феню», не замечая этого. И первой жертвой, естественно, стала армия, где процветали и культивировались обычаи самых диких уголовных зон, заменив собой и боевые традиции, и воинскую дисциплину. Солдаты с удовольствием издевались друг над другом и с дикой жестокостью друг друга убивали. Офицеры пьянствовали, подавая таким своим образом жизни страшный пример подчиненным.

Они издевались над солдатами, в свою очередь служа объектом издевательств со стороны своих начальников. Процветало кумовство, а воровство и взяточничество достигало размеров, немыслимых в гражданской жизни.

Со всем этим еще можно было смириться, если бы в армии не вызревали весьма опасные настроения, вылившиеся в целую серию чрезвычайных происшествий, казалось бы, невозможных в вооруженных силах ядерной сверхдержавы. Военный летчик старший лейтенант Беленко угнал новейший истребитель в Японию и попросил политического убежища в Соединенных Штатах.

Замполит эскадренного миноносца «Сторожевой», арестовав командира, поднял на корабле мятеж и сделал попытку уйти в Швецию. Корабль был перехвачен в море, остановлен ударами авиации, взят на абордаж пограничными катерами. Все офицеры пошли под суд, а герой — замполит, капитан 3-го ранга Саблин расстрелян. Группа офицеров-

танкистов приняла решение во время очередного парада на Красной площади бросить свои танки на Мавзолей и начать всенародное восстание.

Их удалось арестовать в самый последний момент. В тот день танки по Красной площади не шли. И таких случаев было не перечесть, так что Брежнев и его окружение не мешали Андропову создавать параллельные вооруженные силы под флагом КГБ.

Главное же обоснование, которое представит Андропов в оправдание своих действий, было весьма серьезным и не имело прямого отношения к разложению армии. На очередном заседании Политбюро шеф КГБ представил целый пакет документов, неопровержимо свидетельствующих о резком росте сепаратизма в союзных республиках. Причем этот сепаратизм умело и последовательно насаждался сверху из Центральных Комитетов республиканских компартий.

Причина была простой. Республиканская номенклатура не желала более платить дань в Москве, мечтая о полной самостоятельности и безотчетности перед кем бы то ни было. Если их вовремя не одернуть, Союз будет тем или иным способом развален. Откровенный страх засветился в слезящихся глазах кремлевских старцев. Они с надеждой смотрели на Андропова, ожидая, что он предложит для их спасения. А Андропов продолжал своим ровным и невыразительным голосом перечислять беды страны. Полный развал сельского хозяйства. Если бы не поставки американского и канадского зерна, в СССР давно бы пришлось снова вводить карточную систему на продовольствие. Брежнев неожиданно открыл глаза и, с трудом двигая полупарализованной челюстью, изрек: «Когда же, наконец, у нас в Политбюро появится настоящий специалист по сельскому хозяйству, а не интриган-политикан?».

Намек был на покойного Кулакова.

Андропов немедленно заверил генерального секретаря, что такого человека он уже нашел и готов немедленно представить его товарищам — членам Политбюро.

Старцы удивленно переглянулись и вопросительно уставились на шефа тайной полиции. Кого он имеет в виду? Андропов назвал Горбачева.

В глазах старцев засветилась симпатия. Фамилия Горбачева ассоциировалась у всех с приятными и полезными неделями наслаждения в элитарных здравницах Ставрополья. Все помнили обходительность, предупредительность, застенчивость и даже некоторую робость тамошнего Первого секретаря. И его исключительную молодость. Каждому из них он годился в сыновья. Он не опасен. Его можно брать в Москву. Пусть поднимает сельское хозяйство, раз специалист. (Многие не без основания считают, что секретарствуй Горбачев в любом другом месте, скажем, в Воронежском обкоме, Андропову никогда бы не удалось так быстро и просто перетащить его в Москву. Трудно сказать, но если бы Андропов захотел, то перетащил. Весь вопрос в том: захотел бы?).

Вечером 19 сентября 1978 года поезд специального назначения, в котором следовал в Баку Генеральный секретарь ЦК КПСС и Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Брежнев, сделал неожиданную остановку на железнодорожной станции Минеральные воды. На оцепленный сотрудниками КГБ перрон курортного городка вышел, опираясь на руку начальника своей личной охраны генерала Жарова, сам Леонид Ильич Брежнев, сопровождаемый своим помощником, Константином Черненко. Их встречали Андропов и Горбачев. Это была историческая встреча. На маленькой северокавказской железнодорожной станции сошлись четыре человека, которым суждено было в дальнейшем сменять друг друга на посту главы партии и государства, а одному из них судьба предначертала уничтожить и КПСС, и огромную сверхдержаву, именуемую Союзом Советских Социалистических Республик. Среди трех совершенно очевидных посредственностей появился гений политической интриги, которых история не знала со времен средневековья. В течение нескольких минут вопрос о переводе Горбачева в Москву был решен. Пожимая руку молодому ставропольскому секретарю, Брежнев прошамкал: «Сельское хозяйство — это

очень важно. Ты специалист. Спаси страну». «Я спасу страну», — ответил Горбачев, почтительно склоняя голову перед партийным властелином. Кровавое пятно на лысеющем лбу Горбачева резануло по глазам Генерального секретаря. Но оно было красным, а это было хорошим предзнаменованием…

Брежнев ехал в Баку, чтобы убедиться на деле, как андроповские люди наводят порядок в национальных республиках, с корнем выкорчевывая коррупцию и все мысли о сепаратизме. (Пройдет совсем немного времени, и «человек Андропова», Гейдар Алиев, встречавший Брежнева в Баку попытается даже отколоть от Азербайджана и объявить суверенной Нахичеванскую область. Все устали от дани). Андропов надеялся, что после визита в Баку Брежнев даст ему «карт-бланш» на проведение по кавказскому образцу подобных же операций в Средней Азии с последующим ударом оттуда по Украине, где непотопляемым сатрапом сидел ставленник Брежнева — Щербицкий.

Всем своим нутром, отточенным в партийных интригах и на многолетнем поприще, Андропов чувствовал, что его час приближается. И чтобы ускорить этот час, необходимо было тряхануть огромную империю, вывести ее из спячки и, воспользовавшись дряхлостью партийного руководства, взять все бразды правления в свои руки. Для этого требовалась та самая чрезвычайная обстановка, на которую надеялся Андропов с самого начала пребывания на посту шефа КГБ, еще когда давал рекомендации на ввод войск в Чехословакию.

Струсившие чехи сорвали его план. Теперь ему предоставлялась новая возможность. После свержения шаха в Иране, когда к власти пришли исламские фундаменталисты, весь средневосточный регион оказался дестабилизированным.

Волны исламского фундаментализма, стремительно распространяясь, накатывались на советские среднеазиатские республики, побуждая тамошнее партийное руководство, по уши погрязшее в воровстве, все более и более думать о разрыве с Москвой и о присоединении к миру ислама.

В республиках умело подогревались националистические и антирусские настроения. Пока без всякого антикоммунизма. Этот потрясенный и разобщенный регион сам напрашивался на советское вмешательство. Главный стабилизирующий фактор региона — богатый и сильный в военном отношении и еще более сильный своим союзом с США — Иран перестал существовать в крови и хаосе исламской революции. США были объявлены главным врагом ислама, американское посольство в Тегеране разгромлено, но, вместе с тем, была разгромлена и местная компартия, а ее лидеры публично повешены. Начинались волнения и в Афганистане.

Искус был огромным. Короткий удар через Афганистан по Ирану и Пакистану мгновенно выводил СССР к незамерзающим водам Индийского океана и к мировым запасам нефти.

Короткая, победоносная военная операция дала бы помимо всех других выгод, возможность навести порядок в стране, прервать губящую страну политику разрядки и разных там «хельсинских процессов», уничтожить инакомыслие, прекратить тлетворное влияние запада, укрепить производственную и бытовую дисциплину, сплотить партию и снова вывести ее на боевой курс под собственным руководством. Для осуществления этого плана Андропов не видел лучшего места, чем Афганистан.

27 апреля 1978 года в Афганистане произошел коммунистический переворот, который люди Андропова готовили в течение нескольких лет. Демократическое правительство Мухамеда Дауда было свергнуто одной из коммунистических фракций под названием «Демократическая Народная Партия Афганистана», и президентом стал прямой агент Москвы Тараки. Немедленно последовала массированная экономическая и финансовая помощь из СССР. В Афганистан хлынули тысячи советских «советников». Коммунистическое правительство Тараки, действуя по методике «единственно верного учения», сразу же приступило к расстрелам, сносу мечетей и массовой экспроприации. Ответом было

всенародное восстание. Только идиот мог бросить подобный вызов мусульманской стране. Восстание расширялось, и скорое падение коммунистического режима становилось предрешенным. Запад никак не реагировал. Там затаили дыхание, чтобы не вспугнуть Москву. Естественно, тут же началась грызня в коммунистической верхушке Кабула. 14 сентября 1979 года премьер-министр нового режима Амин пристрелил президента Тараки и объявил президентом самого себя. Тараки был убит в тот момент, когда готовился подписать призыв к Советскому Союзу прислать на помощь войска для усмирения восставшего народа. Амин был против, пытаясь убедить Москву, что ввод войск в Афганистан был бы огромной ошибкой, которая даст только гибельные последствия, и что с восстанием он справится сам. Восстания в Афганистане — дело привычное. Недаром еще исконный король Абдулла говаривал: «Афганистан — это улей, где много пчел, а меду нет». Москва просто не понимает обстановку.

Подобное настроение Амина срывало все планы Андропова.

В Москве на заседании Политбюро Андропов предъявил документы, свидетельствующие о том, что Амин, давнишний агент ЦРУ. Он не зовет СССР на помощь, потому что намерен позвать на помощь американцев. Обученная и перевооруженная американцами афганская армия тут же начнет провокации на наших границах, опираясь при этом на американские ракетные базы и аэродромы, которые мгновенно возникнут на афганской земле. Последствия даже трудно себе представить.

Присутствовавший на совещании министр иностранных мел СССР Громыко подтвердил, что и по линии его Министерства существуют данные, что Амин готовит призыв к американцам о помощи (жена Громыко вляпалась на контрабанде бриллиантов, и перечить в чем-либо Андропову Громыко не мог). По сообщению советского резидента в Кабуле, Амин якобы даже сказал: «Хвала Аллаху, скоро сюда придут американцы и наведут порядок у нас!» Это восклицание советской разведке удалось даже записать на пленку. Все это была чистейшая ложь.

Резидент в Кабуле слал сообщение за сообщением, пытаясь предотвратить ввод советских войск. В руки советской резидентуры попали материалы, доказывающие, что и Тараки, и вся его партия были марионетками, деятельность которых была направлена на прямое вовлечение СССР в крупный региональный конфликт. За это Тараки получил 40 миллионов долларов, которыми должен был поделиться со своими сообщниками, но, естественно, не сделал этого, а потому и погиб. Хафизулла Амин — единственный в этой банде национально настроенный деятель. Он более всего боится прямого столкновения СССР и США на земле Афганистана. Этим документам никто не придал значения, хотя они докладывались Андропову.

Андропов никогда не был в Америке, даже инкогнито, а Брежнев бывал, и не просто так, а со всеми церемониями официального визита. Ему там понравилось. Он первый ввел моду держать за стеклянными створками дорогой финской «стенки» бутылки с яркими американскими наклейками и пирамидки из блоков (или пачек) американских сигарет. Эта мода стремительно разошлась по номенклатуре (образ жизни вождя — образ жизни эпохи), от нее попала в торговую аристократию и далее ко всем, кто мог себе это позволить. Поэтому, услышав слова «придут американцы и наведут порядок», генсек устало вздохнул.

А затем обратился к маршалу Устинову с вопросом: «За какой срок армия гарантирует наведение порядка в Афганистане?» Устинов, видимо, перепутав Афганистан с Чехословакией, твердо пообещал, что через две недели порядок будет полный. «Ну, от силы через — месяц, — добавил Андропов, — и мы вернем войска домой». Хотя не собирался этого делать никогда. «А как же с разрядкой? — спросил Черненко. — Они заморозят нам кредиты, Леонид Ильич!»

Брежнев взглянул на Громыко. Тот улыбнулся своей застенчивой, грустной улыбкой: «Какая же это разрядка, Леонид Ильич, если они планируют шантажировать нас своими ракетами с территории суверенного Афганистана?»

Брежнев сидел с закрытыми глазами. На его пиджаке тускло поблескивали пять золотых звезд Героя. Не открывая глаз, генсек сказал: «Чтобы обязательно было обращение к нам с призывом о военной помощи. Все».

Подскочившие телохранители подняли генсека с кресла и увели в соседнее помещение. Пора было делать уколы, на которых и держался властелин шестой части суши. Но Амин был неумолим. Он ничего и слышать не хотел о вводе какой-либо иностранной армии на территорию своей страны, а уж тем более призывать вторжение.

2 декабря 1979 года в Кабул вылетел личный представитель Андропова, генерал-лейтенант КГБ Папутин. Его задачей было уговорить Амина. Если бы это не удалось, Папутин должен был организовать похищение Амина и его доставку в Москву. Тут с ним говорить было бы проще. Амин стоял твердо. Он не допустит вторжения. 22 декабря группа каких-то молодчиков в чалмах и халатах напала на дом, где жили сотрудники многочисленных советских миссий и представительств. Убив десятка два граждан СССР, экстремисты отрезали им головы и пронесли их на пиках по улицам Кабула. Полиция открыла огонь.

Бросив головы на землю, убийцы скрылись. Полицейские заметили, что у большинства чалма повязана неправильно. 23 декабря Амину была передана нота, что «Советское правительство вынуждено взять под охрану своих граждан, поскольку афганская сторона с этой задачей не справляется, о чем свидетельствует кровавый инцидент 22 декабря».

Пока Амин обдумывал ответ, вторжение началось. Оно явно было спланировано по чехословацкому образцу. 24 декабря на аэродром Баграм в 50 километрах к северу от Кабула высадились части 105-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии. Одновременно советские «советники» нейтрализовали афганские части, организовав парковый пень в танковых подразделениях, блокировав связь и задержав на банкете все высшее руководство афганской армии. Боевые машины десантников с ходу ворвались в Кабул, беря под контроль стратегические пункты столицы. Специальное подразделение КГБ («Дельта») окружило дворец Даруломан южнее Кабула, где находился президент Амин. Пока «Дельта» окружала президентский дворец, генерал Папутин все еще пытался уговорить Амина официально обратиться к СССР за военной помощью или подать в отставку, уступив свой пост прямому ставленнику Андропова — Бабраку Кармалю, находившемуся в Чехословакии.

Видя, что его дворец окружен, Амин пристрелил Папутина[35] и, собрав телохранителей, принял неравный бой с ворвавшимися во дворец парашютистами. Труп Амина был обнаружен в одном из коридоров дворца. План сорвался. Амин погиб, но не поддался на андроповскую провокацию. Это уже был скандал, который так никогда и не удалось замазать. Советские войска вторглись на территорию суверенного государства, убили президента и оккупировали страну. Мир ахнул.

Запоздалые призывы Кармаля уже никого не могли обмануть. Но отступать уже было некуда.

Через Кушку и другие пограничные пункты в Афганистан вступили 357-я и 66-я моторизованные стрелковые дивизии. Они заняли города Герат и Фарах на западе страны. В то же время 360-я и 201-я дивизии, наступая на Термез, форсировали Аму-Дарью и захватили стратегический туннель Саланг. Советский Союз в течение десяти лет строил в Афганистане шоссе, которому дали название «Дружба». Не прошло и месяца после завершения работ, как на шоссе уже появились советские танки.

Но сценарий сразу же стал резко отличаться от чехословацкого. Народное восстание приняло невиданные доселе формы. За оружие взялись даже женщины и дети. В Афганистан срочно были переброшены еще четыре дивизии. Численность оккупационных войск

достигала 150 тысяч человек. Советский Союз вляпался в самую длительную и в самую тяжелую по последствиям военную авантюру, которая, в итоге, явилась одной из основных причин его собственной гибели.

В Вашингтоне царило ликование. Ловушка сработала. Американские и европейские еженедельники вышли в красочных обложках с изображением лохматого, озверевшего медведя с окровавленными клыками и горящими глазами идущего по растерзанным трупам, но угодившего лапой в смертельный капкан. На капкане была надпись «Афганистан».

Но и это было еще не все. Для обеспечения афганской авантюры было решено на всякий случай нейтрализовать и Иран, так как от него можно было ожидать в данной обстановке любых неожиданностей. Потеряв США в качестве союзника, ослабленный революционной ломкой вековых структур, Иран был намечен следующей после Афганистана жертвой. А пока необходимо было отвлечь внимание вождей исламской революции от Афганистана. В Москву был срочно вызван президент Ирака Саддам Хусейн — «прогрессивный лидер социалистической ориентации». Ему прямо заявили, что настал момент, когда он может решить все старые пограничные споры с Ираном самым простым способом — путем военного захвата спорных территорий. Оружием, топливом и всем прочим, необходимым для ведения войны, Советский Союз пообещал снабжать Багдад столько, сколько понадобится и в любых количествах. Хусейн согласился, но потребовал за каждый год войны переводить на его личный счет в Швейцарском банке 500 миллионов долларов с учетом инфляции. Дорого? Дороже будет, когда Иран ударит по Афганистану и поднимет газават в Средней Азии.

И иракские войска вторглись в Иран, начав страшную, кровопролитную восьмилетнюю войну, очень напоминающую по количеству жертв и тактическим приемам первую мировую. Два смертельных врага Израиля сцепились между собой на глазах изумленного мира. «Такого подарка, — заявил премьер-министр Израиля Бегин, — Господь не посылал нам со времен „манны небесной‟. А уж мы постараемся, чтобы эта война никогда не кончилась». И отдал приказ израильским ВВС на всякий случай разбомбить ядерный реактор под Багдадом, что и было сделано. Ругая на чем свет стоит, сионизм, Хусейн послал свои самолеты бомбить Тегеран. Иранская тяжелая артиллерия обстреливала Басру — жемчужину Персидского залива, откуда в свои плавания уходил еще Синдбад-Мореход. Под гром этой канонады Израиль вторгся в Ливан, уничтожив всю военную инфраструктуру Организации Освобождения Палестины, включая склады с огромным количеством советского оружия, на создание которой (ООП) Советский Союз вбухал за последние десять лет полтора миллиарда долларов. А похоронки и цинковые гробы уже шли из Афганистана в СССР, обгоняя эшелоны с раненными и искалеченными. Армия, в который уже раз, оказалась не готовой к ведению боевых действий. Под сенью мегатонных ядерных боеголовок, на которые уповали московские стратеги, армия, как и вся страна, стремительно отстала от мировых стандартов. Связь было ненадежной, обмундирование и снаряжение — никуда не годными. О полевых установках для переливания крови или о флягах-холодильниках никто вообще не слышал. Не было приличного боевого вертолета, способного действовать в высокогорных условиях. Продовольствие было низкокачественным. В частях вспыхнула эпидемия гепатита. Никто не мог разобраться в итальянских, американских и израильских минах, которые десятками тысяч ставили партизаны на каждом шагу. Молодые парни с оторванными ногами заполнили советские госпитали. Оказалось, что никто не в состоянии обеспечить их не только инвалидными колясками, но даже и простыми протезами.

«Агония коммунизма, — констатировала „Нью-Йорк Таймс‟ все происходящее.

— Нынешние лидеры Кремля делают все, чтобы погубить свою собственную империю. Какую же цель они при этом преследуют?»

Так на кого же работал Юрий Владимирович Андропов? Если бы он был агентом ЦРУ, Интеллидженс Сервис или Моссад или всех западных спецслужб, вместе взятых, то вряд ли бы он смог сделать для Запада больше, чем сделал.

Конечно, он не был американским агентом, завербованным еще в годы войны, как не был английским агентом его предшественник Берия. Но ныне совершенно очевидно, что Андропова, прекрасно его изучив, западные спецслужбы великолепно использовали «втемную». Имеется уже огромное количество материалов, показывающих, как кропотливо трудилась американская разведка, готовя нам ловушку в Афганистане. В КГБ были переданы горы дезинформации.

Прекрасно использовались противоречия, раздирающие разные управления КГБ, а также и тот факт, что основные силы КГБ были брошены на традиционную борьбу против собственного народа. Такие условия всегда считались идеальными для деятельности иностранных разведок, особенно в таких государствах, как СССР, чье общее отставание от цивилизованного мира сильнее всего выразилось в исключительно низкой разведывательной культуре. Впрочем, это особая тема.

Если американцам было непонятно, какие цели преследует Андропов, то для самого Андропова они были совершенно ясными.

Боевые машины десанта еще выкатывались из огромных люков военно-транспортных самолетов на аэродроме Баграм, когда целая бригада оперативников вломилась в квартиру академика Андрея Сахарова и, не предъявляя никаких ордеров или постановлений, схватила отца русской водородной бомбы, запихала в автомобиль и доставила в закрытый для иностранцев город Горький. Как выяснилось позднее, главным образом, из-за того, чтобы он не смог прокомментировать вторжение в Афганистан. В тот же вечер пронзительно взвыли глушилки, забивая западные радиостанции, вещающие на русском языке. По стране прокатилась волна арестов, таинственных покушений, поджогов и убийств. Жертвами были совершенно невинные люди: разные непризнанные поэты, художники и музыканты авангардного направления, которых Андропов считал наиболее опасными для существующего режима. Суды и трибуналы, трудясь в поте лица, стали выносить стандартные приговоры «семь лет тюрьмы и пять лет ссылки за антисоветскую агитацию; за хранение и распространение антисоветской литературы; за иную деятельность, направленную на ослабление советского строя…». Причиной могло быть все, что угодно; написанные в стол стихи, американский журнал, книга Солженицына, портрет Сахарова…

Великое дело очищения нации от скверны началось!

В этой тщательно созданной обстановке Андропов, наконец, почувствовал свою силу. Почувствовала ее и вся страна: от студента, печатающего по ночам с негативов произведения Солженицына или Авторханова, до влиятельного номенклатурщика из ЦК, принимающего взятки из Узбекистана.

Одним махом арестовываются все темные личности из окружения Галины Брежневой. На их показаниях раскручивается огромное дело по контрабанде бриллиантами, рубинами и изумрудами. Показания арестованных представляют дочь Генерального секретаря как организатора преступления, а ее мужа — генерала-полковника Чурбанова, — как активного участника преступной банды и крупнейшего взяточника. От Чурбанова, занимающего пост заместителя министра внутренних дел, ведет прямой след к министру внутренних дел генералу армии Щелокову и главному партийному идеологу Суслову. А за ними уже маячит силуэт самого Генерального секретаря.

Операция проводилась с такой стремительностью, что никто поначалу не успел среагировать. Заместитель Андропова, брежневский свояк, генерал армии Цвигун, опомнившись от шока, начал прилагать все усилия, чтобы сорвать следствие. Двое важных свидетелей исчезли, один из арестованных повесился в камере, следователь КГБ

подполковник Ляхов был сброшен под поезд метро, его портфель похищен. Генерал Цвигун на то и был приставлен к Андропову, чтобы не допускать подобных безобразий… Но шутки кончились. 19 января 1982 года генерала армии Цвигуна находят на одной из служебных квартир с простреленной головой. Обыск на личной квартире Цвигуна, проведенный под предлогом изъятия секретных документов, ошеломил и видавших виды оперативников. В тайниках были обнаружены шесть трехлитровых банок с драгоценными камнями, бриллиантами оказались заполнены все полые части старой железной двуспальной кровати с массивными металлическими шарами. Золотые слитки общим весом 35 килограмм. Полтора миллиона долларов купюрами в 100 долларов и выше.

«Советский народ понес тяжелую утрату, — писала „Правда" от 22 января 1982 года. — 19 января 1982 года, после продолжительной и серьезной болезни скончался генерал армии Семен Кузьмич Цвигун, член ЦК КПСС, Депутат Верховного Совета, Герой Социалистического Труда, первый заместитель председателя КГБ СССР. Более 40 лет товарищ Цвигун С. К. работал по обеспечению безопасности нашего отечества… В 1939 году он был послан партией на работу в органы государственной безопасности, и с тех пор вся его жизнь была связана с нелегкой работой чекиста… Память о Семене Кузьмиче Цвигуне навсегда останется в сердцах всего советского народа. Андропов, Горбачев, Устинов, Черненко, Алиев, Бугаев, Щелоков и др.»

Всем бросилось в глаза отсутствие под некрологом подписей Брежнева и Суслова. А также и то, что сразу за фамилией Андропова стоит подпись Горбачева. Стоит впереди Устинова, Черненко и Алиева.

Цвигун — свояк Брежнева. Их жены — родные сестры. Вера Цвигун после обыска пыталась дозвониться до своей сестры — Виктории. Тщетно. Узнав о гибели Цвигуна, Суслов, потеряв голову от страха, приказал поднять по тревоге Таманскую и Кантемировскую дивизии и бросить их на Москву, не поставив при этом в известность ни Устинова, ни Огаркова. Поднятые по тревоге дивизии пытались получить подтверждение приказа в Генеральном Штабе.

Там ничего не знали, названивая в ЦК. Там тоже ничего не знали. Пытались дозвониться Суслову в Кремль. Приемная отвечала, что товарищ Суслов у себя в кабинете и, видимо, работает, отключив телефон. Кабинет был заперт изнутри.

Когда дверь вскрыли, то увидели, что главный идеолог партии лежит на полу без сознания. Прибывшие врачи быстро поставили диагноз: диабетический коллапс. У Суслова был хронический диабет, время от времени обострявшийся от кремлевских интриг. Евгений Чазов лично сделал Суслову укол. На следующий день Суслов умер, не приходя в сознание.

Западные корреспонденты в Москве строили всевозможные версии происходящего, видя, как с каждым днем обостряется борьба за власть. События развивались стремительно, в духе самого захватывающего западного боевика.

Недаром любимыми книгами Андропова, сносно знающего английский язык, были «День Шакала» Форсайта, «Парк Горького» Мартина Смита и «Большой террор» Роберта Конквиста, а любимой газетой — «Вашингтон пост».

Корреспондент «Вашингтон пост» Боб Кайзер сообщал из Москвы: «ТАСС объявило вчера о смерти в возрасте 79 лет главного кремлевского идеолога, секретаря ЦК КПСС Михаила Суслова. Интересно отметить, что это вторая внезапная смерть в Кремле за последние несколько дней. 19 января также было объявлено о смерти свояка Брежнева — первого заместителя председателя КГБ генерала Семена Цвигуна. Иностранные корреспонденты в Москве связывают смерть Цвигуна с массовыми арестами лидеров так называемой „подпольной экономики" в Советском Союзе, которые повсеместно продолжаются в стране.

Имеются сообщения, что близкие друзья дочери Брежнева Галины — работники и артисты цирка — арестованы, а сама Галина была подвергнута допросу. Сын Брежнева, Юрий, занимающий пост заместителя министра внешней торговли, уже несколько дней не появляется на работе. Предполагается, что брат и сестра были тесно связаны с деятельностью подпольной экономической мафии, и что генерал КГБ Цвигун пытался прикрыть их своей властью и авторитетом. В Москве циркулируют слухи, что после острого разговора на эту тему с Михаилом Сусловым, Цвигун покончил с собой. Его поведение вызвало гнев Суслова и самого Брежнева. Эти слухи косвенно подтверждаются тем фактом, что ни Брежнев, ни Суслов не подписались под некрологом Цвигуна, хотя покойный — член ЦК КПСС и близкий родственник Брежнева. Более того, тело Цвигуна, первого заместителя председателя КГБ и члена правительства, не было похоронено на официальном правительственном кладбище. Раскрыл ли Суслов все это дело или сам в нем участвовал — в любом случае он не мог прожить долго, как не живет долго любой, пытающийся делать резкие движения в коррумпированной трясине высшего советского руководства…».

Рамки КГБ уже не устраивали Андропова. Номинально оставив «контору» на никому не известного генерала Федорчука, он перебирается в Секретариат ЦК КПСС на место покойного Суслова. В Политбюро переполох. Андропов вызывает к себе своих коллег Мазурова и Кириленко, показывает им материалы, касающиеся некоторых аспектов их многотрудной деятельности и предлагает подумать о дальнейшей жизни. Жаловаться уже некому. После скандала с дочерью, сыном и братом и гибели свояка Брежнев ни с кем не желает разговаривать. Здоровье его резко ухудшается.

Мазуров послушно подает в отставку. Кириленко, не поняв серьезности момента, является на очередное заседание Политбюро. Охрана грубо его останавливает, отбирает пропуск в Кремль и передает приказ Андропова отправляться дачу и сидеть там до особого распоряжения.

Андропов и Горбачев работают чуть ли не круглосуточно. Они пытаются снова провести в жизнь тот план, который был сорван с гибелью Кулакова и Машерова. Но теперь Андропов хозяин в Политбюро. В страхе затихла Старая площадь. Небывалое со времен смерти Сталина напряжение охватило все «Зазеркалье» — сказочную страну Номенклатурию. Ее вожди немощны и стары, и не в силах уже оказать сопротивление прорвавшемуся к вершинам власти «громиле из госбезопасности». Для страха были все основания. В Москву из Баку переводится Гейдар Алиев. Все помнят его беспощадные расстрелы в Азербайджане и чудовищные сроки заключения, которые он отваливал номенклатурщикам. Теперь отработанные в Азербайджане методы он будет применять во всесоюзном масштабе.

Следующий удар, наконец, обрушивается на Медунова. Его вызывают в Москву якобы на совещание в ЦК. Андропов объявляет ему об освобождении с поста первого секретаря Краснодарского крайкома. В доме Медунова в Краснодаре проводится обыск под предлогом ремонта перед въездом туда нового партийного босса. Четыре контейнера конфискованных ценностей доставляют в Москву. Только личное вмешательство Брежнева спасает Медунова. Ему с трудом удается выхлопотать себе пост министра плодоовощной промышленности. Но он понимает, что карьера его погублена, а дни сочтены… В Москве неожиданно арестовывается министр рыбной промышленности Ишков и его заместитель Рыков.

При обыске у каждого обнаружено более 6 миллионов рублей и более миллиона долларов.

Идет прямая атака на номенклатуру.

В ужасе «Зазеркалье» кидается к Брежневу. Ведь генсек еще жив! Разве не был он в течение 18 лет их благодетелем и гарантом? Что случилось?!

Брежнев и сам не может понять, что происходит. Андропов с полной почтительностью чуть ли не еженедельно кладет на стол Генерального секретаря оперативные сводки весьма

интересного для престарелого вождя содержания: «…В ходе операции были вскрыты многочисленные связи между дельцами „подпольной экономики" и членами семьи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева Л. И. По самым скромным оценкам, члены семьи товарища Брежнева Л. И. только за последние три года получили в виде прямых взяток деньгами и подношений драгоценными камнями, мехами, предметами антиквариата и похищенными из музеев ценностями на общую сумму: Брежнева-Чурбанова и Галина Леонидовна — 3,1 миллиона рублей и 600 тысяч долларов, Брежнев Юрий Леонидович — 3,4 миллиона рублей и 450 тысяч долларов, Брежнев Яков Ильич — 1,4 миллиона рублей и 500 тысяч долларов, Цвигун Семен Кузьмич — 4,2 миллиона рублей и 1,5 миллиона долларов. Вышеназванные лица из семьи тов. Брежнева Л. И., втянутые в преступную деятельность, обеспечивали дельцам подпольной экономики протекцию различных министерств и должностных лиц для получения из государственных фондов сырья, оборудования и машин, а также способствовали проникновению преступных элементов на высокие партийные и государственные посты…»

Прочтя подобные сводки, Брежнев долго молчал, а потом, как правило, спрашивал Андропова, когда же закончится война в Афганистане, длящаяся уже третий год без каких-либо видов на победу. Ведь Андропов обещал закончить эту войну в течение месяца.

«Для этого нужно сначала навести порядок в стране», — отвечал Андропов.

Хотя то, что приходилось Брежневу читать с подачи Андропова, отнимало у больного старика последние жизненные силы, то, что приходилось читать самому Андропову тоже, как говорится, жизни не прибавляло. А ведь Юрию Владимировичу было уже 68 лет. А то, что он читал, было еще страшнее, чем разоблачение заворовавшихся членов семьи вождя партии и государства.

Разваливается Варшавский пакт. Польская «Солидарность» успела развратить все страны Восточного блока. После введения в Польше военного положения, когда к власти пришла «хунта» во главе с генералом Ярузельским, странные вещи стали твориться в армии. Маршалы, униженные Афганистаном, где армия сверхдержавы не может победить диких горцев, третий год истекая кровью, кажется, увидели спасение во введении по всем странам Варшавского пакта, включая и СССР, военного положения по образцу Польши. Материалы постоянно накапливаются, заставляя быть чрезвычайно осторожным. С армией шутки плохи, но и с ней не церемонятся. Железная хватка Особых отделов подчиненных Андропову, прослеживает каждое движение и мысли военачальников.

При малейшем подозрении с ними не церемонятся. «Скоропостижно скончался» — и все.[36]

«2 декабря 1984 года в результате острой сердечной недостаточности скончался член Политбюро ЦК СЕПГ, министр национальной обороны ГДР генерал армии Гофман».

«15 декабря. На 59-м году жизни в результате сердечной недостаточности скоропостижно скончался член ЦК ВСРП, министр обороны ВНР генерал армии Олах».

«16 декабря. На 66-м году жизни в результате сердечной недостаточности скоропостижно скончался министр национальной обороны ЧССР, член ЦК КПЧ, генерал армии Дзур».

«20 декабря скончался член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР, маршал Советского Союза Устинов».

Что за мор напал на министров обороны? Интересно, не правда ли?

Сейчас что-то забегали курьеры и порученцы маршала Устинова по Польше, ГДР, Венгрии и даже Монголии. Координируют действия дружественных армий на случай?.. Но есть и другие данные.

Кредиты, которые Брежнев худо-бедно насобирал на западе под евреев-эмигрантов и диссидентов-предателей, прекратились. Хорошо, больше никого не выпустим, а кто пикнет — посадим. А если кого посадить нельзя, то вышлем и лишим гражданства. Весь мир ахнул, когда лишили советского гражданства великого музыканта, первую виолончель мира Мстислава Ростроповича и его жену — выдающуюся оперную певицу Галину Вишневскую. Сам президент США встречал их в аэропорту, сказав, что для Америки это великая честь — приобрести таких граждан. А в Советском Союзе незаменимых людей нет, как любил говаривать покойный Иосиф Виссарионович. А на Западе идет просто вакханалия, истерия антикоммунизма и антисоветизма. Компартии западной Европы придумали какой-то «еврокоммунизм», чтобы хоть как-то дистанцироваться от Москвы и ее преступлений. Забыли, наверное, кто их кормил 65 лет и продолжает кормить. А на какие деньги? Даже будучи председателем КГБ, Андропов так и не мог толком узнать, каков золотой запас страны и сколько золота добывается ежегодно. Шесть разных ведомств дали разные справки под грифом «совершенно секретно». Данные варьировались от 1 тысячи до 10 тысяч тонн. Никто не мог сказать толком, сколько его ежегодно тратится и куда. Сведения Госбанка и Внешэкономбанка были какими-то туманными, Международный отдел и Управление Делами ЦК ссылались на отсутствие сводных данных, финансовая комиссия Верховною Совета испуганно моргала глазами, а Министерство финансов, ссылаясь на собственные источники, заявило, что золотой запас страны составляет 2100 тонн. И не покраснело.

Было ясно, что остальное можно было обнаружить только с помощью обысков.

Не лучше обстояло дело и с драгоценными камнями. Заместитель председателя Совета министров Якутии Степан Платонов инициативно вышел на Андропова, желая доложить положение в алмазодобывающей промышленности, сводные цифры ежегодной добычи необработанных алмазов и их таинственного исчезновения. Платонов непосредственно курировал алмазодобывающую промышленность, и знал если не все, то много. Через два дня он был убит на охоте выстрелом в упор. Убийство взял на себя Первый секретарь Якутского горкома партии Соломов. Суд признал Соломова невменяемым и направил в «психушку», откуда тот вышел через два месяца и был направлен завотделом в Магаданский обком партии. КГБ провел свое расследование и выяснил, что Платонова застрелил ответственный работник ЦК КПСС, в честь которого местное партийное начальство и устроило охоту. Платонов, как попутно выяснилось, на эту охоту не собирался, но был вызван на нее приказом — первого секретаря обкома КПСС Якутии Чиряева. Ответственный работник ЦК КПСС преспокойно вернулся в Москву. Все, что мог сделать Андропов, это полностью сменить охрану ПНО «Якуталмаз» и назначить директором по режиму Генерала Васильева, которому доверял лично. 21 января 1981 года в служебном кабинете замполита управления спецмилиции по охране объектов алмазодобывающей промышленности генерал Васильев был убит в упор выстрелом пистолета Макарова. Стрелял сам замполит, полковник Целуйко. Целуйко уверял, что Васильев покончил с собой.

В кабинете Васильева произвели обыск и изъяли секретные материалы о воровстве алмазов, приготовленные для отправки в Москву. Последовала еще вереница убийств, самоубийств, таинственных падений в лестничные проемы, но Андропов так и не узнал, куда уплывают алмазы. «Найдем на обысках», — подбадривал он своих подчиненных.

Да что там алмазы! Куда-то налево уходили миллионы тонн нефти, и концов было не найти.

Но уж совершенно точные цифры говорили о том, что производительность труда в стране продолжает стремительно падать, а рубль — обесцениваться.

Неурожаи с каждым годом принимают все более угрожающий характер, но другу Горбачеву пока прощается все. У него нет времени курировать сельское хозяйство. Есть дела поважнее.

Кремлевская интрига выходит на решающий этап. Необходимо устранить последнюю преграду, отделяющую Андропова от вершины власти — самого Брежнева.

Андропов и Горбачев готовились собрать экстренное совещание Политбюро и поставить на повестку дня вопрос «О негативных последствиях для страны культа личности Брежнева». С докладом должен выступить сам Андропов.

Горбачев должен поддержать его в прениях. На старого, больного генсека решено списать и Афганистан, и польскую «Солидарность», и ослабление позиции СССР на Ближнем Востоке, и развал коммунистического движения в мире, и либерализм во внутренней политике, «выразившийся в разрешении еврейской, армянской и немецкой эмиграции, ведущей к пробуждению националистических настроений в союзных республиках и тенденции к выходу из СССР», и коррупцию, а также и «ослабление идеологического воспитания трудящихся, почти полное уничтожение их веры в идеи коммунизма и поголовного критического отношения к существующему строю». Исходя из этого, Брежнева предлагалось отправить на пенсию со всеми почестями и резко повернуть страну на новый курс. Политбюро должно было утвердить следующий долгосрочный план государственной политики:

«В области внешней политики:

1. Завершение войны в Афганистане полной и безусловной военной победой.

2. Полное и окончательное уничтожение польской „Солидарности".

3. Полное использование преимуществ, вытекающих из нерешительности западных стран противостоять активным действиям Советского Союза, что видно на примере Польши и Афганистана. Оказать максимальную военную поддержку народно-освободительному движению во всем мире, коммунистическим и антиимпериалистическим силам в странах Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки. В течение ближайших двух лет после окончательной советизации Афганистана обеспечить контроль над всем регионом Среднего Востока, включая и контроль над нефтяными запасами Персидского залива.

4. Использовать все преимущества от возникающих трений между США и странами НАТО, провоцировать их раскол и добиться полной изоляции США в капиталистическом мире.

Во внутренней политике:

1. Жесточайшее подавление диссидентского движения, религиозных сект и духовных общин.

2. Прекращение всех форм эмиграции.

3. Полный учет всего работоспособного населения и постоянное закрепление рабочих и служащих на их предприятиях, колхозах и совхозах. Это позволит резко улучшить экономическое положение и позволит гарантировать распределение продуктов питания через сеть промышленных распределителей исключительно для трудящегося населения.

4. Полное уничтожение „подпольной экономики" и других проявлений антисоветских и капиталистических настроений. Для этой цели провести серию показательных процессов со смертными приговорами и их публичным приведением в исполнение.

5. В связи с задачами новой внешней и внутренней политики предусмотреть увеличение численности советской армии путем увеличения периода срочной службы от 2 до 5 лет в сухопутных войсках и от 3 до 7 лет в военно-морском флоте…».

Ознакомившись с этим проектом, Горбачев осторожно заметил Андропову, что для осуществления столь глобальных замыслов неплохо было бы получить у США хороший кредит. Иначе проект не осуществить. Денег нет. Андропов усмехнулся: «Деньги найдем. Главное — внезапность. И проведение всего намеченного в жизнь твердо последовательно и беспощадно».

«Конечно, — согласился Горбачев, — главное — начать, и тогда процесс пойдет. Но проект надо доработать, показать экспертам. Словом, не торопиться. Мне кажется, что через нынешнее Политбюро его не провести».

«Брежнев, — проговорил Андропов. — Конечно, это не для Брежнева».

Решили подождать.

Через неделю этот проект был опубликован в американской печати.

Разразился скандал.

Публикацию объявили гнусной фальсификацией ЦРУ, чтобы вызвать очередную волну антисоветской истерии.

Проект был отпечатан на машинке в четырех экземплярах. Все четыре хранились у Андропова. Ознакомить с ним он успел четырех человек. Кто передал его на Запад? Знал бы Андропов, что его личный секретарь, который и печатал проект, является агентом французской разведки!

Брежнев, еще живой Брежнев, вызвал Андропова и спросил, что это значит?

Андропов ответил, что не может отвечать за все «утки» империалистической прессы.

«Мне нельзя умирать, — неожиданно твердо сказал Брежнев. — Нельзя умирать, если кто-то после моей смерти будет претворять в жизнь такие безумные планы. Они погубят страну окончательно».

Андропов промолчал.

А Брежнев не только не умирал, но, напротив, почувствовал себя гораздо лучше. Настолько лучше, что задумал съездить в Ташкент к своему другу Рашидову. Старика пытались отговорить, но тот твердо решил ехать. Конечно, это была не просто прихоть, но зачем, так и осталось неизвестным. Шараф Рашидов встретил своего друга, защитника и благодетеля с великими почестями.

Брежнев желал говорить с народом. В огромном цехе местного авиационного завода собрали митинг «актива». Оборудовали трибуну, на которую с помощью генерала Жарова с трудом забрался Генеральный секретарь ЦК КПСС. В тот момент, когда Брежнев начал свое выступление, по привычке медленно и невнятно читая заготовленную речь по бумажке, в цехе разорвало магистраль сжатого воздуха. Раздался громовой раскат, сменившийся пронзительным свистом. Это было принято за взрыв. «Актив» и охрана в панике заметались по цеху. Один из телохранителей силой сложил Брежнева на пол и лег на него, прикрывая генсека своим телом. Потрясение от случившегося и легкая травма от слишком резких действий телохранителя привели к очередному инсульту. В больницу Брежнева доставили уже в состоянии клинической смерти.

Реанимационная бригада, и течение многих лет ни на шаг не отходившая от больного вождя, снова вернула Брежнева к жизни, но он не мог ни двигаться, ни говорить. Но умирать все не хотел. Снова стал поправляться и даже отстоял положенное на трибуне Мавзолея 7 ноября 1982 года.

Через два дня кортеж главы партии и государства выехал из Броневицких ворот Кремля, направляясь в район подмосковного селения Жуковка, где находился комплекс правительственных дач. Впереди кортежа, как всегда, включив сирены и мигая световыми сигналами, мчались машины спецотряда ГАИ.

За ними — черные машины с охраной и лимузин самого Брежнева. Далее, за двумя машинами охраны, следовала верная реанимационная бригада, которой Брежнев был обязан жизнью в течение всех последних шести лет. Кортеж еще мчался по городу, когда у машины реаниматоров лопнуло колесо. На большой скорости машину занесло, и она чуть не врезалась в какое-то здание. Инструкция предусматривала немедленную остановку всех машин кортежа, но этого почему-то не произошло. Не снижая скорости, вся вереница машин

продолжала мчаться к выезду из Москвы. Неожиданно у Брежнева начался приступ головокружения и позывы к рвоте. Перед выездом он выпил стакан молока и съел диабетическую булочку. Черненко слышал, как генсек пожаловался на какой-то странный привкус молока. Но капризность Брежнева в еде была известна, и никто не обратил на это внимания. Брежневу становилось все хуже. Колонна остановилась. И тут выяснилось, что машины с реаниматорами нет. Оказывается, об аварии даже не сообщили по радиотелефону. Находящийся в машине генсека дежурный врач имел при себе только чемоданчик с неотложной помощью. Говорят, что он сделал все, что мог. На дачу Брежнева привезли уже мертвым.

Новым Генеральным секретарем ЦК КПСС единогласно выбрали Андропова. По стране, как обычно, с быстротой света, пронесся анекдот о том, как эти выборы проходили: «Товарищи! Кто за избрание товарища Андропова Генеральным секретарем — может отойти от стены, опустить руки и повернуться к нам лицом!»

Подобно Сталину, Андропов болезненно переносил разные анекдоты и слухи о себе. Народная молва приписывала ему убийство Кулакова и Машерова, само собой, и убийство Цвигуна, смерть Брежнева, покушение на Римского папу, убийство Маркова, покушение на Рейгана и многие другие злодейства. И хотя доказательств не было никаких, никто в этом ни минуты не сомневался.

Но чтобы там ни было, он достиг своей цели. Впервые с 1917 года власть в стране захватил шеф тайной полиции. Этого смертельно боялся Ленин, постоянно косо поглядывая на своего друга Феликса, этого боялся и Сталин, считая за благо после определенного срока просто расстреливать шефов тайной полиции вместе с их аппаратом и женами, как случилось с Ягодой и Ежовым. О власти мечтал и незабвенный Лаврентий Павлович Берия, заплатив за свое тщеславие головой. Об этом осмеливался мечтать даже «железный Шурик» — Шелепин, но поскольку он попал под «номенклатурный» договор — не убивать друг друга, — не был расстрелян, а просто со скандалом выкинут на пенсию.

Ибо, как говаривал легендарный министр госбезопасности Виктор Абакумов, арестованный по приказу Сталина и расстрелянный по приказу Хрущева, «государство вести — это вам не м… и трясти!» Тени расстрелянных предшественников собрались вокруг Андропова, вдохновляя и призывая к действию…

Первым открытым указом Андропова был указ «О запрещении гражданам держать и разводить плотоядных пушных зверей». Указ касался нутрий и соболей (пушнина — это тоже золото партии), но был составлен таким образом, что было непонятно, распространяется ли он на кошек или нет.

А по городам и весям огромной страны уже летели шифровки:

«Провести аресты всех ранее профилактируемых КГБ лиц за…

1. Антисоветскую агитацию и пропаганду в письменной, устной и иной форме.

2. За хранение и распространение печатных издание антисоветского содержания, видеоматериалов, предметов наглядной агитации и иных, направленных на ослабление советского государственного и общественного строя.

3. За распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

4. За религиозную пропаганду вне отведенных для этого специальных мест, обратив особое вниманию на баптистов, адвентистов и кришнаитов…

5. За валютные операции и контрабанду предметами антиквариата…».

Работа закипела. Вооруженные патрули стали задерживать прохожих на улицах, врываться в бани и парикмахерские, оцеплять пивные точки, выясняя у граждан, почему они не на работе. Так укреплялась трудовая дисциплина.

Все новые и новые дивизии бросались в огонь афганской войны. У афганских партизан, которые начинали войну со старыми английскими винтовками времен первой мировой, уже появилась тяжелая артиллерия, безоткатные пушки, крупнокалиберные пулеметы и, у всех поголовно, автоматы Калашникова. Все вооружение было советского производства. Такое количество оружия просто невозможно было захватить в боях. Его можно было только купить. Но у кого?

Следы привели в посольство СССР в Кабуле. Первый секретарь посольства Раджебов, в прошлом министр юстиции Таджикистана, и второй секретарь Саидов, действуя в контакте с богатыми афганским купцами, получали от них золото в таком количестве, что на него можно было скупить вообще все вооружение действовавшей в Афганистане 40-й армии. Дело было поставлено на широкую ногу с привлечением многих работников тыла 40-й армии. Вооружение поступало прямо со складов. Наши солдаты тряслись над каждым патроном, поскольку патроны миллионами продавались противнику. В дело подключились и иностранные «спонсоры» партизан. Из Саудовской Аравии в адрес Саидова была послана посылка, содержащая 13 килограмм золота. Саудовские купцы привыкли действовать открыто. Посылка была случайно обнаружена таможней в аэропорту Шереметьево. Раджебов и Саидов были схвачены и расстреляны. Но дело их продолжало жить до самого конца афганской войны.

Не менее интересная посылка пришла двум старикам в тихое украинское село от сына, служившего начальником заставы на границе с Афганистаном.

Посылка было оценена в 15 рублей. Когда же ее вскрыли, то в ней оказалось 40 тысяч рублей. Расследование дало потрясающие результаты: все заставы получают взятки от контрабандистов рублях и валюте, беспрепятственно пропуская в обе стороны караваны верблюдов и колонны грузовиков, любезно подсвечивая прожекторами путь, если дело происходило ночью. Какие грузы везли грузовики, под тяжестью каких тюков сгибались верблюды? Арестованные пограничники не могли на это ответить. Не знали. Какие люди проходили с караванами туда и обратно, расплачиваясь долларами? Не знали. Но они же платили долларами. Неудобно было спрашивать.

В Москве были схвачены руководители государственного Импортно-коммерческого управления — Павлов и Смеляков. Оба работали с размахом. При заключении контрактов с представителями иностранных фирм они брали взятки в размере 1 % от стоимости каждого контракта. Иностранцы платили охотно и с удовольствием, поскольку за это могли беспрепятственно составлять контракты, максимально выгодные для себя и крайне невыгодные для СССР. За особую плату оба руководителя снабжали иностранцев лицензиями «Об ослабленном пограничном досмотре». Подобные лицензии полагались только для грузов, отправляемых и получаемых ЦК КПСС (в адрес этой организации ежедневно прибывали со всего мира контейнеры, набитые, главным образом, иностранным ширпотребом и отправлялись обратно, заполненные государственным достоянием. Пограничники и таможенники не имели права даже прикасаться к этим контейнерам). Оказалось, что подобные лицензии не так уж сложно приобрести за валюту у работников аппарата ЦК: одна лицензия — 1000 долларов. Смешно. Иностранцы покупали лицензии пачками и получали возможность ввозить и вывозить из СССР все, что хотели (включая своих провалившихся или отзываемых агентов). При обыске у Павлова был обнаружен миллион рублей и полмиллиона долларов, целый склад западного «шмотья» и аппаратуры, а также пачки драгоценных лицензий. У Смелякова было поскромнее — всего 300 тысяч долларов. Обоих расстреляли в назидание остальным.

Андропов приказал отменить лицензии, и все их запасы уничтожить немедленно.

ЦК загудел, как встревоженный улей. Управделами ЦК Павлов горячо доказывал Андропову, что менять лицензии нельзя. Их надо просто взять на более строгий учет. «Ни

пограничники, ни таможенники не должны знать, что мы посылаем нашим западным товарищам и что получаем от них». Это была железная логика.

Андропову ответить было нечего.

Дело арестованного министра рыбной промышленности Ишкова и его заместителя Рыкова выявило целую преступную сеть, в которую оказались вовлеченными целые регионы страны с обкомами, горкомами и управлениями внутренних дел. С Дальнего Востока икру и ценные сорта рыбы разными путями доставляли в Ростов-на-Дону, где существовала под патронажем горкома и местной милиции огромная подпольная перевалочная база. Продукты шли за границу, миллионы долларов делились соответственно рангам преступников.

Спецназ КГБ захватил управление МВД Ростова. Начались аресты среди работников торговли и горкома. Золото и валюта вывозились вагонами. В дело оказались замешанными работники Министерства речного флота. Оказалось, что суда речного флота, помимо доставки к местам назначения икры и дорогой рыбы, занимались и собственными прибыльными делами. По Сыр-Дарье через афганскую границу на судах речного флота доставлялись товары, идущие из Японии, Индии и других экзотических восточных стран: тончайшие шелка, батисты, электроника. Хищения были в огромных размерах. На территории СССР и Афганистана была целая сеть тайных хранилищ, откуда товары перепродавалась за границу на валюту.

Медуновское дело раскрутило такую преступную сеть по всему Союзу, что пришлось арестовать полным составом все Министерство мясо-молочной и плодоовощной промышленности. Одним махом были арестованы директора ликеро-водочных заводов. В Ленинграде у директора одного из таких заводов при обыске, помимо наличных и золота, было обнаружено 8 тысяч бутылок с коньяком различных марок. Был арестован начальник Управления торговли Москвы — Трегубов со 130 своими сотрудниками. Их взяли по показаниям ранее арестованного и позднее расстрелянного директора московского «Елисеевского» гастронома — Соколова.

Андропов бьет почти вслепую и всегда попадает. Промахнуться невозможно.

В Москве арестован директор и 17 сотрудников овощной базы Дзержинского района. Хищения на 300 тысяч. Директор расстрелян.

В Белокаменске схвачен директор «Межколхозстроя», похитивший 200 тысяч рублей и построивший себе двухэтажный каменный дом. Расстрелян.

На московском заводе по переработке вторичного сырья драгметаллов обнаруживается хищение золотой и серебряной стружки на миллионы рублей.

Директор, главный инженер и главный технолог расстреляны.

На Кишиневском заводе по производству сахара обнаружено хищение на четыре миллиона рублей. Директор, его заместитель и главный технолог расстреляны.

Снимается с должности министр внутренних дел Щелоков и его заместитель — Чурбанов, зять покойного Брежнева. Оба временно содержатся под домашним арестом. Тонны конфискованных ценностей руководители Министерства не сдавали государству, а присваивали. Перед арестом и отправкой в тюрьму Щелоков успел застрелиться.

Министром внутренних дел Андропов назначает Федорчука, а на освободившееся место председателя КГБ, — своего верного заместителя, генерала Чебрикова. В Москву вызываются, казалось бы, проверенные долгими годами кадры: Шеварднадзе, Лигачев, Рыжков. Вместе с Горбачевым они формируют аппарат личной власти Андропова.

Борьба только начинается. Раскрытие многочисленных преступлений ясно показывает, что все нити ведут в ЦК КПСС, в самое сердце «Зазеркалья». Там насторожились. Андропов уже вторгся в заповедные пределы «Зазеркалья», пока что орудуя на уровне министров, начальников управлений, секретарей райкомов.

На его действия смотрят настороженно, но с некоторым даже чувством одобрения. В конце концов, он возвращает партии ее золото, отбирая его у людей, которые по их рангу не имели права либо владеть им вообще, либо в таком количестве.

Остановись Андропов на этом уровне, он бы, безусловно, попал в классики марксизма. Но его погубила гордыня. Он не только задумал вернуть партии ее золото, но и сделать так, чтобы никто, кроме него, этим золотом не пользовался. Такое было не под силу даже товарищу Сталину, и опять являлось резким отходом от ленинских норм партийной жизни…

И, наконец, Андропов нанес удар, к которому готовился давно, еще с начала 70-х годов. Удар по Средней Азии.

Теплым апрельским днем 1983 года прямо на улице Бухары был схвачен начальник УБХСС города Ахат Музаффаров. Прибывшая из Москвы бригада КГБ без всяких церемоний надела на него наручники и отправила самолетом в столицу.

Одновременно было арестовано еще шесть человек из руководства местной милиции и торговой аристократии. Расследование быстро привело к резиденции бухарского обкома, «Красной даче», прямо в кабинет Первого секретаря компартии Абдувахида Каримова. Начиналось прогремевшее на весь мир знаменитое «Узбекское дело».

Музаффаров, долго не запираясь, быстро дал показания на своих соучастников по мздоимству и казнокрадству, в частности, на первого замминистра внутренних дел Давыдова. Не дождавшись допроса, тот покончил жизнь «самоубийством», правда, несколько странным способом: выстрелив себе в голову три раза из пистолета. Серия подобных «самоубийств» прокатилась по всему Узбекистану. От Музаффарова и Каримова следы шли к министру внутренних дел Узбекистана Эргашеву и дальше от него — к Щелокову, Чурбанову, к членам Политбюро и к покойному Брежневу. От этого дела отпочковалось другое «дело века» — о хищениях в хлопкообрабатывающей промышленности. Арестован был весь аппарат Министерства и все начальники главков. Всего за четыре года сумма хищений составила четыре миллиарда рублей, большая часть которых осела в карманах министра Усманова. Дело принял к производству следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Гдлян и его помощник Николай Иванов. Их лично успел проинструктировать Андропов, предоставив полную свободу действий. И зря. В деле сразу замелькала фамилия самого Рашидова, его преемника на посту Первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Усманходжаева, попавшего на этот пост по рекомендации Андропова. Серия обысков дала ошеломляющие результаты. У одного из секретарей райкомов при аресте было изъято 19 миллионов рублей и 200 килограммов золота слитками, монетами, браслетами, серьгами и кольцами. В Кашкадарьинской области другой секретарь райкома сдал 5400 тысяч рублей и 500 тысяч облигациями «Золотого займа». Не поверили, что сдал все, и нашли во время обыска еще 10 миллионов рублей, 300 тысяч долларов и 80 килограммов золота.

В деле всплывали все новые и новые фамилии: Лигачев Соломенцев, Рекунков (Генеральный прокурор!), Теребилов, Гусев, Афанасьев, Георгадзе. У Андропова голова шла кругом. Всплывшие фамилии были для него, готового ко всему, большим сюрпризом.

Теперь он стоял перед дилеммой: или наносить удар в самое сердце «Зазеркалья», или на этом остановиться. Но тогда вся борьба бесполезна, если сохранить главный штаб и мозг коррупции. Был тщательно составлен последовательный список производства обысков и арестов высших руководителей партноменклатуры.

Начать решили с Георгадзе. Долгое время он занимал достаточно высокую должность секретаря Президиума Верховного Совета СССР, но не был даже членом ЦК, проходив всю жизнь в кандидатах.

Операция готовилась в глубочайшей тайне, ибо Георгадзе, если и не находился в сердце номенклатуры, то и периферийным деятелем его никак нельзя было назвать. Он сидел в Кремле со времен товарища Сталина, и вождь ему даже покровительствовал, ни разу не

посадив. Следователи вымели из сейфов и тайников дома Георгадзе 8 килограмм бриллиантов и алмазов, 100 золотых слитков (по 20 кг), 40 миллионов рублей, 2 миллиона долларов, груды перстней, серег, колец, кулонов, картины Леонардо да Винчи, Рубенса, Ван-Дейка, Айвазовского. Всего на 6 миллиардов рублей.

Захватывало дух от мысли, что можно обнаружить у тех, кто рангом повыше такой относительно мелкой сошки, как Георгадзе. Ведь он даже не был членом ЦК!

Убедиться в этом не удалось.

Почти сразу после этого Андропов… исчез.

Стране и миру долго морочили голову, что он простудился, и показали снова Юрия Владимировича всенародно уже в гробу.

Михаил Сергеевич Горбачев держал под руку безутешную вдову. Никто не удивился — ведь он был правой рукой и другом покойного.

Часть 3. Бегство с добычей

Злые языки утверждали, что Андропова убили демоны Кореи, поскольку по его приказу был сбит южно-корейский «Боинг» почти с тремя сотнями пассажиров. Демоны пробудились, и уничтожив Андропова, решили заодно уничтожить и государство, получившее с легкой руки американского президента Рейгана прозвище «Империя зла». Так, по крайней мере, с полной серьезностью писали сеульские газеты. Старая статистика утверждает, что в 1913 году Россия по разным показателям жизненного уровня среди других стран занимала с 3 по 12 место, а по приросту промышленного продукта — абсолютное первое, причем с достаточно солидным отрывом. В 1985 году СССР по производству валового внутреннего продукта на душу населения занимал 68 место в мире, а по уровню личного потребления — 77, опережая все страны в мире по детской смертности, количеству абортов, разводов и потребления алкоголя.

Непрерывная истребительная война, которую коммунистический режим вел против народа, привела не только к физическому уничтожению или бегству из страны самой лучшей, работящей и талантливой части населения, но сказалась и на генофонде нации, резко снизив уровень духовной и нравственной культуры.

Возможно, именно такую цель коммунисты и ставили, проводя свой чудовищный семидесятилетний эксперимент над Россией, создав в итоге общество, где, по словам одного известного философа, «господствующим психологическим типом стал человек равнодушный». И следует добавить — совершенно безнравственный, с полностью потерянным понятием об «общественном благе» или гражданском долге, который если проявлялся, то лишь в доносах. В принципе, это было не так уж плохо. «Человек равнодушный» не задает вопросов, не лезет не в свое дело, поддается легкому внушению и еще более легкому управлению, ничем особенно не интересуется, рад своей «пайке», дающей возможность выжить, и даже по-своему счастлив.

Против этого человека велись все известные в мире типы войн: война на физическое истребление; психологическая война в невероятных размерах, ежеминутно подвергая его оболваниванию чудовищными дозами лжи и дезинформации; электронная война — эта новинка современного военного искусства, несмотря на необходимые для ее ведения огромные затраты, круглосуточно бушевала в эфире, чтобы отрезать его от каких-либо других источников информации, кроме официальных. Биологическая война велась последовательно и продуманно в надежде мутировать человека с помощью недоброкачественных продуктов, спаивая его продуманными рецептами различных «бормотух». Химическая война, может быть, велась и несознательно, но семидесятилетнее полное пренебрежение экологией превратило целые районы страны в зоны, совершенно непригодные для обитания, с отравленной водой и воздухом, где дети рождались либо

мертвыми, либо уродами, а взрослые не доживали до 40 лет. Не хватало только атомной войны. Но и она уже была не за горами.

Все это было хорошо. Ведь подобный человек вполне устраивал разложившуюся и коррумпированную партийно-государственную номенклатуру, так как, не причиняя особых хлопот, позволял ей делать что угодно, наслаждаясь жизнью в «Зазеркалье». Но вот беда. Этот человек перестал работать. Все методы воздействия на него дали такой неожиданный побочный эффект. И заставить его работать уже было невозможно никакими силами. Человек стал слишком равнодушным. Вплоть до того, что матери послушно давали подписку не разглашать факта гибели своих детей в Афганистане или в результате бушующей в армии «дедовщины». До 1985 года ни одна мать фактически не протестовала ни против того, ни против другого.

Чудом сохранившаяся совесть нации была загнана в тюрьмы и лагеря или агонизировала в эмиграции. А сохранившаяся энергия нации, целеустремленно стремясь к привилегиям, отчаянно искала пути в «Зазеркалье» по партийным, чекистским, научным, культурным и даже спортивным каналам, либо перемещалась в торговлю, намертво сросшуюся с мафией и теневой экономикой, в свою очередь, нагло и открыто сросшуюся с партийной номенклатурой. Общество превратилось в змею, пожирающую собственный хвост.

Как нигде в мире, в стране победившей номенклатуры было несколько валют, лучше всех других показателей отражавших катастрофическое положение агонизирующей «империи зла». Официальный рубль, предназначенный для рабов, был фактически ничем не обеспечен, на мировом рынке не признан и стремительно терял свое значение на рынке внутреннем. Мифический инвалютный рубль, придуманный номенклатурой, существовал только в ее воображении и был изобретен с единственной целью: наворовать как можно больше иностранной валюты. По стране ходили всевозможные чеки и сертификаты, выпускаемые Внешторгбанком для выдачи зарплаты номенклатурщикам низшего ранга и морякам торгового флота, которые можно было отоварить через сеть закрытых магазинов и распределителей. Получать даже часть зарплаты в чеках и сертификатах считалось большой честью, и значительно поднимало социальный вес получателя.

Но, потроша и сметая все эти бутафорские валюты, властно и твердо подминая под себя хилую социалистическую экономику и мертвую идеологию, пробуждая сознание людей, по стране уже шествовал ДОЛЛАР — денежная единица «потенциального и вероятного противника» империи. Он уже давно, не встречая никакого сопротивления, оккупировал страну Номенклатурию, прорвавшись через нее в каналы теневой экономики и торговли, в систему снабжения и материально-технического обеспечения, в армию и органы безопасности.

Доллары требовала промышленность, задыхающаяся от отсталости.

Доллары требовала наука и медицина.

Доллары требовал Военно-промышленный комплекс.

Доллар уже одел всю страну в джинсы «Левис» и «Монтана», в спортивные костюмы «Адидас», в модные куртки и сапоги.

Доллар забрасывал в самые глухие деревушки радиоприемники «Сони» и «Грюндиг», а затем и видеомагнитофоны с информационными кассетами, которые невозможно было заглушить и очень сложно — отобрать.

Доллар забил коммунистическую «культуру» водопадом западных кинофильмов и шоу, с которыми никто не мог конкурировать в нищей стране.

Все ведомства громко и настойчиво требовали у правительства долларов, грозя неминуемым крахом. И уж нечего говорить, как любила доллар номенклатура!

Беда была в том, что, в отличие от рубля, доллар необходимо было зарабатывать. А работать номенклатура давно уже отвыкла и не умела. Она еще умела продавать, так как все в стране, включая население, еще принадлежало ей, но все, что можно было продать за доллары, уже было продано. А народ не хотел больше работать на номенклатуру. В результате уровень жизни в «Зазеркалье» понизился до постыдного уровня: в спецраспределителях высшего ранга зимою начались перебои со свежей клубникой и арбузами. А по всей стране уже давно забыли о простой колбасе, вводились талоны на масло и молоко, голодное население со всех сторон устремлялось к Москве, надеясь хоть там что-либо купить на свои несчастные рубли. А чтобы накормить народ хотя бы хлебом, тоже нужны были доллары. И шестой год при всем при том страна вела войну в Афганистане, где генералы, войдя во вкус, уже давно научились зарабатывать доллары, а потому ни за что не хотели эту войну прекращать. За доллары на этой войне продавалось все: оружие, оперативные планы, военные секреты, золото, лазурит и, конечно, солдатские жизни. Это была очень интересная война — последняя война погибающей империи.

И именно в это время Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Михаил Сергеевич Горбачев.

Он похоронил трех генсеков, своих предшественников: Брежнева, Андропова и Черненко. И если не считать Черненко, то у остальных очень многому научился. Ему было совершенно очевидно, что методами Брежнева и Андропова работать нельзя. Это путь к гибели: метод Брежнева ведет к гибели страны, а метод Андропова — к его собственной гибели.

Партийная номенклатура настолько срослась с теневой экономикой, что рассматривает любое посягательство на мафию как посягательство на великую партию Ленина, которая всегда сама была мафией и жила по ее законам. Ну, а что, право, плохого в созданной совместно партией и преступным миром теневой экономике? Это просто способ совместного более или менее приличного выживания в этой ужасной стране. Вообще, что такое эта теневая экономика которую почему-то так любил Брежнев и так ненавидев Андропов?

Это очень просто. Параллельно хилой и неэффективной социалистической экономике созданы эффективною и высокопроизводительные структуры рыночной, чисто капиталистической экономики. Люди там работают, зарабатывают хорошие деньги, производят товары и услуги, которые находят спрос даже на Западе, и, естественно, платят нам за то, что мы вообще позволяем им работать, обеспечиваем их сырьем и оборудованием, охраняем их от неизбежного в таких условиях рэкета, служим арбитражем. Это, в конце концов, служит и общественному благу, поскольку товары и услуги теневой экономики так или иначе распространяются и на внутреннем рынке, создавая так называемый «черный рынок», позволяющий безбедно существовать многим категориям населения. Теневые структуры почти не касаются Военно-промышленного комплекса, но позволяют ему делать свое дело. Но ведь эти теневые структуры высасывают соки из официальной экономики и губят ее? Да кому нужна эта официальная экономика! Давно известно, что она представляет собой не более, чем оплачиваемую безработицу. Чтобы люди были заняты с утра до вечера, получая за это в 100 раз меньше, чем безработный негр в США, живущий на пособие.

«Так, может быть, мы сделаем всю экономику рыночной и эффективной? Как на этот вопрос товарищи посмотрят? Легализируем теневую экономику и подключим к ней официальную. Главное начать, углубить и все сформируется, процесс пойдет! Ну, как, товарищи?»

Товарищи молчат.

«Главное, товарищи, — продолжает новый генсек, — нам поднять экономику, ибо это ложит начало всему!»

«Доллары для этого нужны, много долларов. Где их взять?»

«Где взять? У империалистов и возьмем».

«Не дадут больше. Вы с Андроповым, Михаил Сергеевич, таких дров наломали, что больше не дадут. Покойный Леонид Ильич еще умел с ними договариваться, а Андропов все испортил. Не подо что просить больше. И так больше 30 миллиардов задолжали, а как гаранты — еще 40. Недаром Леонид Ильич, царствие ему небесное, шутить любил: „Если долги будут требовать вернуть, то хоть войну начинай. Другого выхода нет"».

«И тем не менее, есть одна статья, под которую они дадут».

Непонимающие, заинтригованные и настороженные взгляды сфокусировались на молодом генсеке, сидящем во главе длинного, полированного стола под большим портретом Ленина.

«Под права человека. Дадут обязательно. Под гласность дадут. Под перестройку всего нашего общества».

Генерал Чебриков с сомнением покачал головой. Нет, он не сомневался в том, что дадут. Дадут, конечно. Но опять поднимать этот проклятый, замусоленный западной пропагандой вопрос «о правах человека», который, как хорошо известно, надуман ЦРУ и которого в Советском Союзе нет. У нашего народа есть все права: право на труд, право на отдых, право на бесплатное медицинское обслуживание. Как в любой казарме или тюрьме. Пить просто надо меньше. Последнее соображение генерал высказал вслух.

Егор Лигачев сомневался еще сильнее, хотя головой не качал. У Горбачева где-то в сейфе лежали какие-то бумаги о его, Лигачева, причастности к Узбекскому делу. Раз генсек высказывает подобное мнение, то лучше сразу не перечить. Хотя какой козырь даем в руки империалистам, признавая сам факт нарушения прав человека в нашей стране.

Николай Рыжков широко улыбался. Главное, чтобы деньги дали, а мы их вложим в капитальное строительство. Самое лучшее место для вклада. Ни одна комиссия не разберется, сколько украдено. Он, напротив, оценил предложение Горбачева. Под такой неясный вопрос, как права человека, можно из США и Европы сосать займы еще лет двадцать.

Григорий Романов сидит, насупившись. Против него начались какие-то странные игры. В Ленинграде в имение его сестры пришли какие-то контролеры то ли из так называемого народного контроля, то ли из обкома, потребовали документы на особняк и землю, что-то мерили, записывали, опрашивали охрану.

Точно так поступили в свое время с Екатериной Фурцевой, когда пришло время ее выкинуть из ЦК. Поэтому он молчит.

Гейдар Алиев тоже молчит. С Андроповым хорошо было работать, все было понятно. Опасно, конечно. Но это была игра мужчин. А тут что-то слишком сложно плетет новый генсек. Как бы не запутаться. Надо посмотреть, да и махнуть домой, в Баку. Если американцы начнут давать деньги на права человека — дома будет много работы.

Эдуард Шеварднадзе улыбается доброй, застенчивой улыбкой и кивает головой. Он согласен. Права человека в СССР — это большой вопрос. Необходимо серьезно им заняться. Рыночная экономика — это тоже очень хорошо. Она оживит страну. Никому и в голову уже не приходило, что именно этот человек санкционировал применение пыток в Грузии и грозил прочистить до костей «капиталистический свинарник республики».

Александр Яковлев, зловещий партийный идеолог сталинской выучки, ближайший сотрудник Суслова, сидит добрый и размякший, напоминая добряка-гнома из сказок Андерсена. Он тоже полностью согласен с Горбачевым: если дадут под права человека, надо брать. Западные вливания и политическая оттепель спасут страну. Всколыхнут народ и заставят его, наконец, работать, а не пить.

«Главное в всем этом деле, — подытоживает мнения товарищей Горбачев, — больше социализма. Наш народ сделал свой исторический выбор в 1917 году, и он с него не свернет!».

«Кто за, кто против, кто воздержался? Прошу опустить. Единогласно».

В маленькой квартире ссыльного академика Сахарова, за которой КГБ Горького и постоянно приезжающие из Москвы специалисты вели круглосуточное наблюдение, телефон не работал уже в течение года. Сам Сахаров совсем недавно был выпущен из «спецпсихушки» — этого гениального совместного изобретения покойного Андропова и вольготно живущей советской психиатрии, где лауреата Нобелевской премии мира и всемирно известного ученого кололи сильнодействующими психотропными препаратами и насильно кормили через зонд, повалив на кровать и зажав нос металлической прищепкой. В советской прессе шла яростная кампания, направленная против Сахарова и его жены Елены Боннер.

Международная общественность делала все возможное, чтобы помочь доблестному ученому, осмелившемуся бороться за права человека в рабовладельческой стране. Президент США Рейган даже объявил «день Сахарова» в Соединенных Штатах, чтобы обратить внимание всего мира на его судьбу. В ответ из СССР доносилось только злобное шипение.

Коллеги Сахарова по Академии наук СССР опубликовали специальное заявление, где говорилось: «Академия наук СССР возмущена решением президента США Рейгана об официальном проведении „дня Сахарова". Изображать Сахарова в качестве борца за мир и права человека — это надругательство над правдой, подстрекательство к раздуванию „холодной войны", полное игнорирование мнения советских ученых. Акция администрации США расценивается советскими учеными как провокация, направленная на отравление международного политического климата…»

«…Сахаров пытается очернить все, что нам дорого… он клевещет на собственный народ, выставляя его перед внешним миром эдакой безликой массой, даже не приблизившейся к высотам цивилизованной жизни…», — завывали в печати академики Дородницын, Прохоров, Скрябин и Тихонов, убоявшись, что у них могут отобрать пропуска в спецбуфет…

Резкий звонок внезапно ожившего телефона заставил вздрогнуть академика-мученика. Последнее время телефон оживал, чтобы передать Сахарову или его жене серию очередных угроз и оскорблений, из которых самым невинным было: «Так за сколько же долларов ты, жидовская сволочь, продал нашу Родину?» Ни Сахаров, ни его жена не были евреями, но советские средства массовой информации постоянно трубили о них, как об агентах международного сионизма, и даже подсылали к ним с угрозами палестинских террористов…

Сахаров снял трубку.

«Андрей Дмитриевич, — услышал он незнакомый голос, — извините за поздний звонок. Вас беспокоит Горбачев Михаил Сергеевич, Генеральный секретарь… Вы можете вернуться в Москву, когда захотите. От имени партии я прошу у вас прощения за все, что с вами произошло».

Когда Сахаров вышел из дома, стоявший в парадной милиционер впервые отдал ему честь. Не каждого из простых смертных удостаивает звонками лично Генеральный секретарь ЦК КПСС…

Мир захлебнулся от восторга.

«Горбачев освободил академика Сахарова!» — кричали огромные шапки газет на всех языках планеты.

«Этот шаг Москвы бесспорно свидетельствует, что после долгих лет застоя и произвола в СССР снова наступает оттепель, вызванная необходимостью проведения назревших экономических и политических реформ. Продвинутся ли эти реформы дальше, чем это

удалось сделать Хрущеву? Многое зависит от того, сколько согласится Запад вложить в больную советскую систему, обессиленную экономическим спадом, хроническими неурожаями, коррупцией, глобальными амбициями и бесконечной войной в Афганистане… Но что бы то ни было, всем уже ясно — Москва ложится на новый курс». Но громоздкий, огромный и неуправляемый корабль советской империи не в силах был уже развернуться, чтобы лечь на новый курс. Его неудержимо несло на скалы. Время было давно упущено. И это отлично видел стоящий на капитанском мостике Горбачев. Он пытался лишь смягчить неизбежный удар о скалы, чтобы от взрыва напичканного ядерными боеголовками судна не погиб весь мир и он сам. Эта задача была чудовищно трудной. Но выполнимой.

Во всех европейских столицах и в Вашингтоне по дипломатическим каналам уже зондировалась реакция западных правительств на неожиданно подувший из Москвы теплый ветер перемен. ПЕРЕСТРОЙКА и ГЛАСНОСТЬ — вот отныне два лозунга, которыми намерена руководствоваться Москва в своей внутренней и внешней политике. На Западе не очень-то верили. Позднебрежневская и андропов-ская политика привела к власти на Западе непримиримых и убежденных борцов против коммунизма, таких, как президент Рейган в США и Маргарет Тэтчер в Англии. Их невозможно было уже убедить словами и посулами. Нужны были конкретные дела. Для начала — освободить всех политических заключенных и прекратить войну в Афганистане. В принципе, мы готовы к этому, но нужны деньги. Нужны средства на перестройку всей этой семидесятилетней закостенелой административно-бюрократической машины. Совершенно правильно отмечает советская пресса: все зависит от того, сколько денег Запад согласится вложить в нашу перестройку и гласность. Страна разорена прежними правителями и порочностью экономической системы. Перестройка и гласность — это не самоцель, а инструмент плавного перехода страны к рыночной экономике.

Но денег нет. Ни на одну программу нет денег. Даже на освобождение из тюрем и лагерей политических заключенных. Тут главное начать, и процесс пойдет, ибо он «ложит» начало… Помогите.

В КГБ царил переполох. Освободить политических заключенных и прекратить дела по 70-й и 190-й статьям, на которых кормились целые управления тайной полиции! Так вот взять и освободить? Нет уж, давайте ряд дел пересмотрим, кое-кого освободим в порядке помилования, кое-кому скостим срок (а кое-кому и добавим). Генералы и слушать ничего не хотели об уходе из Афганистана.

Война до победного конца! У партизан уже появились американские и английские ракеты класса «земля-воздух», их действия на юге прикрывала пакистанская авиация, на них работала иранская радиолокационная сеть. У всех сторон росли доходы в валюте. Рос и поток цинковых гробов в СССР.

Пока партийные директивы будоражили КГБ и армию, пока дипломаты выясняли, сколько и на каких условиях Запад может предоставить кредитов разоренной администраторами-бюрократами стране, новый Генеральный секретарь разбирался в огромном хозяйстве ЦК КПСС. Наконец ему стали доступны все секреты жизни маленькой прекрасной страны Номенклатурии, некоронованным королем которой он стал. Разорена была большая страна, лежащая в грязи, крови и колючей проволоке на шестой части суши. В маленькой же Номенклатурии все пока, слава Богу, было в порядке, хотя и намечалась некоторая тенденция к снижению уровня жизни.

Николай Кручина, управляющий делами ЦК КПСС, представлял Генеральному секретарю документы по текущему финансовому и хозяйственному положению в Номенклатурии дважды в неделю: по понедельникам и пятницам. По четвергам собиралось Политбюро, определяющее задачи Кручины и его Управления, расположенного в огромном здании на улице Грановского. Генсек лично просматривал и подписывал все финансовые документы, особенно если речь шла об иностранной валюте. Новый генсек вникает во все мелочей,

придирается к каждому доллару. Кручина попал на свой пост в 1983 году с должности заместителя заведующего отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности ЦК КПСС. Попал, кстати, по рекомендации Горбачева, который, как известно, курировал в Политбюро сельское хозяйство. Тогда Андропов, выведенный из себя историей с лицензиями «ослабленного досмотра», погнал на пенсию прежнего управделами Георгия Павлова. На вакантное место пришел Кручина. Ему и пришлось вводить в курс дела нового генсека, которому он был обязан своей карьерой.

Хозяйство КПСС в Москве было огромным, а если брать во всесоюзном масштабе, то просто необъятным. Только в столице КПСС владела 5 тысячами зданий общей площадью 137 тысяч квадратных метров. В 114 издательствах и 80 типографиях, принадлежащих ЦК КПСС, трудилось 80 тысяч человек, внося только в столице ежегодно в партийную казну 450 миллионов рублей. В распоряжении ЦК было 19 роскошных санаториев и 40 домов отдыха, сотни поликлиник и больниц.

Только в Серебряном бору в Подмосковье ЦК имело 1800 дач и особняков. ЦК принадлежала целая сеть гаражей, столовых, магазинов, специальных цехов на мясокомбинатах, фабриках пищевой промышленности, пекарен, парикмахерских и химчисток, пошивочных ателье и многое, многое другое.

Все это требовало огромных расходов, поскольку все оборудование, станки, предметы быта и санитарии — все было иностранного производства, постоянно требуя замены или в связи с изношенностью, или в связи с появлением на западном рынке новых образцов. В масштабе Союза ежегодные расходы только на поддержание всего номенклатурного хозяйства в хорошем рабочем состоянии требовали примерно 5 миллиардов рублей и 1,5 миллиарда долларов. Кроме того, именно в текущем году появилась тенденция к росту расходов, в связи с резким подорожанием на Западе многих видов товаров и услуг, а также в связи с расширением программы строительства новых дач, поскольку многие старые дачи, построенные еще в сталинские времена, пришли в совершенную ветхость. В них жить стало совершенно невозможно: нет ни бассейнов, ни саун, ни кортов, не говоря уже о многом другом. Горбачев интересуется, кстати, как идет строительство его новой дачи в Крыму. Дача — это чисто условное наименование. Речь идет о целом комплексе построек с гаражами, службами, домами обслуживающего персонала и охраны, глухим забором с сигнализацией, дорогами и коммуникациями, лифтами, мраморным спуском к морю, волноломами и прочим. Все идет по графику, утвержденному Политбюро.

Постараемся уложиться в 3 миллиона долларов, как указано в смете.

Постоянно увеличиваются и расходы, связанные с поездками товарищей в заграничные командировки, в отпуск с семьей, на лечение и по другим поводам.

Расходы по этой статье ежегодно составляют примерно 500 миллионов долларов.

500 миллионов долларов? Что-то многовато! Этак, знаете!.. Извольте посмотреть ведомости, Михаил Сергеевич. В среднем 50 тысяч человек в год, всего 10 тысяч долларов на брата. Много не погуляешь за бугром на такие деньги. Цены на Западе растут, как на дрожжах. Мы с трудом удерживаемся в этой плановой сумме, и товарищи просили войти с ходатайством в Политбюро об ее увеличении. Теперь о международных делах.

Расходы, проходящие по статье «Помощь братским партиям». Речь идет только о партиях капиталистических стран. Там, где партии у власти, деньги перечисляются из госбюджета через Министерство финансов и Госбанк.

Традиционно наиболее обширные дела мы ведем, с компартией Франции, поскольку именно там наиболее щадящая налоговая система. Помимо 2 миллионов долларов, перечисляемых ФКП ежегодно через Евробанк, мы отделено переводим деньги на счет газеты «Юманите», которая, к сожалению, хронически убыточна. Вот расходы на нее, начиная с 1978 года:

1978 год — 1 миллион 662 тысячи франков.

1979 год — 1 миллион 751 тысяча франков.

1980 год — 1 миллион 862 тысячи франков.

1981 год — 1 миллион 877 тысяч франков.

1982 год — 1 миллион 878 тысяч франков.

1983 год — 1 миллион 542 тысячи франков.

1984 год — 1 миллион 933 тысячи франков.

1985 год — 1 миллион 974 тысячи франков.

Все это — необходимые расходы, поскольку нам жизненно важно поддерживать товарища Марше и его партию. Именно по каналам французской компартии нам удалось проникнуть на внутренний рынок Франции, войти в ряд бирж, торгующих недвижимостью, и основать несколько очень выгодных совместных предприятий. Фактически мы совместно с ФКП, в настоящее время владеем всем комплексом современных зданий, где расположены различные учреждения ФКП. Через ФКП нам удалось приобрести около двух десятков прекрасных жилых домов, расположенных в дорогих, буржуазных кварталах Парижа, Лиона, Марселя и ряда других крупных городов Франции. Эти дома дают устойчиво повышающийся доход, часть которого пускается в оборот, а часть поступает на личные лицевые счета членов Политбюро, секретарей ЦК и прочих товарищей согласно секретному постановлению Политбюро от 20 октября 1965 года. Подобные операции требуют дополнительных расходов, примерно 40 миллионов франков в год. Однако и здесь требуются дополнительные расходы с учетом инфляции и расширения операций. Когда возникает необходимость в экстренной передаче денег товарищам, то, как обычно, используются курьеры.

Вот, например, утвержденный Политбюро документ, который вы должны подписать, поскольку без вашей подписи такие документы не имеют силы. Такой порядок ввел еще товарищ Сталин сразу после смерти товарища Ленина, когда выяснилось, что огромные партийные суммы исчезли неизвестно куда, благодаря доверчивости и недостаточной требовательности Владимира Ильича.

«Совершенно секретно. П 219/7 от 20.09.85

О просьбе члена руководства ИКП т. Коссута

1. Удовлетворить просьбу члена руководства ИКП т. Коссуты и выделить в 1985 году 200 000 долларов на издание журнала „Горизонты‟.

2. Поручить Госбанку СССР (т. Алхимову) выделить т. Пономареву Б. Н. 200 000 долларов на специальные цели.

3. Передачу средств поручить КГБ.

Генеральный секретарь ЦК КПСС — подпись».

Вот еще:

«Совершенно секретно. П 157/2390 от 28.10.85

О просьбе ЦК Компартии США

1. Удовлетворить просьбу ЦК Компартии США и выделить на партийное строительство 250 000 долларов.

2. Поручить Госбанку СССР (т. Фомину) выделить т. Пономареву Б. Н. 250 000 долларов на специальные цели.

3. Передачу денег поручить КГБ.

Генеральный секретарь ЦК КПСС — подпись».

И еще:

«Совершенно секретно. П 161/2738 от 29.10.85

О просьбе т. Урбани

1. Удовлетворить просьбу члена ЦК КПБ т. Урбани о выделении 2 миллиона 196 тысяч 550 бельгийских франков на приобретение здания для нужд партийной печати…».

Горбачеву нравится Кручина. Открытое русское лицо, импозантная внешность, располагающая улыбка, пышная шевелюра седеющих волос. И объясняет все просто и доходчиво. Кое-что Генеральный секретарь уже знает давно, но кое-что узнает впервые.

«Это что за 500 миллионов?».

Кручина объясняет: «Это как раз та сумма, которая набегает в год по экстренным просьбам наших друзей».

«Это ясно. Вот эти 500 миллионов что означают?».

«Это товарищу Саддаму Хусейну на войну с Ираном, поскольку он нейтрализует Тегеран и обеспечивает наши действия в Афганистане».

«Позвольте, но ведь мы тратим миллиард рублей ежегодно, поставляя Хусейну оружие новейших типов, горючее, запасные части, оплачиваем советников, да еще отдельно выделяем компартии Ирака 400 000 долларов в год?».

«Вот тут не надо путать, Михаил Сергеевич. Поставки оружия и прочего оплачиваются из госбюджета. А 500 миллионов самому Хусейну и 400 тысяч — из фондов КПСС».

«Дорого, однако, нам обходится Афганистан!».

«Дорого, — соглашается Кручина, — все сейчас очень дорого. Содержание 120 тысячного контингента войск требует ежегодно 50 миллионов».

«Долларов?!»

«Нет, к счастью, пока рублей. Всего же по нынешний, 1985 год мы уже израсходовали на содержание армии 80 миллиардов рублей. Кроме того, за наш счет фактически содержится все население Афганистана в городах. Это еще 70 миллионов в год. Но это все идет из госбюджета. У КПСС в Афганистане расходы не очень большие — около полутора миллионов долларов в год. Для Афганистана сделано исключение. Но вообще все правящие партии, как я уже говорил, снабжаются из госбюджета. Вот ведомость на оплату деятельности братских партий. Это, так сказать, обязательные платежи. Цифры устойчивые, хотя тоже в последнее время имеют тенденцию к увеличению примерно на 1–1,5 % в год:

1. Компартия США — 2 000 000 долларов.
2. Компартия Франции — 2 000 000 долларов.
3. КП Финляндии — 1 800 000 долларов.
4. КП Португалии — 1 000 000 долларов.
5. КП Греции — 900 000 долларов.
6. КП Израиля — 800 000 долларов.
7. КП Чили — 700 000 долларов.
8. КП Ливана — 500 000 долларов.
9. КП Венесуэлы — 500 000 долларов.
10. КП Индии — 500 000 долларов.
11. КП Италии — 500 000 долларов.
12. КП Дании — 350 000 долларов.
13. КП Перу — 350 000 долларов.
14. КП Сальвадора — 400 000 долларов.
15. КП Аргентины — 400 000 долларов.
16. КП Бразилии — 330 000 долларов.

17. АКЭП (Кипр) — 300 000 долларов.

18. КП Испании — 300 000 долларов.

19. КП Ирака — 400 000 долларов.

20. КП Австрии — 250 000 долларов.

21. КП Сирии — 250 000 долларов.

22. КП Египта — 230 000 долларов.

23….

Всего примерно 40 миллионов в год, включая сюда и Организацию Освобождения Палестины. Согласитесь, что немного, если сравнить другие траты».

Горбачев слушает внимательно. Подписывает документы, спорит, доказывает, спрашивает, если что неясно. Банки Амстердама, Цюриха, Лондона, Парижа, Токио и Сингапура. Подставные миллиардеры, вроде Хаммера, Максвелла, Симады. Мафиозные группировки, с удовольствием сотрудничающие на паях.

Цифры, цифры и цифры. Миллиарды и миллиарды долларов. Тонны золота и бриллиантов.

Расходы на обучение партаппарата всех стран мира в Институте общественных наук при ЦК КПСС, расходы на пребывание (служебные командировки, отдых, лечение) деятелей зарубежных компартий в СССР, расходы на политэмигрантов, временно или постоянно проживающих в СССР… Расходы компартий на размещение советских заказов в их странах при их посредничестве. Совместные предприятия, «фирмы-друзей», «фирмы-призраки»…

А в стране бушует антиалкогольная кампания, которая должна, по замыслу КПСС, поднять производительность труда.

Новорожденная гласность пробивается на страницы газет и на экраны телевизоров с душераздирающими призывами: «Четырехлетняя девочка больна лейкемией. В нашей стране эта болезнь не лечится. Необходимы 3 тысячи долларов, чтобы спасти ей жизнь…».

Молчит огромная страна. У кого есть доллары, кроме КПСС? Но КПСС подобных призывов никогда не слышала, не слышит и сейчас. А если у кого и припрятано пару тысяч в валюте, и рад бы он помочь больной девочке, но боится. А не чекистская ли это провокация? Покажешь доллары — и сядешь на 10 лет. Лучше отмолчаться. «Западно-германская фирма… берет лечение девочки на себя и приглашает ее с родителями в Гамбург…». Но пока мама девочки будет оформлять документы на выезд в ФРГ (Зачем она едет? Действительно ли девочка больна, и ее нельзя вылечить дома? А не являются ли ее родители носителями государственных секретов? А не собираются ли они порочить наш строй?), девочка уже умрет…

А затем наступил Чернобыль.

Атомная война, которой так не хватало в перечне войн, развязанных коммунистами против народа, началась.

Радиация, превышающая по норме радиацию атомных бомб, взорвавшихся над Хиросимой и Нагасаки, поразила сотни тысяч людей и огромные территории Украины, Белоруссии, Прибалтики и России. Радиоактивное облако прошло по Восточной и Центральной Европе, достигнув Швеции. Американские разведывательные спутники быстро сообщили о размерах катастрофы. Западные страны с ужасом приступили к немедленной эвакуации своих граждан из пораженных районов. На новорожденную гласность тут же наступили сапогом и чуть ее не раздавили в пеленках. Кремль отреагировал на катастрофу в своих лучших традициях.

Крик ужаса и отчаяния, изданный западными средствами массовой информации, был объявлен «провокационной шумихой, имеющей цель вызвать очередную антисоветскую истерию». Пожарные тушили пожар на взорвавшейся АЭС в одних гимнастерках. Никто и не

думал приступать к эвакуации жителей хотя бы из эпицентра взрыва. Телевидение с упоением показывало влюбленных, слушающих пение соловьев над Припятью (передача так и называлась «Соловьи над Припятью» и демонстрировалась на третий день после катастрофы), и улыбающихся молодых мамаш с грудными младенцами в колясках и на груди.

Бойкие телерепортеры совали им микрофоны, задавая идиотский вопрос:

«Как вы себя чувствуете?»

«Отлично!» — широко улыбаясь, отвечали молодые женщины.

«А что вы скажете о той пропагандистской шумихе, которая поднята на Западе по поводу аварии на атомной станции?».

«Что, это в первый раз? — возмущались женщины. — Они любому поводу рады, чтобы лишний раз вылить свою злобу на наш народ и наш строй». Через полгода их дети начнут умирать один за другим, а общее количество погибших детей засекречено до сих пор…

Пока Москва делала все возможное, чтобы скрыть или преуменьшить размеры катастрофы, на Западе она уже предстала со всей очевидностью своих глобальных последствий. Огромная площадь зараженной территории, потери пахотных земель и поголовья скота, необходимость переселения огромных масс жителей, попавших под атомный удар, промышленные потери — все это складывалось в сотни миллиардов долларов и требовало усилий, которые были явно не по плечу Советскому Союзу. А катастрофы пошли одна за другой. Тонули океанские лайнеры и стратегические подлодки, бились пассажирские и военные самолеты, летели под откос поезда, взрывались нефте- и газопроводы, горели цеха заводов и фабрик. Сурово мстили демоны Кореи. Еще более сурово мстила семидесятилетняя оккупация страны бандой преступников. Но беспощаднее всего мстила порочная экономика рабовладельческого государства, созданного на базе безумных идей. Государства, мрачной иронией истории заброшенного в виде изолированного средневекового анклава в мир XX века.

Чернобыльский взрыв стал катализатором целой серии необратимых событий.

Агонизирующая империя стала расползаться на глазах. В гниении и распаде ожила гласность. На погибающую страну грозным водопадом хлынула правда ее грязной и кровавой семидесятилетней истории. Очнулись общественные силы.

Зашумели многотысячные митинги, еще стихийные и хаотические, но уже ясно указывающие на главную причину всех бед — КПСС и созданные ею преступные институты государственной власти. КПСС реагировала вяло, ожидая обещанных Горбачевым кредитов с Запада. И Горбачев не подвел их ожиданий. Он метался по странам западной Европы, прилетал в Америку, встречался с президентами, премьер-министрами, королями и королевами, общественными деятелями, предпринимателями и банкирами, очаровывая всех своими идеями «нового мышления», глобальными предложениями по изменению сидящего на атомной бочке мира, своей «перестройкой» и «гласностью». В доказательство того, что это не пустые слова, в стране, по приказу Горбачева, начался новый виток мощной антисталинской кампании. Покойного генералиссимуса проклинали, клеймили и разоблачали чуть ли не круглосуточно в печати, по радио, по телевидению, на киноэкранах, на сценических подмостках. Кампания сразу же вышла из-под контроля, рикошетом ударяя по КПСС.

«Больше демократии! Больше гласности!» — провозглашал Горбачев в Вашингтоне, Париже, Лондоне и Бонне.

«Больше социализма! Больше дисциплины!» — поучал он, вернувшись домой.

И, наконец, объединив эти два призыва, стал и дома, и за границей призывать: «Больше демократии! Больше социализма!». Это не прошло незамеченным. Демократия и социализм,

как две критические массы урана, при сближении должны были произвести взрыв почище чернобыльского.

Горбачев очень импонировал Западу. Никто из его предшественников не был настолько открыт и откровенен.

Во всех поездках его сопровождала жена. (Сталин ликвидировал свою жену Надежду задолго до собственного появления на международной арене, жена Хрущева — добрейшая Нина Петровна — редко появлялась на людях, Брежнев держал свою Викторию Петровну чуть ли не под домашним арестом. Что касается Андропова, то западные журналисты уверяли, что вообще не знали, женат он или нет, пока на похоронах не увидели его вдову). Но Раиса Максимовна — не чета своим предшественницам. Она носится по западным столицам с кредитной карточкой «Америкэн-экспресс», опустошая ювелирные и антикварные магазины.

Она заказывает такие же серьги, как у Маргарет Тэтчер, за 70 тысяч фунтов стерлингов, она покупает на аукционе золотое пасхальное яичко Фаберже, посрамив слетевшихся со всего мира толстосумов-коллекционеров. (Вещь уникальная. Всего несколько таких шедевров сделал прославленный русский ювелир по заказу Императорской фамилии. И цена уникальная — 2,5 миллиона долларов). Она заваливает заказами Диора и Кардена. Впервые два знаменитых модельера отказываются назвать корреспондентам общую стоимость заказа, ссылаясь на коммерческую тайну и просьбу клиентки. Но пронырливые журналисты узнают все через налоговую инспекцию. Семизначные цифры, набранные красным шрифтом, сенсационно венчают заголовки европейских газет, обеспечивая супругам Горбачевым солидность и повсеместное уважение. (Неумолимая тяга номенклатуры, а за ней и всего населения, к западному «шмотью» оказалась совершенно очевидным, но, увы, единственным подтверждением знаменитого лозунга: «Народ и партия едины!». Тонны западного ширпотреба раздавили и втоптали в грязь все бессмертные идеи Маркса, Ленина, Сталина). И деньги Горбачеву, как он и обещал своей партии, дают, но понемногу и за конкретные дела.

Выпустить всех политических заключенных.

«Уже выпустили», — уверяет Горбачев.

Ему предъявляют списки с точностью до одного человека.

Откуда эти списки? Куда смотрел КГБ?

Но в лагерях уже распахиваются ворота, а чернобыльский взрыв вообще срывает их с петель. Мощный поток бывших политзаключенных вливается в общественную жизнь страны, формируясь и перестраиваясь на ходу, предчувствуя открывающуюся возможность свести, наконец, старые счеты с ненавистной системой.

А страна продолжает агонизировать. Страшное землетрясение в Армении, унесшее более 30 тысяч жизней, оставившее без крова около полумиллиона людей, став своего рода природным дополнением к чернобыльской катастрофе, снова продемонстрировало полное безразличие правящей в стране партии к тем бедам, которые водопадом катастроф обрушились на несчастную страну.

Огромные военно-транспортные самолеты США и НАТО — черные «Геркулесы», предназначенные для быстрой переброски американских частей «быстрого реагирования» в зоны распространения советской военной угрозы, набитые одеждой, продовольствием и медикаментами, один за другим садятся на аэродромах Москвы, Минска, Еревана и других крупных городов Союза, желая хоть как-то облегчить страдания населения погибающей страны. Если не знать, что везут «Геркулесы», создается впечатление, что американцы проводят одну из тех глобальных операций по высадке десанта вглубь обороны противника, которые они научились столь впечатляюще осуществлять еще во времена второй мировой войны.

Началась третья мировая?

Началась. И, по традиции, захватила страну врасплох. Начало такого широкомасштабного «вторжения противника» показало, что огромный ядерный потенциал, самая большая в мире армия, имеющая на вооружении больше танков, чем все другие страны, вместе взятые, армия, ощетинившаяся тысячами ракет наземного, морского и воздушного базирования, армия, имеющая системы космической связи и лазерного оружия, оказалась совершенно бесполезной и ненужной, найдя себе единственное применение на разгрузке американских самолетов.

Начался завершающий этап выполнения старого плана президента Тафта.

Вместо бомб и снарядов разил и убивал Доллар, сметая последние остатки сопротивления и завоевывая для себя последний, еще незахваченный, рынок.

А что же наша родная партия?

Экраны телевизоров показывают на всю страну изможденные личики чернобыльских детей с обреченными, недетскими глазами. Армянских детей, спасенных из-под развалин рухнувших домов и вывезенных из Баку, где на их глазах убивали их родителей. Русских детей, в разгар зимы живущих в рваных палатках без теплой одежды, отопления и пищи. Их родителям пришлось спешно бежать из Средней Азии и Закавказья от кровавых погромов и резни. Отчаяние в глазах врачей: нет лекарств, нет одноразовых шприцев, нет одежды, нет жилья.

Спасите детей — будущее страны!

Дайте 2000 долларов на шприцы!

Дайте 3000 долларов на западные лекарства, которые могут этих детей спасти.

Дайте 5000 долларов, чтобы этих детей отправить на лечение в клиники Германии, Голландии и Англии…

Дайте, дайте, дайте…

Откликаются западные фирмы. Они переводят деньги, посылают врачей-добровольцев, мобилизуют частные благотворительные фонды как светские, так и религиозные, выделяют средства на доставку в США и Европу больных и терпящих социальное бедствие детей. Но вместо детей на эти деньги приезжают какие-то мордастые деятели с бегающими глазами, в добротных костюмах и импортных галстуках. Они и есть — дети Чернобыля?

А в это время в недрах Старой площади рассматриваются следующие документы:

«Совершенно секретно. П 180/74 от 14.01.87

О просьбе руководства компартии Индии

1. Удовлетворить просьбу руководства компартии Индии и выделить на нужды партийного строительства 1 миллион 258 тысяч 890 рупий.

2. Поручить Госбанку СССР (т. Павлову) выделить т. Загладину указанную сумму на специальные цели.

3. Деньги перевести на счет компартии Индии в банке Калькутты.

Генеральный секретарь ЦК КПСС — Горбачев М. С.

Управляющий делами ЦК КПСС — Кручина Н. Е.»

«Совершенно секретно. П 159/48 от 30.01.87

О просьбе члена руководства компартии Дании т. Енсена

1. Удовлетворить просьбу члена руководства компартии Дании т. Енсена о выделении 357 тысяч 941 датской кроны на покрытие партийного бюджета в связи с инфляцией.

2. Поручить Госбанку СССР (т. Павлову) выделить т. Загладину указанную сумму на специальные цели.

3. Передачу денег поручить КГБ.

Генеральный секретарь ЦК КПСС — Горбачев М. С.

Управляющий делами ЦК КПСС — Кручина Н. Е.»

«Совершенно секретно. П 157/251 от 03.02.87

О просьбе генерального секретаря компартии США т. Холла

1. Удовлетворить просьбу генерального секретаря компартии США т. Холла о выделении ему к предстоящему юбилею компартии США 500 тысяч долларов…»

«Совершенно секретно. П 161/491 от 11.02.87

О просьбе члена руководства ИКП т. Коссута

1. Удовлетворить просьбу об оплате личных расходов члена руководства компартии Италии т. Коссута и выделить ему 633 тысячи 765 лир (85 долларов)…».

«Совершенно секретно. П 166/511 от 13.02.87

О просьбе члена руководства компартии Марокко т. Али Ята

1. Удовлетворить просьбу члена руководства компартии Марокко т. Али Ята и выделить ему 1 миллион 870 тысяч 762 дирхама 85 сантимов на покупку 548 966 килограмм бумаги для нужд партийной печати…».

«Совершенно секретно. П 181/373 от 18.02.87

О просьбе члена руководства компартии Египта т. Саида

1. Удовлетворить просьбу члена руководства компартии Египта т. Сайда и выделить ему 25 тысяч долларов на лечение…».

Эдуард Шеварднадзе, сменивший престарелого Громыко на посту министра иностранных дел, обаятельный, респектабельный, само воплощение «нового мышления»,[37] объезжая по второму заходу те страны, где уже побывал Горбачев, ненавязчиво, но упорно просит дополнительных кредитов. Голубые глаза канцлера Коля, умная улыбка президента Миттерана, мягкая женственность Маргарет Тэтчер, ковбойская простота президента Буша.

Мы согласны помочь России (понятие СССР употребляется редко и неохотно) встать на путь реформ и демократических преобразований. Однако, у вас все идет очень медленно, хотя путь к цивилизованному образу жизни является в равной степени простым и прямым. Свобода слова. Многопартийность.

Формирование государственных структур власти на основании свободного волеизъявления народа, то есть с помощью свободных выборов. Свобода частного предпринимательства. Говоря проще, свобода торговли. Экономика, подключенная к мировому рынку со свободноконвертируемой валютой, эталоном которой в современном мире является доллар. Все так просто. И, кстати, вы просите денег, а тратите миллиарды на содержание так называемых стран «народной демократии». Вот вам реальная помощь — мы берем эти страны на свое содержание, а освободившиеся деньги вы вкладываете в проведение внутренних реформ.

«А наша армия в Восточной Европе?».

«А кому мешает ваша армия? Пусть сидит в казармах и ни во что не вмешивается. Впрочем, если вы хотите, мы и ее можем взять на содержание.

Временно, конечно. И потихоньку американцы и вы будете выводить войска из Европы, провозгласив сотрудничество вместо конфронтации».

«Но нам некуда выводить армию. Нет казарм для солдат, нет школ и детских садов для детей военнослужащих».

«Боже правый! Чем же вы занимались 70 лет? Хорошо, это не проблема. Мы построим дома и школы для ваших офицеров и их детей».

«Но армию надо выводить еще и из Афганистана. Да побыстрее. Все, что вы говорите — правильно, но все планируемые мероприятия требуют больших расходов».

«Сколько?»

«Три с половиной миллиарда долларов. На первое время…»

За границей Михаил Горбачев однажды даже процитировал Дизраэли, повергнув своей эрудицией в смятение западных журналистов. Ленин получал истинное наслаждение, читая в редкие часы досуга труды Гегеля в подлиннике, Сталин обожал Макиавелли, а Михаил Сергеевич, по его собственным словам, с упоением зачитывался романами Валентина Пикуля. Но, к счастью, цитировал не Пикуля, а все-таки Ленина. Это несколько успокаивало его коллег по Политбюро. «Больше социализма! — подбадривал своих несколько растерявшихся товарищей генсек. — Сверяем путь по Ленину. Что говорил Ильич, вводя НЭП?».

«Он говорил, товарищи: „Это всерьез и надолго". А что сделал Сталин? Он исказил, деформировал ленинские идеи и стал строить казарменный социализм. Это вот, товарищи, привело, знаете ли, к тому, что мы с вами сейчас имеем».

Вряд ли в СССР найдется два-три человека, которые могли бы без тени вранья заявить, что прочли всего Ленина от корки до корки. Во-первых, потому, что добрая четверть трудов Владимира Ильича засекречена, и доступ к этим материалам имеют только те, кто их читать никогда не будет. Неинтересно им. А если уж ты начнешь штудировать хотя бы 50 открыто изданных томов, то не станешь даже парторгом первичной организации, если куда-нибудь и попадешь, то только разве в дурдом. Для профессиональных работников печатались специальные «Ленинские сборники», в которых содержалась суть ленинских идей, необходимых для данного момента партийной жизни. Иногда по этим сборникам (был такой период и во времена Сталина, и во времена Андропова) даже устраивались знаменитые «ленинские зачеты» для номенклатуры.

Вообще эти сборники рекомендовалось читать не столько для самообразования, сколько для публичных выступлений, которые полагалось начинать и заканчивать ленинскими цитатами. Чем больше цитат, тем лучше считалось выступление. А зачем, спрашивается, номенклатуре читать Ленина и выяснять подробности расхождения Ленина с Каутским или Мартовым, если Ильич был в сердце каждого из них? И каждый знал, что «учение Ленина непобедимо, ибо оно верно!».

Что говорил Ленин? Шире применять расстрелы. И правильно, как всегда, говорил. Перестали применять — вот и докатились. Все перестали работать и только орут на митингах.

И каждый из них знал, о чем постоянно предупреждал Ленин:

«Нашу партию и социализм в целом способны погубить и погубят:

1. Многопартийность и буржуазная лжедемократия.

2. Свобода торговли. (Она, как образно выражался Ленин, еще пострашнее, чем все Колчаки и Деникины, вместе взятые).

3. Гласность.

4. Свобода слова, печати и собраний».

Горбачев об этом знал очень хорошо. Но еще лучше об этом знал главный партийный идеолог Вадим Медведев. В прошлом профессор кафедры истории КПСС, он по долгу службы читал Ленина, в частности, его основные работы: «Как нам организовать соцсоревнование» и «Очередные задачи советской власти». Вообще, можно было все остальные работы Ленина также засекретить. Не нужны они.

Только с толку сбивают. Противоречий много. Но основу ленинского учения нужно помнить четко.

Что же собирается делать Горбачев? Погубить партию! Уничтожить советскую власть? Пустить прахом великое дело Ленина?

Что еще за свободные выборы? Что за съезды советов? Но Горбачева за глотку не возьмешь. Это не удается ни робкому Медведеву, ни нахрапистому, но тугоумному Лигачеву. Горбачев в душе своей демократ. Он ни на кого не повышает голоса, не организовывает автомобильных катастроф или преждевременных инфарктов. Он открыт и доступен. Он видит оппозицию в Политбюро и ЦК, но в условиях нового мышления это обыкновенный плюрализм.

Ничего страшного. Товарищи не понимают, что в стране сложилась непонятная система двоевластия. Скажем, секретари обкомов и председатели советов. В сущности, двоевластия, конечно, нет — советы стали просто одной из нижестоящих партийных инстанций. Но все равно нехорошо. Свободные выборы имеют своей целью провести партийных секретарей и на места председателей советов. Это же замечательно: ты — и Первый секретарь, ты — и председатель совета. И никаких кривотолков. Но если Первого секретаря как бы назначает ЦК, то в советы надо пройти через выборы. На альтернативной основе. Что так испуганно смотрите, товарищи? В ваших же руках все: власть, средства массовой информации, органы правопорядка. Неужели вы боитесь выборов? Ну, хорошо. В Верховный Совет сто мест для КПСС зарезервируем по списку без всяких альтернатив. Я же для вас лучше хочу сделать. И не надо ссылаться на Ленина. О чем предупреждал Ильич, я знаю не хуже вас. Так что нечего беспокоиться. Главное — начать, углубить, все сформируется, и процесс пойдет. (К этому времени раннее выражение Горбачева «ибо оно ложит начало» исчезло, давая о себе знать только командами в эмоциональном состоянии на заседаниях Верховного Совета, председателем которого Горбачев стал в 1987 году: «Записки в президиум не ложить, товарищи!»).

Горбачев говорил спокойно и доходчиво.

Катастрофическое поражение КПСС на выборах, которые и свободными-то можно было назвать с большой натяжкой, вызвало крупный внутрипартийный скандал. Горбачев никаких претензий не принимал. Если вы, первые секретари, не смогли организовать свою победу на выборах, то знаете ли, товарищи, — это чревато. Значит, у вас с народом не было настоящего контакта. А народ — он ведь очень чуток. Помните, как у Ленина сказано? «Народ — это…». Впрочем, тут даже неважно, что говорил Ленин. Важнее, чтобы это послужило вам и всем нам уроком.

Выводом из всех речей генсека было: если вы не смогли организовать собственную победу на выборах в советы, то вы и в первые секретари не годитесь. Маневра у первых секретарей не было, поскольку им в затылок давно и злобно дышали вторые секретари. Одним махом 85 % первых секретарей лишились своих постов, уступив место вторым. «Революция вторых!» — ехидничала обнаглевшая пресса.

Тем временем вызванный в Москву первый секретарь Свердловского обкома Борис Ельцин возглавил Московский горком КПСС, смахнув куда-то в небытие всемогущего Гришина, чего не удалось даже Андропову, и начал его разгром.

Номенклатура взбунтовалась и, закатив Горбачеву целую серию истерик, потребовала созыва Всесоюзной партийной конференции, чего КПСС не знала аж с довоенных времен. Горбачев не возражал: хотите партконференцию — давайте соберем партконференцию. Вторые секретари, только что сменившие первых, еще подозрительно оглядываются по сторонам, они и не пикнут против генсека. В Политбюро команда более-менее надежная: Шеварднадзе, Яковлев, Ельцин в качестве кандидата, в ЦК — Разумовский, Вольский, Фалин, Дзасохов — они не подведут, потому что все правильно поняли…

Горбачев, как капитан и играющий тренер хоккейной команды, ее диспетчер и главный бомбардир, то съезжаясь с Ельциным и Шеварднадзе, то бросая их и устремляясь с

Крючковым, Язовым и Пуго к чужим воротам, то покидая поле на целый тайм для консультации с Рейганом и Колем, снова съезжаясь с Ельциным, имитируя его удаление с поля и возвращая его обратно в новом качестве, был бесподобен. Великолепный политик и интриган, он то спускал с цепи на своих коллег из ЦК и Политбюро шумную команду Гдляна и Иванова, то снова загонял их в вольер, который в нужный момент обязательно оказывался незапертым. И летели клочья от Лигачева, от Соломенцева, даже от самого Чебрикова, не говоря уже о таких мелких людях, как Гришин, Романов или Зайков. Когда вышедшая из себя «большевистская рать», полагающая, что Гдлян и Иванов действуют по собственной инициативе, пыталась затравить до смерти обоих следователей, Горбачев умело прятал их, как Иван Грозный — своих медведей от боярского окаянства.

Манной небесной на Красную площадь, а, вернее, на Горбачева, свалился Матиас Руст — германский пилот, уверявший, что на спор обязался посадить свой спортивный самолет у храма Василия Блаженного. Это дало возможность разогнать всю верхушку Вооруженных Сил страны, предварительно ошельмовав ее в печати, чего не случалось еще со времен 1937 года.

А между тем, антикоммунистическая революция смела марионеточные режимы Восточной Европы. Трупы супругов Чаушеску, расстрелянных без суда и следствия, лежащие на снегу, выглядели грозным предупреждением тем, кто не желал слушаться самого умного и хитрого генсека из всех, какие только возглавляли КПСС. Рухнувшая Берлинская стена и объединение Германии. Бледное лицо Эрика Хоннеккера, успевшего сбежать на одну из советских военных баз, спасаясь от народного гнева. Хозяин ГДР был настолько уверен в себе, что забыл (или не успел) даже перевести деньги, лежащие в Берлинском банке, за границу. Спасибо, старый и верный друг Ясир Арафат, посадив свой самолет на той же советской базе, привез Хоннеккеру целый чемодан долларов (полученных, кстати, из СССР), наивно полагая, что бывший коммунистический вождь Восточной Германии использует эти деньги для начала партизанской, освободительной войны против западного нашествия. Хоннеккер деньги взять не отказался, но тут же отправил их своей дочери в Чили. Пусть хоть купит там приличный дом, один из тех шикарных особняков, в которых Хоннеккер привык жить последние 30 лет.

Еще вчера сидевший в тюрьме чешский диссидент Гавел, работавший до этого грузчиком, внезапно стал президентом Чехословакии, запретив компартию и ликвидировав органы безопасности.

Неукротимый Лех Валенса, рабочий-электрик Гданьского Судостроительного завода, основатель и организатор «Солидарности», политический узник главы военной хунты генерала Ярузельского, сменил последнего на посту президента страны, разогнал компартию и лишил коммунистов иммунитета и имущества.

В Болгарии был официально взят под стражу Тодор Живков — лидер компартии и глава государства, обвиненный в коррупции, казнокрадстве и антигосударственной деятельности.

В Будапеште коммунисты разбежались сами еще накануне свободных выборов.

Перед КПСС зримо был поставлен вопрос: какой из вариантов ее устраивает больше — румынский или венгерский?

КПСС никогда не была политической партией. Даже в условиях той поистине детской политической борьбы, которая шла в СССР, партия чувствовала себя, как младенец в джунглях. Становиться парламентской партией ей было страшно.

А оставаться у власти — еще страшнее. И ни одного лидера, способного заменить Горбачева, у нее не было. Но ни румынский, ни венгерский, ни чешский вариант развития событий партию не устраивал. Сначала была робкая попытка поставить на Егора Лигачева, от самого появления которого на трибуне веяло ностальгией по старым, добрым временам XXV съезда. Но стоило Егору Кузьмичу публично появиться на трибуне или на экране

телевизора, тут же, как черти в детской сказке, с шумом и громом появлялись Гдлян и Иванов, обвиняя его во взяточничестве и мошенничестве.

В таких условиях, как правильно заметил премьер-министр Николай Рыжков, работать было совершенно невозможно. И был прав. В условиях гласности партия работать не могла, еще раз подтвердив несказанную мудрость вождя мирового пролетариата, который уже предупреждал об этом 70 лет тому назад. Партия, по образному выражению Александра Яковлева, ушла в окопы, в страхе наблюдая за своим генсеком, но еще надеясь на него.

А Горбачев принимает в Москве одного за другим американских, английских, французских и японских бизнесменов. Совещания, конфиденциальные встречи, завтраки, обеды. Атакуемые журналистами, бизнесмены отвечают уклончиво, говоря лишь о том, что предложения «советской стороны» были интересными и выгодными. О них следует подумать. Горбачев же, со своей стороны, уверяет корреспондентов, что речь шла не о кредитах, а о взаимовыгодной совместной деятельности, и снова уезжает на Запад.

А между тем, советские войска после десяти лет кровопролитной и никому не нужной войны безоговорочно выводятся из Афганистана. За 10 лет они убили более миллиона афганцев, заставив 3 миллиона человек бежать из страны, но так и не одержав желанной победы. Армия сквозь зубы сообщает о собственных потерях: 15 тысяч убитых и 60 тысяч раненных и искалеченных. Какое-то число офицеров и солдат находится в плену у партизан, но точного количества никто не знает. И хотя в эти цифры никто не верит, подозревая, что они, по меньшей мере, втрое выше, они принимаются за основу, как были приняты некогда за основу объявленные Сталиным 7 миллионов убитых в Отечественной войне и выросшие с тех пор до 20 миллионов с ежегодной тенденцией к увеличению примерно миллиона на два. Выход армии обставлен эффектно. На пограничном мосту играют оркестры, на танках и боевых машинах подняты огромные Красные Знамена. Последний командующий 40-й армией генерал-лейтенант Громов, получивший за преступное проведение операции «Магистраль» звание Героя Советского Союза, вместо отдачи под суд производится в генерал-полковники.

Сразу же выясняется, что афганских ветеранов никто на родине не ждет, и они никому не нужны, кроме уголовного мира.

В это время Михаил Сергеевич, вернувшись в очередной раз из зарубежной поездки, объявляет о своем намерении ввести в СССР президентское правление, выдвигая, естественно, при этом в качестве единственной кандидатуры на пост президента самого себя. Чтобы все было, как у людей. Везде президенты, и у нас президент. Никто не понимает, зачем это нужно. Циники острят: почему президентом, а не сразу императором? Ни о каких там всенародных выборах даже не идет речи. Горбачева на съезде выбирают депутаты, и он становится первым (и последним) президентом СССР, оставляя за собой пост Генерального секретаря КПСС. Должность председателя Верховного Совета Горбачев передает своему старому (и, казалось бы, верному) университетскому другу Анатолию Лукьянову. Что же произошло? Все было просто — Горбачев сбежал от родной партии в президенты. В недрах ЦК, по коридорам и кабинетам уже давно шипящей коброй ползло «мнение» о том, что нынешний генсек не оправдал доверия, и следует срочно созвать пленум, чтобы заменить его. Ну, и заменяйте. А попробуйте заменить выборного президента? Руки коротки. С этого момента партия была обречена. Не успел Горбачев стать президентом, как по всей стране прокатилась кампания необходимости суда над КПСС и национализации ее имущества. Более того, у партии собирались отнять 6-ю статью Конституции СССР, закрепляющую за КПСС политическую монополию в стране.

Горбачев еще не бросил окончательно свою партию. Передав организационные дела в КПСС своему заместителю Ивашко, он все еще имеет почти необъятную власть Генерального секретаря.

И верный Кручина продолжает, как и раньше, два раза в неделю приходить к нему с секретными и совершенно секретными партийными документами:

«Совершенно секретно. 04.12.89

О проблемах партийной собственности

Развитие политического процесса в стране, формирование многопартийности во многом по-новому ставят задачу материального обеспечения жизнедеятельности партии, создания стабильных источников финансирования как в советской, так и в иностранной валюте. От этого зависит и материальная основа международных связей КПСС, а также способность ее оказывать, в необходимых случаях, хотя бы минимальную помощь зарубежным компартиям. Между тем, как свидетельствуют уроки компартии Восточной Европы, непринятие своевременных мер по оформлению партийного имущества применительно к требованиям коммерческой деятельности и включению его в нормальный хозяйственный оборот, особенно в условиях перехода к рынку, неминуемо грозит тяжелыми последствиями для партии. Тревожные для КПСС симптомы отмечаются уже сегодня. Дело это предстоит начинать с нуля и работать придется в непривычных для партии условиях… При этом потребуются соображения разумной конфиденциальности в использовании в ряде случаев анонимных фирм, маскирующих прямые выходы на КПСС. Конечная цель, по-видимому, будет состоять в том, чтобы наряду с „коммерсиализацией‟ (так в тексте — И. Б.), имеющейся в наличии партийной собственности, планомерно создавать структуры „невидимой‟ партийной экономики, к работе с которыми будет допущен очень узкий круг лиц, определяемый Генеральным секретарем ЦК КПСС или его заместителем…».

Горбачев поднимает восхищенные глаза на Кручину. Товарищи мыслят по-новому и совершенно правильно. «Партии нужно входить вместе со всей страной в рынок. Как говорил Ленин? „Надо учиться торговать‟. Главное — начать, и процесс пойдет. Сейчас мы определим список допущенных товарищей: Ивашко, Шенин, Фалин, Дзасохов, Лучинский, Манаенков, Веселков, Кручина. Ну, и на усмотрение Ивашко можно и нужно привлекать специалистов. В ведомстве товарища Крючкова немало экономистов-международников. Они могут очень помочь. Так, а что это?».

«Совершенно секретная директива на места, завизированная Ивашко и требующая вашей подписи:

Провести инвентаризацию партийной собственности с точки зрения определения возможностей ее использования в коммерческих целях; одновременно „проинвентаризировать‟ все поступившие от партнерских партий деловые предложения и провести консультации с соответствующими партиями. Приступить к формированию сети некрупных, гибко действующих хозрасчетных хозяйственных организаций на базе существующего партийного имущества в форме совместных предприятий, акционерных обществ с участием фирм „друзей‟ и партнерских партий…».

«Все это замечательно. Особенно с фирмами „друзей‟. Но подобные документы пусть Ивашко подписывает самостоятельно. У меня других дел полно. Что еще?»

«Что касается фирм „друзей‟, то мы им здорово задолжали последнее время, и товарищ Фалин представил докладную записку:

Напоминаю, что фирмы „друзей‟ принадлежат напрямую и через посредников компартиям стран, где они расположены и являются важным каналом международной деятельности КПСС. Помимо всего прочего, эти фирмы поставляют нам западные товары, служа посредниками, а иногда и непосредственными исполнителями различных задач нашей внешнеполитической деятельности…

Необходимость срочного решения вопросов в отношении фирм „друзей‟ предопределяется тем, что осложнившееся их финансовое положение, угроза банкротства

нарушает механизм дружественных партий, создает реальную угрозу их дальнейшему существованию… В настоящее время „Внешэкономбанком СССР‟

оплачено следующим фирмам в миллионах инвалютных рублей:

ИТ — „Коммерсио‟ (Португалия) — 4,4

„Металким‟ (Португалия) — 0,3

„Нумерика‟ (Португалия) — 0,6

„Глобус‟ (Австрия) — 0,8

„Ланд-оф-Фольк‟ (Дания) — 0,3

ОПФ (Франция) — 0,3

„Пламбак‟ (ФРГ) — 0,1

В настоящее время, по сообщению советских внешнеторговых организаций, сумма просроченной задолженности фирмам „друзей‟ составила (в миллионах инвалютных рублей):

„Интернэшенел Трайдинг‟ (Япония) — 0,5

ОПФ (Франция) — 0,4

„Тети Эдитори‟, „Эдитори Риенити‟, „Амилькара Пицца‟, „Ксилон‟ (Италия) — 1,9

„Глобус‟ (Австрия) — 2,2

„Пергамон Прессо‟ (Англия) — 0,5

„Друкхауз Норден‟, „Дастим‟, „Лохер‟, „Барч Интернэшенел‟ (ФРГ) — 0,4

„Коопи‟ (Швейцария) — 0,1

„Аванте‟ (Португалия) — 0,2

„Ланд-оф-Фольк‟ (Дания) — 0,3

„Виг-Трюк‟ (Швеция) — 0,1

„Пиплз Дейли Уорлд‟ (США) — 0,1

„Унита‟ (Италия) — 0,05

„Морнинг Стар‟ (Англия) — 0,1

„Ризоспастис‟ (Греция) — 0,1

„Краус‟ (Австрия) — 24,6

„Папандопулос‟ (Греция) — 3,7

„Агалиу‟ (Греция) — 2,0

„Фидас‟ (Греция) — I,5…»

У Горбачева уже рябит в глазах. Он быстро просматривает еще две страницы списка и спрашивает Кручину: «Сколько всего?».

«60 миллионов 350 тысяч инвалютных рублей», — отвечает управделами.

«В чем проблема? Заплатите!».

«Проблема в том, что эти деньги должны платить из госбюджета, а не из партийных средств, а во „Внешэкономбанке‟ денег нет и в Госбанке — тоже».

«Что значит, — нет денег?»

«У нас огромный дефицит госбюджета, и банки отказываются платить».

«Хорошо, — говорит президент, — я поговорю с Геращенко. Разберемся».

А по стране шествует, говоря словами самого Горбачева, «парад суверенитетов». Пример Горбачева оказался заразительным. Все бывшие первые секретари республиканских компартий захотели быть президентами. Более того, президентами захотели стать и первые секретари автономий в составе России.

Они в происходящем в стране процессе увидели прекрасную перспективу. Годами разворовывая свои республики, они были вынуждены, чтобы обеспечить себе свободу рук, платить огромную дань Москве, унижаться в Кремле и на Старой площади, постоянно ходить в напряжении от возможности появления «наверху» какого-нибудь психа-фанатика вроде Андропова, не говоря уже о новом Сталине.

Сейчас представлялась возможность стать полностью независимыми от ненавистного центра и жить в полном удовольствии. Из Политбюро тихо и незаметно исчез Алиев. Шеварднадзе стал явно тяготиться своей должностью министра иностранных дел и внимательно поглядывал на Тбилиси, где, как и повсюду, развернулась антикоммунистическая вакханалия. Нет, еще, пожалуй, рано.

Переход республиканских компартий к «национальному суверенитету» сопровождался, вполне естественно, «хорошо подогреваемой и финансируемой кампанией самого дикого национализма», «направленного как против непосредственных соседей, так и против „русских оккупантов"».

Дикая резня набирала обороты на Кавказе и в Средней Азии. В Молдове гремели первые выстрелы молдаван и русских друг в друга. Даже в цивилизованных республиках Прибалтики, правда, еще без стрельбы, уже шла яростная антирусская кампания. Русские беженцы хлынули из республик в Россию, где они были, разумеется, никому не нужны. Они бросили свои дома и имущество, прибыв на «родину» нищими, голодными, иногда полуодетыми. Их некому было кормить. Их детям негде было учиться. Им самим негде было жить и работать.

По всем средствам массовой информации передавались призывы к русским людям помочь своим соотечественникам, попавшим в небывалую беду. Сообщались номера счетов, на которые просили перевести денег «кто сколько может». Денег ни у кого не было. Нужны были миллионы для строительства домов, школ и детских садов, для создания новых рабочих мест, для спасения своего будущего. В дело подключился уже Международный Красный Крест, посылки для беженцев шли даже из экваториального Конго. Колонны грузовиков бундесвера везли продовольствие, палатки, теплую одежду. Американские, английские, французские и даже израильские самолеты работали в режиме «воздушного моста», как будто снабжали собственную окруженную армию. Еще хорошо, что их при этом не сбивали…

А тем временем идет рассмотрение секретных «просьб»:

«Совершенно секретно. П 145/78 07.01.90

О просьбе члена руководства КПФ (Финл.) Т. Сипсило

1. Удовлетворить просьбу члена руководства ФКП т. Сипсило и выделить ему на нужды партийного строительства 1 миллион 298 тысяч 307 финляндских марок…».

«Совершенно секретно. П 196/31 09.01.90

О просьбе руководства Компартии Индии

1. Удовлетворить просьбу руководства компартии Индии и выделить 2 миллиона долларов на проведение избирательных кампаний…».

«Совершенно секретно. 12.01.90

О расходах на политэмигрантов

По данным на 1 января с. г., в СССР проживает 6643 политэмигранта и к ним приравненных членов семей, прибывших из-за рубежа… К категории политэмигрантов приравнены некоторые видные зарубежные деятели, которые проживают в СССР на основании решений, принятых по инициативе ЦК КПСС… Им оказывается материальная помощь и содействие в решении социальных проблем (предоставление квартир, дач, обеспечение автотранспортом и обслуживающим персоналом). Общая сумма расходов на эти цели составляет 1, 5 миллиона рублей в месяц. Кроме того, в соответствии с решением ЦК КПСС, из партийного бюджета финансируется Ивановская интернациональная школа-

интернат им. Е. Д. Стасовой, в которой обучаются дети политэмигрантов и деятелей зарубежного коммунистического движения, и санаторий „Дружба", предназначенный для отдыха и лечения политэмигрантов и членов их семей… Расходы на эти цели составили в 1989 году 5, 5 миллионов рублей. Указанные средства были выделены из госбюджета…».

Пока в республиках кипели националистические страсти, переплавляя в своем котле деятелей партноменклатуры в лидеров национальной ориентации, Россия снова стала чадить черными клубами антисемитизма. Эта черная дымовая завеса закрыла страну перед катастрофой 1917 года, клубы ее смрадного дыма прикрыли переворот 1953 года, и вновь смачно повалили в конце восьмидесятых.

Это обстоятельство вызвало всеобщий интерес. Наивные задавали вопрос: неужели партия, напуганная возможной ответственностью за свои преступления, пытается скрыться за еврейскими спинами? Или, может быть, КПСС, получив крупную валютную взятку от Израиля и мирового сионизма, таким образом обеспечивает непрекращающийся поток еврейской эмиграции из СССР? Иначе зачем ей тратить партийные средства на финансирование «черных» группировок и за свой счет в типографиях ЦК и обкомов печатать десятками тысяч экземпляров «Протоколы сионских мудрецов», «Жиды и жидовствующие», «Пострадавшие от жидов», «Ритуальные убийства жидами христианских детей», «Майн Кампф» Адольфа Гитлера и прочее, и прочее, и прочее.

И все были неправы. Партия просто въезжала в рынок и не хотела, чтобы этот процесс привлек большое внимание со стороны ставшего слишком активным населения.

Формирование в республиках Народных фронтов вызвало в КПСС вполне понятную озабоченность и нежелание иметь что-либо подобное в России, где подобный фронт также создавался. Пустить такой фронт на стезю антисемитизма было делом очень несложным, но позволявшим спустить в унитаз большую часть национальной энергии.

По улицам замаршировали отряды, одетые в черную форму с портупеями или в мешковато сидящие мундиры царских офицеров, на которых брякали неизвестно чьи Георгиевские кресты (видимо, расстрелянных в 1918 году, хранящиеся в партархивах), казачьи отряды с нагайками и пока бутафорскими шашками. Еще был жив КГБ, но уже создавались принципиально новые боевые отряды партии большевиков. Все они несли пламенные плакаты «Сионизм не пройдет!» и изображение Георгия Победоносца, протыкающего копьем дракона, у которого вместо головы была изображена звезда Давида. На вопрос, что такое «сионизм», все жидоборцы без запинки отвечали: «Это — демократия». Ничего более оригинального идеологический отдел КПСС придумать не мог. Наряду с этим плодились монархические организации, увешанные двуглавыми орлами, портретами последнего несчастного императора и призывами восстановить трон Романовых в лице великого князя Владимира Кирилловича. Когда прошлое страны хотят заменить позапрошлым, это значит, что ни у страны, ни у народа нет будущего.

Нет — и не надо. Это вполне устраивало стратегов со Старой площади.

Отслеживая ситуацию в стране и видя процессы, происходящие в национальных республиках, неизбежно ведущие к расколу и гибели СССР, КПСС, заранее готовясь к неизбежному, родила, хотя и в муках, Российскую Коммунистическую партию — РКП. Новая партия имела и своего Генерального секретаря, коим стал Иван Полозков, занимавший до этого пост первого секретаря Краснодарского крайкома. Партия имела и свое Политбюро, и свое Управление Делами ЦК РКП. Все, как положено. Не все признали новую партию, поскольку ее создание было явным, на первый взгляд, расколом КПСС. Но только на первый взгляд. РКП и была создана, чтобы помочь КПСС въехать в рынок без особых помех. Член ЦК и Политбюро новой компартии Виктор Тюлькин прямо с трибуны съезда заявил: «Против создания РКП может возражать только тот, кто не может произнести букву „р". Цыц, жиды!» Присутствовавшего на съезде Николая Рыжкова — члена Политбюро ЦК КПСС и премьер-

министра СССР — попросили прокомментировать по-большевистски принципиальное заявление Тюлькина.

Премьер горестно развел руками: «Это страшно… Но что поделаешь?»

Действительно, делать было уже нечего.

Правда, где-то на Олимпе еще заседало Политбюро во главе с Горбачевым, решая насущные вопросы страны. 12 марта 1990 года в повестку дня заседания Политбюро входил только один вопрос: О политических итогах митингов 24–25 февраля и необходимых выводах из этих событий. Вопрос представлен тт. Медведевым (член Политбюро, главный идеолог КПСС), Крючковым (член Политбюро, председатель КГБ), Разумовским (член ЦК по идеологии) и Сухаревым (член ЦК, Генеральный прокурор СССР). Докладчики: тт. Крючков и Сухарев.

Политбюро вынесло следующий проект решения:

«…Было бы ошибкой недооценивать масштабы и политическую сущность прошедших акций. В нарастании митинговой стихии проявляется недовольство людей нестабильностью в обществе, кризисными явлениями в экономике, тяжелым финансовым положением и разбалансированностью рынка, снижением дисциплины и порядка, распространением спекуляции и разгулом преступности.

Политбюро ЦК КПСС считает необходимым:…Потребовать от руководителей правоохранительных органов всех уровней решительно пресекать антиконституционные действия, повсеместно принять жесткие меры по укреплению общественного порядка и законности, исходя из необходимости… охраны социалистической собственности… Всеми средствами пропаганды пресекать безответственную кампанию дискредитации Вооруженных Сил СССР, органов КГБ, МВД и КПСС. Добиваться, чтобы государственные органы массовой информации (радио, телевидение, печать) проводили в публикациях линию Верховного Совета СССР, Советского правительства, других органов Советской власти».

В прениях Рыжков предложил внести в решение выражение «недовольство людей нестабильностью в обществе», а неукротимый Егор Лигачев внес целый абзац: «Добиваться, чтобы коммунисты, работающие в государственных органах массовой информации (радио, телевидение, печать), проводили в публикациях линию партии…».

Голосовали: тт. Горбачев — за, с поправками тт. Лигачева и Рыжкова.

Воротников — за.

Зайков — за.

Ивашко — за.

Крючков — за.

Лигачев — за с поправками.

Маслюков — за.

Медведев — за с поправками тт. Лигачева и Рыжкова.

Рыжков — за с поправками.

Слюньков — в отпуске.

Шеварднадзе — за.

Яковлев — за.

Единогласно! Пусть не клевещут западные средства информации, что Политбюро раздирают споры и противоречия, а Горбачев, дескать, даже не разговаривает с Лигачевым, а Крючкова и вовсе не пускает на заседания Политбюро. Партия жива и трудится на благо государства.

А на следующий день, 13 марта 1990 года, была отменена 6-я статья Конституции страны, закрепляющая за КПСС политическую монополию в СССР.

Партия отказалась от своей политической гегемонии. И если не впадать в эйфорию и непростительные политические ошибки, то следует не забывать — это произошло потому, что номенклатуре надоело ее нынешнее состояние. Ей надоел марксизм-ленинизм, возможности которого уже были практически вычерпаны до дна. И идея начала чадить, не только не давая уже никаких выгод, но становясь весьма небезопасной.

Теперь куда заманчивее было стать буржуазией в приличном демократическом обществе, где, опять же, власть принадлежит тому, кто имеет деньги, но демократические законы и примат частной собственности дают возможность гораздо более вольготного, богатого и безопасного существования.

После начала горбачевской перестройки номенклатура валом повалила на Запад, где смогла убедиться, что тот образ жизни, который она обеспечила себе в СССР ценой постоянной войны с собственным народом, значительно ниже, чем у среднего западного буржуа, а иногда и у рабочего. А о магазинах и говорить нечего. Любая сельская лавка, затерянная где-нибудь на шоссе штата Арканзас, содержит более богатый и более качественный выбор товаров, чем в спецраспределителе самого высокого ранга, куда доступ имела отнюдь не вся номенклатура, но для всех этот распределитель служил своего рода эталоном.

Наряду с событиями в стране и мире, это обстоятельство весьма озадачило номенклатуру, заставляя искать оптимальный вариант выхода из создавшегося положения. Румынский вариант развития событий с морем крови и тысячами трупов, возможно, и устроил бы ее, если бы в итоге этого сценария Чаушеску не был расстрелян на месте, а тысячи номенклатурщиков не попали за решетку.

Чешский вариант тоже не годился, поскольку в результате вся собственность партии оказалась конфискованной. Как и в былые времена, номенклатура, приняв к сведению события в Европе, решила идти собственным путем.

Среди средней и мелкотравчатой номенклатуры велась усиленная и хорошо психологически продуманная пропаганда. Обманывая народ, мы фактически обманули самих себя. Созданная в стране искусственная нищета уже засасывает и нас. Наши привилегии, если разобраться, не стоят ничего. Вот вы, ответственный работник ЦК, горды тем, что занимаете с семьей шестикомнатную квартиру с бассейном и имеете дачу и машину. А на Западе самая заурядная семья живет в такой же, если не лучшей, квартире, а тот, кто хоть чуть-чуть повыше заурядного, имеет собственный дом. На Западе проживание в квартирах вообще считается признаком недостаточной обеспеченности. Помните Аркадия Шевченко, бывшего главу советской делегации в ООН, который сбежал в Штаты в 1978 году? Посмотрели бы вы на его особняк. По сравнению с ним горбачевская дача в Форосе похожа на сарай. То, что вы можете всегда, когда хотите (если начальство отпустит) съездить на Запад, то кого вы там этим удивите. Да любой там хиппи садится на мотоцикл и колесит по всем странам. Да, нет! Я вовсе не агитирую вас бежать на Запад. Запад надо делать здесь. Видели, что произошло с товарищем Чаушеску? Так это еще полбеды. А появится, Боже сохрани, какой-нибудь псих вроде Иосифа Виссарионовича или Андропова, и посадит всех на зарплату, а за границу будет выпускать раз в два года на неделю, да и то только по решению Секретариата ЦК. Помните, как выли все в 83-м, когда прямо со Старой площади везли на Лубянку? Где гарантия, что это не повторится? Мы создали в стране систему, при которой нам же самим живется хуже, чем жилось бы без нее. Нам живется хорошо только в сравнении с нашим нищим населением. Подумайте, ведь это патология — жить хуже, чем мы могли бы, ради того только, чтобы всем другим в этой стране было еще хуже. Власть?

Власть дадут деньги. А пока что, извините, мы теряем власть с каждым днем, и с каждым днем множим число наших врагов.

Конечно, некоторые «дубовые» деятели верхнего эшелона номенклатуры и слушать ничего подобного не захотели бы, но их было мало, и не они определяли уже политику «Зазеркалья».

Партия вовремя отказалась от 6-й статьи Конституции. Однако, кроме КПСС, в стране, несмотря на «разгул демократии», не существовало еще ни одной политической партии вообще как таковой, не говоря уже о возможности противостояния каких-либо политических групп могущественному партийному аппарату, все еще управляющему КГБ и армией, распоряжающемуся национальными богатствами, контролирующему средства связи и массовой информации. В стране не было еще отменено ни одного закона, регламентирующего хозяйственную или финансовую деятельность, что позволяло КПСС легко устранять с дороги конкурентов и входить в рынок с развернутыми партийными знаменами. В самый день отмены 6-й статьи Конституции телетайпы Старой площади отстучали секретную шифрограмму:

«13.02.1990. О необходимости рассмотрения некоторых правовых аспектов жизнедеятельности партии в связи с итогами февральского (1990 года) пленума ЦК КПСС.

После признания пленумом ЦК КПСС возможности перехода к многопартийной системе в СССР, видимо, уже в ближайшем будущем начнется формирование новых партий… Нужно было бы проинвентаризировать все правоустанавливающие постановления ЦК КПСС и при необходимости, для восполнения пробелов в правовом регулировании, воспользоваться правом законодательной инициативы или внести соответствующие предложения в Совет Министров СССР… Нельзя исключать и возможности нарастания требований об изъятии у партии ее имущества, прежде всего — зданий, предоставляемых партийным комитетам, другим организациям и учреждениям КПСС: издательств, типографий, домов отдыха, санаториев и иных объектов социальной сферы, транспортных средств и так далее. В связи с этим необходимо провести незамедлительно комплекс мероприятий, закрепляющих право КПСС на владение указанным имуществом…

Представляется, что нужно безотлагательно рассмотреть вопрос об основаниях и порядке пользования специальными средствами связи (в частности шифросвязью, ВЧ, линиями правительственной связи), которыми располагают ЦК КПСС, ЦК компартий союзных республик, ряд других партийных комитетов… Помимо этого, считали бы необходимым проработать проблемы информационного обеспечения деятельности партии, охраны партийных тайн, руководителей КПСС (не занимающих высших государственных постов), зданий КПСС, ЦК компартий союзных республик, других партийных учреждений, учитывая, что в новых условиях, видимо, будет нецелесообразным привлечение для этих целей органов КГБ СССР».

Но пока КГБ еще в распоряжении родной партии. И его можно использовать с большой пользой. Полковник КГБ Веселовский неожиданно был вызван к заместителю председателя КГБ генералу Бобкову. Веселовский служил в Первом Главном Управлении КГБ (внешняя разведка), занимаясь весьма уникальной деятельностью. Пребывая в течение долгих лет в странах, где деятельность компартий (и сами компартии) запрещены законом. Веселовский создавал для этих подпольных партий легальные экономические источники существования и разрабатывал различные способы отмывания подпольных партийных фондов, полученных либо из СССР, либо путем обыкновенного разбоя. Если даже легальные компартии никогда не желали считаться с законами своих стран, то для подпольных закон был вообще не писан. Тут торговали и оружием, и наркотиками, и рабами, и ворованными товарами любого происхождения, гребли свое с проституток, игорных домов, уличных торговцев, с фермеров — в общем, с чего угодно. Но и попадаться было крайне опасно. Если, скажем, во Франции «погоревшие» коммунисты могли рассчитывать на защиту суда и закона, то в странах, где коммунисты находились вне закона, с ними и не церемонились.

Били тесаком по поджилкам и бросали в садок с крокодилами. В назидание прочим.

Поэтому Веселовский, не без основания считавший себя опытным экономистом-международником (с ученой степенью, разумеется), всячески помогал своим товарищам по классу создавать такие подпольные финансово-экономические структуры, чтобы никогда не попадаться. Теперь ему предстояло применить накопленный опыт у себя на родине. Генерал Бобков объявил полковнику, что по просьбе руководства КПСС в лице товарищей Ивашко и Кручины и по согласованию с Крючковым, он, Веселовский, переводится на работу в Управление делами ЦК КПСС на должность заместителя заведующего сектором по координации экономической деятельности хозяйственных служб.

Солдат партии остается ее солдатом на любом доверенном ему посту. Управление делами ЦК КПСС за годы своего существования великолепно научилось тратить деньги, но зарабатывать их там никто, разумеется, не умел. Поэтому и решились звать на помощь «специалистов» типа Веселовского. Это никого не смущало. Фактически КПСС всю свою историю, будучи даже в зените своей неограниченной власти в стране, по сути своей была подпольной, тщательно законспирированной организацией, считавшей, что уронит свой авторитет, если выпустит любой документ, скажем, по количеству абортов в Москве, без грифа «совершенно секретно». Подобное поведение диктовали и все неписаные (и писаные) законы незаконно созданной страны Номенклатурии.

Веселовский быстро понял, чего от него ждут. Используя свой богатый зарубежный опыт, полковник, с обычной непринужденностью игнорируя закон, вскоре представил Кручине аналитическую записку, которая, в лучших традициях партийной фразеологии, была озаглавлена:

«О дополнительных мерах по закреплению и эффективному использованию партийной собственности». В записке, в частности, говорилось:

«…Денежные ресурсы, отраженные в финансовых документах, открыто могут быть инвестированы только в общественные, социальные или благотворительные фонды, что затруднит их конфискацию в будущем. Средства, поступающие в виде доходов в партийную кассу и не отражаемые в финансовых документах, должны быть использованы для приобретения анонимных акций, фондов отдельных компаний, предприятий, банков, что, с одной стороны, обеспечит стабильный доход независимо от дальнейшего положения партии, а с другой — в любой момент эти акции могут быть реализованы на фондовых биржах с последующим размещением капитала в иных сферах с целью обезличивания партийного участия, но с сохранением контроля… Принятие данных мер потребует организовать срочный отбор особо доверенных лиц, которым будет поручено выполнение отдельных пунктов программы, не исключается возможность создания категории негласных членов партии, которые будут обеспечивать ее жизнедеятельность в любых условиях чрезвычайного периода…».

Мысли опытного разведчика-нелегала, заброшенного на этот раз в собственный тыл, были настолько просты и гениальны, что восхищенный Кручина тут же приказал типографии ЦК КПСС отпечатать тиражом в 50 тысяч экземпляров расписки следующего содержания:

«Личное обязательство перед КПСС

Я, член КПСС……. года, партийный билет N………………настоящим подтверждаю сознательное и добровольное решение стать доверенным лицом партии и выполнять доверенные мне партией задания на любом посту и в любой обстановке, не раскрывая своей принадлежности к институту доверенных лиц. Обязуюсь хранить и бережно использовать в интересах партии доверенные мне финансовые и материальные средства, возврат которых гарантирую по первому же ее требованию. Все заработанные мною в результате экономической деятельности на фонды партии средства признаю ее собственностью, гарантирую их передачу в любое время и в любом месте. Обязуюсь соблюдать строгую

конфиденциальность доверенных мне сведений и выполнять поручения партии, передаваемые мне через уполномоченных на то лиц.

Подпись члена КПСС…………………..

Подпись лица, принявшего обязательств……………………»

Бланки обязательств с зеленой диагональной полосой не были одинаковыми.

Некоторые были напечатаны на «кириллице», другие — на «латинице», а иные таинственно манили к себе паутиной арабской вязи и лабиринтами иероглифов.

Николай Кручина лично вносил в некоторые из них имена, фамилии и номера партбилетов, сверяясь с толстенной книгой, все страницы которой были прошнурованы и скреплены сургучной печатью, а названия невозможно было разобрать из-за целой коллекции синих, красных и фиолетовых штампов строгой секретности, превративших обложку в какое-то подобие абстрактной живописи. А между тем, творческая мысль полковника-нелегала из КГБ летела дальше:

«Речь идет о создании в одной из капстран со щадящим налоговым законодательством, например, в Швейцарии, акционерного общества, занимающегося всеми видами информационно-посреднической деятельности: трейдинг, брокераж, посредничество, представительство. Акционеры — доверенные лица. На начальном этапе определяется список будущих акционеров.

В банках страны предполагаемого базирования АО открываются на имя акционеров счета, и на эти счета кладутся соответствующие суммы. Затем немедленно создается СП на территории Советского Союза. Большая часть прибыли АО может быть выплачена (по решению правления) в виде дивидендов акционерам. Как уже отмечалось выше, акционерами являются лица — доверенные советской организации-учредителя (КПСС). Таким образом, пути дальнейшего использования дивидендов определяются советской стороной. Это также означает полную невозможность контроля за использованием этих средств со стороны любых других организаций, частных лиц, кроме партии…».

Другими словами, Веселовский предлагал создать целую сеть международных акционерных обществ и заменить ими ненадежные фирмы «друзей», количество которых катастрофически таяло. Передавая Кручине свой труд, Веселовский, будучи не очень высокого мнения о понятливости партаппаратчиков в сложных вопросах подпольной экономики, прицепил к своей программе маленькую записку:

«Н. Е.! (Николай Ефимович). Доверительно, в 1 экз. Если делать, то только с КГБ». Можно было подумать, что Кручина собирался проворачивать столь глобальные аферы с общиной святой Евгении! Хотя многоопытный полковник имел все основания предполагать, что начиная подобные игры во всемирном масштабе, своего рода мировую революцию, КПСС наверняка подключит к этим играм могущественных конкурентов КГБ — американское ЦРУ и израильский «Моссад». Но полковник Веселовский, как и водится в его ведомстве, знал только то, что ему было положено знать, а об остальном мог только догадываться.

Переходя от общих слов к конкретному делу, Веселовский предложил создать многопрофильную акционерную Компанию совместно со швейцарско-канадской фирмой «Сеабеко групп» и Союзом ветеранов Афганистана.

В ее рамках предполагались: банковская система, авиакомпания, международный торговый дом, фонд приватизации, сеть холдинговых компаний в различных регионах страны. Срок этого проекта полковник определил в 50 лет.

Значительная часть прибыли, естественно, предназначалась КПСС. Пока «крестный отец» новой партийной экономики переходил от своих извращенных и криминальных теоретических идей к практическим действиям, его «шестое чувство» старого разведчика, заставившее призвать Кручину «работать только с КГБ», оказалось, как всегда, точным…

Радисты роскошной трехпалубной яхты «Леди Гислен», рассекающей своим изящным форштевнем голубую лагуну одного из Багамских островов, приняли шифрованную радиограмму, адресованную владельцу яхты Роберту Максвеллу — английскому миллиардеру, владельцу целой кучи газет, издательств и информационных центров.

В самом факте получения шифрограммы не было ничего особенного. Максвелл или «капитан Боб», как его называли близкие друзья и конкурирующие газеты, вел шифропереписку с половиной мира, держа большинство ключей от разных шрифтов в собственной голове. Радиограмма была короткой: «Обеспечьте трансферт по плану три». Подписи не было, да она была Максвеллу не нужна.

Выходец из бедного еврейского местечка в Словакии, Максвелл в годы второй мировой войны служил в британской разведке, закончив службу в чине капитана. После окончания войны «капитан Боб» некоторое время работал в «Форин офисе» Великобритании. В те годы разведывательные и дипломатические службы Запада очень интересовали подробности глобально-фантастического плана товарища Сталина, некоторые детали которого просочились через Железный занавес.

Иосиф Виссарионович готовил контрудар по возомнившему о себе доллару.

Его светлой мечтой было, накопив побольше золота, скупить огромное количество западной валюты и обрушить этот вал на противника, приведя доллар в полное ничтожество, а западную экономику — в состояние хаоса. Товарный голод в СССР вряд ли позволил бы Сталину осуществить задуманное — Сталин всегда ошибался где-то в третьем знаке, что приводило либо к крушению его планов, либо делало их совершенно нерентабельными. Тем не менее, Запад был обеспокоен, и «капитан Боб» как раз работал в этом направлении, пытаясь собрать побольше информации относительно финансовых замыслов вождя всех народов. Насколько английская разведка (самая хитрая в мире) преуспела на этом поприще, трудно сказать, но в разгар своей деятельности Роберт Максвелл неожиданно ушел в отставку, и всего за 13 тысяч фунтов стерлингов купил издательство «Пергамон пресс» — тот самый «Пергамон пресс», который, согласно секретной справке заведующего международным отделом ЦК КПСС т. Фалина, представленной на имя Генерального секретаря ЦК КПСС т. Горбачева, числился в списке фирм «друзей» и предъявлял Советскому Союзу претензии на 500 тысяч долларов.

К 1961 году купленное Максвеллом издательство уже оценивалось в 10,6 миллионов долларов, а к 80-м годам «капитан Боб» владел огромной издательско-информационной империей с филиалами на всех пяти континентах, имевшей официальное название «Максвелл комьюникейшен корпорейшен» и щупальца во всех странах мира, включая и Советский Союз, где Максвелла ласково называли «Первый секретарь Лондонского обкома». В СССР Максвелл добился, казалось бы, невозможного. В полицейско-террористическом государстве была налажена возможность устойчивой еврейской эмиграции в Израиль и США. Причем долгое время право на выезд из огромного концлагеря, именуемого Советским Союзом, имели только евреи.[38]

По времени это совпало с началом издания «произведений» Брежнева и других советских лидеров в издательствах, принадлежащих Максвеллу, а также в оживлении кредитования СССР западными банками. Но если кредиты были просто платой (и весьма дешевой) за утечку мозгов из СССР, то издание «произведений» партийных вождей представляло собой очень занятную и поучительную операцию. Не надо говорить, как «лихо» расходились эти произведения внутри страны, ежегодно кубическими километрами тайно списываемые в макулатуру, но почему-то никто никогда не задавался вопросом, как эти «произведения» в условиях рынка расходятся на Западе? А нисколько не лучше, чем в СССР. Но это давало возможность нашим «вождям» на вопрос, а откуда у них, собственно, имеется иностранная валюта, отвечать стереотипно в течение десятилетий: «За издание книг на Западе».

Проворачивалось это дело так. Кремль оплачивал Максвеллу бумагу и полиграфические расходы по ценам мирового рынка, а сами книгу печатались либо в Москве, либо в ГДР или Чехословакии по безвалютному расчету. Валюта оседала на банковских счетах номенклатуры, а 15 % перепадало самому Максвеллу. Спрашивается, за что? За прикрытие официального канала перекачки денег на Запад, по которому проходили миллиардные суммы. Но чтобы «капитана Боба» не поймали на чистом мошенничестве, оформлялись фиктивные документы, что весь тираж приобретен за валюту советскими посольствами во всех странах земного шара, где эти посольства есть. И книги честно туда завозились, постепенно забивая все чердаки и подсобки огромных посольских зданий. В посольствах выли, но ничего сделать не могли. Им было приказано эти книги распространять, что было невероятно тяжелой и, как показала практика, совершенно невыполнимой задачей. Однако, если поднять документы по изданиям книг от «Избранных речей Н. С. Хрущева» до «Нового мышления» Горбачева, не говоря уже о многочисленных переизданиях классиков марксизма на всех языках планеты, то получится, что все эти годы зарубежный читатель просто ничем другим не занимался, как бегал по магазинам, скупая эти «бестселлеры». И тут же требовал заказать новые тиражи в СССР.

Но многогранная деятельность Максвелла, конечно, не ограничивалась подобными мелочами. Используя свои связи с западными банками и владея акциями многих из них, «капитан Боб», время от времени, помогал номенклатуре первой в мире страны «развитого социализма» зарабатывать валюту с помощью так называемых «трансфертных операций».

Суть этих операций сводилась к продаже на Западе больших сумм советской наличности за доллары. А поскольку печатный денежный станок находился в номенклатурных руках, то проблем с советской наличностью не возникало. Денег можно было напечатать сколько угодно.

Любой советский человек с детства знает, что наш рубль — «деревянный», ничем не обеспечен и существует лишь для внутреннего обращения. Это для рабов. А на уровне номенклатуры этот рубль очень даже обеспечен, так обеспечен, что и доллару не снилось. На купюрах есть надпись, что они «обеспечиваются всем достоянием СССР». Внутри страны это ровным счетом ничего не значит, но для западных банков значит очень много. Что такое достояние СССР — это земля площадью в одну шестую часть суши, это леса, это недра, это и многомиллионное неприхотливое население, это и любой кирпич. И предъявляя огромные суммы к оплате, западные банки всегда имели возможность что-либо отсосать из нашего «достояния» в пределах предъявленной суммы. Это сдерживало беспредел номенклатуры, поскольку при трансферте за рубль давали обычно в хорошие времена 10–15 центов, не говоря уже о том, что от подобных сделок во всех странах Запада сильно попахивало уголовщиной, и далеко не все банки на эти операции соглашались. Здесь и нужны были личные связи Максвелла, который был, как говорится, «на ты» с большей частью деловых воротил мира и деятелей большой политики.

Таким образом как бы осуществлялся план товарища Сталина, но только наоборот. При этом деньги никто не перемещал. Советские деньги оставались в Госбанке СССР и лишь меняли владельца счета. Где-то в недрах европейских банков текли доллары на личные счета номенклатуры. А огромная денежная масса, накапливаемая в советских банках, но уже не принадлежащая СССР, готова была в любой момент взорваться, создав, в лучшем случае, 1000 % инфляцию из-за официальной неконвертируемости рубля, тогда как доллары служили только укреплением западной экономики.

Те немногие люди на Западе, которые, подобно Роберту Максвеллу, знали о подобных темных делишках советской номенклатуры, теоретически уже представляли возможность скупки вообще всех наличных денег в СССР, что было равносильно безоговорочной капитуляции коммунистического режима, поскольку единственным выходом из подобного положения могло быть только начало третьей мировой войны. Зная некоторую

безответственность кремлевских владык и их преклонный возраст, на Западе беспокоились, что трансфертный беспредел может привести к непредсказуемым политическим последствиям. Ведь отреагировал однажды Брежнев на очередной доклад об острой нехватке кормового зерна фразой: «Начнем войну и заберем зерно на Западе». Это была шутка, но в ней был намек, выдававший сокровенные чаянья руководства КПСС, навеянные сладкими снами. Когда имеешь дело со страной, где нет никакого общественного мнения и все контролируется преступной организацией, надо быть предельно осторожным. И помимо всего прочего, до начала подобной операции необходимо было привести курс рубля и доллара в соотношение, при котором можно было скупить максимальное количество рублей при минимальной затрате долларов.

Последнее время Максвелл лихорадочно скупал валюту, бесстрашно залезая в долги, которые достигли двух миллиардов долларов. Совершенно неожиданно он продал и своего первенца — «Пергамон пресс» — за 446 миллионов фунтов стерлингов. Кому пошли деньги? Наверное, тому, кто когда-то дал отставному капитану английской разведки 13 тысяч фунтов на покупку этого издательства, числившегося в списках фирм «друзей» КПСС. «План три» означал, что время окончательного расчета по старым векселям приближается…[39]

«Совершенно секретно. Шифр ЗЮДИ

Только что получили из первого адреса: непосредственно от русского банка предложение на сумму свыше 100 миллиардов соврублей по цене 6,62 американского доллара за 100 рублей.

Нет ли у вас возможного покупателя? — тогда можно было бы конкретно обсудить дальнейшие детали».

«Адресат выражает беспокойство по поводу надежности вашего партнера и возможного проникновения Интерпола в круг интересов. Нельзя ли изменить процедуру?»

«Нашим партнером является непосредственный уполномоченный русского государственного банка, который будет лично наблюдать и контролировать всю сделку из Цюриха. Отклонения от предусмотренной процедуры очень трудны и повлекут за собой проблемы…»

«Ваши опасения, что „уполномоченные“ являются объектами Интерпола, беспочвенны. Колоссальные суммы, предлагаемые ими, соответственно оформленные документы и известные вам девизы не могли быть получены без ведома Госбанка, Министерства финансов и Правительства СССР».

Министром финансов СССР был член ЦК КПСС Валентин Павлов.

Управляющим Госбанком — Леонид Геращенко, кандидат в члены ЦК КПСС.

Премьер-министром — член Политбюро ЦК КПСС Николай Рыжков.

Главой государства — Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев.

«Не подвергая сомнению ваши сведения, мы, тем не менее, хотели бы послать непосредственно одного из своих людей в Москву, чтобы убедиться, что подобные предложения действительно исходят от правительства страны, а не от структур, способных навлечь на наш финансовый дом катастрофу…».

Пока на самом верху разворачивались столь детективные события, и радиостанция «Леди Гислен», подобно охотничьему рогу, поднимала финансовую свору всего мира, готовую разорвать на куски Советский Союз, но еще не до конца верящую, что час настал, КПСС продолжала мероприятия по эвакуации, будучи, как всегда, организатором и вдохновителем.

Классический ленинский лозунг: «ГРАБЬ НАГРАБЛЕННОЕ!» трансформировался давно самой жизнью в новый: «ГРАБЬ ОГРАБЛЕННЫХ!».

«Секретно. Директивно. 23.08.1990 г.

…ЦК Компартии Казахстана, МГК КПСС и Ленинградский обком КПСС выступили соучредителями трех коммерческих банков („Компартбанк‟ в Алма-Ате, „Главмостстройбанк‟ в Москве и коммерческий банк „Россия‟ в Ленинграде)…

Партийные организации различных уровней приступили к размещению депозитных ресурсов в коммерческих банках. Однако, на уровне центральных органов партии в этом важном деле допускается определенная медлительность…».

Определенная медлительность объяснялась тем, что со всех сторон полезли конкуренты, мешая работать. Различные общественные группы и частные лица начали организовывать предприятия, кооперативы, банки и даже (о, ужас!) заводить самостоятельные связи с заграницей. И хотя КПСС уже считалась всего лишь одной из общественных организаций страны (кстати говоря, не зарегистрированной официально) и как бы уже ни во что не могла вмешиваться, ее верный боевой отряд — КГБ, мощнейшая государственная, а не общественная структура — родную партию в обиду не давал. Аресты предпринимателей уже начали принимать черты новой волны террора. Дело кооператива «Шепелиха», дело Коробочкина, дело магаданского СП «Спарк», дело Альфреда Шопенберга, обыски, конфискации, науськивание на предпринимателей созданных на свои деньги рэкетирских банд, новая волна коррупции — все это хотя и напоминало политический террор, в действительности являлось устранением конкурентов.

КГБ, наконец, нашла себя, став официальным рэкетиром партии. Но эта роль уже не устраивала КГБ. Всякий рэкетир в душе тоже хочет стать предпринимателем и действовать с широким купеческим размахом, а не просто бегать с кастетом по подворотням, запугивая кооператоров.

Первое Главное Управление КГБ, набитое специалистами типа полковника Веселовского, вовсе не собиралось только обслуживать идеями Управделами ЦК КПСС. Оно желало и самостоятельно воплощать в жизнь богатый опыт подпольной работы в мировом масштабе. ПГУ создает концерн АНТ, назначив его директором своего офицера Ряшенцева, задумав на самостоятельной торговле оружием с собственных секретных складов заработать десятка два миллиардов долларов. Но КПСС хорошо знает свой родной боевой отряд, и на что он способен, слава Богу, вместе промучались больше 70 лет в различных классовых и междоусобных битвах. 6-е управление КГБ накрывает в Новороссийске танки 1-го управления, которые с фальшивой накладной направлялись за границу под видом сельхозоборудования какому-то лихому перекупщику. Разразился грандиозный скандал. Оказалось, что ПГУ успело впутать в свои дела множество влиятельных лиц, включая премьер-министра Рыжкова. Началась яростная внутриведомственная борьба. 6-е управление КГБ даже выпустило на свет Божий провокатора-суданца, который должен был передать людям из ПГУ взятку в 140 тысяч долларов. Причем в Будапеште. Но в ПГУ тоже были не мальчики. Суданца разоблачили как провокатора КГБ, дело вынесли на Верховный Совет и повернули его весьма оригинально: во всем виноваты, оказывается, кооператоры. Ведь АНТ был кооперативом. Но сделка сорвалась, поскольку КПСС не любила самодеятельности.

Все нужно согласовывать в соответствии с установками партийной дисциплины. Как вот, например, товарищи из Ленинграда. Им тоже нелегко.

«27.09.1990 Ленинградский обком КПСС

Совершенно секретно.

27 июня 1990 года в Государственном банке СССР зарегистрирован за № 328 коммерческий банк „Россия‟ с уставным фондом 31 миллион рублей. По согласованию с ЦК КПСС, основным учредителем банка стало Управление Делами Ленинградского областного комитета КПСС. Учитывая высокий интеллектуальный, профессиональный, производственный и финансовый потенциал пайщиков-учредителей, можно предвидеть высокую нравственную и коммерческую отдачу от средств, вложенных в банковское дело. После получения лицензии

банк сможет осуществлять кредитно-расчетные и другие банковские операции в иностранной валюте. Соответственно доле в уставном фонде банка основная часть прибыли, причитающаяся его учредителям, поступит в партийную кассу.

Вместе с тем, в связи с ухудшением экономической обстановки и обострением политической ситуации в стране, считаю возможным перевод на депозит банка „Россия‟ кредитных ресурсов в размере 500 миллионов рублей из резервного фонда партии Из расчета 3–4 % годовых сроком до трех лет. Это позволит создать устойчивую базу для финансирования мероприятий центральных партийных органов.

Секретарь Ленинградского обкома КПСС Б. Гидаспов»

Гидаспов всегда отличался неукротимой энергией и жаждой кипучей деятельности. Не так давно Горбачев лично приезжал в Ленинград, чтобы прогнать с должности прежнего секретаря обкома Соловьева, не понимавшего сути перестройки, и назначить Гидаспова. Тот и возомнил о себе. 500 миллионов рублей под 3–4 % годовых! Горбачев, может быть, и любил Гидаспова, но Кручина его недолюбливал, считал выскочкой. Не любил он и управляющего делами Ленинградского обкома Крутихина, хотя неизвестно за что. Не любил — и все.

«…Управление делами ЦК КПСС считало бы возможным частично согласиться с просьбой Ленинградского обкома партии и направить из страхового фонда КПСС 50 миллионов рублей на депозит коммерческого банка „Россия‟ сроком на два года из расчета 6 % годовых…

Управляющий делами ЦК КПСС Н. Кручина».

Охладив чрезмерные аппетиты Ленинградского обкома, Кручина с головой погрузился в более важные дела. С помощью трансферта предполагалось в течение ближайшего времени обратить 280 миллиардов рублей в 12 миллиардов долларов. Примерно по 15–18 рублей за доллар. Затягивать нельзя, поскольку в ближайшем будущем необходимо будет резко повысить курс доллара относительно рубля, а к этому времени на счетах в западных банках должно осесть такое количество валюты, с помощью которой можно было бы не только приватизировать все партийное имущество, но и приватизировать весь Советский Союз, оставив, таким образом, все в руках партии. Совсем недавно, в июле 1990 года, Кручина, выступая на XXVIII съезде КПСС и не предполагая еще, что этот — съезд последний, произнес пламенную речь, отвергая все домыслы клеветников относительно валютных операций КПСС за границей; Кручина клялся, что партия живет только на взносы: «Никаких вкладов в банках за рубежом и собственности за рубежом КПСС не имеет. Имеется один источник валютных поступлений: членские взносы работающих за рубежом коммунистов, которые уплачивают членские взносы в валюте с валютной части зарплаты. Эти поступления зачислялись в валютный доход государства. В партийный бюджет их сумма возмещалась в рублевом эквиваленте, пересчитанном на соответствующую валюту по курсу соответствующих валют… Валюта на нужды партийных органов нам выделялась в общем порядке, как и другим Министерствам и ведомствам, с возмещением с нашей стороны Минфину ее стоимости в советских рублях также по действующему курсу соответствующей валюты…».

Короче говоря, если у нас и есть какая-нибудь привилегия, так это привилегия первым вставать в атаку на пулеметы. За 70 лет партия изолгалась настолько, что с каждым годом лгала все менее убедительно.

«Совершенно секретно. П 286/72 от 30.10.1990

О просьбе Генерального секретаря компартии США т. Гэса Холла

1. Удовлетворить просьбу Генерального секретаря компартии США т. Гесса Холла и выделить ему в 1991 году 2 миллиона долларов…».

Горбачев поднял глаза на Кручину: «Что-то часто мы переводим Холлу деньги».

«Это не ему, — пояснил Кручина, — это нам. В порядке взаимопомощи».

«Для фирм „друзей?‟» — поинтересовался генсек. Он всегда ничего не понимал, когда ему это было выгодно.

«Кстати, о фирмах „друзей‟. Прогорают фирмы. У нас нет денег им платить. Надо брать из госбюджета, а Геращенко с Павловым не дают. Какие-то у них крупные траты. Товарищ Фалин снова памятную записку представил:

С конца 1989 года фирмы „друзей‟ (Франция, Португалия, Греция, Кипр, Австрия, Швеция, Уругвай) сталкиваются с нарастающими трудностями из-за неуплаты советскими контрагентами денег за поставленные в нашу страну товары. Несколько раз по этой причине фирмы оказывались на грани банкротства, и только вмешательство М. С. Горбачева в ответ на прямое обращение в ЦК КПСС тт. А. Куньяла, Г. Плисанье, Г. Христофиаса, Д. Зильмермайера, Руководства Рабочей партии Греции и Рабочей партии — коммунисты Швеции позволяло на время разрядить критическую обстановку.

В последние недели особенно острый кризис с погашением нашего долга сложился у фирм „друзей‟ во Франции, Австрии и Швеции… На 10 октября 1990 года положение с нашей задолженностью фирмам „друзей‟ следующее:

Компартия Франции — компания „Интерагра‟ (поставляет в СССР зерно, масло, мясо и мясопродукты для спецторговли). К оплате ей предъявлены счета на 138 миллионов долларов, из которых 60–70 миллионов представляют собой просроченную задолженность. Вопрос докладывался 8 октября с. г. М. С. Горбачеву. „Внешэкономбанку‟ было дано указание принять срочные меры. По данным банка (Ю. С. Московский) 9 миллионов долларов были переведены в Париж 11 октября с. г. и еще 1,5 миллиона долларов будут переведены сегодня.

Остальное имеется в виду погасить из французского кредита, переговоры по которому еще не начались.

Рабочая партия — коммунисты Швеции — партийная типография „Виг Трюк продукт АБ‟ не может получить с „Внешторгиздата‟ платежи в размере 3 миллионов шведских крон. Совпосол сообщает, что в случае дальнейшей задержки с погашением нашего долга банкротство типографии может наступить через 7-10 дней. В этом случае под угрозу будет поставлено издание печатного органа „Нор-шенсфламман‟.

Компартия Австрии — компания „Краус и К°‟ (поставляет товары широкого потребления для спецторговли). Просроченная задолженность превысила 30 миллионов долларов и 31 миллион австрийских шиллингов.

Компартия Португалии — компания „Коммерсио интернасионал‟, „Эспор/Эхосуа‟ (Испания), „Металиме‟, „Тагол‟ (поставки растительных масел, обуви, перчаток, полиэтиленовых мешков и стальной ленты). Задолженность частично была погашена, и в настоящее время оценивается в 11 миллионов долларов.

Компартия Греции — фирма „ВЕК‟ (поставки обуви экспортерами „Агапиу‟ и „Ректор‟ для спецторговли). Задолженность частично (до 3 миллионов долларов) была погашена в июле с. г., и в настоящее время оценивается в 8 миллионов долларов.

АКЭЛ — компартия Кипра — фирмы „друзей‟ „Дельта‟ и „ЛОЭЛ‟ (поставляют виноградный сок, джемы и обувь для спецторговли). Задолженность частично была погашена в июле с. г. (4, 2 миллиона долларов), и в настоящее время оценивается в 8 миллионов долларов.

Специфика этого аспекта нашей задолженности состоит в том, что речь, как правило, идет о незначительных по государственным масштабам сумм, которые имеют, однако, жизненно важное значение для „друзей‟. (Помните — „Срочно требуется 3000 долларов для детей Чернобыля. Коляски и протезы для афганских ветеранов. Одноразовые шприцы для

жертв землетрясения‟. Всего-то надо тысяч 10 долларов. Но где их взять? Разве что западные фирмы пожертвуют. А если нет? Нет — так нет! Товарищ Фалин не будет об этом ходатайствовать. — И. Б.).

Желательно, чтобы „Внешэкономбанк‟ согласился на постоянной основе погашать долги фирмам „друзей‟ во внеочередном порядке. Нельзя же каждый раз обращаться к М. С. Горбачеву с просьбой о вмешательстве в решение этих вопросов. В. Фалин».

К записке была приколота маленькая справка следующего содержания:

«17 июля этого года представитель греческой фирмы „ВЕК‟, поделившись планами об открытии в Москве магазинов и обратившись по этому поводу за помощью к партии, написал: „Пользуясь случаем, мы хотели бы выразить свою готовность сотрудничать в области торговли с ответственным за это отделом КПСС. Мы уверены, что в деле развития взаимовыгодного сотрудничества существует много общих интересов.

Товарищи, мы хотели бы выразить сердечную благодарность за помощь со стороны вашей партии, позволившей нашему московскому представительству стать основным источником доходов нашей партии‟.

Горбачев внимательно прочел записку Фалина: „Она адресована мне или Павлову?‟.

„Павлов денег не дает‟, — ответил Кручина.

„А у меня откуда деньги?‟ — поинтересовался Горбачев.

„У нас денег нет, — согласился Кручина. — Все эти расходы всегда обеспечивались из госбюджета‟.

В течение многих лет фирмы „друзей‟ по дешевке снабжали Номенклатурию товарами и продовольствием. Даже воду присылали в специальных баллонах, поскольку номенклатура совершенно справедливо не хотела пользоваться отечественной отравленной водой. Товары, конечно, были по западным меркам, мягко говоря, второсортными, но по советским — сказочными. Народ их, естественно, в глаза не видел. Только слухи летали о каких-то сказочных австрийских женских сапогах, которые продаются в спецраспределителе по 18 рублей за пару. Теперь же партию, входящую в рынок с триллионным состоянием, организующую собственные акционерные общества, торговые фирмы и банки, фирмы „друзей‟ устраивать перестали. В открывшихся новых перспективах вчерашние кормильцы стали выглядеть жалко и нерентабельно. Оставшиеся долги им так и не выплатили. В просторечье тех, кто взял товар, а деньги не заплатил, называют „кидалами‟ (кинул партнера на ржавые гвозди). Обычно такие случаи приводят к крупным разборкам, порой даже со стрельбой, взрывами и поджогами, с трупами и похищениями детей. Волны мошенничества, накатываясь на волны коррупции и произвола, великим потопом заливали страну. Партия могла быть довольна. Десятилетиями КПСС воспитывала народ, задавая тон. Еще ни одна страна не вступала в рынок с таким дико безнравственным состоянием общества, от ЦК КПСС до последнего кооперативного ларька. Так что фирмы „друзей‟ просто попали в жернова истории. Один только Валентин Фалин (надеюсь, что бескорыстно) напоминал о них, прося денег то у Кручины, то у Павлова.

Надо сказать, что у Павлова деньги были. Но он вовсе не собирался тратить их на международное рабочее движение. Как раз в это время министр финансов Павлов, которому вскоре предстояло стать премьер-министром, его первый заместитель Орлов и председатель правления Госбанка Геращенко принимали в укромном месте прилетевшего из Цюриха некого Шмида. Шмид работал в Херигисвиле, называемом налоговым оазисом Швейцарии, в не очень известной фирме „Бюрогемайншафт‟, занимавшейся посредничеством в темных делах во всем диапазоне мирового спектра. Швейцарец прилетел в Москву, чтобы лично убедиться, что предложенный, совершенно фантастический, трансферт является не ловушкой умников из Интерпола, а действительно солидным предложением от ответственных людей с финансовыми полномочиями. Предложения превзошли все ожидания. Ему было

предложено 280 миллиардов рублей. Шмид полагал, что речь будет идти примерно о 100 миллиардах, и такой суммы не ожидал. Это не фантастический, а суперфантастический трансферт, подставляющий СССР под страшный финансовый удар с Запада. Шмид был финансистом и кое-что знал о финансовом положении Советского Союза. Знал он, в частности, и то, что в СССР в обращении находится всего 139 миллиардов рублей.

„Вы собираетесь изъять эти деньги из обращения?‟ — осторожно спросил он Павлова. „Частично, — ответил министр финансов, растягивая губы в знаменитой павловской улыбке. — Но вы не думайте, что мы идиоты. Мы богатые. О нас не беспокойтесь‟. Шмид пожал плечами.

Договорились действовать в четыре этапа.

Первый этап — в декабре 1990 года. 100 миллиардов рублей за 5,5 миллиардов долларов.

Второй этап — в январе 1991 года. 25 миллиардов рублей.

Третий этап — в мае 1991 года. 15 миллиардов рублей. За второй и третий этапы — 2 миллиарда долларов.

И, наконец, четвертый этап — в июле 1991 года. 140 миллиардов рублей за 4,5 миллиарда долларов.

Итого за 280 миллиардов рублей 12 миллиардов долларов.

„Те, кто вас послал, — закончил совещание Павлов, — знают номера счетов. На последнем этапе господин Орлов лично проконтролирует сделку. И не думайте, что это все. Денег у нас еще много‟. Павлов говорил чистую правду.

Денежный печатный станок был в его полном распоряжении, а в случае чего можно было изъять и часть денег у населения. Ничего, не умрут. А умрут — значит, такова их судьба. Ошеломленный и восхищенный Шмид улетел домой.

Всякое бывало в его жизни. Но такого — еще нет. Он только что фактически купил Советский Союз всего за 12 миллиардов долларов!

У Николая Кручины деньги тоже были, но при всяком удобном случае он не упускал возможности запустить руку в госбюджет. Хотя он и недолюбливал деятелей Ленинградского обкома, но выдал им 50 миллионов вместо просимых 500, вовсе не от жадности. В такой пустячной сумме Павлов ему никогда бы не сумел отказать. Кручина просто знал больше, чем Гидаспов и его управделами Крутихин. Ленинградские товарищи стали учредителями банка „Россия‟. С одной стороны, это хорошо, но с другой — партийные банки подают нехороший пример, и каждый, кому не лень, пытается учреждать банк. Так дело не пойдет. На Политбюро уже обсуждался вопрос о запрещении общественным организациям учреждать банки и заниматься коммерческой деятельностью. Но ведь КПСС — тоже общественная организация. КПСС это не коснется. Что-что, а конспирироваться партия умеет лучше, чем все на свете тайные общества! Так что пятьсот просимых миллионов в Ленинград лучше пока не посылать. Конспирация конспирацией, а вдруг засыплются? Такую сумму все-таки жалко. Ленинградские товарищи всегда пытаются быть впереди страны всей. Лучше бы подучились в Москве по методу товарища Веселовского.

А творческая мысль экономиста-разведчика, неукротимо летя вперед, стала материализовываться в весьма конкретные дела, вызывая у Кручины неподдельное восхищение. Он даже ходатайствовал о присвоении Веселовскому звания генерал-майора, но Крючков не проявил по этому поводу никакого энтузиазма, сухо сославшись на отсутствие штатных должностей… и денег. Кручина не к месту вспомнил о 50 тоннах золота, которые хранились на балансе КГБ, и даже сделал пометку в календаре, что с этим делом надо разобраться.

Веселовский, оставшись полковником, нисколько не расстроился. Генералы, адмиралы… Все это уходит в прошлое. Наступают новые времена. Буквально за час Веселовский создал показательную семью советских миллионеров, убедив Кручину „подарить“ этой семье 400 миллионов рублей партийных денег. В результате хороший знакомый Веселовского, бывший главный технолог НПО „Каучук“, М. Хотимский стал неожиданно руководителем сразу четырех фирм: малого предприятия „Галактик“, общества с ограниченной ответственностью „Джобрус“, фирмы „Холдинг ЛТД“ и Московской муниципальной ассоциации. Его жена М. Хотимская, стала учредителем „Галактик“, а ее брат В. Кравец — генеральным директором „Джобруса“. В свою очередь, жена Кравца, танцовщица по профессии, стала учредителем как той, так и другой фирм. Генеральным директором самой крупной в этой семье фирмы стал подполковник КГБ Гребенщиков, формально уволенный из ведомства, но продолжавший носить пистолет и удостоверение. Его главной задачей было следить, чтобы новые миллионеры вели себя послушно и не выкинули чего-нибудь неожиданного. Фирмы, естественно, ничего не производили, а занимались перепродажей туалетной воды и пива, а поэтому доход был огромным.

Веселовский докладывал Кручине: „В результате установленных связей с разными зарубежными компаниями у меня появилась возможность решать и более серьезные хозяйственные задачи. В частности, такие, как получение финансовых кредитов от частных финансовых групп (до 100 миллиардов долларов на 10–12 лет)… Частично эти вопросы докладывались мной в устной и письменной форме Павлову, Ситаряну, Знаменскому, Примакову, Геращенко и… в устной форме получали от этих лиц формальное одобрение…“.

Полностью одобренный метод полковника Веселовского стал внедряться по всей стране. Всего за несколько месяцев по методу разведчика-нелегала КПСС на свои средства организовала 1453 совместных предприятия с иностранными фирмами, акционерных обществ со смешанным капиталом, вложив в коммерческие структуры 14 миллиардов рублей и 5 миллиардов долларов.

Но экономист Веселовский никогда не забывал, что он — полковник КГБ. А если бы и хотел забыть, то ему бы этого никак не позволили. Обязанности разведчика он выполнял и в недрах ЦК родной партии, которая на его глазах сбрасывала имидж партии рабочего класса, превращаясь в транснациональный картель. Полковник имел задание выведать побольше партийных тайн, но либо конспирация в ЦК была куда выше, чем в любой разведке мира, и партия великолепно подбрасывала в КГБ дезинформацию, либо Кручина просто перевербовал Веселовского, поскольку его доклады на имя своего непосредственного начальника генерала Грушко (заменившего Бобкова) выглядят уже совсем жалкими, никак не достойными профессионала такого уровня:

„В ходе работы в ЦК мне стали известны важные… моменты:

1. Собственность КПСС рассредоточена по организациям различного уровня, что не позволяло принимать быстрые решения… В УД ЦК не было полной картины о состоянии дел собственной партии…

2. Финансовые средства также были рассредоточены. УД контролировало лишь центральный бюджет, дефицит которого к середине 1991 года достигал 500 миллионов рублей.

3. По валютным средствам партии не было никакой ясности. Частично их контролировало руководство ЦК, занимавшееся международной деятельность. Но создалось впечатление, что ни Дзасохов, ни Фалин не имели точной информации по этому вопросу. Многое оставалось закрытым у старых руководителей, среди которых ряд счетов за рубежом, по некоторым данным, контролировал Брутенц (советник Горбачева)“.

Особое задание Веселовского заключалось в том, чтобы разнюхать подробности о так называемом Научно-промышленном Союзе и концерне „Симако“, к которому руководство ЦК

КПСС и лично Кручина относились с самым сердечным расположением. Партия вкладывала в Союз и в концерн огромные средства, поскольку это был не более, как знаменитый ВПК — Военно-промышленный комплекс — та отрасль советской промышленности, которая еще работала эффективно, производя всевозможные виды оружия. Возглавлял НПС и концерн „Симако" член ЦК КПСС Аркадий Вольский. В прошлом мелкий чиновник партаппарата, он чем-то приглянулся Андропову, который назначил его своим помощником и передал по наследству Горбачеву.

Ныне и Союз, и концерн занимались весьма темными, но широкомасштабными делами. С помощью Павлова, ставшего премьером, они торговали военными секретами страны, в результате чего им удавалось обменивать рубли на доллары по сказочному курсу — 1,8 рубля за доллар. Они приторговывали крупными партиями оружия и военного снаряжения, участвуя и в других весьма сомнительных операциях. Концерн имел собственную службу безопасности, состоящую из выведенных в резерв офицеров КГБ, сохранивших служебные удостоверения и право ношения оружия.

Обо всем этом Веселовский докладывал и Грушко, и самому Крючкову. Оба выслушали его холодно и посоветовали „не увлекаться" глобальными проектами, а работать исключительно по созданию методик. Через несколько дней Вольский, лично прибыв в Управление делами ЦК КПСС, устроил Кручине скандал и потребовал немедленно убрать „шпиона" Веселовского из святая святых партии.

Веселовский понял, что попал между двух огней: его не поддерживают ни руководство КГБ, ни руководство ЦК. Случай для советского разведчика нередкий. Полковник законсервировался, весьма резонно опасаясь за свою жизнь.

Но метод Веселовского победно шагал по партийной собственности.

Ленинградские товарищи, которым всегда не терпелось быть в авангарде всей страны, оценили метод полковника Веселовского по достоинству. Коммерческая лихорадка охватила обком после того, как для пробы были освобождены от налогов коммерческие структуры ВЛКСМ. Чтобы не ударить в грязь лицом перед младшим братом — комсомолом, партаппаратчики стали искать собственные пути в коммерцию. Все было проще простого. КПСС была могущественной, влиятельной организацией, и многие новорожденные фирмы с радостью бросились под ее крыло.

С обитателями Смольного заключались договора на солидные суммы, а те в обмен обеспечивали фирмам „зеленый свет" там, где для всех других непререкаемо горел „красный". Шла ли речь о получении помещений, о хороших заказах, о предоставлении банковских кредитов, о налоговых льготах — везде обком быстро и эффективно решал все вопросы. Платили бы деньги и делились прибылью. Создавая банк „Россия", обком КПСС и привлек в качестве пайщиков своих клиентов, вроде ПТО „Русское видео", которому даже выделили помещение в самом Смольном, страхового общества „Русь" и проректора Политехнического института профессора Шлепкова. При создании банка основную долю в уставной фонд — 15 миллионов рублей — внес, естественно, ОК КПСС (свои 50 миллионов Кручина еще не прислал). „Русское видео", которое должно было внести 13 миллионов, нужной суммы собрать не смогло и вынуждено было взять в долг у обкома. Естественно, поэтому председателем совета нового банка стал Управляющий делами обкома КПСС Аркадий Крутихин.

Казалось бы, все хорошо, но тут подоспел закон о банках, который с такой твердостью пробивал Кручина, хорошо усвоив метод полковника Веселовского. Закон о банках РСФСР требовал вернуть паевой взнос обкому КПСС.

Перед тем как возвратить обкому 15 миллионов рублей, из совета банка был выведен председатель совета — управляющий делами обкома Крутихин. Это естественно и понятно: деньги уходят, уходит и их распорядитель.

Одновременно в состав ввели и избрали председателем как бы новое лицо — заместителя председателя правления компании „Дайнемик Трансфер‟ А. А. Крутихина. „Новое лицо‟ принесло в банк вместо прежних, „партийных‟ 15 миллионов новые, „беспартийные‟ 15 миллионов — пай компании „Дайнемик Трансфер‟. Мгновенная трансформация председателя совета банка Крутихина из управляющего делами ОК КПСС в бизнесмена из компании „Дайнемик Трансфер‟ произошла как по волшебству, равно как и перелицовка 15 партийных миллионов.

А тут подоспели и 50 миллионов от Кручины, и дела вообще пошли в гору. Часть средств передали совместному советско-бельгийскому предприятию „Дайнемик Трансфер‟ с юридическим адресом в Политехническом институте (именно поэтому профессор Шлепков и попал в учредители). СП, в свою очередь, выделило средства на создание страхового общества „Русь‟, а бизнесмен Крутихин, за счет именно этого общества, стал регулярно наезжать в Бельгию, основывая новые совместные предприятия и вкладывая доходы в разные банки. Душою всей этой компании был идеолог КПСС Виктор Ефимов, который, после неудачной попытки пробиться в народные депутаты, плюнул на политику и решил посвятить себя бизнесу.

Более тонко, но с большим размахом действовал Московский горком КПСС.

Понятно, опыта у него было побольше. Какие дела проворачивали еще во времена Гришина? Даже самого Ельцина схарчили, когда тот вздумал навести в горкоме партийную дисциплину. Нынешний Первый секретарь МГК Юрий Прокофьев по натуре был человек тихий, но умный и хитрющий. Этим он очень выгодно отличался от своего ленинградского коллеги Бориса Гидаспова, который хотя и был профессором химии, но действовал с нахрапистостью и прямолинейностью строевого фельдфебеля. Прокофьев действовал в паре с Первым секретарем Московского обкома КПСС Балашовым.[40] Два дальновидных Первых секретаря московского горкома и обкома КПСС совершенно справедливо забили тревогу по поводу того, что вскоре все праведно и неправедно нажитое партийное имущество будет национализировано. В этой связи они направили наверх записку, где толково изложили способ быстро и надежно припрятать все, что можно. В верхах к инициативе тт. Прокофьева и Балашова отнеслись с пониманием. Управделами ЦК КПСС Кручина в совершенно секретной директиве одобрил идею создания акционерного общества с передачей на его баланс основных фондов партийных органов стоимостью 116,6 миллионов рублей. А спустя четыре дня Секретариат ЦК принял соответствующее постановление:

Совершенно секретно.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Секретариата ЦК Коммунистической партии Советского Союза

О записке тт. Прокофьева Ю. А. и Балашова Б. И.

1. Согласиться (зачеркнуто: „в порядке исключения‟) с предложением Первых секретарей Московского городского и областного комитетов партии тт. Прокофьева Ю. А. и Балашова Б. И. о передаче основных фондов городской и областной партийных организаций на баланс создаваемого с участием этих партийных комитетов акционерного общества.

2. Принять к сведению, что 60 % акций указанного акционерного общества будут принадлежать КПСС в лице Московского горкома и обкома партии.

3. Возложить ответственность за обеспечение имущественных интересов и прав КПСС при решении вопросов создания и функционирования акционерного общества на тт. Прокофьева Ю. А. и Балашова Б. И.».

Но как бы ни были детективно захватывающими события в обкомах и крайкомах КПСС, они все-таки не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило на вершине Партийно-государственной пирамиды, где сверху было видно все. Партия вела ожесточенную войну за свою собственность против обнаглевшей общественности, постоянно призывая на помощь

спецчасти КГБ, десантников, внутренние войска, а когда собственность окончательно уплывала из рук, то и танки. Уже гремели выстрелы в Вильнюсе и Риге, где на партийную собственность покушались особенно ретиво. Но еще более скверные вести приходили из южных республик. Там на партийную собственность как бы никто не покушался, но сами партаппаратчики перестали платить дань Москве, вопили о национальной независимости и клялись при этом не Лениным, а Кораном.

Последние остатки имперских сил, группирующие вокруг председателя КГБ Крючкова и кучки военных и партийных ортодоксов, лихорадочно пытались предотвратить уже совершенно очевидный крах коммунизма как идеологии, чтобы сохранить свою власть над огромной империей. В отчаянии они снова вспомнили о Саддаме Хусейне. После вывода советских войск из Афганистана война между Ираком и Ираном за ненадобностью затихла сама по себе. Обе стороны потеряли примерно по миллиону человек и очень этим гордились. Хусейн изнывал от безделья, лениво поругивая Израиль. Ему нашли работу. План казался очень перспективным. Хусейн нападает на соседний Кувейт и оккупирует его. Чисто символическая гвардия кувейтского эмира, естественно, не сможет оказать никакого сопротивления миллионной армии Саддама, вооруженной до зубов новейшей советской техникой и имеющей опыт почти десятилетней войны с Ираном. Хусейну достанутся богатейшие нефтяные поля Кувейта, который присоединяется к Ираку в качестве провинции.

План основывался на том, что Соединенные Штаты никогда не смирятся с подобным международным разбоем и вынуждены будут начать с Ираком войну, ибо если они этого не сделают, то потеряют полностью свой престиж мировой державы. А если сделают, то завязнут, как и во Вьетнаме, в долгой и кровавой войне. А поскольку СССР связан с Ираком договором о дружбе, то Соединенным Штатам придется отныне платить не за последовательное проведение в СССР «демократических реформ», а за то, что СССР сохраняет нейтралитет. Это сразу же ослабит экономическое и финансовое давление на Советский Союз со стороны Запада и позволит свернуть горбачевские реформы.

Хусейн с готовностью согласился. Он сам уже давно зарился на несметные богатства Кувейта и Саудовской Аравии.

Оговорив моральную поддержку со стороны СССР и свой личный гонорар в 2 миллиарда долларов, Хусейн приказал своей армии оккупировать Кувейт, что и было сделано в течение 30 часов без каких-либо потерь. Как и ожидалось, США немедленно начали перекидывать войска в Саудовскую Аравию, чей перетрусивший король сам призвал Вашингтон на помощь. Под прикрытием Саддама Хусейна партия вышла из окопов и попыталась вернуть в стране свою былую власть и величие.

Однако, это произошло в самый разгар переговоров о новых кредитах, которые вели в США и Европе Горбачев и Шеварднадзе. Оба немедленно осудили оккупацию Кувейта, поставив Хусейна в совершенно дурацкое положение.

Ортодоксы давили на Горбачева и устраивали ему скандалы в прессе и Верховном Совете и даже организовывали демонстрации с портретами Саддама Хусейна.

Делалось все, чтобы отмежеваться от США и от Запада и попытаться повернуть неуправляемый советский корабль на старый ленинско-сталинский курс.

Но великий политик Горбачев — уникальнейшее явление в эпоху всеобщего развала и деградации — на много голов возвышаясь над безликой толпой вопящих в предчувствии собственной гибели партортодоксов, научился великолепно маневрировать в океане посредственности, управляя его штормами и штилями по своему усмотрению. Смело маневрируя, он каждым своим шагом добивал мертворожденную систему, выводя номенклатуру из смертельного тупика, куда ее завели его незадачливые предшественники. И в подавляющем своем большинстве номенклатура видела в последнем генсеке своего

спасителя, поддерживая горбачевскую политическую эквилибристику и вытесняя ничего не понимающих ортодоксов на свалку истории.

В разгар этих событий не выдержал даже Шеварднадзе, эффектно уйдя в отставку прямо с трибуны съезда. Он видел предстоящий развал СССР, и пост министра иностранных дел гибнущего государства его уже перестал устраивать.

Мыслями он уже был в родной Грузии.

А между тем, американцы разгромили армию «товарища» Хусейна так быстро и решительно, что никто в Москве сразу не мог понять, что же произошло.

Закаленные в боях иракские солдаты тысячами сдавались в плен, Кувейт был освобожден за сутки, американским танкам была открыта дорога на Багдад. Но самое главное было не в этом, а в том, что США продемонстрировали такие системы оружия нового поколения, такие новые способы ведения электронной войны, такую координацию действий различных видов вооруженных сил, которая могла только сниться советским генералам и Военно-промышленному комплексу.

Вашингтон явно давал понять, что кроме средств экономического и финансового наступления, он может поддержать доллар и более понятными для советского мышления средствами. Великий план экономического мирового господства вступал в завершающую фазу, демонстрируя свои стальные мускулы.

Крушение плана вовлечения Соединенных Штатов в длительную войну привело всю антигорбачевскую оппозицию, сметенную в кучу процессами, происходящими в стране и мире, в состояние шока. Пока оппозиция пребывала в этом состоянии, президентом РСФСР стал Борис Ельцин, добившийся успеха на обещании департизировать все государственные структуры России, и выполнивший это обещание изданием специального Указа о департизации. В это же время Горбачев создал Всеармейский партийный комитет, приказав Кручине перевести на счет нового партийного монстра 600 миллионов рублей. Только будущие историки по-настоящему смогут оценить прозорливость и хладнокровие этого гениального политика, возникшего в СССР наподобие белого гриба среди мухоморов. Кручина уже не справлялся с тем объемом дел, которые ему еще предстояло решить. Из отставки на помощь был вызван его предшественник — восьмидесятилетний Георгий Павлов (не путать с премьер-министром Валентином Павловым), чей громадный опыт и огромная, несмотря на возраст, работоспособность позволили более оперативно разгребать груды проблем.

«Совершенно секретно. 28.06.1991

Директивно….

Комиссией по экспертной оценке объектов собственности КПСС, находящихся в ведении Управления делами ЦК КПСС, проведем анализ правоустанавливающих документов на 49 крупных административных, лечебно-оздоровительных и производственно-хозяйственных комплексов Управления делами (включая здравницы, загородные хозяйства, гостиницы, административные здания аппарата ЦК КПСС, транспортную часть, предприятия бытового обслуживания, складские сооружения) общей стоимостью 778 миллионов 749 тысяч 500 рублей, а также на объекты издательства КПСС „Правда“, „Панорама“, „Политиздат“, типографию „Красный пролетарий“ (включая здания, сооружения, машины, оборудование и другие основные фонды) общей стоимостью 393 миллиона 400 тысяч рублей и объекты центральных партийных сооружений — зданий и сооружений и другие основные фонды Академии общественных наук, Института современных общественных проблем, Института истории и теории социализма, Центрального музея В. И. Ленина с государственным историческим заповедником „Горки Ленинские“ общей стоимостью 124 миллиона 691 тысяча рублей. Всего экспертной оценке подвергнуто 60 комплексов общей балансовой стоимостью 1 миллиард 296 миллионов 841 тысяча 100 рублей….

На некоторые объекты, однако, не удалось в полной мере оформить правоустанавливающие документы. Так, отсутствуют решения об отводе земельных участков для дома отдыха „Нагорное" и дачного поселка „Сходня", не выдавались государственные акты на право пользования землей по дому отдыха „Озера", пансионату „Чинара", дачному отделению „Мисхор". Управлением делами ЦК КПСС принимаются дополнительные меры к оформлению недостающих документов, однако, местные советы народных депутатов, в компетенцию которых входит решение этих вопросов, не всегда занимают конструктивные позиции….

В целях создания дополнительных гарантий от возможных притязаний на объекты партийной собственности, а также сокращения средств партийного бюджета на их содержание, полагаем целесообразным осуществить следующие мероприятия. На объектах Управления делами ЦК КПСС (в том числе на предприятиях, в здравницах, загородных хозяйствах и др.), по которым есть все необходимые документальные подтверждения права собственности КПСС, осуществлять хозяйственную деятельность в соответствии с Законом СССР „О предприятиях в СССР"… На базе некоторых хозяйств организовать общества с ограниченной ответственностью, акционерные общества. Создать совместные предприятия с привлечением советских и иностранных юридических лиц.

Отдельные объекты административного, производственно-хозяйственного и лечебно-оздоровительного назначения Управления делами ЦК КПСС, на которые отсутствуют необходимые правоустанавливающие документы, в полной мере подтверждающие их принадлежность к собственности КПСС, передавать на длительный срок в аренду надежным советским и зарубежным партнерам…

Управделами ЦК КПСС Н. Е. Кручина».

Кроме недвижимости, необходимо было подумать и о деньгах КПСС, вложив их в целую сеть созданных через подставных лиц и фирм банков. КПСС, естественно, рассматривала вообще все деньги страны как свою собственность и вела себя соответственно.

Кручина уже привлек к тесному взаимодействию Минфин СССР во главе с новым министром Орловым. С помощью Минфина КПСС фактически стала владельцем крупнейшего «Автобанка», переведя на его счет 1 миллиард рублей.

Председателем правления «Автобанка» стала Н. Раевская — жена первого заместителя министра финансов В. Раевского. Опекаемый с двух сторон, «Автобанк» буквально купался в сверхприбылях. Начальник главного бюджетного управления Минфина СССР В. Барчук (ныне первый заместитель министра экономики и финансов России) сделал партийному «Автобанку» невероятный для любого государства подарок: ему даровали право взимать долги с государственных предприятий, что составляет голубую мечту каждого банкира.

(Ныне тот же В. Барчук является сопредседателем следственной комиссии, пытающейся разобраться, как же такое могло произойти?)

Но «Автобанк» был каплей в море. Кручина внимательно просмотрел секретный список принадлежащих или зависимых от КПСС банков, куда лихорадочно распихивались партийные деньги:

1. Автобанк — 1 миллиард рублей под 7 % годовых.
2. Банк профсоюзов СССР — 500 миллионов рублей под 4,5 %.
3. Токобанк — 150 миллионов рублей под 7 % + 70 миллионов паевого взноса.
4. Молодежный коммерческий банк — 275 миллионов рублей под 9 %.
5. Уникомбанк — 500 миллионов рублей под 10 %.
6. Часпромбанк — 30 миллионов рублей под 7 %.
7. Станкинбанк — 50 миллионов рублей под 10 %.
8. Банк «Россия» (через Лен. ОК КПСС) — 50 миллионов рублей под 6 %.

9. Главмостстройбанк — 90 миллионов рублей под 10 %.

10. Казкомпартбанк (через ЦК компартии Казахстана) — 100 миллионов рублей под 10 %.

11. Советский фонд развития и поддержки малых предприятий — 40 миллионов рублей под 10 %.

12. Экспериментальное объединение «Логос» — 40 миллионов рублей под 15 %.

13. Торгово-производственное предприятие «Шива» — 5 миллионов рублей.

14. Всесоюзная ассоциация новых хозяйственных форм и социальных инициатив — 60 миллионов рублей под 10 %.

15. Корпорация «Союз-В» — 200 миллионов рублей под 6 %.

16. Малое предприятие «Галактик» — 250 миллионов рублей под 12 %.

17. Троицкий институт инновационных и термоядерных исследований (через МП «Галактик») — 50 миллионов рублей.

18. Общество с ограниченной ответственностью «Джобрус» — 50 миллионов рублей под 6 %.

19. Производственно-коммерческая фирма «Холдинг ЛТД» — 50 миллионов рублей под 6 %.

20. Московская муниципальная организация — 50 миллионов рублей под 6 %.

21. Российское творческое объединение «Отечество» — 1,125 миллиона рублей (на создание кинофильма) — 25 % прибыли от проката.

22. ТО «Очаг» — 10 миллионов рублей (на создание кинофильма) — 25 % прибыли.

Итого: 3 миллиарда 634 миллиона 125 тысяч рублей.

Это по первому списку. Далее: реестр № 2, № 2А, № 2А-6, № 3-В…

Голова пухнет от миллиардов и миллионов. Но и это еще не все.

Как уже упоминалось, КПСС на старости лет разродилась незаконнорожденным дитятей — Российской компартией. А дитя, как известно, требует расходов, особенно если оно родилось таким голодным и жадным.

Управделами РКП Игорь Головков, быстро усвоив методику своей хитрой родительницы, еще в феврале 1991 года представил секретный доклад на тему: «О предложениях по Основным направлениям производственно-хозяйственной деятельности ЦК компартии РСФСР». Ссылаясь на Закон «О банках РСФСР», запрещающий общественным организациям учреждать банки, Головков поучал своих коллег: «…необходим поиск учредителей. Таковыми могут быть предприятия и учреждения компартии РСФСР».

И пошло, и поехало:

«…На местах в последнее время партийные комитеты стали заключать больше хозяйственных договоров, пополняющих доходную часть бюджета: на аренду зданий, транспорта, другого партийного имущества. Зарегистрирован ряд хозрасчетных организаций, учрежденных и соучрежденных партийными комитетами… В Приморском районе Ленинграда организован хозрасчетный социологический центр, расположенный в здании райкома. Центр проводит социологические исследования в интересах населения района, и часть прибыли за счет своей деятельности отчисляет РКП и РК КПСС… Имеется также большое количество предложений, в том числе зарубежных фирм, о развертывании совместных производств ЭВМ, одноразовых медицинских шприцев, телепродукции, стройматериалов и других изделий, а также по развитию внешнеторговой деятельности, туризма, строительству гостиниц и так далее. Для решения всех возникающих организационно-технических и экономических вопросов полагали бы в этой связи необходимым учредить при Управлении делами ЦК на

хозрасчетной основе бюро… которое могло функционировать как центральная коммерческая биржа…».

Молодая и цветущая РКП быстро стала плодиться, для начала одарив общество своим первенцем — Либерально-демократической партией Жириновского.

В метрике о рождении новой партии говорилось:

«Управление делами ЦК КП РСФСР, действующее на основании положения о производственной и финансово-хозяйственной деятельности, в лице управляющего делами ЦК т. Головкова, с одной стороны, и фирма „Завидия“ в лице президента фирмы т. Завидия Андрея Федоровича, именуемая в дальнейшем „Фирма“, с другой стороны, заключили договор о нижеследующем:

Управление предоставляет „Фирме“ временно свободные средства (беспроцентный кредит) в сумме 3 (три) миллиона рублей».

Не успели просохнуть чернила под этим договором, как на свет появилась партия Жириновского, который тут же выдвинул себя кандидатом в президенты России, а вице-президентом выбрал Андрея Федоровича Завидия, именуемого в договоре «Фирма»…

Так же была создана Российская Национально-патриотическая Рабочая партия: «Управление делами ЦК КП РСФСР… в лице управляющего Головкова И. М. и Государственный экспериментальный научно-технический производственный центр „Киртель“, действующий на основании устава в лице генерального директора Ванковича А. Ю… заключили настоящий договор о нижеследующем:

Управление предоставляет центру временно свободные средства в сумме 3 (трех) миллионов рублей на цели, изложенные в протоколе… Данный договор действителен лишь при условии соблюдения конфиденциального протокола-соглашения № 2».

Плодя националистические и профашистские группировки, Российская компартия, тем не менее, оставалась партией коммунистической номенклатуры, то есть более всего думала о личном благосостоянии своего руководства. К этому времени страну уже душила талонная система — фактически на все виды продуктов были введены карточки, как в годы войны. Пока кормясь от спецраспределителей своей старой мамы — КПСС, РКП энергично создавала и собственную сеть спецраспределителей, расширяя границы номенклатуры.

«Управление делами ЦК КП РСФСР, именуемое в дальнейшем „Управление“, в лице управляющего делами Головкова Игоря Михайловича, действующего на основании положения, с одной стороны, и торгово-промышленная ассоциация „Луч“ исполкома Кунцевского райсовета… заключили настоящий договор о нижеследующем:…Управление предоставляет Ассоциации беспроцентную ссуду в размере 500 тысяч рублей… Ассоциация использует эти средства для ремонта торговых и бытовых помещений, в том числе магазинов, где будет проводиться обслуживание сотрудников Управления и аппарата ЦК КП РСФСР. Ассоциация обязуется в течение трех лет проводить еженедельное обслуживание 400 (четырехсот) сотрудников аппарата ЦК КП РСФСР продовольственными товарами, в том числе поставками совместного предприятия „Монгрифлес“, а также промышленными товарами один раз в течение трех месяцев…»

С удовольствием наблюдая, как быстро мужает ее новорожденное дитя, КПСС не забывала и своих приемных деток — компартии Восточной Европы, которые, лишившись власти и имущества, скрылись за новыми социалистическими и социал-демократическими вывесками, с головой уйдя в коммерцию. И они были не прочь получить от КПСС доллары, чтобы вложить их со взаимной выгодой в собственные совместные предприятия, тайно созданные на Западе. В Варшаву поделиться опытом был командирован заместитель Кручины А. Поспевалов, который, вернувшись, писал в отчете: «Наряду с использованием законодательных положений, позволяющих в некоторых странах иметь собственные партийные предприятия, приоритетное значение отдается созданию структур, формально не

связанных с партией. В этих целях широко используется учреждение на партийные средства частных фирм, основанных на доверии, привлекается иностранный капитал, применяются преимущественно такие формы организации, как акционерное общество, фонд, общество с ограниченной ответственностью, сужающие возможности отчуждения собственности по политическим соображениям».

Компартии Восточной Европы были не менее хитрыми, чем их московские патроны, но традиционно имели более накатанные связи с разными мелкими фирмами соседних капиталистических стран. И польза от них могла бы быть большая.

Николай Кручина быстро составил документ «О сотрудничестве КПСС с левыми партиями стран Центральной и Восточной Европы по вопросам производственно-хозяйственной деятельности».

Немедленно последовало решение Секретариата ЦК КПСС:

«…Разрешить Управлению делами ЦК КПСС в установленном порядке участвовать в создании совместных с левыми партиями стран Центральной и Восточной Европы хозяйственных структур за рубежом, имея в виду, что учредителями с советской стороны будут выступать подведомственные Управлению делами ЦК КПСС предприятия, являющиеся юридическими лицами… Дать согласие руководству СДРП на создание в Польше совместной советско-польской фирмы, специализирующейся на торгово-посреднических операциях, в том числе приграничной торговле, развитии иностранного туризма, оказании консультативных маркетинговых и иных услуг… Обеспечить финансирование участия Управления делами ЦК КПСС в хозяйственной деятельности за рубежом, в том числе при создании совместных предприятий, за счет реализации через фирмы братских партий товаров и услуг, приобретаемых за рубли…

Выделить социал-демократии республики Польша в 1991 году в порядке оказания помощи 30 путевок в санатории и дома отдыха Управления делами ЦК КПСС, предоставив им право реализовать их на коммерческой основе среди своих членов или через представительные западные туристические компании…»

Туристический бизнес, как известно, самый прибыльный в мире, и КПСС, владея огромным количеством первоклассных гостиниц, отелей, домов отдыха, кемпингов и санаториев в лучших курортных зонах страны, лихорадочно передавала их липовым акционерным обществам по балансовой стоимости, которая была примерно в 10 раз ниже реальной. Начался этот процесс с флагмана партийной гостиничной индустрии — величественного отеля ЦК КПСС «Октябрьская». Для этой цели 17 апреля 1991 года Управлением делами ЦК КПСС и американской фирмой «Кенгуру» (фактически фиктивной организацией, созданной компартией США) учреждено совместное предприятие «Арбат». От имени ЦК КПСС учредителем стал гостиничный комплекс «Октябрьский», не имевший статуса юридического лица. Ответственным за проведение операции был заместитель Кручины В. Лещинский. При этом стоимость гостиничного комплекса была оценена по балансовой стоимости в 3 миллиона 450 тысяч 419 рублей, и по этой цене передана совместному предприятию «Арбат», хотя реальная стоимость комплекса (полезная площадь 5700 кв. м) определяется в 25 миллионов долларов.

Уровнем ниже неукротимый управделами Ленинградского обкома КПСС (он же бельгийский бизнесмен) Аркадий Крутихин, получив директивные документы Кручины, немедленно добился регистрации в Ленинграде частной компании с ограниченной ответственностью «Рейсмередж Лимитед». В нее вошли фирмы «Росбри Интернэшенел» и «Атчерли Интернэшенел». Спустя всего десять дней третьим акционером нового общества стало Управление делами ОК КПСС, предложив в качестве паевого взноса одну из своих гостиниц — фешенебельный «Меркурий» на Таврической улице. Через три месяца, в июле 1991 года, Ленинградский обком решил вложить в «Рейсмередж Лимитед» свою вторую

гостиницу «Смольнинская», а также обкомовский гараж и резиденцию на Каменном острове. Общая балансовая стоимость зданий, сооружений, оборудования и инвентаря составила 13, 5 миллиона рублей. Реальная стоимость была в 10 раз выше, и в долларах.

Уровнем выше дела шли еще круче. Международный отдел ЦК КПСС дал указание премьер-министру Павлову и министру иностранных дел Бессмертных в предстоящих переговорах с министром иностранных дел Анголы Ван-Дунемом предпринять некоторые шаги, чтобы упрочить свое влияние в этом регионе. Суть секретной инструкции сводилась к следующему: с тех пор, как в Анголе и в соседнем Мозамбике к власти пришли коммунисты, обе страны вели непрерывные войны с соседями и внутренней оппозицией, задолжав СССР за поставки оружия соответственно 9 и 3,7 миллиарда долларов, не имея при этом никакой возможности когда-нибудь расплатиться. Но и в той, и в другой стране еще в колониальные времена португальцы построили шикарные отели с видом на Атлантический и Индийский океаны. Представители правительства получили указания потребовать указанные отели в счет погашения долга и перевести их в собственность партии…

Международный отдел ЦК КПСС и Управление делами ЦК КПСС были самыми могущественными преступными организациями в истории. Они занимались всем: от многомиллиардных сделок до тривиальных убийств. Они подделывали банкноты, паспорта, печати, чековые книжки, сертификаты, дирижировали террористическими и преступными организациями за рубежом, разжигали войны и этнические конфликты, имея связи со всеми мафиозными организациями мира.

Историкам, если они когда-нибудь будут допущены к секретным архивам этих коммунистических структур, понадобится не менее 500 лет, чтобы поведать изумленному миру о творившихся на Старой площади делах.

Для осуществления своих дерзновенных планов МО и УД ЦК КПСС опирались не только на КГБ и ГРУ, были вещи, которые и тем знать не полагалось. В распоряжении Управления делами имелась специальная оперативная группа, не имеющая специального названия и пока условно именуемая спецподразделенние «Зет». Эта группа имела во много раз больше прав и полномочий, чем КГБ.

Создал ее в свое время еще Ленин для борьбы с ЧК и аппаратом. Сталин укрепил ее, сделав именно это подразделение инструментом своей личной власти. Именно эта спецгруппа имела право врываться в кабинет любого номенклатурщика и, зажав ему нос пассатижами, требовать чистосердечного рассказа о своих преступлениях. Даже министры безопасности никогда не были уверены, что их в любой момент не выволокут в наручниках во двор и не расстреляют. И, как показала история, были совершенно правы. Сейчас спецподразделение «Зет» занималось сравнительно мирным делом: вывозило из страны золотой запас, что болтунам из КГБ было совершенно невозможно доверить…

Но и КГБ не сидел без дела, несмотря на крайне негативное отношение Крючкова ко всему происходящему. Крючков хорошо помнил, как его покойный шеф и благодетель Юрий Андропов, пребывая в муках творчества, пытался придумать новый убийственный ярлык, чтобы заменить несколько устаревшее и скомпрометированное понятие «враг народа». Да так, чтобы и его можно было налепить на кого угодно: от уборщицы до маршала. И придумал: «агент западного влияния». Немного получилось длинновато, поэтому, подумав, решили слово «западного» выкинуть и оставить просто «агент влияния» или АВ. Эту аббревиатуру положено было проставлять на учетных карточках и уголовных делах. Получилось гениально. Агент влияния. Жены агентов влияния (ЖАВ), члены семьи агентов влияния (ЧСАВ), дети агентов влияния (ДАВ), способствующие агентам влияния (САВ). (Помните, как у Ленина: способствующие и способные способствовать — и тех, и других расстреливать). Сверяйте жизнь по Ленину и не ошибетесь.

Такими мерами покойный Андропов собирался сражаться с наступающим долларом, но не успел. Крючков же, видя, как вся страна превратилась в гигантского «агента влияния», несколько запоздало пытался внедрить новаторский термин в сознание людей, но не нашел поддержки даже среди своих подчиненных. На самой Лубянке развелось «агентов влияния» больше, чем их было на нью-йоркской бирже. Не говоря уже о том, что все высшее и среднее руководство КГБ давно уже смотрело на советские рубли с омерзением, получая зарплату в валюте, целые отделы автономно даже не входили, а врывались в рынок, круша конкурентов и не очень заботясь о том, чтобы придать своим действиям хотя бы видимость законности.

Любой человек или группа лиц, которые пытались организовать кооператив, малое или, упаси Бог, совместное предприятие, не имеющее партийной крыши, немедленно подвергались преследованию, закрывались, владельцы арестовывались, разорялись, имущество конфисковывалось, экспроприировалось, иные владельцы рэкетировались, просто грабились с тем же немеркнущим революционным задором, что и в 1918 году. Даже попытка премьер-министра России Фильшина совершить законный «трансферт», обменяв 140 миллиардов российских рублей на товары для населения, была сорвана КГБ с шумным скандалом. Для заключения сделки российскому правительству был подсунут англичанин Колин Гиббинс, хорошо известный у себя на родине как советский шпион. В свое время его четыре раза арестовывали за попытку передачи СССР новейшей военной технологии. И хотя это было ясно с самого начала провокации, погасить скандал не удалось. Фильшин, заместитель премьер-министра России, вынужден был подать в отставку. Сделка сорвана. А когда примерно то же самое попытался сделать частный предприниматель Артем Атальянц, его без всяких разговоров упрятали в тюрьму. (С 1986 по 1991 год в тюрьму были брошены 172 тысячи предпринимателей, представляющих угрозу для КПСС как конкуренты. Большинство из них находится в заключении до сих пор).

В КГБ уже было создано целое новое управление по «защите экономики», в рамках которого имелся отдел «Новых экономических структур», возглавляемый генералом Александром Стерлиговым. Работая по старым методикам ГПУ времен сворачивания НЭПа, отдел буквально выбивал душу из каждого предпринимателя, пытавшегося вне партийных структур наладить хоть какое-то дело. Особенно громкие скандалы разгорелись вокруг первого советского миллионера Артема Тарасова, заявившего о себе весьма эффектно.

Будучи коммунистом, Тарасов как-то заплатил партвзносы в размере 90 тысяч рублей, что означало личный доход в миллион рублей. КГБ охотился на Тарасова, как на бешеного волка, невзирая на то, что он имел депутатскую неприкосновенность как народный депутат СССР. КГБ вламывался в его офисы, проводя гласные и негласные обыски, арестовывал счета, конфисковывал товары, аннулировал сделки. В итоге против Артема Тарасова возбудили уголовное дело за «оскорбление чести и достоинства президента СССР», поскольку он в каком-то интервью обвинил Горбачева в попытке продать японцам часть Курильской гряды за 200 миллионов долларов. Было ли это клеветой на Горбачева или разглашением государственной тайны, так и осталось неизвестным, но в травлю Артема Тарасова включилась и прокуратура СССР в лице самого Генерального прокурора Трубина, потребовавшего лишить Тарасова депутатской неприкосновенности и посадить в тюрьму.

В это же время промелькнуло сообщение, что Артем Тарасов передал три миллиона рублей бирже «Алиса», которую возглавлял двадцатитрехлетний Герман Стерлигов — племянник генерала Стерлигова. В недавнем прошлом студент МГУ, Герман Стерлигов находился под следствием за поджог какого-то кооперативного ларька, не пожелавшего платить ему дань. В самый разгар следствия дело было неожиданно прекращено, а незадачливый рэкетир оказался во главе фактически первой советской биржи, которая, бурно развиваясь, видимо, «на добровольные пожертвования», превратилась в систему бирж и первой перешагнула через границы страны в Европу.

После этого Артем Тарасов исчез. Одни говорили, что он в тюрьме, другие — что умирает в больнице после покушения, третьи уверяли, что Артем сбежал за границу. Никто ничего толком не знал, даже прокуратура и милиция, объявившие розыск пропавшего миллионера. Неожиданно на имя президента Ельцина пришло из Франции письмо от Артема Тарасова. Он возвращал президенту России свое депутатское удостоверение, а в письме проклинал Горбачева, который сломал жизнь ему, а также миллионам других советских людей. Тут же пошел слух, что Тарасов убит, письмо — поддельно, а депутатское удостоверение похищено. Постепенно о приключениях первого советского миллионера стали забывать из-за потрясавших страну более драматических событий. Но внезапно Артем Тарасов объявился в Лондоне в качестве зарубежного представителя бирж… «Алиса». К этому времени система бирж «Алиса» уже ворочала миллиардами. Как не вспомнить снова вопрос Бабеля: «Где кончается Беня и начинается полиция? Или где кончается полиция и начинается Беня?» В данном случае уже непонятно, кто здесь «Беня», а кто — «полиция».[41]

С другой стороны, КГБ сделало попытку, которую нельзя назвать ничем иным, как желанием сорвать партийный трансферт миллиардов советских рублей за доллары. Английский еженедельник «Обсервер» неожиданно поместил статью некоей Дианы Миллер, где она заявляла, что десять крупных американских компаний приобрели колоссальные суммы в рублях и намереваются обрушить их на советскую экономику. Хотя это была чистая правда, в нее никто не поверил, поскольку быстро выяснилось, что Диана Миллер в недавнем прошлом работала редактором в АПН, известном в качестве филиала КГБ, а в настоящее время являлась генеральным директором совместного предприятия «Дайнемик Трансфер», основанного Аркадием Крутихиным — управляющим делами Ленинградского обкома КПСС. Такова извечная трагедия советской разведки. В самые критические моменты истории ей никто никогда не верит…

Пока одно управление КГБ организовало статью Дианы Миллер в «Обсервере», а другое управление ее разоблачало как агента КГБ, в пригороде швейцарского города Люцерна появился сам министр финансов СССР Владимир Орлов. Он прилетел, чтобы лично проконтролировать четвертый этап «трансферта» в 140 миллиардов рублей и убедиться, что оговоренная сумма в долларах переведена на соответствующие банковские счета.

А между тем, Михаил Горбачев вернулся из Лондона, где участвуя в совещании стран «семерки», долго и приватно беседовал со своим другом Робертом Максвеллом. С высоты командного мостика Михаил Горбачев увидел, что час настал. И дал команду: «Покинуть корабль!» Корабли под всеми флагами мира шли рядом, принимая на борт людей и грузы, предлагая буксирные концы.

Скалы приближались. Горбачев оставался на мостике, внимательно следя за обстановкой. Шел август 1991 года. КПСС уже практически исчезла из жизни страны. Время от времени на экранах телевизоров появлялось то умное лицо товарища Дзасохова, призывающего во имя спасения национальной (!) культуры не сносить памятники Ленину, то искаженное злобой лицо ленинградского обкомовского идеолога Белова, предупреждающего о неизбежной гражданской войне в случае каких-либо посягательств на партийную собственность.

В Управлении делами ЦК КПСС лихорадочно распределяли последние деньги: 10 миллионов рублей Академии общественных наук, по миллиону с лишним нескольким музеям Ленина. В Политбюро шли еще какие-то обсуждения о назначениях, перемещениях, обмене послами, ратификации договоров, о кандидатах в министры и инструкторы ЦК. Они настолько заработались, что не слышали команды своего капитана: «Оставить корабль!» Огромный корабль все быстрее и быстрее несло на острые скалы. С огромным трудом американским и европейским спасателям удалось перебросить буксирный конец, чтобы хотя бы несколько замедлить скорость гибнущего гиганта и смягчить удар о скалы. В этот момент группа

безумцев, выскочившая из трюма, где она собиралась отсидеться, обрубила спасательный конец и вырвала штурвал из рук Горбачева.

Они считали, что корабль еще можно спасти. Подняв на мачтах красные флаги с серпом и молотом, они дали «самый полный вперед». На полной скорости корабль размером в шестую часть света врезался в скалы. Огромный корпус заскрежетал, разваливаясь на части. Горбачев, еще безучастно стоящий на мостике, был сбит с ног, но быстро поднявшись, бросился за борт и был спасен. Многие обвиняли его, что он, будучи капитаном, первым покинул гибнущий корабль. Это вовсе не так. Как и подобает настоящему капитану, он ушел последним, убедившись, что все его люди и грузы уже находятся в безопасном месте. Это событие получило название «августовского путча».

Через четыре дня после памятных событий, 19 августа, деятельность КПСС и РКП была официально запрещена, партийное имущество национализировано, банковские счета — арестованы. 14 человек посажены в тюрьму. Это произошло вовремя. Вся номенклатура почти без остатка успела перетечь в новые структуры власти, еще раз подтвердив свою непотопляемость и вечность.

Николай Кручина вывалился с балкона своей квартиры на пятом этаже номенклатурного дома в Плотниковском переулке.

Вслед за ним то же самое произошло и с его предшественником, Георгием Павловым.

Затем с двенадцатого этажа своей квартиры выбросился ответственный работник международного отдела ЦК Дмитрий Лисоволик.

В каждом деле, а особенно в конце дела, необходим четкий порядок, утвержденный еще на III съезде РСДРП.

На другом конце мира за борт своей шикарной яхты выпал мертвый (или еще живой) Роберт Максвелл. Даже для него игра оказалась слишком крутой. Тело миллиардера нашли в море через три дня и торжественно, в присутствии членов правительства и военного караула, похоронили в Иерусалиме. Меньше знаешь — больше живешь.

Стряхнув с себя старую коммунистическую шкуру, номенклатура почувствовала прилив новых творческих сил, не затуманенных марксистско-ленинскими заклинаниями.

Государственный банк немедленно объявил новый курс рубля относительно доллара, доведя его до 100 рублей за один доллар.

Накопленные номенклатурой доллары, стирая в порошок национальную валюту, обрушились на погибающую страну. Со всех концов мира к ним присоединялись валютные подкрепления. За бесценок скупались остатки национального достояния погибшей страны. Шла и до сих пор продолжается лихая номенклатурная приватизация, в ходе которой жители «Зазеркалья» приватизировали все, чем незаконно владели в течение 73-х лет.

Теперь никакими средствами, кроме, конечно, ленинских, у них этого богатства не отобрать. Неприкосновенность частной собственности — основа рыночной экономики. Так и было задумано. Умело используя свой накопленный почти за век опыт, номенклатура снова блокировала продовольственные склады, направляя товары на валютные биржи, которыми владела единолично. Более 800 бирж (в США их всего семь) в мистическом хороводе продают и перепродают друг другу товары, взвинчивая цены и добивая национальную экономику. Почти половина внутренней торговли перешла на доллары. Доллар, заменив собой мечту коммунистическую, стал мечтой столь же недоступной для многомиллионного нищего населения оккупированной им страны. Огромная ядерная сверхдержава — Союз Социалистических Республик — с треском развалился под натиском доллара и перестал существовать. Самая огромная армия в мире, тысячи стратегических ракет, десятки тысяч суперсовременных танков и боевых самолетов, гигантские авианосцы и чудовищные подводные ракетоносцы оказались не в состоянии предотвратить катастрофу и бесполезно ржавеют на просторах погибшей страны.

Не сделав ни одного выстрела и не потеряв ни одного солдата, Соединенные Штаты, продемонстрировав принципиально новые методы сокрушения, блестяще выиграли третью мировую войну, разгромили, расчленили и стерли с географической карты мира своего главного противника, оставив его лежать ничком в грязи и хаосе и взывать к недавнему смертельному врагу о помощи и милосердии. Как и было задумано.

* * *

Соединенные Штаты играли свою игру, номенклатура — свою. Победили и те, и другие. В очередной раз проиграла Россия.

Летом 1991 года в подполье ушла гигантская, хорошо отлаженная, намертво коррумпированная с нынешней властью, «невидимая» партийная страна Номенклатурия и ее экономика. Вчерашний политический и идеологический диктат сменился диктатом экономическим, и против народа был немедленно развязан экономический террор в лучшем духе старых времен. Партия еще соглашалась кое-как кормить своих рабов, но людей, возомнивших себя свободными, она кормить была не намерена. А Номенклатурия по-прежнему будет кормить сама себя и подкармливаться с Запада. А народ, отученный думать и работать, пусть вымирает. Он уже ни в каком качестве никому не нужен.

Коммунисты пришли в нашу страну в 1917 году как захватчики, более семидесяти лет вели себя как оккупанты, а сообразив, что их время ушло, разбежались, как ярмарочные воры, в очередной раз ограбив до нитки народ и уничтожив государство. Даже географически Россия оказалась отброшенной к временам достопамятного царя Иоанна IV Васильевича, то есть в XVI век. А на дворе уже XXI.

Мы прошлись только по поверхности, не копая слишком глубоко. Но даже и то, что лежит на поверхности, никто не собирается отбирать у бывшей КПСС.

На послепутчевой эйфории, когда обнаружилось, что в государственной казне осталось всего 240 тонн золота, какие-то лихие ребята из парламентской комиссии России бросились на Запад в поисках золота партии. Встретили их там холодно.

«У вас есть решение суда о том, что КПСС является преступной организацией, и ее золото добыто преступным путем? Нет? Тогда до свидания. Справок никаких не даем. Привыкайте к демократии, ребята. Это вам не 1918 год!»

Пока они рыскали по Европе, туда же из СССР «улетело» еще 6 тонн золота. Вот так! На прощание посмотрим, что случилось с некоторыми героями нашей детективной истории.

Николай Кручина погиб. (С августа по октябрь 1991 года на территории СССР произошло 1746 таинственных самоубийств номенклатурных чинов. Почти точно по числу созданных КПСС совместных предприятий. Но обо всех рассказывать нет никакой возможности).

Помощник же Кручины В. Лещинский стал членом совета акционерного общества «Арбат», приватизировавшего гостиницу «Октябрьская».

Герой небывалого в истории «трансферта», бывший министр финансов В. Орлов сделался членом правления Всероссийского биржевого банка, выпускающего депозитные сертификаты на предъявителя, что позволяет перевозить валюту в любую страну мира без предъявления документов, удостоверяющих личность, и декларации об источнике доходов, создавая возможность неконтролируемого ввоза и вывоза золота из страны. Не об этом ли всегда мечтала номенклатура со времен Иосифа Виссарионовича? И нет такой мечты, которую большевики не смогли бы сделать былью!

Управляющий делами Ленинградского обкома КПСС Аркадий Крутихин; в отличие от своего московского шефа, жив и здоров. Правда, его в очередной раз выгнали из правления его же собственного банка «Россия». Банк пережил шок опечатывания и в состоянии шока

забыл, что принимал Крутихина председателем совета правления не как управляющего делами обкома, а как вице-президента фирмы «Дайнемик Трансфер». Но шок прошел, и справедливость восторжествовала. Но если банк «Россия» впадал в шоковое состояние, то сам Крутихин сохранял полное хладнокровие. Прямо в день путча, когда его начальник Гидаспов, срочно собрав на пленум членов бюро обкома, повелел поднять на поддержку ГКЧП многотысячную армию коммунистов, Крутихин передал оздоровительный комплекс «Чайка» и базы отдыха в Солнечном на баланс созданного им сельскохозяйственного товарищества «Вартемяки» (с ограниченной ответственностью). Балансовая стоимость — 22 миллиона рублей. В настоящее время он занимается их приватизацией.

То же самое делает и Юрий Прокофьев в Москве.

Следователи, затаив дыхание, вскрыли сейф Валентина Фалина в международном отделе ЦК КПСС, но ничего, кроме наполовину выпитой бутылки коньяка, там не нашли.

Товарищ Дзасохов сказал, что у него своего сейфа вообще не было, и подался консультантом в какой-то мощный транснациональный картель.

Горбачев основал «Фонд Горбачева», где пригрел своего друга — академика Яковлева. Говорят, тот пишет новую книгу. Последняя его книга, изданная в 1986 году, называлась «Закат капитализма». Сам Горбачев с частными визитами ездит по миру, собирая пожертвования для фонда и почетные титулы. Не завидуйте — он все заслужил. Уничтожить коммунистическую систему и при этом не только уцелеть, но и остаться на свободе, поверьте, было совсем непростым делом.

А золото партии осталось в надежных руках.

И не ищите его, потому что если вы его найдете, вам это ничего не даст.

Почему? Да потому, что мировая революция, о которой мечтали Ильич и Парвус, уже совершилась. Доллар оккупировал весь мир. Против него бессильны все средства борьбы с оккупантами, которые мы знаем. Его не раздавить танками и не затерроризировать партизанскими отрядами. Его можно победить только более сильной валютой, которая сотрет доллар в пыль, как он стер наш рубль. Но как создать такую валюту, если все свое золото партия фактически переправила в Соединенные Штаты? Надо работать, но работать никто не умеет и не хочет, а кто хочет, тому не дают. А кому дают, того разоряют.

И делают это сознательно.

Над страной под видом гуманитарной помощи учреждена международная опека, и она фактически потеряла свою независимость.

Кто и где определяет сейчас ее будущее?

Большевики исчезли так же неожиданно, как и появились, растворившись в тех мировых структурах, которые когда-то выплеснули их на Россию.

Нынешнее правительство России — то ли арьергард ушедшей в подполье номенклатуры, то ли авангард новой номенклатуры, выходящей из подполья. Не понять. Одно отрадно — никто больше не строит коммунизм.

И на том спасибо.

Санкт-Петербург. Январь-март 1992 г.

Примечания

1

Если кто-нибудь в этом еще сомневается, то могу сообщить, что в распоряжении НПП «Облик» имеются около 50 фотоснимков, сделанных в Зимнем дворце 26 октября и хорошо иллюстрирующих устроенный там погром. Готовится к изданию альбом «Зимний дворец утром 26 октября 1917 года».

2

Зачеркнуто, переправлено на 10000 — вдохновение приходит во время творчества.

3

Но Гитлер для этой цели имел аппарат, а сам не оставил единой визы на документах подобного рода. А вождь мирового пролетариата не брезговал писать подобные бумаги собственноручно, с неизменным коммприветом в конце.

4

Приказ, видимо, был согласован с австро-венгерским командованием.

5

Так называемые «интернациональные» войска показали себя особо надежными при массовых арестах в городах, при подавлении крестьянских восстаний и рабочих выступлений. Из них формировались знаменитые «части особого назначения», заградотряды, отряды по пресечению дезертирства из Красной Армии, спецотряды ЧК. Столь огромное количество иностранцев в армии «суверенной» страны более всего говорит о том, насколько «Советская республика» была суверенна.

6

Железнодорожная связь между Австро-Венгрией и Швейцарией была прервана с началом военных действий.

7

В июле 1916 году Менжинский опубликовал в парижской эмигрантской газете «Наше Эхо» весьма интересную статью о Ленине, в которой писал: «Ленин — это политический иезуит, который в течение многих лет лепит из марксизма все, что ему нужно для данного момента. Ныне он уж совершенно запутался в своих теориях… Ленин — это незаконнорожденное дитя русскою абсолютизма, считающий себя единственным претендентом на русский престол, когда тот станет вакантным… Если он когда-нибудь получит власть то наделает глупостей не меньше, чем Павел I… Ленинисты — это даже не фракция, а какая-то секта или клан партийных конокрадов, пытающихся щелканьем своих кнутов заглушить голос пролетариата». Странная компания собралась в Кремле!

8

Сам Парвус, надо заметить, никогда не занимал никаких партийных постов, ни на одном съезде не имел даже права голоса. Но более 20 лет он, по меткому выражению Солженицына, «рассыпал идеи» для своей мачехи-партии, которые были слишком глубоки, чтобы их кто-то мог правильно понять, кроме самого Ленина, сумевшего их не только правильно понять, но и блестяще переработать для массовой агитации.

9

Князь Андронников, друг Распутина, бывший чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, имевший доступ к царской семье, столь сочно воспетый Пикулем в «Нечистой силе» и кинорежиссером Климовым в «Агонии». Интересный состав исполнителей был у «мирового пролетариата»! Тех, кто сомневается в том, что Андронников после октября стал главой кровавого Кронштадтского ЧК, мы отсылаем к работе «Ленин и ВЧК», Москва, 1975 г., стр. 229.

10

Даже наша официальная история уже близко подошла к разоблачению мифа о «выстреле Каплан в сердце революции».

11

Если сравнить эти события с гитлеровским геноцидом против евреев, то надо признать, что нацисты были гораздо гуманнее в собственной стране. Враг был определен четко. Если ты еврей — ты враг, если нет, то нет. Как повезло родиться. Такие же ярлыки, как «буржуй»,

«враг народа», «кулак», «подкулачник» и прочие, могли быть навешены на кого угодно и в любом количестве. В этом и заключается главное отличие гения от подражателя, а также массового террора от террора избранного. У Гитлера стояла задача сплотить нацию, у Ленина — уничтожить как можно больше свидетелей, предварительно их обобрав.

12

Великий князь Николай Михайлович — историк с мировым именем. За него ходатайствовал М. Горький. Ленин ответил бесподобно: «Революции историки не нужны!» Великий князь Георгий Михайлович — археолог также с мировым именем, автор большого количества фундаментальных научных трудов.

13

Как раз в это время — в марте 1919 года — обманутые дешевой демагогией рабочие, влача голодное и беспросветное существование, превращенные фактически в рабов, делали робкие попытки обратить внимание «рабочего» правительства на свое положение, прибегая к мирным забастовкам. Это происходило во многих городах, и везде был один и тот же результат — забастовку топили в крови рабочих. В Астрахани собрался десятитысячный митинг, на котором рабочие местных заводов и рыбных промыслов (вспомните белугу и осетров на кремлевском банкете) обсуждали свое тяжелейшее материальное положение. Не успели выступить первые ораторы, как площадь была оцеплена войсками ЧК. Почти без предупреждения по рабочим был открыт огонь из пулеметов и винтовок, площадь забросана ручными гранитами. Рабочие бросились бежать, оставив на площади 2000 человек убитыми и ранеными (которых тут же добили выстрелами из наганов). Почти все участники митинга были арестованы и размещены по шести комендатурам ЧК в подвалах, на баржах и в трюме стоящего на приколе парохода «Гоголь». В Москву сообщили о восстании. Из Москвы немедленно пришел лаконичный ответ: «Расправиться беспощадно». Работа закипела. Рабочих расстреливали в подвалах чрезвычаек, связанными, бросали с баржи в Волгу. Трупы едва успевали свозить на кладбище, где они грудами сваливались прямо на землю: полураздетые, залитые кровью. 13–14 марта расстреливали только рабочих, но потом власти спохватились и, видимо, чтобы свалить вину на «буржуев-подстрекателей», начали повальные аресты интеллигенции, бывших домовладельцев, купцов, рыбопромышленников и лавочников, которые чудом уцелели от предыдущих расправ. Списки расстрелянных «буржуев» публиковались сотнями. Рабочих расстреливали без всякой публикации, но их расстрелы продолжались до середины апреля. Было такое впечатление, что на астраханских рабочих большевики решили выместить свою злобу за все забастовки, которые волной прокатились по стране в марте 1919 года. Не менее крупные расстрелы забастовщиков имели место в Петрограде, Туле и Брянске. Опубликованные в Англии данные говорят о том, что за первые три месяца 1919 года было расстреляно 138 тысяч человек. «Однако эта цифра, — отмечает самый беспристрастный исследователь большевистских зверств С. Мельгунов, — в действительности дает лишь бледное представление о том, что происходило в России». Рабочие могли «смело» смотреть в будущее, откуда надвигалась мировая пролетарская революция!

14

В эти дни полным кодом идет контрнаступление Красной Армии на всех фронтах. Начал применяться новый метод изъятия ценностей и денег. При занятии города «красными» на него накладывалась контрибуция в зависимости от величины города. Например, от Киева было потребовано 400 миллионов золотых рублей, от Одессы — 500 миллионов, от Харькова — почему-то всего 100 миллионов. Контрибуция принималась любыми золотыми монетами, слитками золота, ювелирными украшениями, драгоценными камнями, иногда картинами. В случае неуплаты контрибуции в срок (обычно 2–3 дня) власти обещали расстрелять каждого пятого жителя. Какая-то контрибуция вносилась, затем начинались повальные обыски. Причем не делалось никакого исключения для рабочих. В их жилищах (а большинство жило в

собственных домах в предместьях) все переворачивалось вверх дном, а затем часто дома поджигались.

Продолжались и массовые убийства. В Киеве в один день были убиты 2000 бывших офицеров, вызванных для регистрации в городской театр. В Петрограде за три месяца (июль, август, сентябрь) расстреляно 5000 человек. В Кронштадте неожиданно расстреляли 20 врачей «за слишком большую популярность среди рабочих». В Екатеринославе расстреляно 100 железнодорожников за попытку организовать забастовку. В Иваново-Вознесенске под страхом расстрела РВК приказал всем жителям сдать швейные машинки (?!). В Архангельске сразу же после прихода «красных» расстреляно 800 офицеров, служащих у генерала Миллера. Туда же немедленно стали приходить этапы с офицерами и казаками, взятыми в плен на юге. Прибывших поголовно расстреливали под Холмогорами, где спешно развертывались первые лагеря смерти. Знаменитый Кедров лично руководит потоплением двух барж, заперев в них 1200 офицеров. В Москве вспыхивает эпидемия сапа. Всех выявленных больных расстреливают на месте. Заодно и больных тифом. По секретному приказу ЧК выявляет и уничтожает больных сифилисом. Столица будущей империи должна быть стерильной.

15

Оккупационный режим, установленный Лениным в завоеванной стране, если и отличался от гитлеровского, то гораздо большей свирепостью. Вот приказ комендатуры с ссылкой на решение ВЦИК от 11 июня 1921 года:

«1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливают на месте без суда.

2. Селянам, у которых скрывается оружие, объявлять приговор о взятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. Семья, в доме которой укрылся бандит (то есть ограбленный до нитки крестьянин, осмелившийся сопротивляться — И. Б.), подлежит аресту и высылке, имущество ее конфисковывается, старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда.

4. Семьи, укрывшие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитские, и старшего работника этой семьи расстреливать без суда.

5. В случае бегства семьи бандита… оставленные дома сжигать.

6. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно».

Другой приказ:

«1. Станицы и селения, которые укрывают „белых“ и „зеленых“, будут уничтожены, все взрослое население — расстреляно, все имущество — конфисковано.

2. Все лица, оказавшие бандитам содействие — немедленно будут расстреляны…»

16

В ноябре 1920 года «белые» эвакуировали Крым. Именно в это время в Крыму появляется бежавший из родной Венгрии Бела Кун со знаменитой Землячкой — той самой, которую Сталин позднее, чтобы приструнить надоевшую ему Крупскую, серьезно рассматривал в качестве кандидатки на роль вдовы Ленина.

По традиции, все началось с регистрации офицеров, которым Фрунзе торжественно гарантировал амнистию. Расстрелы начались мгновенно и быстро перешли в массовую бойню. Убитых бросали в старые Генуэзские колодцы, а когда те заполнились, заставляли обреченных рыть общие могилы. Переполненные баржи выводили в море и топили. Семьи также уничтожались. Беспощадно расстреливались даже женщины с грудными детьми. Врывались в госпитали и больницы, расстреливая всех подряд, не обращая никакого внимания на флаги Международного Красного Креста, под защитой которого Врангель оставил в Крыму своих раненых. Затем последовал приказ всем жителям Крыма, под страхом расстрела, заполнить анкеты и сдавать их в местные ЧК. Ленин, консультируя Троцкого по

проведению необходимых мероприятий в Крыму, мудро заметил, что «Крым отстал на три года в своем революционном движении. Его надо быстро подтянуть к общему революционному уровню России». Более всего расстрелы свирепствовали в Севастополе, Ялте, Балаклаве и Керчи. В Севастополе первым делом расстреляли более 500 портовых рабочих за то, что они работали на погрузке уходящих транспортов генерала Врангеля. Списки расстрелянных не стеснялись публиковать. Уже 28 ноября был опубликован первый список расстрелянных в Севастополе: 1634 человека, включая 278 женщин. 30 ноября был опубликован второй список: 1202 человека, включая 88 женщин. Только за первую неделю в Севастополе опубликованы списки расстрелянных 8364 человек.

Помимо расстрелов, происходили массовые казни через повешенье. «Нахимовский проспект, — вспоминает очевидец, — увешан трупами офицеров, солдат и гражданских лиц, арестованных на улице и тут же казненных без суда. Офицеров вешали обязательно в форме с погонами. Невоенные болтались полураздетыми.

Вешали „для назидания". Были использованы все столбы, деревья, даже памятники. Исторический бульвар весь разукрасился качающимися в воздухе трупами. То же самое было на Нахимовском проспекте, на Большой Морской и Екатерининской, на Приморском бульваре». Исполнителями, разумеется, были «интернационалисты», которыми командовал бывший офицер кайзеровской армии Бемер (В 1918 году он был немецким комендантом Севастополя). Его первым приказом в качестве советского коменданта было объяснение гражданскому населению, что оно «не имеет право жаловаться на исполнителей советской власти, поскольку оно содействовало белогвардейцам». С чудовищной легкостью Бемер подписывал приказы о расстреле. В частности, сохранился его приказ о расстреле 23 медсестер одного из госпиталей «за укрывательство офицеров» и 18 работников Международного Красного Креста за то же самое «преступление». Те, кому удалось уцелеть, направлялись тысячами в концлагеря — предвестники великого ГУЛАГа, который пышно стал расцветать в Архангельской губернии. А чем же занимались Бела Кун и Землячка? Рассказывают, что Землячка иногда лично участвовала в расстрелах и пытках, но это было, конечно, «хобби», а не выполнение должностных обязанностей. Она и Бела Кун ночи напролет занимались сбором, учетом и транспортировкой золота и прочих ценностей, обнаруженных в Крыму. Террор, как всегда, был прикрытием. С офицеров, конечно, много не возьмешь. Но кое с кого брали немало. Но вот чтобы кого-нибудь потом отпустили, сведений нет. Может быть, кого-нибудь и отпускали, но на Западе из таких не объявился никто. Выкуп брали, а потом расстреливали. Ценности шли двумя путями: на Запад (ответственный Бела Кун) и на север — в Москву, в Гохран (ответственная тов. Землячка)

17

При вскрытии Ленина врачи, к великому своему ужасу, обнаружили, что одно полушарие ленинского мозга не работало с рождения. Второе полушарие было покрыто известковыми образованиями в такой степени, что было совершенно непонятно, как вождь мирового пролетариата жил не только последние годы, но и вообще, поскольку должен был умереть еще в детстве. Врачи считали, что с таким мозгом человек жить не может. Так был ли это человек?

18

Разрядка Ленина.

19

Подобно королю Людовику XIV, Ленин считал себя хозяином не только над жизнью, но и над имуществом своих подданных. Но, в отличие от «короля-солнца», он действовал исключительно по личному усмотрению, поскольку никаких законов в стране не было. Решить надо было один вопрос: буржуй или не буржуй. Известный профессор-почвовед А. Ярилов, известный Ленину еще по революции 1905 года и эмиграции, подвергся из-за

неосведомленности исполнителей экспроприации, то есть у него, как у буржуя, было конфисковано все имущество, включая и постельное белье. Профессор пожаловался Ленину. Дело было в Краснодаре. Ленин тут же дал туда телеграмму: «Кавказ, Краснодар, Предисполкома. Прошу вернуть семье Арсена Ярилова все имущество, платье, белье и другие домашние вещи, реквизированные у нее 24 марта в Краснодаре. В случае невозможности вернуть конфискованное, предлагаю возместить натурой. Подтверждаю, что Ярилов ни по имущественным признакам, ни по идеологии не может быть отнесен к классу буржуазии. Предсовнаркома Ленин. 30 мая 1921 год».

В связи с телеграммой Ленина президиум Кубанско-Черноморского областного исполнительного комитета вынес постановление возвратить вещи семье профессора Ярилова. Ленин часто указывал, что в некоторых случаях только он может решать, кто буржуи, а кто — нет. Поневоле вспоминается один характерный эпизод, происшедший несколько позже в нацистской Германии. К всесильному рейхсмаршалу Герингу прибыли офицеры гестапо с документами, неопровержимо доказывающими, что ряд офицеров штаба Геринга, включая его помощника генерала Мильха, являются евреями по происхождению. Геринг ознакомился с документами и сказал гестаповцам: «В своем штабе я сам решаю, кто у меня еврей, а кто — нет». Ни в коем случае не желая сравнивать Геринга с такой масштабной фигурой, как Ленин, я просто хочу отметить одинаковую методику произвола.

20

Американцы настаивали, чтобы их эксперты могли наблюдать за распределением помощи голодающим, так как в западную печать уже проникли слухи о том, что большевики для того и взывают к иностранной помощи, чтобы, получив бесплатно, тут же перепродать ее обратно на Запад. Было так задумано или нет, сказать трудно, но услышав об экспертах, Ленин вышел из себя. Комиссию экспертов вождь сразу же объявил «комиссией шпиков», а об американской помощи высказал следующее: «Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая. Гувер и Браун — наглецы и лгуны».

21

Все советские историки с этим согласны. Сталин принял страну в тяжелейшее время — казна была пуста.

Эти историки только почему-то помалкивают: а куда же подевались захваченные Лениным несметные сокровища старой России?

22

Торговый синдикат.

23

Эта романтическая охота на золото, меняя формы, продолжалась годами и дожила до наших дней. Даже сегодня при любом обыске, скажем, в поисках самогонного аппарата, не говоря уже о каких-либо более серьезных причинах (а причину можно найти всегда), власти прежде всего предлагают дрожащему от страха «совку» «добровольно сдать золото, бриллианты и оружие», поясняя, что добровольная сдача смягчит вину но не освободит от уголовной ответственности. Начиная с первых декретов СНК, подтвержденных многими последующими, гражданину соцдержавы под страхом смерти запрещалось владеть золотом и прочими драгметаллами в слитках (причем к слиткам приравнивались золотые монеты любой чеканки, ордена из драгметаллов любой страны и любого времени и изделия, представляющие «культурно-историческую ценность» (по усмотрению властей), а равно бриллиантами россыпью и в изделиях с камнями весом более пяти карат.

24

Хрущеву пришлось здорово потрудиться, чтобы уже после смерти Сталина исключить из партии Молотова и Кагановича, чья роль в массовом истреблении людей общеизвестна. Но

беспартийный Молотов, как, впрочем, и остальные, продолжал спокойно пользоваться всеми привилегиями, живя в огромной квартире на ул. Грановского в Доме правительства, отдыхая в роскошном санатории ЦК «Лесные дали» и работая в Ленинской библиотеке в читальном зале № 1, предназначенном для академиков и иностранных ученых, хотя ни тем, ни другим кровавый старец никогда не был. Как недавно выяснилось, вплоть до наших дней Управление Делами ЦК КПСС распространяло привилегии, включая пользование машинами, дачами, спецпайками и прочим спецобслуживанием, на родственников Сталина, Жданова, Берия и многих других, кого в политических целях пришлось публично признать палачами и убийцами. В номенклатурном Зазеркалье свои законы и свои традиции.

25

В связи с нападением Германии на Советский Союз представляется любопытным следующий эпизод. Поставленная Сталиным задача концентрации всего золота, платины и драгоценных камней в руках государства продолжала энергично выполняться. География поисков постоянно расширялась. Если в самой России и на Украине к середине 30-х годов были уже перепаханы даже все кладбища и вскрыты практически все могилы в надежде найти золотые часы или вставную челюсть, то на территориях среднеазиатских республик подобные мероприятии до поры до времени не проводились. Осквернение могил и мавзолеев, по законам ислама, является одним из самых страшных преступлений.

А поскольку освободительная война в Средней Азии, вспыхнувшая еще в 20-х годах, бушевала не утихая, и была подавлена только к 1939 году, получив романтическое название «борьбы с басмачеством», то у самого Сталина и его сатрапов на местах все-таки хватило ума не давать лишнего повода для раздражения местного населения. Но затем наступил черед и среднеазиатских святынь. Особенно привлекал алчные взоры номенклатуры прекрасный и величественный мавзолей Тамерлана в Самарканде. По легендам, подтвержденным архивными документами, великий азиатский завоеватель средневековья в своих походах награбил сказочные, несметные сокровища, большую часть которых приказал положить с собой в гробницу. В мае 1941 года большая команда московского НКВД, сопровождаемая экспертами ленинградского Эрмитажа, выехала в Самарканд для вскрытия гробницы. Хранитель мемориала, восьмидесятилетний Масуд Алаев, придя в ужас, показал приезжим предостерегающую надпись, выбитую на гробнице еще в 1405 году — в год смерти легендарного Тимура.

Надпись предупреждала, что тот, кто осмелится потревожить покой усопшего властелина и вскрыть гробницу, выпустит на свою страну страшных демонов опустошительной войны. На всякий случай, чтобы перестраховаться, об этом доложили в Москву. Оттуда быстро пришел приказ: Алаева арестовать за распространение ложных и панических слухов, гробницу вскрыть незамедлительно. 19 июня 1941 года огромная плита из зеленого нефрита, закрывающая саркофаг Тамерлана, была поднята, о чем на весь мир поведало сообщение ТАСС. В сообщении, в частности, с иронией говорилось: «Популярная легенда, существующая поныне, уверяет, что под плитой гробницы скрывался дух ужасной, опустошительной войны, который не следовало бы выпускать на волю».

Это сообщение перепечатали многие газеты, включая «Ленинградскую правду» от 21 июня 1941 года. Если это совпадение, то весьма странное. Во всяком случае, охотясь на золото, всегда нужно быть осторожным и иметь чувство меры. Но раз вкусившие «беспредел», уже никогда не могут от него отказаться.

26

В мае 1941 года в американском городе Сан-Диего состоялся семинар по перспективным вопросам военно-морского строительства. Семинар был организован руководителями крупных концернов, связанных заказами с флотом США. На этом семинаре адмирал Ричардсон, недавно покинувший пост командующего Тихоокеанским флотом, выступил с

большой лекцией, официальной темой которой должен был стать вопрос о необходимости быстрейшей модернизации инфраструктуры военно-морских баз флота. Однако, вместо этого адмирал прочел лекцию о международном положении. Заявив без тени сомнения, что схватка между Гитлером и Сталиным дело самого ближайшего будущего, адмирал Ричардсон сделал теоретический анализ будущего развития событий.

«Безусловно, — отметил он, — крупного успеха достигнет тот, кто первым начнет наступление, поскольку и вермахт, и Красная армия обучены на идее блицкрига, а обороняться, мало того что не любят, но просто не умеют. Из этого вытекает дилемма: что в большей степени соответствует нашим планам, чтобы первый ход сделал мистер Гитлер или чтобы его сделал мистер Сталин?..

Дилемма решается очень просто. Достаточно взглянуть на карту Европы и убедиться, что если Сталин бросит неожиданно на Гитлера свои 200 дивизий и 10 тысяч танков (адмирал сильно преуменьшил силы Сталина — И. Б.), то вермахт будет раздавлен, и через пару месяцев сталинская армия будет стоять на побережье Канала и в Гибралтаре. Если же начнет Гитлер, то где он окажется через два месяца известно только Всевышнему, ибо он неизбежно завязнет на просторах России, и Сталину придется истратить уйму времени, чтобы выбить его оттуда. Подобный сценарий, отбирая инициативу в войне и от Гитлера, и от Сталина, неизбежно передаст эту инициативу более свободной и динамичной силе, которая неизбежно возникнет, когда русские и немцы сцепятся между собой, отдавая на милость этой новой силе весь мир. Так что отдадим, господа, право первого хода Гитлеру». К этому времени адмирал был частным лицом и мог, в принципе, говорить, что хотел. Однако, присутствовавший на семинаре министр ВМС Нокс в начале собственного выступления сказал: «Адмирал Ричардсон весьма точно сформулировал именно то, что мы (кто мы? Кабинет Рузвельта? — И. Б.) ожидаем от дальнейшего развития событий в мире…»

27

Дело об атомном шпионаже является очень темным. Сейчас известно, что фактически все советские «атомные» агенты были «засвечены» американцами, которые, терпеливо ожидая окончания их работы, не трогали никого, и только, когда СССР официально объявил о наличии у него атомной бомбы, неожиданно арестовали почти всех. Группа знаменитого Абеля почти полностью состояла из работников ФБР и военной контрразведки, которые, работая связниками Абеля, и передали лично все секреты атомного оружия в СССР. А это означает, что подобное решение было принято на очень высоком уровне.

28

Эта секретная лаборатория просуществовала до наших дней, и нет никаких доказательств того, что она ныне не существует. Всем памятны недавние разоблачения, когда при обыске в здании ЦК КПСС после провала августовского путча были обнаружены сотни фальшивых паспортов всех стран, фальшивые печати различного назначения, от таможенных до банковских, горы фальшивых бланков, чековых книжек и тому подобное. Судя по готовой продукции, секретная лаборатория ГПУ ленинских времен ныне превратилась в громадное предприятие, никак не меньше Печатного двора'. А огромное количество долларов, затопивших территорию бывшего СССР, невольно ставит вопрос: а не перешла ли эта лаборатория на обеспечение внутреннего рынка?

29

В тот период золотой запас США составлял 14 тысяч тонн. Немногим больше, чем в СССР, чего нельзя сказать об уровне жизни. Расходами золотого запаса гласно и открыто распоряжался народ, держа под контролем правительственные траты до последнего цента. Именно в этом контроле заключается основа мощи США.

30

Этот интереснейший период советской истории, с 1949 по 1953, год достоин многотомного исследования, которое под хорошим пером может превратиться в небывало захватывающее повествование. Задуманная в недрах ЦК ВКП(б) кампания по борьбе с космополитизмом была, в сущности, ничем иным, как звонкой пощечиной госбезопасности. Пока на Лубянке приходили в себя, им было подброшено знаменитое «Дело врачей», в которое чекисты вцепились, как голодный пес в кость, увидев в этом деле великолепную возможность пустить под нож полным составом все Политбюро и Центральный Комитет партии. Пока чекисты в азарте от открывшихся возможностей выбивали из несчастных медиков показания об их преступных связях с правительственной и партийной верхушкой, в самый разгар их работы по приказу Сталина был неожиданно снят с должности и немедленно арестован всемогущий министр госбезопасности Виктор Абакумов, а на его пост назначен профессиональный партаппаратчик Игнатьев. Первое, что выяснил новый министр, была связь с международный сионизмом многолетнего личного секретаря Сталина — Поскребышева, которого уволокли прямо из приемной вождя в наручниках, но повезли не на Лубянку, а в специальную тюрьму в здании ЦК ВКП(б). На допросе Поскребышев рассказал, что Сталин принял решение уничтожить весь старый состав Политбюро и руководство МГБ, заменив его новыми людьми, лично составил новый список так называемого расширенного Политбюро из 25 человек (куда, кстати говоря, был включен Брежнев, произведший на вождя впечатление своим молодцеватым внешним видом).

Через несколько дней, 28 февраля 1953 года (а не 5 марта, как было объявлено) Сталина нашли мертвым на его даче в Кунцево. Затем армия раздавила танками госбезопасность, которая в пылу борьбы забыла об этой третьей реальной силе «социалистическое общества». А мудрая партия вспомнила…

31

Достаточно сложное кухонное оборудование фирмы Куппербуш требовало специального техобслуживания. Целый выпуск одного из училищ КГБ был послан в ФРГ на заводы фирмы и получил квалификацию механиков по обслуживанию кухонного оборудования. Вернувшись в СССР, они стали обслуживать квартиры номенклатуры, сохранив при этом офицерские звания в системе КГБ.

32

Во время дебатов в конгрессе США по поводу очередных поставок в СССР зерна как-то началась полемика: где логика? СССР тратит все свои деньги на танки против нас, а мы его должны за это кормить. Тогдашний госсекретарь США Генри Киссинджер на это ответил: «Пусть уж они лучше сытыми сидят в своих танках. Так будет надежнее. А то стрельба может помешать наступлению доллара».

33

Поэтому такой общественный резонанс вызвало неожиданное появление книг А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ», где впервые было открыто заявлено, что на каждого убитого партсекретаря приходились миллионы и миллионы убитых и замученных простых людей. Что надо поминать не 1937 год, когда Сталин сводил счеты с номенклатурой, а все десятилетия коммунистического режима, последовательно и беспощадно истреблявшего собственный народ.

34

Льстецы утверждают, что подобная твердость Горбачева была вызвана тем, что уже тогда будущий генсек насаждал в Ставрополье товарно-рыночные капиталистические отношения. Злые языки, напротив, уверяют, что Горбачев взял под защиту грузинских «теневиков» потому, что они уже успели преподнести его жене, Раисе Максимовне, бесценное бриллиантовое колье.

35

По другой версии, Папутин застрелился сам, поскольку не смог выполнить приказа о захвате Амина, и знал, что его ждет.

36

О том, что армия готовила военный переворот во всем социалистическом лагере, существует немало свидетельств. Неизвестно, было бы это так уж плохо, поскольку, как показывает опыт других стран, нет пути от тоталитаризма к демократии, кроме как через временную автократию военной диктатуры. Заговор не удался, поскольку КГБ был на высоте. Это произошло сразу после смерти Андропова. Здесь не место приводить подробности.

Ограничимся официальными сообщениями.

37

Недавно в печать попали показания осужденного и брошенного в лагерь бывшего офицера милиции МВД Грузии Нодари Хунджгуруа. Назначенный в 1978 году начальником ОБХСС одного из районов Грузии, он, представляясь непосредственному начальнику, получил от того такое напутствие: «За место твое хлебное надо, дорогой, платить, кто не платит — жалеет потом очень».

Хунджгуруа отказался, и тогда ему поступило другое предложение: «Убери в селе Орджоникидзе кладовщика чайной фабрики Кантария, и никаких денег от тебя не надо». Когда Хунджгуруа поинтересовался, что значит «убрать», то получил прямое разъяснение — «убить» («совсем его земля поглотить должна»).

Хунджгуруа в ужасе отказался, кладовщик был убит кем-то другим, а слишком щепетильного офицера отстранили от должности. В поисках правды Хунджгуруа добрался до Эдуарда Шеварднадзе, уже перебравшегося с должности министра внутренних дел на пост Первого секретаря ЦК. Шеварднадзе выслушал офицера и с доброй улыбкой сказал: «Нодари, надо было сделать то, о чем тебя просили.

Тогда отношения у тебя со всеми были бы нормальными». «Волосы встали у меня дыбом, — вспоминает Хунджгуруа, — онемел я. Так молча и ушел…». Как только Хунджгуруа вышел из здания ЦК — его арестовали…

38

Еще не написанная история еврейской эмиграции из СССР имеет много таинственных страниц. Какого-нибудь несчастного еврея-парикмахера могли годами держать «в отказе» за то, что он 20 лет назад, служа в армии писарем, видел какой-то секретный документ о необходимости уменьшения суточного довольствия срочной службы маргарином. Но в начале 70-х годов в Америку по израильской визе выехала группа инженеров-ракетчиков, половина которых и не была евреями. Американцы, надеясь на свою палубную авиацию, весьма отстали в разработках тактических ракет ближнего и среднего радиуса действия, работающих в так называемом «дозвуковом режиме». Буквально за три года они в этой области опередили СССР, не проводя никаких предварительных исследований и разработок. на похоронах Максвелла в Иерусалиме официальный представитель израильского правительства, перечисляя заслуги покойного, отметил: «Роберт Максвелл сделал многое для обеспечения безопасности Израиля». И не только Израиля!

39

У Максвелла были очень теплые отношения с Горбачевым. Последний генсек, видимо, не имел никаких комплексов. Он позволил многим фирмам, в частности, японской «Икэгами Цусинки», использовать собственное изображение в рекламе. Не бесплатно, конечно. А принадлежащий Максвеллу телеканал новостей «Си-Би-Си» как-то проговорился, что директором их программы является президент СССР. Как говаривал Бабель: «Никто не знает, где кончается Беня и начинается полиция».

40

По причинам, известным только КПСС, в Ленинграде высшей инстанцией является обком, а низшей, горком. В Москве же наоборот — горком выше обкома.

41

«Полиция» — в данном случае генерал КГБ Александр Николаевич Стерлигов — личность даже для нашего времени прелюбопытнейшая. Во время «путча» он был одним из активнейших защитников Белого Дома и даже лично арестовал своего шефа Крючкова. Затем Стерлигов в многочисленных интервью всячески обвинял Крючкова, особенно напирая на то, что бывший шеф КГБ собирался начать охоту за «агентами влияния», в число которых мог попасть любой, хотя бы за ношение финской футболки или германских кроссовок. В дальнейшем Стерлигов стал руководить аппаратом вице-президента Руцкого, подвергаясь нападкам и справа, и слева. Левые не могли простить Стерлигову его «чекистского» прошлого, а правые — неуемную страсть к приватизации. За короткий период генерал Стерлигов, по их уверениям, умудрился приватизировать две государственные дачи и две квартиры (каждая по 80 кв. м). В итоге генерал Стерлигов плюнул на всех и организовал собственную «Русскую партию», чья идейная платформа, кроме борьбы с сионизмом до полной победы, содержала еще обещание выдать каждой русской семье после прихода к власти 1 миллион долларов (видимо, из фондов «Алисы»). Всем желающим выдавались (и выдаются до сих пор) соответствующие сертификаты. Давая интервью Невзорову, генерал Стерлигов подтвердил подозрения своего сидящего за решеткой шефа о том, что во всем виноваты «агенты влияния». Говоря морским языком, генерал КГБ Стерлигов, совершив «координант» влево, снова вышел на прежний курс, что и отрадно. Лучше быть богатым и честным, чем бедным, но жуликом.